

NIION 2003-0059
MOSURED 77/27-003

ISSN 2073-0454 (Print)
ISSN 2782-5698 (Online)

ВЕСТНИК

Московского университета МВД России

Рекомендован Перечнем ВАК при Министерстве науки
и высшего образования Российской Федерации

Журнал включен
в Российский индекс
научного цитирования
(РИНЦ)

3

2025

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Е. Н. Бегалиев,

доктор юридических наук, профессор, почетный работник образования РК (Республика Казахстан)

С. А. Боголюбов,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

Г. А. Василевич,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РБ (Республика Беларусь)

К. К. Гасанов,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный сотрудник органов внутренних дел РФ

В. И. Елинский,

доктор юридических наук, профессор, почетный сотрудник Следственного комитета РФ

А. Е. Епифанов,

доктор юридических наук, профессор

С. С. Жевлакович,

кандидат социологических наук, доцент, заслуженный работник высшей школы РФ

О. В. Зиборов

доктор юридических наук, профессор

И. А. Калининченко,

кандидат педагогических наук

О. Г. Карпович,

доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

В. Л. Кубышко,

заместитель Министра внутренних дел РФ, кандидат педагогических наук

С. С. Маилян,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ

А. Л. Миронов,

кандидат юридических наук, доцент

А. А. Реан,

доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

Н. В. Румянцев,

доктор юридических наук, доцент

Д. Субошич,

кандидат юридических наук, профессор (Республика Сербия)

В. Ю. Федорович,

кандидат юридических наук, доцент

Ю. А. Цыпкин,

доктор экономических наук, профессор

Б. С. Эбзеев,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, судья Конституционного суда РФ (в отставке)

Н. Д. Эриашвили,

кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доктор экономических наук, профессор, почетный работник сферы образования РФ, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, лауреат премии Правительства РФ в области образования

E. N. Begaliev,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Worker of Education of the RK (Republic of Kazakhstan)

S. A. Bogolyubov,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of Russia

G. A. Vasilevich,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the RB (Republic of Belarus)

K. K. Gasanov,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Employee of the internal affairs bodies of Russia

V. I. Elinskiy,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Employee of Investigate Committee of Russia

A. E. Epifanov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

S. S. Zhevlakovich,

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Honored Worker of Higher School of Russia

O. V. Ziborov

Doctor of Legal Sciences, Professor

I. A. Kalinichenko,

Candidate of Pedagogical Sciences

O. G. Karpovich,

Doctor of Legal Sciences, Doctor of Political Sciences, Professor, Honored Scientist of Russia

V. L. Kubysenko,

Deputy Minister of Internal Affairs of Russia, Candidate of Pedagogical Sciences

S. S. Mailyan,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of Russia

A. L. Mironov,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

A. A. Rean,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honored Scientist of Russia

N. V. Rumyantsev,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

D. Subošić,

PhD, Professor (Republic of Serbia)

V. Yu. Fedorovich,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Yu. A. Tsypkin,

Doctor of Economic Sciences, Professor

B. S. Ebzeev,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of Russia, Honored Lawyer of Russia, Judge of the Constitutional Court of Russia (Retired)

N. D. Eriashvili,

Candidate of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor, Honorary Worker of Education of Russia, Winner of an Award of the Government of Russia in the Field of Science and Technology, Winner of an Award of the Government of Russia in the field of Education

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

EDITORIAL COUNCIL

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

- А. Х. Абашидзе,**
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ
- С. В. Алексеев,**
доктор юридических наук, профессор, почетный
работник высшего профессионального образования РФ,
заслуженный юрист РФ
- Ю. М. Антонян,**
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ
- А. В. Барков,**
доктор юридических наук, профессор
- А. Р. Белкин,**
доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН
- Е. В. Богданов,**
доктор юридических наук, профессор
- А. А. Власов,**
доктор юридических наук, профессор
- Т. М. Гандилов,**
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ
- М. М. Дикажев,**
доктор юридических наук, доцент
- В. В. Долинская,**
доктор юридических наук, профессор
- А. В. Ендольцева,**
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ
- Л. Г. Ефимова,**
доктор юридических наук, профессор
- О. Д. Жук,**
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник прокуратуры РФ
- С. М. Зырянов,**
доктор юридических наук, профессор
- С. В. Иванцов,**
доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник МВД России
- О. Ю. Ильина,**
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ
- Н. Г. Кадников,**
доктор юридических наук, профессор, почетный
работник высшего профессионального образования РФ
- Р. А. Каламкарян,**
доктор юридических наук, профессор
- В. П. Камышанский,**
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего образования РФ
- И. Б. Кардашова,**
доктор юридических наук, профессор

LEGAL SCIENCES

- A. Kh. Abashidze,**
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer
of Russia, Honored Worker of Science of Russia
- S. V. Alekseev,**
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Worker
of Higher Professional Education of Russia,
Honored Lawyer of Russia
- Yu. M. Antonyan,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia
- A. V. Barkov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- A. R. Belkin,**
Doctor of Legal Sciences, Professor, Member of RANS
- E. V. Bogdanov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- A. A. Vlasov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- T. M. Gandilov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia
- M. M. Dikazhev,**
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor
- V. V. Dolinskaya,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- A. V. Endoltseva,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia
- L. G. Efimova,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- O. D. Zhuk,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Prosecutor of Russia
- S. M. Zyryanov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- S. V. Ivantsov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia
- O. Yu. Plyina,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia
- N. G. Kadnikov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Worker
of Higher Professional Education of Russia
- R. A. Kalamkaryan,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- V. P. Kamyshanskiy,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Higher Education of Russia
- I. B. Kardashova,**
Doctor of Legal Sciences, Professor

А. И. Клименко,

доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник МВД России

Н. А. Колоколов,

доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного Суда РФ (в отставке)

М. В. Костенников,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный сотрудник органов внутренних дел РФ

А. Н. Кузбагаров,

доктор юридических наук, профессор

Р. А. Курбанов,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ

С. Я. Лебедев,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. Н. Левушкин,

доктор юридических наук, профессор

Н. П. Майлис,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ

В. П. Малахов,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Н. Ф. Медушевская,

доктор юридических наук, доцент

Г. Б. Мирзоев,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Н. В. Михайлова,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Р. С. Мулукаев,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН

Н. Г. Муратова,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Татарстан

С. М. Никитюк,

кандидат юридических наук

С. Л. Никонович,

доктор юридических наук, доцент

Ш. М. Нурадинов,

доктор юридических наук, профессор

А. М. Осавелюк,

доктор юридических наук, профессор

Р. Б. Осокин,

доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник МВД России

А. С. Прудников,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

К. Е. Сигалов,

доктор юридических наук, профессор

А. В. Симоненко,

доктор юридических наук, профессор

Д. П. Стригунова,

доктор юридических наук, доцент

A. I. Klimenko,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Employee
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

N. A. Kolokolov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Judge of Supreme Court of Russia (Resigned)

M. V. Kostennikov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Employee of the internal affairs bodies of Russia

A. N. Kuzbagarov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

R. A. Kurbanov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia, Honored Scientist of Russia

S. Ya. Lebedev,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. N. Levushkin,

Doctor of Legal Sciences, Professor

N. P. Maylis,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer
of Russia, Honored Worker of Science of Russia

V. P. Malakhov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

N. F. Medushevskaya,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

G. B. Mirzoev,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

N. V. Mikhaylova,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

R. S. Mulukaev,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia, Member of RANS

N. G. Muratova,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan

S. M. Nikityuk,

Candidate of Legal Sciences

S. L. Nikonovich,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

S. M. Nuradinov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

A. M. Osavelyuk,

Doctor of Legal Sciences, Professor

R. B. Osokin,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Employee
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

A. S. Prudnikov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

K. E. Sigalov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

A. V. Simonenko,

Doctor of Legal Sciences, Professor

D. P. Strigunova,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

Л. В. Туманова,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Е. Н. Хазов,

доктор юридических наук, профессор

О. В. Химичева,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы России

Л. А. Чеговадзе,

доктор юридических наук, профессор

Н. М. Чепурнова,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. П. Шергин,

доктор юридических наук,
заслуженный деятель науки РФ

Б. С. Эбзеев,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ,
судья Конституционного суда РФ (в отставке)

А. Б. Янишевский,

доктор юридических наук

L. V. Tumanova,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

E. N. Khazov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

O. V. Khimicheva,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

L. A. Chegovadze,

Doctor of Legal Sciences, Professor

N. M. Chepurnova,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. P. Shergin,

Doctor of Legal Sciences,
Honored Worker of Science of Russia

B. S. Ebzeev,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Honored Lawyer of Russia,
Judge of the Constitutional Court of Russia (retired)

A. B. Yanishevskiy,

Doctor of Legal Sciences

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Т. А. Агапова,

доктор экономических наук, профессор

Ю. Т. Ахвледиани,

доктор экономических наук, профессор

В. И. Бобошко,

доктор экономических наук, профессор

Р. П. Булыга,

доктор экономических наук, профессор

Л. П. Дашков,

доктор экономических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Д. В. Дианов,

доктор экономических наук, профессор

А. Ф. Дятлова,

доктор экономических наук, профессор

Р. В. Илюхина,

доктор экономических наук, профессор

В. Г. Когденко,

доктор экономических наук, профессор

Е. Н. Колесникова,

доктор экономических наук, доцент

Е. И. Кузнецова,

доктор экономических наук, профессор

Н. П. Купрещенко,

доктор экономических наук, профессор

А. Н. Литвиненко,

доктор экономических наук, профессор,
заслуженный экономист РФ

И. А. Майбуров,

доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

В. Б. Мантусов,

доктор экономических наук, профессор

ECONOMIC SCIENCES

T. A. Agapova,

Doctor of Economic Sciences, Professor

Yu. T. Akhvlediani,

Doctor of Economic Sciences, Professor

V. I. Boboshko,

Doctor of Economic Sciences, Professor

R. P. Bulyga,

Doctor of Economic Sciences, Professor

L. P. Dashkov,

Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

D. V. Dianov,

Doctor of Economic Sciences, Professor

A. F. Dyatlova,

Doctor of Economic Sciences, Professor

R. V. Ilyuhina,

Doctor of Economic Sciences, Professor

V. G. Kogdenko,

Doctor of Economic Sciences, Professor

E. N. Kolesnikova,

Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

E. I. Kuznetsova,

Doctor of Economic Sciences, Professor

N. P. Kupreshchenko,

Doctor of Economic Sciences, Professor

A. N. Litvinenko,

Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Economist of Russia

I. A. Mayburov,

Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

V. B. Mantusov,

Doctor of Economic Sciences, Professor

В. С. Осипов,

доктор экономических наук, профессор

Г. Б. Поляк,

доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН

С. Г. Симагина,

доктор экономических наук, профессор

А. Е. Суглобов,

доктор экономических наук, профессор, заслуженный
экономист РФ, заслуженный деятель науки РФ

Н. В. Цхададзе,

доктор экономических наук, профессор

V. S. Osipov,

Doctor of Economic Sciences, Professor

G. B. Polyak,

Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia, Member of RANS

S. G. Simagina,

Doctor of Economic Sciences, Professor

A. E. Suglobov,

Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored
Economist of Russia, Honored Scientist of Russia

N. V. Tskhadadze,

Doctor of Economic Sciences, Professor

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

В. С. Агапов,

доктор психологических наук, профессор

И. В. Грошев,

доктор психологических наук, доктор экономических наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ,
лауреат премии Правительства РФ
в области образования

В. Ф. Енгальчев,

доктор психологических наук, профессор

А. Г. Караяни,

доктор психологических наук, профессор, заслуженный
деятель науки РФ, лауреат Государственной премии РФ
им. Маршала Советского Союза Г. К. Жукова

В. М. Крук,

доктор психологических наук, профессор

Л. Н. Костина,

доктор психологических наук, профессор

И. Б. Лебедев,

доктор психологических наук, профессор

В. Л. Ситников,

доктор психологических наук, профессор

С. Н. Федотов,

доктор психологических наук, профессор

В. Л. Цветков,

доктор психологических наук, профессор

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

V. S. Agapov,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

I. V. Groshev,

Doctor of Psychological Sciences,
Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored Worker
of Science of Russia, Winner of an Award of the Government
of Russia in the field of Education

V. F. Engalychev,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

A. G. Karayani,

Doctor of Psychological Sciences, Professor, Honored Worker
of Science of Russia, Laureate of the State Prize of Russia
named after Marshal of the Soviet Union G. K. Zhukov

V. M. Kruk,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

L. N. Kostina,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

I. B. Lebedev,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

V. L. Sitnikov,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

S. N. Fedotov,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

V. L. Tsvetkov,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

С. Р. Аблеев,

доктор философских наук, доцент

В. Ю. Бельский,

доктор философских наук, профессор

В. А. Волох,

доктор политических наук, профессор,
почетный работник ФМС России

А. Л. Золкин,

доктор философских наук, доцент

А. Д. Иоселиани,

доктор философских наук, профессор

S. R. Ableev,

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

V. Yu. Belsky,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor

V. A. Volokh,

Doctor of Political Science, Professor,
Honorary Employee of the Federal Migration Service of Russia

A. L. Zolkin,

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

A. D. Ioseliani,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский университет
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12

Научный редактор,
ответственный за издание,
лауреат премии
Правительства РФ
в области науки и техники,
лауреат премии
Правительства РФ
в области образования,
доктор экономических наук,
кандидат юридических наук,
кандидат исторических наук,
профессор, почетный работник
сферы образования РФ
Н. Д. Эриашвили
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Тел. 8 (499) 740-68-30

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор
М. А. Андронаки

Старший редактор
В. С. Клементьева

Ответственный секретарь
А. В. Петрушина

Номер подготовили:
Л. С. Антоненко,
А. И. Антопина

При участии:
М. И. Никитин

Дизайн и верстка:
О. А. Головлева

Журнал зарегистрирован
Министерством Российской
Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций

Свидетельство
о регистрации № 77-14723

Индекс по каталогу Агентства
«Урал-Пресс Округ» — 84629

Адрес редакции:
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12
Тел. 8 (499) 789-67-35
E-mail:
vestnik.mosu.mvd@mail.ru
<https://vk.com/mosumvd.official>

ВЕСТНИК**МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ****Содержание** ❁ № 3 • 2025**ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**

Теоретико-исторические правовые науки
Публично-правовые (государственно-правовые) науки
Частноправовые (цивилистические) науки
Уголовно-правовые науки
Международно-правовые науки

АХЪЯДОВ Э. С.-М. Стратегии противодействия информационному терроризму в современной России: институциональные, правовые и социальные аспекты	10
БАСИЕВ М. С. К вопросу о совершенствовании бюджетного федерализма в Российской Федерации	17
БУЛАТОВ Р. Б. Культурная интеграция мигрантов в российское общество: проблемы и подходы к их решению	25
ВАШАЕВ М. А. Проблемные вопросы нормативного регулирования административного задержания в деятельности органов внутренних дел (полиции)	30
ГРИГОРЬЕВ А. И. Новая доктрина налоговой и бюджетной системы Российской Федерации в 2025 г. Какие перспективы ожидают участников в налогово-бюджетной сфере?	34
ЗУБАЧ А. В., ПОПОВ О. В. Цифровая трансформация современной системы административно-правового регулирования государственного управления в Российской Федерации	46
КОНСТАНТИНОВ А. В. Правовые и этические основы поиска и анализа информации с помощью методов OSINT	51
КОРАБЕЛЬНИКОВА Ю. Л. О значении программы ООН-Хабитат в обеспечении безопасности городов	56
КУЗЬМЕНКО Ю. А., ВОРОНИНА А. В. Перспективы развития правового регулирования цифровых финансовых активов и цифровой валюты	62
КУРГУЗКИНА Е. Б., ВЛАСОВА Н. А. Спорные вопросы прекращения уголовного дела в связи с истечением срока давности уголовного преследования	69
КУТЯКИН С. А. Шоуплифтинг — история, современное состояние и проблемы противодействия противоправному феномену	77
ЛАТЫПОВ В. С., ФАДЕЕВ П. В. Проблемы внедрения информационных технологий в уголовное судопроизводство России	84
НУРАДИНОВ Ш. М., КУРДЮК П. М. Актуальные проблемы квалификации фиктивной постановки на миграционный учет	91
ПОПОВ В. И., РАКОВ К. А. К проблеме языкового стиля ведомственных нормативных правовых актов	99
ПУШКАРЕВ В. В. Весы Фемиды: ретроспектива и компаративистика изменений института прекращения уголовного преследования	109
РАМАЗАНОВА К. К. К вопросу влияния норм морали и нравственности на формирование принципов гражданского права и реализацию его функций	117
РЯБЗИН Р. А. Система вещных прав: о возможных вариантах построения на современном этапе развития гражданского законодательства	122
САТУШИЕВА Л. Х. Об исключительности правового регулирования кровной мести в Российской Федерации	129

• Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов. В первую очередь редакция публикует материалы своих подписчиков.

• При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов журнала «Вестник Московского университета МВД России» ссылка на журнал обязательна.

• В соответствии со ст. 42 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», письма, адресованные в редакцию, могут быть использованы в сообщениях и материалах данного средства массовой информации, если при этом не искажается смысл письма. Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение. Никто не в праве обязать редакцию опубликовать отклоненное ею произведение, письмо, другое сообщение или материал, если иное не предусмотрено законом.

Формат 60x84 1/8.
Печать офсетная.
Тираж 1500 экз.
(1-й завод — 300).

Заказ № 55

Подписано в печать 19.06.2025
Цена договорная

**Московский университет
МВД России
имени В.Я. Кикота
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12**

**Подписной индекс Агентства
«Урал-Пресс Округ» 84629,
или на сайте Научной
электронной библиотеки:
<http://elibrary.ru>**

САФОНОВ А. А. Цифровое правосудие: правовые и процессуальные вопросы применения видеотехнологий в следственных действиях и судопроизводстве	133
СОКОЛОВ А. П. Правовая неопределенность в институте субсидиарной ответственности контролирующего должника лица: анализ судебной практики и пути совершенствования законодательства	142
СОЛОМАТИНА Е. А. Административно-правовые средства стимулирования ИТ-отрасли в Российской Федерации	148
СТРИГУНОВА Д. П. Проблемы и перспективы частноправового регулирования отношений, связанных с государственной собственностью Союзного государства России и Беларуси	152
ТИШУТИНА И. В. Расследование преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: актуальные вопросы правового обеспечения	160
ЮСУПОВ М.-Б. Р. Теоретико-правовой анализ категории усмотрения в гражданском праве	166
ЯНИШЕВСКИЙ А. Б. Правовые основы деятельности правоохранительных органов Российской Федерации по противодействию киберпреступности	172

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

*Региональная и отраслевая экономика
Финансы*

БОБОШКО В. И. Новеллы налогового и бюджетного законодательства в Российской Федерации в современных условиях	176
БОБОШКО Н. М., ВЕСЕЛКИНА С. А. Оценка эффективности и направления совершенствования специальных налоговых режимов для субъектов малого предпринимательства в Российской Федерации	182
БЫКОВСКАЯ Ю. В. Бюджетная политика Российской Федерации: сущность, эффективность, роль в обеспечении экономической безопасности	190
ЕКИМОВА К. В., ОРДОВ К. В. Направления оптимизации бюджетного процесса в условиях экономической нестабильности	200
ИНШАКОВА А. О., МАТЫЦИН Д. Е. AI-регулирование преодоления разрыва между рынком высшего образования и рынком труда в «умных» регионах России	215
КУБАТИЕВА Л. М. Комплаенс-контроль в системе внутреннего контроля организации	222

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Общая психология, психология личности, история психологии

БЕЛИНСКАЯ Д. Б. Сравнительный анализ дистресса и профессиональной деформации у сотрудников МВД, работающих в разных подразделениях	226
БУЛГАКОВ А. В. Ассоциативная диагностика особенностей социальной ментальности сотрудников ОВД	232
КРАВЦОВ О. Г. Проблема изучения психологических условий формирования субъекта профессиональной деятельности	239
ПОЗИН А. И. Психологические особенности эмоционально-деструктивного типа профессиональной деформации личности сотрудников органов внутренних дел	244

FOUNDER:

Moscow University
of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian
Federation

117997, Moscow,
Akademika Volgina, d. 12

*Scientific editor, responsible
for the publication, the Winner
of the Award of the Government
of the Russian Federation in the
field of science and technics,
the Winner of the Award
of the Government*

*of the Russian Federation
in the field of education,
Doctor of Economic Sciences,
Candidate of Legal Sciences,
Candidate of Historical
Sciences, Professor, Honorary
Worker of Education of Russia*

N. D. Eriashvili

E-mail: nodari@unity-dana.ru

Tel. 8 (499)740-68-30

EDITORIAL STAFF:

Editor-in-Chief

M. A. Andronaki

Senior editor

V. S. Klementieva

Executive secretary

A. V. Petrushina

This issue has been prepared by:

L. S. Antonenko,

A. I. Antoshina

With participation of:

M. I. Nikitin

Design and layout:

O. A. Golovleva

The journal is registered
by Ministry for Press,
Broadcasting and Mass
Communications
of the Russian Federation

The certificate of registration

№ 77-14723

Zip Code at the List of the Agency

«Ural-Press Okrug» — 84629

Editorial Staff adress:

117997, Moscow,

Akademika Volgina, d. 12

Tel. 8 (499) 789-67-35

E-mail:

vestnik.mosu.mvd@mail.ru

<https://vk.com/mosumvd.official>

BULLETIN

OF THE MOSCOW UNIVERSITY OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Contents № 3 • 2025

JURISPRUDENCE

Theoretical and historical legal sciences

Public law (state law) sciences

Private law (civilistic) sciences

Criminal law sciences

International law sciences

AKHYADOV E. S.-M. Strategies for countering information terrorism in modern Russia: institutional, legal and social aspects	10
BASIEV M. S. On the issue of improving budgetary federalism in the Russian Federation	17
BULATOV R. B. Cultural integration of migrants into Russian society: problems and approaches to their solution	25
VASHAEV M. A. Problematic issues of regulatory regulation of administrative detention in the activities of law enforcement agencies (police)	30
GRIGORIEV A. I. The new doctrine of the tax and budgetary system of the Russian Federation in 2025. What prospects do the participants expect in the fiscal sphere?	34
ZUBACH A. V., POPOV O. V. Digital transformation of the modern system of administrative and legal regulation of public administration in the Russian Federation	46
KONSTANTINOV A. V. Legal and ethical foundations of information retrieval and analysis using OSINT methods	51
KORABELNIKOVA YU. L. On the importance of the UN-Habitat program in ensuring urban safety	56
KUZMENKO YU. A., VORONINA A. V. Prospects for the development of legal regulation of digital financial assets and digital currency	62
KURGUZKINA E. B., VLASOVA N. A. Controversial issues of termination of criminal case due to expiration of the statute of limitations for criminal prosecution	69
KUTYAKIN S. A. Shoplifting — history, current state and problems of countering the illegal phenomenon	77
LATYPOV V. S., FADEEV P. V. Problems of introducing information technologies into criminal proceedings in Russia	84
NURADINOV SH. M., KURDYUK P. M. Actual problems of qualification of fictitious registration on migration registration	91
POPOV V. I., RAKOV K. A. On the problem of the linguistic style of departmental regulatory legal acts	99
PUSHKAREV V. V. Scales of Themis: a retrospective and comparative analysis of changes in the institution of termination of criminal prosecution	109
RAMAZANOVA K. K. On the issue of the influence of moral norms on the formation of the principles of civil law and the implementation of its functions	117
RYABZIN R. A. The system of property rights: possible options for composition at the current stage of civil legislation development	122
SATUSHIEVA L. KH. On the exclusivity of legal regulation blood feud in the Russian Federation	129

- The opinion of editorial staff may not coincide with the point of view of the authors of publications. The responsibility of publications maintenance and reliability of the facts lies on authors. First of all editorial staff publishes materials of the subscribers.

- At a reprint or reproduction by any method, in full or in part journal materials of the Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia the reference to the journal is obligatory.

- In accordance with the Law of the Russian Federation «About mass media» of 27 December 1991 № 2124-1, letters addressed to the editorial staff, may be used in messages and materials of mass media, if it does not distort the meaning of the letter. Editorial staff is not obliged to answer letters of citizens and to remit these letters to those bodies, the organizations and officials, whose competence includes their consideration. Nobody has the right to oblige editorial staff to publish the product, the letter, other message or a material that has been dismissed earlier, if other is not statutory.

Format 60x84 1/8.

Offset printing

Circulation 1500 copies

(1st batch — 300)

Order № 55

*It is sent for the press 19.06.2025
Contractual price*

**Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs
of Russian Federation
named after V.Ya. Kikot'
117997, Moscow,
ul. Akademika Volgina, d. 12**

**Zip Code at the List
of the Agency «Ural-Press
Okrug» 84629, or on the website
Scientific electronic library:
<http://elibrary.ru>**

SAFONOV A. A. Digital justice: legal and procedural issues of video technology application in investigative actions and proceedings.	133
SOKOLOV A. P. Legal uncertainty concerning subsidiary liability of controlling persons: an analysis of Russian judicial practice and paths for legislative improvement	142
SOLOMATINA E. A. Administrative and legal means of stimulating the IT-industry in the Russian Federation	148
STRIGUNOVA D. P. Problems and prospects for private law regulation of relations related to the state property of the Union State of Russia and Belarus	152
TISHUTINA I. V. Investigation of crimes committed with the use of information and telecommunication technologies: current issues of legal support.	160
YUSUPOV M.-B. R. Theoretical and legal analysis of the category of discretion in civil law	166
YANISHEVSKY A. B. Legal basis for the activities of law enforcement agencies of the Russian Federation to counter cybercrime	172

ECONOMIC SCIENCE

*Regional and sectoral economics
Finance*

BOBOSHKO V. I. Innovations in tax and budget legislation in the Russian Federation in modern conditions	176
BOBOSHKO N. M., VESELKINA S. A. Assessment of the effectiveness and directions for improving special tax regimes for small businesses in the Russian Federation.	182
BYKOVSKAYA YU. V. Budget policy of the Russian Federation: essence, efficiency, role in ensuring economic security.	190
EKIMOVA K. V., ORDOV K. V. Directions for optimization of the budget process in conditions of economic instability	200
INSHAKOVA A. O., MATYTSIN D. E. AI-regulation of bridging the gap between the higher education market and the labor market in «smart» regions of Russia.	215
KUBATIEVA L. M. Compliance control in the organization's internal control system	222

PSYCHOLOGICAL SCIENCE

General psychology, personality psychology, history of psychology

BELINSKAYA D. B. Comparative analysis of distress and professional deformation among employees of the Ministry of Internal Affairs working in different departments	226
BULGAKOV A. V. Associative diagnostics of the features of social mentality of the employees of the internal affairs bodies.	232
KRAVTSOV O. G. The problem of studying psychological conditions of formation of the subject of professional activity	239
POZIN A. I. Psychological peculiarities of emotional and destructive type of professional deformation of personality of internal affairs officers	244

Научная статья

УДК 343.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-10-16>

EDN: <https://elibrary.ru/vyqxdl>

ИПОН: 2003-0059-3/25-293

MOSURED: 77/27-003-2025-03-492

Стратегии противодействия информационному терроризму в современной России: институциональные, правовые и социальные аспекты

Эльман Саид-Мохмадович Ахьядов

Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова, Грозный, Россия, Akhyadov1990@mail.ru

Аннотация. Исследуются актуальные вызовы, связанные с информационным терроризмом в условиях цифровизации российского общества. Анализируется комплекс мер, направленных на противодействие данному явлению, включая правовое регулирование, технологические решения и социально-образовательные инициативы. Особое внимание уделяется роли государственных институтов, медиабезопасности и киберпространству как ключевым элементам национальной безопасности. На основе анализа работ российских ученых предлагается многоуровневая модель противодействия, сочетающая законодательные ограничения, технологические инновации и повышение медиаграмотности населения. Результаты исследования подчеркивают необходимость межведомственного взаимодействия и международной кооперации для минимизации угроз.

Ключевые слова: информационный терроризм, кибербезопасность, медиабезопасность, правовое регулирование, социальные институты, Россия

Для цитирования: Ахьядов Э. С.-М. Стратегии противодействия информационному терроризму в современной России: институциональные, правовые и социальные аспекты // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 3. С. 10–16. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-10-16>. EDN: VYQXDL.

Original article

Strategies for countering information terrorism in modern Russia: institutional, legal and social aspects

Elman S.-M. Akhyadov

Chechen State University named after A.A. Kadyrov, Grozny, Russia, Akhyadov1990@mail.ru

Abstract. The study examines the current challenges associated with information terrorism in the conditions of digitalization of Russian society. It analyzes a set of measures aimed at countering this phenomenon, including legal regulation, technological solutions and social and educational initiatives. Special attention is paid to the role of state institutions, media security and cyberspace as key elements of national security. Based on the analysis of Russian scientists' works, a multilevel model of counteraction is proposed, combining legislative restrictions, technological innovations and increasing media literacy of the population. The results of the study emphasize the need for interagency cooperation and international cooperation to minimize threats.

Keywords: information terrorism, cybersecurity, media security, legal regulation, social institutions, Russia

For citation: Akhyadov E. S.-M. Strategies for countering information terrorism in modern Russia: institutional, legal and social aspects. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(3):10–16. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-10-16>. EDN: VYQXDL.

Введение. Вся история человеческого развития является ярким свидетельством тому, как информационные данные могли выступать не только в качестве средства, но и объекта противоборства, при этом иметь существенное значение при достижении всевозможных побед, тем самым влияя на определение судьбы не только отдельной страны, но и мощных военно-политических блоков. И не случайно вопросы роли и места информационных факторов занимают центральное место в истории.

Методика исследования. В основу работы положены сравнительно-правовой, формально-юридический и социологический методы, анализ статистики и междисциплинарный подход. Это позволило систематизировать стратегии противодействия информационному терроризму, включая правовые, технологические и образовательные механизмы.

Осуществляемое в отношении населения воздействие различными информационными сведениями требует контроля не только со стороны граждан-

© Ахьядов Э. С.-М., 2025

ского общества, но и различных государственных структур в лице правоохранительных органов, поскольку неконтролируемое информационное пространство, помимо различных информационных конфликтов, может нести в себе явные либо скрытые деструктивные угрозы, в том числе террористического характера, негативно сказывающиеся на состоянии российского общества.

Информационный терроризм, как инструмент дестабилизации общества, приобрел в XXI в. глобальный масштаб. В России, где цифровизация охватила все сферы жизни, угрозы проявляются в форме кибератак на критическую инфраструктуру, распространения фейковых новостей и манипуляций общественным мнением. Например, в 2022 г. Роскомнадзор зафиксировал более 150 тыс. случаев распространения запрещенного контента, связанного с террористической пропагандой. Актуальность исследования обусловлена необходимостью защиты цифрового суверенитета и психического здоровья граждан. Цель статьи — систематизировать стратегии противодействия, включая правовые, технологические и социальные механизмы. Задачи: анализ эффективности законодательства, оценка роли ИИ-технологий, разработка рекомендаций по медиаобразованию.

Информационный терроризм определяется как «использование информационных ресурсов для нанесения ущерба государству, обществу или отдельным лицам через дезинформацию, кибератаки или психологические манипуляции» [2]. В отличие от классического терроризма, он не требует физического насилия, но способен парализовать работу институтов, дестабилизировать общественное сознание, подорвать доверие к государственным органам и создать хаос в социально-политической сфере. Одним из примеров является атака на сайты государственных органов, массовая дезинформация в социальных сетях, а также манипулятивное использование цифровых технологий для провокации массовых беспорядков.

Информационный терроризм может быть классифицирован по нескольким критериям.

1. По способу воздействия:

- ◆ дезинформационный терроризм (распространение ложных сведений);
- ◆ кибертерроризм (атаки на информационные системы, взломы);

- ◆ психологический терроризм (использование страха и паники для управления обществом).

2. По субъектам:

- ◆ индивидуальный информационный терроризм (активность отдельных лиц, хакеров, блогеров);
- ◆ групповой (организованные преступные сообщества, террористические организации);
- ◆ государственный (использование информационного терроризма как инструмента геополитического давления).

3. По целям:

- ◆ политический (дискредитация власти, провокация протестов);
- ◆ экономический (атаки на финансовые системы, обрушение биржевых котировок);
- ◆ социальный (распространение паники, дестабилизация общества).

Российское законодательство в сфере информационной безопасности начало формироваться в начале 2000-х гг. в ответ на рост угроз, связанных с распространением деструктивной информации, киберпреступности и манипуляции общественным сознанием через цифровые технологии. Основные законодательные акты в этой сфере включают:

- ◆ **Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (2006 г.)**. Этот закон стал базовым для регулирования цифровой сферы, в том числе устанавливает нормы по ограничению доступа к интернет-ресурсам, содержащим запрещенные материалы. В частности, с его помощью государство регулирует блокировку сайтов, распространяющих экстремистские материалы, призывы к насилию, а также пропаганду терроризма;

- ◆ **Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» (2002 г.)**. Включает нормы, направленные на борьбу с распространением экстремистских материалов в сети Интернет. В 2012 г. к нему были внесены поправки, позволившие в досудебном порядке блокировать сайты, содержащие экстремистский контент;

- ◆ **Федеральный закон «О фейковых новостях» (2019 г.)**. Ввел административную ответственность за распространение заведомо ложной информации, способной нанести вред обществу. Согласно закону, распространение недостоверных сведений, угрожающих жизни и здоровью граждан, может повлечь наложение штрафов для:

- ◆ физических лиц — до 400 тыс. руб.;
- ◆ должностных лиц — до 900 тыс. руб.;
- ◆ юридических лиц — до 1,5 млн руб.

Несмотря на наличие законодательных актов, регулирование информационной безопасности в России сталкивается с рядом проблем, например, отсутствие четких критериев «фейковой информации». В законе 2019 г. не раскрывается, какие именно сведения можно считать заведомо ложными, что создает риски субъективного правоприменения.

Современные угрозы, такие как дипфейки, алгоритмическая манипуляция общественным мнением и применение нейросетей для генерации дезинформации, остаются вне сферы регулирования или регулируются недостаточно оперативно.

Вопросы свободы слова и защиты персональных данных требуют балансировки между национальными интересами и соблюдением международных обязательств.

Анализ судебной практики показывает, что одни и те же нормы могут применяться по-разному, что подчеркивает необходимость унификации подходов и разъяснения отдельных положений законов.

Развитие законодательства в сфере информационной безопасности идет в направлении усиления государственного контроля над распространением информации. Однако для повышения его эффективности необходимы устранение правовых пробелов, введение четких определений терминов, а также адаптация законодательства к новым вызовам цифровой эпохи.

Современный цифровой терроризм представляет собой угрозу национальной и международной безопасности и требует комплексного подхода к противодействию. Использование информационно-коммуникационных технологий террористическими группами для пропаганды, координации действий, кибератак и сбора финансирования делает необходимым развитие эффективных технологических мер противодействия.

Одной из первоочередных задач в борьбе с цифровым терроризмом является обеспечение кибербезопасности стратегически важных объектов, таких как энергетические системы, банковский сектор, транспорт и государственные сервисы. Это достигается путем:

- ◆ внедрения многоуровневых систем аутентификации и шифрования данных;

- ◆ регулярного обновления программного обеспечения и устранения уязвимостей;

- ◆ использования искусственного интеллекта и машинного обучения для выявления аномального поведения в сетях.

Цифровые платформы активно используются террористами для вербовки, координации действий и распространения идеологии. Противодействие этим угрозам требует:

- ◆ создания автоматизированных систем мониторинга, основанных на алгоритмах обработки больших данных;
- ◆ разработки методов выявления экстремистского контента с использованием нейросетей;
- ◆ совместной работы правоохранительных органов и интернет-компаний по блокировке террористических ресурсов.

Борьба с цифровым терроризмом невозможна без комплексного подхода, включающего технологические, правовые и организационные меры. Современные разработки в области кибербезопасности, мониторинга и искусственного интеллекта позволяют эффективно выявлять и предотвращать террористические угрозы, однако их успешное применение требует тесного сотрудничества между государственными структурами, частным сектором и международными партнерами.

Одним из ключевых инструментов борьбы с информационным терроризмом является образование. Оно позволяет формировать у граждан критическое мышление, навыки анализа информации и устойчивость к деструктивным воздействиям. В данном контексте можно выделить несколько направлений образовательной деятельности.

Формирование медиаграмотности среди школьников и студентов включает в себя обучение навыкам проверки источников информации — способность анализировать, оценивать и интерпретировать информацию, поступающую из различных источников: Интернета, телевидения, печатных изданий и социальных сетей. Важной частью медиаграмотности является понимание механизмов создания новостей, интересов медиакомпаний и алгоритмов цифровых платформ, влияющих на доступность информации.

Основные принципы проверки информации.

1. **Анализ источника** — необходимо оценить авторитетность ресурса, проверять, кто является автором материала, его квалификацию и репутацию.

2. **Фактическая проверка** — рекомендуется сверять сведения с другими надежными источниками, особенно с официальными организациями, научными публикациями и государственными структурами.

3. **Оценка объективности** — важно учитывать, существует ли явная предвзятость в подаче информации, используются ли манипулятивные методы, такие как эмоциональные заголовки и искажение фактов.

4. **Определение первоисточника** — информация, распространяемая в СМИ и соцсетях, часто является пересказом без ссылки на оригинальный источник. Важно находить первоисточник и оценивать его достоверность.

Формирование медиаграмотности у школьников и студентов является важной задачей современного образования. В условиях цифровой эпохи критическое мышление и способность к проверке информации становятся ключевыми навыками, позволяющими защищать себя от дезинформации, принимать взвешенные решения и осознанно воспринимать окружающую реальность. Внедрение образовательных программ по медиаграмотности поможет воспитать новое поколение сознательных и ответственных граждан.

Программы цифровой безопасности для граждан разных возрастных групп играют ключевую роль в обеспечении безопасности личных данных и профилактике киберугроз. Эти программы адаптированы для различных возрастных категорий, что позволяет обеспечить доступность и понятность материала для всех пользователей Интернета, независимо от их уровня технической подготовки. Рассмотрим подробнее программы, направленные на обучение граждан правилам безопасного поведения в Интернете и защите личных данных.

Для детей и подростков важно создать безопасную среду, в которой они смогут обучаться безопасному поведению в Интернете с раннего возраста. Образовательные программы для данной группы чаще всего ориентированы на игровые формы обучения, которые делают процесс увлекательным и понятным.

1. **Цели:** формирование осознанного подхода к личной безопасности, повышение осведомленности о киберугрозах (например, фишинг, буллинг, вирусы), и обучение основам защиты данных.

2. **Основные темы:**

◆ безопасное общение в социальных сетях и мессенджерах;

◆ правила создания сложных паролей;

◆ умение распознавать мошенничество в Интернете (например, обманы с помощью фишинга);

◆ основы защиты личных данных;

◆ использование антивирусных программ и обновлений программного обеспечения.

3. **Методы:** использование интерактивных обучающих игр, видеороликов, квестов и анимаций, что помогает лучше усваивать материал и применять знания на практике.

Для взрослой аудитории программы цифровой безопасности чаще всего нацелены на более глубокое осознание рисков, связанных с личными данными, и на обучение более сложным аспектам безопасности, таким как защита корпоративной информации и предотвращение киберугроз в повседневной жизни.

Пожилые люди часто оказываются наиболее уязвимой группой в Интернете, поскольку не всегда имеют достаточный опыт или навыки для защиты своих данных. Программы для этой аудитории часто фокусируются на простоте изложения материала и шаг за шагом обучают основам безопасного использования Интернета.

Образовательные программы цифровой безопасности для разных возрастных категорий играют важнейшую роль в повышении уровня осведомленности граждан о возможных угрозах в сети и обучении эффективным методам защиты личных данных. С помощью таких программ можно существенно снизить риски, связанные с кибермошенничеством и утечками данных, а также повысить общую цифровую грамотность населения.

Повышение квалификации государственных служащих в сфере информационной безопасности и борьба с информационным терроризмом являются важными элементами государственной политики в области защиты национальной безопасности. В условиях стремительного развития технологий и увеличения угроз в киберпространстве, государственные служащие должны обладать необходимыми знаниями и навыками для эффективного реагирования на вызовы информационной войны и борьбы с террористическими угрозами в Интернете.

По мнению А. А. Козлова, информационная безопасность представляет собой не только защиту от внешних атак, но и создание системы предотвращения и выявления угроз в пределах государственного аппарата [3]. Это требует постоянного повышения

квалификации сотрудников, поскольку изменения в технологии и методах работы преступников налагают новые требования к профессиональным навыкам. Программы повышения квалификации должны охватывать как теоретические основы информационной безопасности, так и практические аспекты, включая защиту персональных данных, борьбу с киберугрозами и понимание правовых аспектов информационной безопасности.

Таким образом, повышение квалификации государственных служащих в сфере информационной безопасности является необходимым шагом в укреплении системы защиты от информационного терроризма. Эффективная подготовка кадров обеспечит защиту национальных интересов в условиях современных угроз.

Образование тесно связано с социальными мерами, направленными на борьбу с информационным терроризмом.

Создание государственных и общественных программ по противодействию дезинформации является важным шагом в обеспечении национальной безопасности и защите общественного порядка в условиях глобализации и быстрого распространения информации. Дезинформация, распространяемая через различные каналы, включая социальные сети, медиа и интернет-платформы, представляет собой угрозу для стабильности общества, может нарушить функционирование политических институтов и подорвать доверие граждан к государственной власти.

По мнению В. Д. Карпова, дезинформация не только нарушает объективность общественного восприятия, но и способствует манипуляциям общественным мнением с целью дестабилизации ситуации в стране [4]. В связи с этим важнейшим элементом политики государства должно стать создание и внедрение программ, направленных на выявление, предотвращение и нейтрализацию угроз, связанных с распространением ложной информации. Такие программы должны включать как меры юридической ответственности для распространителей дезинформации, так и образовательные инициативы, направленные на повышение информационной грамотности населения.

Важным аспектом является взаимодействие государственных и общественных структур. Общественные организации и неправительственные инициативы могут сыграть ключевую роль в монито-

ринге и анализе дезинформации, а также в обучении граждан, особенно в вопросах критического восприятия информации. Как отмечает Е. А. Белова, важность общественных инициатив заключается в том, что они позволяют не только бороться с последствиями распространения дезинформации, но и предотвращать ее на ранних стадиях [5]. В условиях современного информационного общества, где каждый пользователь может стать источником как правдивой, так и ложной информации, гражданское общество играет значительную роль в укреплении общественного иммунитета к манипуляциям.

Создание эффективных программ по противодействию дезинформации требует комплексного подхода, включающего правовые, образовательные и общественные инициативы, а также межведомственное сотрудничество. Это обеспечит устойчивость общества к угрозам дезинформации и усилит защиту национальных интересов.

Формирование культуры ответственного потребления информации через социальные кампании играет важную роль в борьбе с информационным терроризмом, который становится все более актуальной угрозой в условиях цифровой трансформации общества. В последние годы внимание уделяется не только борьбе с информационными атаками, но и вопросам того, как граждане воспринимают и распространяют информацию. Ответственное потребление информации предполагает способность критически оценивать источники, различать факты от манипуляций и не становиться частью информационных атак, направленных на дестабилизацию общества.

По мнению А. Е. Дмитриева, ключевым аспектом формирования культуры ответственного потребления является повышение уровня медиаобразования и создание инициатив, способствующих развитию у граждан навыков аналитического подхода к потребляемой информации [6]. Социальные кампании, направленные на просвещение граждан, должны включать обучение тому, как распознавать фейки, дезинформацию и манипуляции в СМИ, а также призывать к осторожности при распространении непроверенных сведений.

В борьбе с информационным терроризмом, как утверждает Н. И. Савин, эффективная противодействующая стратегия должна включать не только создание законодательных и технических барьеров, но и активную работу с общественностью, чтобы

вовлечь граждан в процесс защиты от информационных угроз [7]. Информационный терроризм, в отличие от традиционного, ориентирован на воздействие через информационные каналы с целью создания паники, провокации насилия или дестабилизации политической обстановки. Одним из методов нейтрализации таких угроз является создание программ, которые учат граждан критически подходить к получаемой информации, а также вовлечь их в процессы опровержения ложных данных.

Социальные кампании должны охватывать широкий спектр тем, начиная от основ цифровой гигиены и заканчивая подробным разбором механизмов функционирования информационного терроризма. Важно, чтобы такие инициативы были не только информационными, но и вовлекающими, создавая среду, где граждане ощущают свою ответственность за информацию, которую они потребляют и распространяют.

Борьба с информационным терроризмом невозможна без формирования культуры ответственного потребления информации, которая должна быть интегрирована в образовательные и социальные практики. Это позволит значительно снизить влияние дезинформации и повысить осведомленность о реальных угрозах информационной безопасности.

Заключение. Как для России, так и для зарубежных стран информационный терроризм представляет собой серьезную угрозу для национальной безопасности, поскольку он может быть использован для дестабилизации политической ситуации, разрушения доверия к институтам власти и подрыва социальной гармонии. Рассмотрение опыта зарубежных стран и России в этой области позволяет выявить эффективные практики и подходы, которые могут быть использованы для противодействия данной угрозе.

Зарубежный опыт борьбы с информационным терроризмом разнообразен. В США, например, значительное внимание уделяется защите критической инфраструктуры от кибератак и пропаганды через интернет-ресурсы. В 2018 г. в США был принят Закон о противодействии иностранному вмешательству в выборы, который направлен на борьбу с дезинформацией и манипуляциями в электоральных процессах через социальные сети и другие цифровые платформы. Исследования, такие как работа Р. Ш. Вудса, отмечают, что государственные органы США активно сотрудничают с технологическими компа-

ниями для быстрого реагирования на угрозы, связанные с распространением ложной информации, и выявления источников подобных атак [8].

Особое внимание в зарубежных странах уделяется и правовому регулированию в сфере информационной безопасности. В Европейском Союзе для борьбы с информационным терроризмом создана сеть Европейского агентства по кибербезопасности (ENISA), которая занимается мониторингом и анализом угроз, связанных с распространением террористической пропаганды в Интернете. Как указывает М. Д. Петрова, основными методами борьбы являются не только правовые меры, но и общественные инициативы, такие как проведение образовательных программ для граждан и совместная работа с интернет-платформами по удалению экстремистского контента [9].

Как отмечает Ю. Б. Мельников, одним из важных аспектов российской практики является создание федеральных законов, регулирующих использование интернета для распространения экстремистской и террористической информации. Например, в 2017 г. был принят закон, который обязывает интернет-платформы блокировать сайты, содержащие пропаганду терроризма [10]. Также большое значение придается работе с молодежью и проведению образовательных программ по информационной безопасности, направленных на предупреждение возможных угроз.

Опыт зарубежных стран и России в области борьбы с информационным терроризмом подтверждает необходимость комплексного подхода, включающего правовые, технологические и образовательные меры. Важно, чтобы государства продолжали развивать механизмы сотрудничества и обмена опытом, чтобы эффективно противодействовать информационным угрозам в глобализованном мире.

Выводы. Информационный терроризм является серьезной угрозой национальной и международной безопасности. В борьбе с ним важную роль играет образование, способствующее формированию критического мышления и информационной устойчивости у граждан. В сочетании с государственными мерами, направленными на мониторинг и регулирование информационного пространства, социально-образовательные инициативы могут существенно снизить уровень угрозы информационного терроризма и повысить безопасность общества в цифровую эпоху.

Список источников

1. Петров А. В. Искусственный интеллект в борьбе с киберпреступностью. М. : Техносфера, 2020.
2. Сидоров С. И. Информационный терроризм: теория и практика. СПб. : Политехника, 2019.
3. Козлов А. А. Информационная безопасность в государственных структурах. М. : Наука, 2019.
4. Карпов В. Д. Проблемы дезинформации в современном обществе. М. : Политическая наука, 2021.
5. Белова Е. А. Общественные программы по борьбе с дезинформацией. СПб., 2022.
6. Дмитриев А. Е. Культура ответственного потребления информации: теоретические основы и практическое применение. М., 2020.
7. Савин Н. И. Информационный терроризм: вызовы и решения для современной безопасности. СПб. : Политический анализ, 2021.
8. Вудс Р. Ш. Противодействие информационному терроризму в США. Нью-Йорк : Информационная безопасность, 2020.
9. Петрова М. Д. Правовые меры борьбы с информационным терроризмом в странах Европейского Союза. М. : Право и безопасность, 2021.
10. Мельников Ю. Б. Российский опыт борьбы с информационным терроризмом: правовые и организационные меры. М. : Юридический мир, 2020.

References

1. Petrov A. V. Artificial intelligence in the fight against cybercrime. M. : Technosphere, 2020.
2. Sidorov S. I. Information terrorism: theory and practice. SPb. : Polytechnic, 2019.
3. Kozlov A. A. Information security in government structures. M. : Science, 2019.
4. Karpov V. D. Problems disinformation in modern society. M. : Political science, 2021.
5. Belova E. A. Public programs to combat disinformation. SPb., 2022.
6. Dmitriev A. E. Culture of responsible information consumption: theoretical foundations and practical application. M., 2020.
7. Savin N. I. Information terrorism: challenges and solutions for modern security. SPb. : Political Analysis, 2021.
8. Woods R. S. Countering information terrorism in the United States. New York : Information Security, 2020.
9. Petrova M. D. Legal measures to combat information terrorism in the countries of the European Union. M. : Law and Security, 2021.
10. Melnikov Yu.B. Russian experience in combating information terrorism: legal and organizational measures. M. : Legal World, 2020.

Информация об авторе

Ахьядов Э. С.-М. — доцент кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности Чеченского государственного университета имени А.А. Кадырова, заместитель декана по научной работе юридического факультета, кандидат юридических наук.

Information about the author

Akhyadov E. S.-M. — Associate Professor of the Department of Criminal Law, Procedure and National Security of the Chechen State University named after A.A. Kadyrov, Deputy Dean for Research of the Faculty of Law, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 03.03.2025; одобрена после рецензирования 31.03.2025; принята к публикации 25.04.2025.

The article was submitted 03.03.2025; approved after reviewing 31.03.2025; accepted for publication 25.04.2025.

Научная статья
УДК 342
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-17-24>
EDN: <https://elibrary.ru/vukkef>
НИОН: 2003-0059-3/25-294
MOSURED: 77/27-003-2025-03-493

К вопросу о совершенствовании бюджетного федерализма в Российской Федерации

Марат Сосланбекович Басиев

Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, Владикавказ, Россия, m.basi@mail.ru

Аннотация. Рассматривается механизм бюджетного федерализма в России и зарубежных странах. Актуальность обусловлена важностью нормативного закрепления баланса полномочий между Федерацией и регионами, а также необходимостью обеспечения их надлежащего финансового обеспечения. Исследуются модели бюджетного федерализма в нашей стране, Швейцарии, Канаде, Германии и США. Методологической основой являются такие методы, как системный, аналитический, классификации, дедуктивный, а также формально-юридический. Предлагается собственное определение указанной категории: закрепленная в Конституции и законодательстве система бюджетно-налоговых отношений, обеспечивающая сбалансированность распределения компетенции по вертикали между федерацией и регионами и являющаяся достаточной финансовой основой для эффективной реализации соответствующих полномочий. Отмечается дисбаланс доходной части консолидированного бюджета РФ в сторону Федерации. В связи с этим выдвигаются конкретные предложения по исправлению сложившейся ситуации: закрепление в Основном законе 1993 г. «финансовой конституции» (конкретизированные положения, касающиеся бюджетного федерализма); увеличение удельного веса региональных налоговых доходов в рамках доходной части консолидированного бюджета РФ; перевод отдельных федеральных налогов в разряд совместных Федерации и регионов (НДФЛ, НДС, налог на прибыль организаций и налог на добычу полезных ископаемых в виде углеводородного сырья); увеличение нормативов отчислений от данных налогов в региональные бюджеты, гарантирующее использование дополнительных средств на развитие инвестиционного потенциала регионов; закрепление механизма выделения трансфертов (субсидий) из федерального бюджета на финансирование региональных проектов вне национальных проектов.

Ключевые слова: бюджетный федерализм, доходы, расходы, бюджет, субъекты федерации, муниципалитеты, финансовое выравнивание

Для цитирования: Басиев М. С. К вопросу о совершенствовании бюджетного федерализма в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 3. С. 17–24. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-17-24>. EDN: VUKKEF.

Original article

On the issue of improving budgetary federalism in the Russian Federation

Marat S. Basiev

North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov, Vladikavkaz, Russia, m.basi@mail.ru

Abstract. The mechanism of fiscal federalism in Russia and foreign countries is considered. The relevance is due to the importance of normative consolidation of the balance of powers between the Federation and the regions, as well as the need to ensure their proper financial support. The models of fiscal federalism in our country, Switzerland, Canada, Germany and the USA are studied. The methodological basis is based on such methods as systematic, analytical, classification, deductive, as well as formal legal. We propose our own definition of this category: a system of budgetary and tax relations enshrined in the Constitution and legislation, which ensures a balanced vertical distribution of competence between the federation and the regions and provides a sufficient financial basis for the effective exercise of relevant powers. There is an imbalance in the revenue side of the consolidated budget of the Russian Federation towards the Federation. In this regard, specific proposals are being put forward to remedy the current situation: consolidation in the Basic Law of 1993. the «financial constitution» (specified provisions concerning budgetary federalism); an increase in the share of regional tax revenues within the revenue part of the consolidated budget of the Russian Federation; the transfer of certain federal taxes to the category of joint Federations and regions (personal income tax, VAT, corporate income tax and the tax on the extraction of minerals in the form of hydrocarbons); an increase in standards deductions from these taxes to regional budgets, which guarantees the use of additional funds for the development of the investment potential of the regions; consolidation of the mechanism for allocating transfers (subsidies) from the federal budget to finance regional projects outside national projects.

Keywords: budgetary federalism, revenues, expenditures, budget, federal subjects, municipalities, financial equalization

For citation: Basiev M. S. On the issue of improving budgetary federalism in the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(3):17–24. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-17-24>. EDN: VUKKEF.

© Басиев М. С., 2025

Введение

Изучение конституционно-правовой основы бюджетного федерализма является важным в силу необходимости установления баланса полномочий между Федерацией и ее субъектами и их надлежащего финансового обеспечения. Как отмечает А. Бланкенгель, нормы о том, кто какими доходами обладает и кто какие задачи финансирует, свидетельствуют о распределении власти в федеративном государстве [1, с. 22].

Указанную категорию в научной литературе определяют различным образом. Так, бюджетный федерализм понимают как систему бюджетных правоотношений Федерации и ее субъектов, включающих конституционные полномочия и интересы сторон, базирующуюся на признании автономности регионов в бюджетной сфере, возможности их непосредственного участия в бюджетной политике государства [4]. Также данный термин определяется как разделение полномочий между центральной, субнациональной и муниципальной властями в области финансов [11, с. 30].

В данных дефинициях внимание акцентируется на самом факте правоотношений между союзом и регионами в бюджетной сфере и на учете взаимных интересов. Вместе с тем, исследование изучаемого понятия должно основываться, прежде всего, на принципе соразмерности размежевания полномочий и их достаточного финансирования. Бюджетный федерализм можно определить как закрепленную в Конституции и законодательстве систему бюджетно-налоговых отношений, обеспечивающую сбалансированность распределения компетенции по вертикали между Федерацией и регионами и являющуюся достаточной финансовой основой для эффективной реализации соответствующих полномочий.

Другие авторы также полагают, что бюджетный федерализм означает, что интересы всех уровней бюджетной системы в отношении распределения финансовых потоков страны должны балансироваться и сочетаться оптимально [7].

Целевая направленность анализируемого механизма не должна ограничиваться достижением показателей минимальной финансовой обеспеченности нижестоящего уровня власти, а предполагать справедливое размежевание доходной части консолидированного бюджета, в том числе позволяющего обеспечивать инвестиционные вложения. Исходной предпосылкой должен быть тезис о полноценной финансовой гарантированности региональной компетенции, поз-

воляющей содействовать реализации прав и свобод жителей определенной территории. Аналогичной позиции придерживаются и другие исследователи [12].

Материалы и методы. Настоящее исследование основано на изучении российской и зарубежной научной литературы, посвященной проблематике бюджетного федерализма, в том числе институту финансового выравнивания. Кроме того, анализируются конституционные и законодательные акты, регламентирующие указанный механизм, а также соответствующие официальные статистические данные.

Необходимость комплексного рассмотрения данной проблематики обусловила использование различных методов исследования: системный, аналитический, классификации, дедуктивный, сравнительно-правовой, а также формально-юридический.

Зарубежный опыт реализации механизма бюджетного федерализма

Различают три модели бюджетного федерализма: американская (раздельная); германская (кооперативная) и канадская (смешанная) [8, с. 292–293]. Первая разновидность характеризуется относительно высокой долей субнациональных налогов в консолидированном бюджете, наличием у регионов и муниципалитетов права самостоятельно устанавливать налоги [13]. Так, в США штаты имеют широкие фискальные полномочия, определяемые ими и ограничиваемые лишь отдельными положениями общенационального Основного закона. В результате региональные и муниципальные властные институты получают большую долю доходов из собственных налоговых источников. Кроме того, в США отсутствует федеральный бюджетный орган¹. В то же время, федеральное правительство финансово участвует в различных мероприятиях на региональном и местном уровнях в рамках системы безвозмездной помощи [8, с. 293].

Важное значение имеет соотношение распределения доходной и расходной частей между бюджетами. В мировой практике соответствующие пропорции бывают примерно одинаковыми. Вместе с тем, в России в данной сфере наблюдается дисбаланс в сторону

¹ Conlan T., Posner P., Smith H. J., Sommerfeld M. *Autonomy and interdependence: The scope and limits of «fend for yourself federalism» in the United States / Institutions of Intergovernmental Fiscal Relations: challenges ahead / Edited by J. Kim, H. Blöchliger.* Paris, 2015. P. 156–159.

Федерации, что свидетельствует о тенденциях унитаризации и централизации системы межбюджетных отношений в ущерб регионам². Показательно, что в первоначальной редакции Бюджетного кодекса РФ в ст. 48 была норма ч. 13, гарантировавшая субъектам РФ не менее 50 % доходов консолидированного бюджета при распределении налоговых доходов по уровням бюджетной системы³.

В качестве корректирующего средства используется институт выравнивания, под которым понимается исправление первоначального распределения налоговых поступлений между бюджетами с целью выравнивания их финансового положения. Данный механизм представляет собой средство преодоления несбалансированности между бюджетами разных уровней [11, с. 96–97]. В мировой практике сочетается применение одного из трех основных способов выравнивания: учет затрат, учет доходов и заполнение пробелов. Большинство национальных систем объединяют элементы каждого из них.

В Канаде анализируемый механизм представляет собой программу, полностью администрируемую и финансируемую федеральным правительством через общие налоговые поступления, обеспечивающую выплаты провинциям с фискальной способностью ниже средней⁴. Согласно ст. 36 Конституции Канады федеральная и региональные власти обязуются действовать равным возможностям для благополучия канадцев, а также экономическому развитию для сокращения неравенства возможностей. Осуществление выравнивающих платежей обеспечивает гарантии провинциальным властям наличие достаточных доходов для предоставления разумно сопоставимых уровней государственных услуг при разумно сопоставимых уровнях налогообложения⁵.

Трансферты предоставляются на равной основе на душу населения каждому провинциальному правительству и в их основе лежит оценка способности региональных властей собирать доходы. Провинции, чья фискальная емкость (определение гипотетических доходов на душу населения) меньше «стандартной» (общий средний показатель по стране) будут кандидатами на получение выравнивающих платежей в размере, необходимом для приведения их в соответствие со стандартом⁶. Выравнивающие платежи не имеют конкретного целевого назначения, субъекты канадской федерации вправе расходовать их по собственному усмотрению [14, с. 322].

Другой подход к политике выравнивания применяется в Швейцарии. Согласно ст. 135 Конституции Конфедерация устанавливает положения о справедливом выравнивании финансовых ресурсов и бремени между союзом и кантонами, а также между кантонами⁷. Одной из целей данного инструмента является укрепление кантональной финансовой автономии (ст. 2)⁸. Почти 75 % от государственных расходов и около 69 % от государственных доходов приходится на кантоны и муниципалитеты, что обуславливает необходимость применения указанного механизма⁹.

Финансирование кантонов включает три механизма: выравнивание ресурсов, компенсация расходов и Фонд сплочения¹⁰. Оно основано на индексе ресурсов, т. е. на налоговом потенциале кантонов¹¹. Субъекты швейцарской федерации подразделяются на две группы: с индексом ресурсов более 100 (финансово сильные), являющиеся донорами; с индексом ресурсов менее 100 (финансово слабые), являющиеся получателями средств в рамках фискального выравнивания¹². Из 26 кантонов Швейцарии в 2024 г. регионами-донорами являются восемь (Цуг, Цюрих, Швиц и др.)¹³.

² Так, К. Росс отмечает, что бюджетная централизация в России привела к замене бюджетного федерализма на фискальный централизм. См.: Ross C. *Federalism and Inter-governmental Relations in Russia*. P. 126, 181.

³ URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/4000506/paragraph/314222145:14>

⁴ Lecours A., Béland D. *Federalism and Fiscal Policy: The Politics of Equalization in Canada*. P. 575.

⁵ The Constitution acts 1867 to 1982 // URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/Const/page-13.html#h-56>

⁶ Feehan J. *Canada's Equalization Program: Political Debates and Opportunities for Reform* // IRPP Insight. 2020. № 30. Montreal: Institute for Research on Public Policy. P. 4–5, 7, 9 // URL: <https://irpp.org/wp-content/uploads/2020/01/Canada%E2%80%99s-Equalization-Program-Political-Debates-and-Opportunities-for-Reform.pdf>

⁷ Federal Constitution of the Swiss Confederation // URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/1999/404/en#tit_3

⁸ Bundesgesetz über den Finanz und Lastenausgleich // URL: <https://www.fedlex.admin.ch/eli/oc/2005/225/de>

⁹ Frey R. L., Wettstein G. *Reform of the swiss fiscal equalisation system* // CESifo DICE Report. 2008. No.1. P. 21.

¹⁰ Vandernoot J., Signor J. *Funding of Swiss Cantons, Mechanisms and Solidarity* // Expert Journal of Economics. 2021. № 9 (1). P. 9–17 // URL: <https://economics.expertjournals.com/23597704-902/>

¹¹ Soguel N. *Intergovernmental Fiscal Transfers and Equalization / Swiss Public Administration: Making the State Work Successfully*. Edited by A. Ladner, N. Soguel, Y. Emery, S. Weerts, S. Nahraath. Cham: Springer International Publishing; Imprint: Palgrave Macmillan, 2019. P. 293–294.

¹² Vandernoot J., Signor J. *Funding of Swiss Cantons, Mechanisms and Solidarity* // URL: <https://economics.expertjournals.com/23597704-902/>

¹³ URL: <https://www.efv.admin.ch/efv/en/home/aktuell/a/finanzausgleich.html>

Институт компенсации затрат ориентирован на более высокие бюджетные расходы кантонов при оказании населению государственных услуг в связи с горной местностью, сложным рельефом и низкой плотностью населения; со сложной структурой населения городов. Расходы, выходящие за указанные рамки, отражающие особые кантональные предпочтения, в принципе не компенсируются¹⁴.

Основной закон ФРГ подробно регламентирует финансовые основы взаимоотношений Федерации и земель («финансовая конституция»). Особенностью немецкой правовой системы является выравнивание возможностей на основе налоговых доходов [2, с. 12, 15]. Ст. 104а Конституции Германии устанавливает общее правило: финансирование следует за полномочиями (принцип связанности [1, с. 24]). Так, Федерация и земли отдельно финансируют расходы, возникающие в связи с выполнением ими своих обязанностей, если иное не предусмотрено Основным законом. В случае, если регионы действуют на основе федерального поручения, Союз финансирует соответствующие расходы (ст. 91а). Федерация также может оказывать финансовую помощь землям в выполнении региональных задач по вопросам инвестиций (ст. 104b, 104c и 104d)¹⁵.

Земли зачастую администрируют федеральные задачи, не получая финансовой компенсации. В то же время, регионы играют существенную роль в принятии общегосударственных решений: если закон затрагивает административные полномочия земель или касается земель или муниципалитетов в финансовом отношении, требуется одобрение Бундесрата. Следует отметить, что за исключением обороны, земли имеют расходные обязательства по всем федеральным функциям, выступая в качестве общего исполнителя государственных услуг¹⁶.

Фискальная система Германии практически не предоставляет полномочий в части налогообложения для субнациональных единиц, поскольку налоговые базы и ставки, за некоторым исключением, устанавливаются на федеральном уровне. Отсутствие у земель возможности самостоятельно принимать решения об источниках финансирования своих обязательств нарушает связь с налогоплательщиками, лишая их права определять направления расходования своих налогов [1, с. 24–25].

Ст. 106 Основного закона устанавливает федеральные, земельные и совместные налоги. При этом последние (подходный налог, налог с корпораций и

налог с оборота) являются наиболее емкими в денежном выражении¹⁷. Федерация и ее субъекты делят доходы от подоходного налога и налога с оборота в соответствии с долями, устанавливаемыми федеральным законом на основе следующих принципов: равные права уровней власти на доходы для покрытия своих необходимых расходов; справедливый баланс финансовых потребностей Федерации и земель в целях предотвращения чрезмерного бремени для налогоплательщиков и обеспечения единообразия уровня жизни на территории страны.

В соответствии со ст. 72 Основного закона ФРГ Федерации вправе принимать законы по ряду вопросов совпадающей компетенции в целях создания равноценных условий жизни по всей федерации, либо поддержания правового или экономического единства в национальных интересах. Как отмечают исследователи, фискальная система Германии является попыткой примирить два противоречивых конституционных принципа: с одной стороны, земли автономны в бюджетной политике, а, с другой, регионы обязаны обеспечивать единообразный уровень жизни на всей территории страны¹⁸.

В соответствии со ст. 107 Конституции 1949 г. закон, требующий согласия Бундесрата, обеспечивает выравнивание финансовых возможностей земель, устанавливая надбавки и вычеты при распределении региональных долей доходов от налога с оборота¹⁹. Закон может предусматривать предоставление дополнительных субсидий финансово слабым землям из собственных средств Союза для оказания

¹⁴ Soguel N. Intergovernmental Fiscal Transfers and Equalization. P. 297.

¹⁵ Basic Law for the Federal Republic of Germany // URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_gg/englisch_gg.html

¹⁶ Bury Y., Feld L. P. Fiscal Federalism in Germany / The Forum of Federations Handbook of Fiscal Federalism. Cham: Palgrave Macmillan imprint, 2023. P. 173, 175–176.

¹⁷ Объем налогов, собранных Федерацией, землями и муниципалитетами в Германии в 2023 г., составил до перераспределения налогов 915,8 млрд евро. Наибольший удельный вес имели совместные налоги — 690,7 млрд евро. После перераспределения налоговые поступления Федерации составили 356,0 млрд евро, для земель — 382,6 млрд евро и для муниципалитетов — 143,5 млрд евро. См.: Tax revenues in cash terms amounted to a total of 916 billion euros in 2023 // URL: <https://www.destatis.de/EN/Themes/Government/Taxes/Tax-Revenue/tax-budget.html>

¹⁸ Hepp R., von Hagen J. Fiscal Federalism in Germany: Stabilization and Redistribution Before and After Unification // ZEI Working Paper. 2010. № В 02-2010. Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, Zentrum für Europäische Integrationsforschung (ZEI), Bonn. P. 6.

¹⁹ Financial relations between the Federation and Länder. Federal Ministry of Finance. 2023. P. 45–46.

помощи в удовлетворении общих финансовых потребностей, а также в случаях, если: их муниципалитеты или объединения муниципалитетов имеют особенно низкую способность генерировать налоговые поступления; их доли в фондах поддержки развития образования и науки ниже соответствующей доли на душу населения²⁰.

Российская модель бюджетного федерализма и предложения по ее совершенствованию

В нашей стране первичное распределение налоговых доходов основано на их классификации на федеральные, региональные и местные (ст. 12 Налогового кодекса России). Подавляющее большинство налогов относится к числу первых (ст. 13 НК РФ)²¹.

В России дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности предоставляются регионам, уровень расчетной бюджетной обеспеченности которых не превышает уровня, установленного в качестве критерия выравнивания расчетной бюджетной обеспеченности (ч. 4 ст. 131 Бюджетного кодекса). Согласно данным Министерства финансов РФ, в 2024 г. только в 21 регионе индекс расчетной бюджетной обеспеченности субъектов Федерации до распределения дотаций был равен или превышал единицу, а дотации получили 77 субъектов РФ из 89²².

В научной литературе обозначаются различные предложения совершенствования схемы межбюджетных отношений. Так, Н. М. Добрынин указывает на необходимость создания системы, предусматривающей пропорциональное и справедливое распределение бюджетных средств между уровнями управления и предполагающей соответствие доходных полномочий расходным обязательствам. Необходимо внедрить механизм обеспечения населения гарантированными общественными благами в должном объеме путем разработки минимального социального стандарта обеспеченности ими конкретного человека [3].

В. В. Казаков указывает, что функционирование бюджетного федерализма должно быть направлено на предоставление гражданам равных возможностей вне зависимости от места проживания. Политическая централизация не должна препятствовать возникновению у регионов стимулов для развития территорий [15, с. 178, 190].

Общепризнанной проблемой российского бюджетного федерализма выступает наличие у регионов финансово необеспеченных полномочий. Как отмеча-

ется в литературе, усилия должны быть направлены на решение проблемы чрезмерной дифференциации субъектов РФ в социально-экономическом развитии путем установления разумного соотношения полномочий и финансов с учетом их особенностей, а также на стимулирование регионов в развитии их экономик [6, с. 89].

В первую очередь следует указать на необходимость закрепления в Основном законе 1993 г. «финансовой конституции» (конкретизированные положения о бюджетном федерализме).

Целесообразным является увеличение удельного веса региональных налоговых доходов в рамках консолидированного бюджета РФ. Согласно данным Министерства финансов РФ за 2023 г., доходы федерального бюджета составили 29,124 трлн руб., тогда как все поступления в бюджеты субъектов Федерации — 22,325 трлн руб., в том числе безвозмездные поступления из других бюджетов — 4,030 трлн руб.²³ В связи с этим, речь может идти о переводе ряда федеральных налогов в категорию совместных Федерации и регионов (НДФЛ, НДС, налог на прибыль организаций и налог на добычу полезных ископаемых в виде углеводородного сырья). В научной литературе указанные налоги, за исключением НДФЛ, определяются как бюджетообразующие [10, с. 89]. Одновременно необходимо увеличение нормативов отчислений от данных налогов в региональные бюджеты, гарантирующее использование дополнительных средств на развитие инвестиционного потенциала.

Аналогичной позиции придерживаются и другие исследователи. Так, И. М. Ильин отмечает, что законодательство содержит положения, свойственные унитарному государству, вследствие чего необходим переход на модель бюджетного федерализма, предусматривающую большую региональную самостоя-

²⁰ URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_gg/englisch_gg.html.

²¹ URL: <https://base.garant.ru/10900200/>

²² Распределение дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов РФ на 2024 г., тыс. руб. // URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2023/12/main/FFPR_na_2024_-_2026_gody.pdf

²³ Краткая ежегодная информация об исполнении федерального бюджета, млрд руб. // URL: https://minfin.gov.ru/ru/statistics/fedbud/execute?id_57=80041-kratkaya_ezhagodnaya_informatsiya_ob_ishpolnenii_federalnogo_byudzheta_mlrd_rub.; Краткая ежегодная информация об исполнении консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации, млрд руб. // URL: https://minfin.gov.ru/ru/statistics/subbud/execute?id_57=90143-kratkaya_ezhagodnaya_informatsiya_ob_ishpolnenii_konsolidirovannykh_byudzhetrov_subektov_rossiiskoi_federatsii_mlrd_rub

тельность, подкрепленную налоговыми полномочиями [4]. Н. М. Добрынин высказывается более категорично, указывая на сознательное удержание федеральным центром большинства регионов в состоянии хронической дотационности [16, с. 46–47].

Н. А. Филиппова отмечает, что основным дефектом бюджетной системы являются диспропорции в распределении первичных доходов. Профицит федерального бюджета за счет возросшей дефицитности бюджетов субъектов не обеспечивает макроэкономической стабильности [9].

Показательным является то, что в Австрии в условиях централизованного регулирования законодательство устанавливает, что должен гарантироваться учет фискальных потребностей и бремени расходов земель при распределении средств между Федерацией и регионами. Согласно позиции Конституционного суда, переговоры между уровнями власти относительно законов о межправительственных фискальных отношениях, основанные на взаимном уважении и принятии, считаются необходимыми²⁴.

Кроме того, необходимо закрепление механизма предоставления трансфертов из федерального бюджета на финансирование региональных проектов вне национальных проектов и государственных программ РФ. Существующая схема достижения национальных целей развития (целевых показателей)²⁵ предусматривает в рамках национального проекта финансирование мероприятий федеральных проектов. В свою очередь, региональные проекты обеспечивают достижение и (или) вклад в достижение целей и (или) показателей и реализацию мероприятий (результатов) федерального проекта, входящего в состав национального проекта, и (или) структурных элементов государственной программы РФ, и (или) региональной государственной программы²⁶. Таким образом, параметры федерального проекта декомпозируются в региональных проектах, если соответствующие целевые показатели относятся к полномочиям субъектов Федерации.

Как отмечается в литературе, в методологии формирования региональных проектов их цели задаются региону на федеральном уровне. В связи с этим определенные субъектами приоритеты социально-экономического развития не могут быть достигнуты в рамках региональных проектов [17]²⁷.

Согласно постановлению Правительства РФ от 26 мая 2021 г. № 786²⁸ государственная программа направлена на достижение национальных целей, реали-

зацию приоритетов и целей социально-экономического развития и обеспечение национальной безопасности РФ, а также исполнение федеральных законов, решений Президента и Правительства России. Если государственная программа касается целей, связанных с предметами совместного ведения, и (или) с предметами ведения субъектов РФ, может быть предусмотрено предоставление межбюджетных трансфертов из федерального бюджета на реализацию региональных государственных программ.

В рамках полномочий субъектов РФ могут приниматься региональные программы за пределами федеральных проектов и государственных программ РФ. В субнациональных единицах с низкой бюджетной обеспеченностью может существовать потребность в финансовом выравнивании для полноценной реализации данных программ. Ч. 6 ст. 85 Бюджетного кодекса РФ предусматривает право региональных органов иметь расходные обязательства, связанные с решением вопросов, не отнесенных к компетенции федеральных органов власти, органов местного самоуправления и не исключенных из компетенции органов власти субъекта РФ, только при наличии средств регионального бюджета, за исключением межбюджетных трансфертов. В то же время, установлены ограничения возможности финансирования указанных полномочий: регионы, в бюджетах которых доля дотаций из федерального бюджета в течение двух из трех последних отчетных финансовых лет превышала 10 % объема собственных доходов, не имеют права устанавливать и исполнять расходные обязательства, не связанные с решением вопросов, отнесенных Конституцией и законодательством к полномочиям их органов власти (ст. 130). Исследователи отмечают, что указанные положения фактически отстраняют регионы от возможности исполнения собственной компетенции, определяемой по остаточному принципу [5, с. 16–17].

²⁴ Matzinger A. Intergovernmental budget frameworks in Austria / Institutions of Intergovernmental Fiscal Relations: challenges ahead / Edited by J. Kim, H. Blöchliger. Paris, 2015. P. 146.

²⁵ Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73986>

²⁶ Постановление Правительства РФ от 31 октября 2018 г. № 1288 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» // URL: <https://base.garant.ru/72093040/>

²⁷ В то же время, следует указать, что региональные проекты также могут приниматься субъектами РФ вне федеральных проектов.

²⁸ URL: <https://base.garant.ru/400820533/>

Данная проблема носит более широкий характер, отсылая к вопросу о размежевании исключительных предметов ведения субъектов Федерации и их полномочий в рамках совместного ведения. Произошло «растворение» первых внутри вторых в контексте общей тенденции централизации власти. Данное обстоятельство требует пересмотра подхода к разграничению совместной компетенции путем закрепления исчерпывающего перечня федеральных полномочий.

Федеральное законодательство предусматривает возможность выделения средств региональным программам конкретной отраслевой направленности²⁹. Существует необходимость субсидирования расходов субъектов РФ на реализацию региональных программ безотносительно их тематики и необходимости конкурсного отбора. Исследователи справедливо подчеркивают важность того, что центр не должен указывать региону, где и что строить [18, с. 275].

Заключение. Таким образом, в качестве предложений по развитию института бюджетного федерализма в России можно указать на: необходимость закрепления в Основном законе 1993 г. «финансовой конституции»; увеличение удельного веса региональных налоговых доходов в рамках консолидированного бюджета РФ; перевод ряда федеральных налогов в разряд совместных Федерации и регионов (НДФЛ, НДС, налог на прибыль организаций и налог на добычу полезных ископаемых в виде углеводородного сырья); закрепление механизма выделения трансфертов из федерального бюджета на финансирование региональных проектов вне национальных проектов и государственных программ РФ.

Список источников

1. Бланкенагель А. Распределение бремени расходов в германском федеративном государстве // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 2. С. 22–31.
2. Вальдхофф К. Финансовое выравнивание в Федеративной республике Германия и его реформа // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 2. С. 11–21.
3. Добрынин Н. М. Федерализм в России: оценка состояния и пути решения проблем // Право и политика. 2006. № 5.
4. Ильин И. М. Конституционная модель бюджетного федерализма России: особенности, проблематика и перспектива конституционной настройки

(модернизации) // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 9.

5. Замбаев Х. Н. Разграничение полномочий органов государственной власти в современных условиях // Управленческие науки. 2024. Т. 14. № 1. С. 6–20.

6. Нарутто С. В. Конституция, федерализм и единство государственно-правовой системы России // Lex russica. 2018. № 11. С. 83–92.

7. Ручкина Г. Ф. О правовом обеспечении бюджетного федерализма (на примере финансов муниципальных образований): некоторые вопросы теории и практики // Бюджетное право. 2024. № 5.

8. Тюрина Ю. Г. О влиянии моделей бюджетного федерализма на организацию межбюджетных отношений // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 2. С. 290–294.

9. Филиппова Н. А. Реформирование межбюджетных отношений в России: конституционно-правовые аспекты согласования интересов Российской Федерации и ее субъектов в сфере публичных финансов // Российский юридический журнал. 2009. № 2.

10. Шевелева Н. Бюджетное выравнивание в России как способ гармонизации межбюджетных отношений (2000–2015) // Сравнительно конституционное обозрение. 2015. № 2. С. 32–44.

11. Суглобов А. Е., Черкасова Ю. И. Межбюджетные отношения в Российской Федерации. М., 2017.

12. Евсеев П. И. Бюджетный федерализм и проблемы разграничения полномочий РФ и ее субъектов в бюджетной сфере. М., 2013.

13. Докальская В. К. Бюджетный федерализм в России и мировой практике // Финансы и кредит. 2007. № 35 (275). С. 30–31.

14. Ирхин Ю. В. Сравнительный анализ межбюджетного федерализма на примере Канады и России // Современный федерализм: российские проблемы в сравнительной перспективе: тр. всерос. науч.-практ. конф. СПб., 2008.

²⁹ Постановление Правительства РФ от 15 марта 2016 г. № 194 «Об утверждении Правил предоставления иных межбюджетных трансфертов из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации в целях софинансирования расходных обязательств субъектов Российской Федерации, возникающих при реализации региональных программ развития промышленности» // URL: <https://demo.garant.ru/#/document/71352852/paragraph/811/doclist/318/31/0/0;postanovlenie> Правительства РФ от 12 июля 2021 г. № 1161 «Об утверждении методики распределения дотаций бюджетам субъектов Российской Федерации в целях частичной компенсации выпадающих доходов бюджетов субъектов Российской Федерации от применения инвестиционного налогового вычета» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_390340/

15. Казаков В. В. Бюджетный федерализм в России: сценарии развития // Известия томского политехнического университета. 2006. Т. 39. № 4.

16. Добрынин Н. М. Российский федерализм: генезис, эволюция. Новосибирск, 2008.

17. Самков К.Н. Финансирование реализации национальных и региональных проектов: проблемы и направления устойчивого развития // Финансы: теория и практика. 2021. Т. 25. № 4. С. 30.

18. Савиных Т. С. Роль бюджетного федерализма в формировании сбалансированной экономики региона // Современный федерализм: российские проблемы в сравнительной перспективе: тр. всерос. науч.-практ. конф. СПб., 2008.

References

1. Blankenagel A. Distribution of the burden of expenses in the German Federal state // *Comparative Constitutional Review*. 2015. № 2. P. 22–31.

2. Waldhoff K. Financial equalization in the Federal Republic of Germany and its reform // *Comparative Constitutional Review*. 2015. № 2. P. 11–21.

3. Dobrynin N. M. Federalism in Russia: assessment of the state and ways to solve problems // *Law and Politics*. 2006. № 5.

4. Ilyin I. M. The constitutional model of budgetary federalism in Russia: features, problems and prospects of constitutional adjustment (modernization) // *Constitutional and municipal law*. 2021. № 9.

5. Zambaev H. N. Differentiation of powers of public authorities in modern conditions // *Managerial sciences*. 2024. Vol. 14. № 1. P. 6–20.

6. Naruto S. V. Constitution, federalism and unity of the state legal system of Russia // *Lex russica*. 2018. № 11. P. 83–92.

7. Ruchkina G. F. On the legal provision of budgetary federalism (on the example of municipal finances): some questions of theory and practice // *Budgetary law*. 2024. № 5.

8. Tyurina Yu.G. On the influence of models of budgetary federalism on the organization of inter-budgetary relations // *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2024. № 2. P. 290–294.

9. Filippova N. A. Reforming inter-budgetary relations in Russia: constitutional and legal aspects of coordinating the interests of the Russian Federation and its subjects in the field of public finance // *Russian Law Journal*. 2009. № 2.

10. Sheveleva N. Budget alignment in Russia as a way to harmonize inter-budgetary relations (2000–2015) // *Comparative Constitutional Review*. 2015. № 2. P. 32–44.

11. Suglov A. E., Cherkasova Yu. I. Inter-budgetary relations in the Russian Federation. M., 2017.

12. Evseev P. I. Budgetary federalism and the problems of delimiting the powers of the Russian Federation and its subjects in the budgetary sphere. M., 2013.

13. Dokalskaya V. K. Budgetary federalism in Russia and world practice // *Finance and Credit*. 2007. № 35 (275). P. 30–31.

14. Irkhin Yu. V. Comparative analysis of inter-budgetary federalism on the example of Canada and Russia // *Modern federalism: Russian problems in a comparative perspective: proceedings of the All-Russian scientific and practical conference*. St. Petersburg, 2008.

15. Kazakov V. V. Budgetary federalism in Russia: scenarios of development // *Proceedings of Tomsk Polytechnic University*. 2006. Vol. 39. № 4.

16. Dobrynin N. M. Russian federalism: genesis, evolution. Novosibirsk, 2008.

17. Samkov K.N. Financing the implementation of national and regional projects: problems and directions of sustainable development // *Finance: theory and practice*. 2021. Vol. 25. № 4. P. 30.

18. Savinykh T. S. The role of fiscal federalism in the formation of a balanced economy in the region // *Modern Federalism: Russian Problems in a Comparative perspective: proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference*. St. Petersburg, 2008.

Информация об авторе

М. С. Басиев — доцент кафедры теории и истории государства и права Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова, кандидат юридических наук.

Information about the author

M. S. Basiev — Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 02.03.2025; одобрена после рецензирования 31.03.2025; принята к публикации 25.04.2025.
The article was submitted 02.03.2025; approved after reviewing 31.03.2025; accepted for publication 25.04.2025.

Научная статья
УДК 342.7
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-25-29>
EDN: <https://elibrary.ru/rkuucu>
НИОН: 2003-0059-3/25-295
MOSURED: 77/27-003-2025-03-494

Культурная интеграция мигрантов в российское общество: проблемы и подходы к их решению

Рашид Борисович Булатов

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Россия, bulatovrash@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы культурной интеграции мигрантов в российское общество. Отмечаются такие важные аспекты этого процесса, как знание мигрантами истории, культуры, традиций и обычаев нашей страны, а также русского языка. Исследуются проблемы, связанные с интеграцией и адаптацией мигрантов в России. Предлагается внедрение правовых инструментов, которые способствовали бы успешной интеграции и адаптации прибывающих на территорию Российской Федерации мигрантов в наше общество. Анализируются последние изменения в законодательстве, которые устанавливают новые требования для детей мигрантов, поступающих в российские учебные заведения, а также усиливают меры контроля за знанием русского языка мигрантами, получившими языковой сертификат со стороны Рособrnadzor. Делается вывод о том, что, несмотря на попытки государства урегулировать существующие проблемы в проводимой миграционной политике, по-прежнему остается много нерешенных вопросов в миграционной сфере, особенно, в части интегрирования мигрантов в российское общество.

Ключевые слова: мигрант, иностранный гражданин, интеграция, адаптация, история и культура, русский язык, правонарушения, миграционная политика, культурная интеграция, языковой сертификат

Для цитирования: Булатов Р. Б. Культурная интеграция мигрантов в российское общество: проблемы и подходы к их решению // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 3. С. 25–29. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-25-29>. EDN: RKUUCU.

Original article

Cultural integration of migrants into Russian society: problems and approaches to their solution

Rashid B. Bulatov

St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St. Petersburg, Russia, bulatovrash@mail.ru

Abstract. The issues of cultural integration of migrants into Russian society are considered. Such important aspects of this process as migrants' knowledge of the history, culture, traditions and customs of our country, as well as the Russian language, are noted. The problems related to the integration and adaptation of migrants in Russia are investigated. It is proposed to introduce legal instruments that would contribute to the successful integration and adaptation of migrants arriving in the territory of the Russian Federation into our society. The article analyzes recent legislative changes that establish new requirements for migrant children entering Russian educational institutions, as well as strengthen control measures over the knowledge of the Russian language by migrants who have received a language certificate from Rosobrnadzor. It is concluded that, despite the attempts of the state to resolve the existing problems in the migration policy, there are still many unresolved issues in the migration sphere, especially regarding the integration of migrants into Russian society.

Keywords: migrant, foreign citizen, integration, adaptation, history and culture, Russian language, offenses, migration policy, cultural integration, language certificate

For citation: Bulatov R. B. Cultural integration of migrants into Russian society: problems and approaches to their solution. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(3):25–29. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-25-29>. EDN: RKUUCU.

Проблема адаптации и интеграции мигрантов в российское общество не теряет своей актуальности на протяжении всей современной истории нашей страны, однако в последние годы она обостряется ростом числа иностранцев, прибывающих в Россию.

Миграционная политика любого государства направлена, в первую очередь, на использование человеческих ресурсов внутри него, ведь люди являются главными субъектами в создании экономики любого государства. Поэтому, столь важное направле-

© Булатов Р. Б., 2025

ние жизнедеятельности общества требует привлечения большого числа трудовых мигрантов, которые желают трудоустроиться и жить в этой стране.

К сожалению, жизнь мигрантов, как правило, не устроена в должной мере и изобилует трудностями. Особенно много проблем возникает у иностранных граждан, которые прибывают в нашу страну вместе с членами своих семей. Главная причина состоит в том, что российское государство еще недостаточно эффективно осуществляет политику адаптации и интеграции трудовых мигрантов, что ставит под вопрос их успешное пребывание в нашем обществе.

Несмотря на активную реализацию поставленных в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг. (утвержденной Указом Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622) целей [1], наплыв мигрантов создает угрозу противостояния иностранных культур нашей национальной культуре, что приводит к внутреннему межэтническому обострению и нарушению правопорядка в стране. Непонимание, а потому и неприятие чуждой мигрантам культуры, что проявляется довольно часто, может породить и иные социально-экономические проблемы, именно поэтому в этом направлении необходимо работать наиболее тщательно, уделяя пристальное внимание культурной интеграции мигрантов в наше общество.

Важным аспектом этого интеграционного процесса является ознакомление прибывающих иностранцев с историей, культурой, традициями и обычаями нашей многонациональной страны, акцентируя внимание на особенностях региона, в который прибывает мигрант. Конечно, терпимость и дружелюбность, с учетом интернациональной основы нашего совместного существования в недавнем советском прошлом, должны воспитываться и у наших граждан путем изучения нашей общей истории в школах, вузах и на различных факультативах с целью ознакомления с историей, традициями и обычаями народов бывших советских республик, из которых прибывает подавляющее большинство мигрантов в Россию [2].

Еще одним немаловажным аспектом спокойствия в обществе является обеспечение достойных условий труда и выражение терпимости к обычаям и традициям трудовых мигрантов. К примеру, мигранты из мусульманских стран имеют свои религиозные обычаи, которые необходимо уважать. Сюда можно от-

нести прочтение молитвы (совершение «намаза») неоднократно в течении суток, запрет на употребление алкоголя и некоторых продуктов питания; т. е. работодатель обязан уделять внимание иностранным работникам, уважая их традиции и создавая условия для их успешной адаптации в нашем обществе. Здесь уместно вспомнить старый русский принцип: уважай других и будут уважать тебя. А через взаимоуважение приходит взаимопонимание и любые отношения, будь то трудовые или деловые, становятся выгодными и комфортными для обеих сторон.

Важнейшим фактором культурной интеграции является обеспечение условий для адаптации детей мигрантов в нашем обществе. Дети-мигранты — наиболее уязвимая категория мигрантов. Это объясняется, в частности, тем, что российские подростки, зачастую, увидев выделяющегося из социальной группы мигранта, пытаются самоутвердиться путем проявления элементов агрессии и унижения человеческого достоинства по отношению к нему, не осознавая ущерба, наносимого его психике и того, что разжигают в нем ненависть к устоям нашего общества. Нередко, дети-мигранты образуют группы по национальному признаку, в которых чувствуют себя более уверенно и комфортно, однако это отдаляет их от интеграции в наше общество и создает культурный барьер, который порождает проблемы во всех сферах нашей общественной жизни [3, с. 56]. Таким образом, со временем может сформироваться целое поколение мигрантов, негативно нас воспринимающих, что недопустимо. Поэтому, необходимо в учебных учреждениях проявлять более внимательное отношение к детям-мигрантам: следить за их адаптацией в коллективе, не допускать конфликтов с их участием, а также помогать в освоении базовых принципов, устоявшихся в российских институтах социализации, для их дальнейшей успешной интеграции в наше общество.

На сегодняшний день мы сталкиваемся с проблемой роста числа правонарушений, совершаемых мигрантами, как в административно-правовом поле, так и в уголовно-правовом. Так, согласно данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2023 г. наблюдался резкий рост преступности среди мигрантов. Число совершенных ими в России преступлений выросло на 75 % [4]. Трагические события, произошедшие в Москве в «Крокус-сити холле» 22 марта 2024 г. при участии иностранного элемента,

вызвали общественное порицание в отношении мигрантов в российском обществе и волну негатива в их адрес, проявившуюся в самых различных формах гражданского гнева. Несомненно, это негативно влияет на отношение к мигрантам и их успешную адаптацию в нашем обществе [5].

Стоит отметить, что в нынешней ситуации, когда в Россию прибывает внушительный поток мигрантов, который становится сложно контролируемым, происходит столкновение культур мигрантов с нашей национальной культурой. В результате мы получаем конфронтацию и угрозу вытеснения нашей собственной культуры, что, конечно, негативно отражается на российском обществе в целом. Из этого можно вывести формулу возникновения и развития культурного межэтнического конфликта: столкновение – конфронтация – вытеснение культур. Эти процессы несут в себе негативные последствия, которые препятствуют успешному развитию государства и общества. В данной ситуации необходимо использовать дипломатические и законодательные возможности для успешной интеграции мигрантов в наше общество и дальнейшей их адаптации в нем.

Одним из решений данной проблемы является организация подготовки будущих мигрантов на территории их стран. Это могут быть учреждения, созданные совместно Российской Федерацией и страной, откуда прибывают мигранты. В них мигранты изучали бы российскую культуру, историю и традиции, а также язык. После чего, прошедшие подготовку мигранты прибывали бы в нашу страну с необходимыми знаниями и успешно проходили процесс интеграции в российское общество. Попытки организации подобных учреждений уже предпринимались нашим государством, однако в силу недостаточного финансирования и слабой заинтересованности другой стороны, они оказались почти тщетными. Но, по нашему мнению, этот инструмент является связующим звеном между иностранцами и нашими гражданами, и способен решить многие проблемы, возникающие в процессе интеграции мигрантов в наше общество и их адаптации в нем.

Еще одним инструментом подготовки мигрантов являются обучающие учреждения для мигрантов на территории Российской Федерации. Они помогают уже прибывшим иностранцам адаптироваться в нашем обществе. На сегодняшний день организуются такие учреждения, в частности, оказывающие

правовую помощь мигрантам. Здесь важную роль играют институты гражданского общества, которые оказывают поддержку мигрантам в важных сферах жизнедеятельности (но это отдельный вопрос, требующий дополнительного исследования). Однако сейчас этому направлению не уделяется должного внимания. По нашему мнению, важно осуществлять обучение и воспитание мигрантов более активно и выделять необходимое финансирование на эти цели. Ведь реализация положений миграционной стратегии нашего государства, а именно по наращиванию демографического и экономического потенциала за счет привлечения мигрантов в нашу страну, является решением многих проблем, стоящих перед Российской Федерацией, особенно в нынешних условиях сложной политической ситуации в мире [6].

Современная обстановка на международной арене подталкивает Россию развиваться во всех направлениях, но это невозможно без привлечения дружественных стран-партнеров, в том числе без участия трудовых мигрантов и иностранных высококвалифицированных специалистов в этом процессе. Но взаимовыгодные отношения с дружественными странами и эффективность труда мигрантов не принесет должных результатов, если Россия не подготовит почву для плодотворных длительных международных отношений с этими государствами в разных сферах, в том числе, позволяющих реализовать цели проводимой миграционной политики [7].

Успешная интеграция и адаптация мигрантов в российское общество напрямую связана с социально-экономическим развитием Российской Федерации. Повышение качественных показателей труда, обеспечение правопорядка, социальной стабильности среди мигрантов напрямую отражается на благополучии нашего государства и общества. Поэтому необходимо больше уделять внимания этим вопросам и выстраивать миграционную политику так, чтобы в России мигранты ощущали себя частью нашего многонационального общества и плодотворно работали, проявляя уважение к нашей великой стране.

Таким образом, мы наблюдаем, что, несмотря на экономическую выгоду, которую приносят мигранты, в миграционной политике нашего государства существует немало проблем, требующих не только внимания, но и своевременного реагирования. Обстановка на международной арене подталкивает Россию на оперативные изменения стратегического курса

миграции, для стабилизации экономических показателей страны, успешной интеграции мигрантов в наше общество и адаптации в нем. Трудовая миграция уже стала одним из важнейших звеньев прогресса российской экономики и отказаться от участия иностранных работников в укреплении этих позиций крайне сложно, поэтому необходимо на общественном и государственном уровне решать проблемы в миграционной сфере [8, с. 55]. Отрадно, что в последнее время законодатель уделяет этому много внимания. Из последних изменений можно отметить, что повысились требования, предъявляемые к мигрантам, прибывающим в Россию, в частности, по знанию русского языка. Так, с 1 апреля 2025 г. вступил в силу Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 67 и 78 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», который устанавливает запрет на зачисление в школы детей мигрантов, не владеющих русским языком [9]. Еще одним изменением стало усиление мер контроля за знанием русского языка мигрантами, обладающими действующим языковым сертификатом, что закрепляется в приказе Рособнадзора от 15 мая 2024 г. № 1025 [10]. Помимо этого, вносятся изменения, которые направлены на борьбу с нелегальной миграцией, в том числе в отношении мигрантов, обучающихся в российских учебных учреждениях. Однако до сих пор остаются неурегулированными вопросы, связанные с культурной интеграцией мигрантов в наше общество, в том числе, касающиеся знания ими истории, традиций и культуры России, соблюдения и уважения законов, действующих в Российской Федерации и, в первую очередь, всех основополагающих принципов, заложенных в Конституции РФ [11].

Список источников

1. Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 45. Ст. 6917.
2. Хабибулин А. Г., Мурсалимов К. Р. Тенденции политико-правового развития в сфере миграции: внешний и внутренний аспекты // Миграционное право. 2024. № 2. С. 2–6.
3. Сальников В. П., Исмагилов, Р. Ф., Карагдов А. В. Межнациональный конфликт: понятие, динамика, механизмы разрешения. СПб., 2003.
4. Краснов: число совершенных мигрантами преступлений выросло на 75 % // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6594782>
5. Каменева А. Н. Противодействие миграционной преступности: некоторые вопросы // Миграционное право 2024. № 2. С. 16–18.
6. Лисицын П. П. Привлечение иностранной рабочей силы в Россию // Мир политики и социологии. 2019. № 4. С. 100–105.
7. Сальников В. П., Кривоносова Д. В., Крижановская Г. Н. Миграционная политика и суверенитет государства // Миграционное право. 2023. № 2. С. 21–23.
8. Булатов Т. Р. Миграционные процессы в современной России: состояние и тенденции развития // Юридический мир. 2024. № 2. С. 54–58.
9. Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 544-ФЗ «О внесении изменений в статьи 67 и 78 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202412280045>
10. Приказ Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки от 13 мая 2024 г. № 1008 «Об утверждении состава участников, сроков и продолжительности проведения всероссийских проверочных работ в образовательных организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам.., в 2024/2025 учебном году» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405300013>
11. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398; 2020. № 11. Ст. 1416.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation dated October 31, 2018 № 622 «On the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2019–2025» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2018. № 45. Art. 6917.
2. Khabibulin A. G., Mursalimov K. R. Trends in political and legal development in the field of migration:

external and internal aspects // Migration law. 2024. № 2. P. 2–6.

3. Salnikov V. P., Ismagilov, R. F., Karagodov A. V. Interethnic conflict: concept, dynamics, resolution mechanisms. St. Petersburg, 2003.

4. Krasnov: the number of crimes committed by migrants has increased by 75 % // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6594782>

5. Kameneva A. N. Countering migration crime: some issues // Migration law 2024. № 2. P. 16–18.

6. Lisitsyn P. P. Attracting foreign labor to Russia // The world of politics and sociology. 2019. № 4. P. 100–105.

7. Salnikov V. P., Krivososova D. V., Krizhanovskaya G. N. Migration policy and state sovereignty // Migration law. 2023. № 2. P. 21–23.

8. Bulatov T. R. Migration processes in modern Russia: status and development trends // Legal World. 2024. № 2. P. 54–58.

9. Federal Law № 544-FZ of December 28, 2024 «On Amendments to Articles 67 and 78 of the Federal

Law «On Education in the Russian Federation» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202412280045>

10. Order № 1008 of the Federal Service for Supervision of Education and Science dated May 13, 2024 «On approval of the composition of participants, dates and duration of the All-Russian verification works in educational organizations engaged in educational activities under educational programs..., in the 2024/2025 academic year» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405300013>

11. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (as amended by Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation № 6-FKZ dated December 30, 2008, № 7-FKZ dated December 30, 2008, № 2-FKZ dated February 5, 2014, and July 21 2014 № 11-FKZ, dated March 14, 2020 № 1-FKZ) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2014. № 31. Art. 4398; 2020. № 11. Art. 1416.

Информация об авторе

Р. Б. Булатов — профессор кафедры публичного права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, доцент, почетный работник сферы образования Российской Федерации.

Information about the author

R. B. Bulatov — Professor of the Department of Public Law of the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Honorary Worker of Education of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 01.04.2025; одобрена после рецензирования 05.05.2025; принята к публикации 29.05.2025.

The article was submitted 01.04.2025; approved after reviewing 05.05.2025; accepted for publication 29.05.2025.

Научная статья
УДК 347.1
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-30-33>
EDN: <https://elibrary.ru/umuhvx>

NIJON: 2003-0059-3/25-296
MOSURED: 77/27-003-2025-03-495

Проблемные вопросы нормативного регулирования административного задержания в деятельности органов внутренних дел (полиции)

Максим Александрович Вашаев

Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Рязань, Россия,
vashaev_m@rfmumvd.ru

Аннотация. Исследуется юридическая природа административного задержания как меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. Анализируются дискуссионные вопросы правового регулирования. Обозначаются проблемы в реализации данной меры на практике. Формулируются предложения о возможных изменениях отдельных норм законодательства в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: административное задержание, мотив административного задержания, права и обязанности, должностное лицо, сотрудник полиции

Для цитирования: Вашаев М. А. Проблемные вопросы нормативного регулирования административного задержания в деятельности органов внутренних дел (полиции) // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 3. С. 30–33. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-30-33>. EDN: UMUHVX.

Original article

Problematic issues of regulatory regulation of administrative detention in the activities of law enforcement agencies (police)

Maxim A. Vashaev

Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot',
Ryazan', Russia, vashaev_m@rfmumvd.ru

Abstract. The legal nature of administrative detention as a measure to ensure proceedings on cases of administrative offenses is studied. Discussion issues of legal regulation are analyzed. The problems in the implementation of this measure in practice are outlined. Proposals on possible changes in certain norms of legislation in this area are formulated.

Keywords: administrative detention, term of administrative detention, basis of administrative detention, rights and duties, official, police officer

For citation: Vashaev M. A. Problematic issues of regulatory regulation of administrative detention in the activities of law enforcement agencies (police). Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(3):30–33. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-30-33>. EDN: UMUHVX.

Анализ правоприменительной практики в деятельности органов внутренних дел позволяет сделать вывод, что сотрудники полиции в своей профессиональной деятельности наиболее часто применяют административное задержание как меру обеспечения производства по административным правонарушениям.

Законодателем указаны первыми именно должностные лица органов внутренних дел (полиции) в перечне лиц, уполномоченных производить данную меру. Обращаем внимание, что законодатель, по нашему мнению, слишком широко именуется эту категорию лиц. Как известно, в целях выполнения функций, возложенных на органы системы МВД России, осуществляют профессиональную деятельность не только сотрудники органов внутренних дел, но и феде-

ральные государственные гражданские служащие, а также вольнонаемные работники. Вместе с тем, только сотрудники уполномочены применять меры обеспечения производства по делам об административном правонарушении.

Стоит заметить, что приказом МВД России от 30 августа 2017 г. № 685 «О должностных лицах системы Министерства внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях и осуществлять административное задержание» установлен соответствующий перечень таких должностных лиц. Это, как правило, должностные лица, имеющие специальные звания сотрудников полиции: участковые уполномоченные полиции, сотрудники подразделений ГИБДД, дежурных частей, подразделений дознания, примене-

© Вашаев М. А., 2025

ния административного законодательства, оперативных и других подразделений [1]. При этом вышеуказанный правовой источник определяет, на наш взгляд, чрезмерно широкий перечень должностных категорий сотрудников органов внутренних дел, функциональное предназначение которых напрямую не связано с обеспечением правопорядка¹.

Однако, как нам представляется, статистика применения названным федеральным государственным гражданским служащим административного задержания сведена к нулю. Полагаем, что аналогичное можно сказать, к примеру, и об эффективности применения рассматриваемой меры главным государственным санитарным врачом МВД России Министра внутренних дел и др.

Не каждый сотрудник органов внутренних дел вправе реализовывать меры государственного принуждения. Так, сотрудники внутренней службы, например, тылового подразделения, штаба, или сотрудники органов предварительного следствия не исполняют полномочия, возложенные на полицию. В частности, ч. 3 ст. 11, ч. 2 ст. 12 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2] устанавливают, что только сотрудники полиции наделяются полномочиями, определенными Федеральным законом «О полиции» [4].

Получается, что законодательное установление в ч. 1 ст. 27.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (далее — КоАП РФ) [3] должностных лиц органов внутренних дел (полиции), которые уполномочены осуществлять административное задержание, сводится к должностным лицам центрального аппарата МВД России и сотрудникам полиции.

Таким образом, объективно административное задержание вправе осуществлять только сотрудники полиции. А действующее правовое регулирование на практике приводит к тому, что административное задержание производят и неуполномоченные лица, что априори ведет к незаконности его производства. Поэтому считаем, что в п. 1 ч. 1 ст. 27.3 КоАП РФ категорию «должностные лица органов внутренних дел (полиции)» надлежит заменить на «сотрудники полиции».

Положениями ст. 27.4 КоАП РФ, ч. 2 ст. 14 Федерального закона от 2 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [4] установлено правило, согласно которому каждый случай административного задержания фи-

зического лица сотрудник полиции обязательно должен зафиксировать в соответствующем протоколе.

В соответствии со ст. 27.4 КоАП РФ в протоколе об административном задержании обязательно в числе прочего должны быть указаны мотивы задержания. Между тем законодатель нигде не оговаривает, что входит в перечень таких мотивов. Этот момент также отдан на откуп правоприменителям, что, как демонстрирует судебная практика, служит практическим показателем незаконности применения административного задержания и нарушения прав и свобод граждан.

К примеру, Санкт-Петербургский городской суд в решении от 10 ноября 2017 г. по делу № 5-1272/2017 посчитал доводы о том, что в протоколе административного задержания не указаны мотивы задержания, не являющиеся основанием к его отмене, поскольку из протокола усматриваются дата и время задержания В. и доставления его в 64 отдел полиции УМВД России по Кировскому району [5].

Между тем Московский городской суд, установив, что 5 февраля 2014 г. в 20 часов в г. Москве Ж. был задержан сотрудниками полиции, поскольку тот не имел при себе миграционной карты, уведомления о месте пребывания, а при составлении протокола у Ж. выяснились иные обстоятельства, связанные с проживанием не по месту регистрации, пришел к выводу, что протокол не соответствует требованиям ч. 1 ст. 27.4 КоАП РФ, так как в нем зафиксированы взаимоисключающие мотивы задержания лица, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении [6].

Приведенные примеры, как представляется, демонстрируют корреляцию между недостаточным правовым регулированием процедуры применения обеспечительной меры в виде административного задержания и его проецированием на правоприменительную сферу.

Следует отметить, что, среди ученых, занимающихся данной проблематикой, также нет единой точки зрения по вопросу сущности и содержания мотива в рамках административного задержания. Например, коллектив авторов комментария к Федеральному закону «О животном мире» во главе с С. А. Боголюбовым мотивом административного задержания называет его причину [7, с. 203], С. В. Яркова — фактическое обоснование применения дан-

¹ Например, должностные лица центрального аппарата Министерства внутренних дел Российской Федерации.

ной меры в сложившейся юридико-фактической ситуации [8], Е. М. Клюков отождествляет мотивы и цели задержания [9, с. 21, 22].

На наш взгляд, более логичная точка зрения прослеживается в трудах ученых [10; 11], по мнению которых в протоколе административного задержания должны быть не мотивы задержания, а объективные данные. Так, Д. Е. Любишкин под объективными данными понимает доказательства, на которых основано признание факта правонарушения (сообщения очевидцев, документы и тому подобное), обстоятельства, которые уже установлены (обстоятельства совершения правонарушения, характер правонарушения, личность нарушителя, род его занятий, возраст, состояние здоровья, семейное положение и др.), а также соображения, которыми руководствовалось должностное лицо при производстве задержания. Развивая данную концепцию, важно отметить, что административное задержание должно, как минимум, соответствовать целям этой исключительной меры обеспечения дела об административном правонарушении.

Кроме того, надо понимать, что мотив у должностного лица формируется постепенно, поскольку оно должно учесть, дать оценку, установить и отразить в соответствующем протоколе мотивы применения задержания, взвесить все необходимые обстоятельства для применения данной обеспечительной меры по делу и осознать необходимость и обоснованность ее применения. Тогда как на практике должностное лицо оказывается один на один с принятием решения в очень короткий промежуток времени. И неверно принятое решение влечет его незаконность и нарушение прав и свобод гражданина.

Поэтому считаем, что сегодня назрела практическая потребность в соответствующих разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, какие обстоятельства следует относить к мотивам административного задержания.

Далее отметим, что согласно ч. 3 ст. 14 Федерального закона от 2 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» сотрудник полиции должен соблюсти четкую последовательность действий. Указанный законодателем алгоритм действий полицейского при задержании физического лица показывает, что лицо, подлежащее фактическому задержанию, должно понимать, что государство в лице своих правоохранительных органов уже начало официальное публичное разбирательство в отношении него. Этот момент неизбежно связан с возникновением особых процессуальных прав задержанного.

Стоит отметить, что фактическое задержание в рамках административно-деликатных правоотношений имеет иную правовую природу и отлично от задержания, предусмотренного уголовно-процессуальным законодательством. Поскольку фактическое уголовно-процессуальное задержание в литературе справедливо именуют захватом лица, что, конечно, оправдывает его сущность и цели [12, с. 50].

Вместе с тем, законодатель не указывает на обязанность обеспечить разъясненные задерживаемому права, а равно и порядок ее осуществления. Очевидно, что в момент фактического задержания произвести алгоритм действий сотрудника полиции, включая разъяснение прав задерживаемого, а тем более, их обеспечение, практически невозможно.

В соответствии с ч. 5 ст. 27.3 КоАП РФ о разъяснении задержанному прав и обязанностей лицу делается соответствующая запись в протоколе об административном задержании. Вероятно, законодателю не так важно, когда комплекс прав и обязанностей будет разъяснен физическому лицу: в момент фактического задержания или в момент составления протокола. Анализ положений ч. 3 ст. 14 в совокупности с ч. 4 ст. 5 Федерального закона от 2 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» говорит об обратном. Игнорирование законодателем такого важного момента на практике влечет нарушение прав и свобод граждан.

Таким образом, характеристика особенностей реализации административного задержания сотрудниками полиции обнажает пробелы правового регулирования реализации такой процедуры. В частности, законодатель, требуя в каждом случае административного задержания в соответствующем протоколе указывать мотивы задержания, нигде не оговаривает, что входит в перечень таких мотивов, отдавая их определение на откуп правоприменителю, что служит практическим показателем незаконности применения административного задержания и нарушения прав и свобод граждан.

Более того, в каждом случае задержания физического лица сотрудник полиции должен разъяснить ему возникающие в связи с этим права и обязанности гражданина, однако законодатель не указывает на обязанность обеспечить разъясненные задерживаемому права, а равно и порядок ее осуществления. Причем законодателем проигнорирована необходимость указания момента не только обеспечения сотрудниками полиции комплекса правомочий, но и их разъяснения, что на практике также влечет нарушение прав и свобод граждан.

Также следует ограничить должностные категории сотрудников органов внутренних дел, в компетенцию которых входит применение административного задержания, и в целях эффективности реализации данной обеспечительной меры надлежит уточнить это правило в вышеуказанном законодательном источнике.

Список источников

1. Приказ МВД России от 30 августа 2017 г. № 685 «О должностных лицах системы Министерства внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях и осуществлять административное задержание» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Решение Санкт-Петербургского городского суда от 10 ноября 2017 г. № 12-2377/2017 по делу № 5-1272/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Решение Московского городского суда от 14 марта 2014 г. по делу № 7-1350 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Комментарий к Федеральному закону «О животном мире» (постатейный). М., 2002.
8. Ярковой С. В. Требования законности административных правоприменительных актов и административных действий // Административное право и процесс. 2017. № 2. С. 67–71.
9. Клюков Е. М. Мера процессуального принуждения. Казань, 1974.
10. Любишкин Д. Е. Нужны ли мотивы задержания подозреваемого? // Российский следователь. 2013. № 5. С. 12–16.

11. Васильева Е. Г. Проблемы ограничения неприкосновенности личности в уголовном процессе: дисс. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2002.

12. Григорьев В. Н. Задержание подозреваемого. М., 1999.

References

1. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation № 685 dated August 30, 2017 «On Officials of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Authorized to Draw up Protocols on Administrative offenses and carry out administrative detention» // LRS «ConsultantPlus».
2. Federal Law № 342-FZ dated November 30, 2011 «On Service in Internal Affairs Bodies the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
3. Code of Administrative Offences of the Russian Federation № 195-FZ of December 30, 2001 // LRS «ConsultantPlus».
4. Federal Law № 3-FZ of February 7, 2011 «On Police» // LRS «ConsultantPlus».
5. Decision of the St. Petersburg City Court of November 10, 2017 № 12-2377/2017 in case № 5-1272/2017 // LRS «ConsultantPlus».
6. Decision of the Moscow City Court of March 14, 2014 in case № 7-1350 // LRS «ConsultantPlus».
7. Commentary to the Federal Law «On the Animal World» (article-by-article). M., 2002.
8. Yarkova S. V. Requirements of legality of administrative law enforcement acts and administrative actions // Administrative law and process. 2017. № 2. P. 67–71.
9. Klyukov E. M. Measure of procedural coercion. Kazan, 1974.
10. Lyubishkin D. E. Do we need motives for detaining a suspect? // The Russian investigator. 2013. № 5. P. 12–16.
11. Vasilyeva E. G. Problems of limitation of personal inviolability in criminal proceedings: diss. ... Candidate of Legal Sciences. Ufa, 2002.
12. Grigoriev V. N. Detention of a suspect. M., 1999.

Информация об авторе

М. А. Вапшаев — заместитель начальника кафедры административного права и административной деятельности Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

M. A. Vashaev — Deputy Head of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 02.03.2025; одобрена после рецензирования 31.03.2025; принята к публикации 25.04.2025.
The article was submitted 02.03.2025; approved after reviewing 31.03.2025; accepted for publication 25.04.2025.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-34-45>

EDN: <https://elibrary.ru/uwlnxh>

ИПОН: 2003-0059-3/25-297

MOSURED: 77/27-003-2025-03-496

Новая доктрина налоговой и бюджетной системы Российской Федерации в 2025 г. Какие перспективы ожидают участников в налогово-бюджетной сфере?

Александр Иванович Григорьев

Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина, Москва, Россия, altr1960@mail.ru,

SPIN-код: 8471-9962, AuthorID: 891037

Аннотация. В феврале 2024 г., в рамках очередного обращения к Федеральному собранию, Президент Российской Федерации В. В. Путин подчеркнул важность налоговой донастройки для улучшения инвестиционного климата страны. Глава государства отметил необходимость создания стабильных и предсказуемых условий для надежного и уверенного функционирования бизнеса.

Следует признать обоснованность утверждения о том, что налоговая система Российской Федерации нуждается в совершенствовании с целью повышения ее справедливости, прозрачности и понятности для всех категорий налогоплательщиков. Несмотря на предпринимаемые меры, налогоплательщики, включая организации, индивидуальных предпринимателей и физических лиц, продолжают сталкиваться с проблемами, связанными с неожиданными изменениями в области обязательных платежей, инициируемыми Правительством Российской Федерации.

Автор предпринял попытку провести анализ лишь некоторых из множества проблем, с которыми сталкиваются налогоплательщики в процессе взаимодействия с фискальными органами; рассмотрены возможные пути их решения.

Ключевые слова: НДС, налог на прибыль организаций, УСН, НДС, налоговая амнистия, «дробление» бизнеса

Для цитирования: Григорьев А. И. Новая доктрина налоговой и бюджетной системы Российской Федерации в 2025 г. Какие перспективы ожидают участников в налогово-бюджетной сфере? // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 3. С. 34–45. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-34-45>. EDN: UWLNXH.

Original article

The new doctrine of the tax and budgetary system of the Russian Federation in 2025. What prospects do the participants expect in the fiscal sphere?

Alexander I. Grigoriev

Russian State University named after A.N. Kosygin, Moscow, Russia, altr1960@mail.ru, SPIN code: 8471-9962,

AuthorID: 891037

Abstract. In February 2024, as part of his regular address to the Federal Assembly, the President of the Russian Federation V. V. Putin emphasized the importance of tax fine-tuning to improve the country's investment climate. V. Putin emphasized the importance of tax fine-tuning to improve the country's investment climate. The head of state noted the need to create stable and predictable conditions for reliable and confident functioning of business.

We should recognize the validity of the statement that the tax system of the Russian Federation needs to be improved in order to increase its fairness, transparency and comprehensibility for all categories of taxpayers. Despite the measures taken, taxpayers, including organizations, individual entrepreneurs and individuals, continue to face problems related to unexpected changes in the field of mandatory payments initiated by the Government of the Russian Federation.

The author has attempted to analyze only some of the many problems faced by taxpayers in the process of interaction with the fiscal authorities; possible ways to solve them are considered.

Keywords: personal income tax, corporate income tax, simplified taxation system, VAT, tax amnesty, «split» business

For citation: Grigoriev A. I. The new doctrine of the tax and budgetary system of the Russian Federation in 2025. What prospects do the participants expect in the fiscal sphere? Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(3):34–45. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-34-45>. EDN: UWLNXH.

В контексте проведения Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ-2024) был осуществлен глубокий анализ и обсуждение вопросов, касающихся совершенствования налоговой системы РФ. Особое внимание в рамках дискуссий было уделено оценке целесообразности и эффективности дей-

© Григорьев А. И., 2025

ствующего налога на сверхприбыль, введенного Федеральным законом от 4 августа 2023 г. № 414-ФЗ.

Следует отметить, что в соответствии с положениями п. 1 ст. 2 указанного закона, определенные категории налогоплательщиков обязаны уплачивать дополнительный налог на сверхприбыль по ставке 10 % в случае, если средняя арифметическая величина их прибыли превышает 1 млрд руб. Данный механизм фактически представляет собой введение двойного налогообложения, где первоначально применяется налог на прибыль по стандартной ставке 20 %, а затем, при превышении указанного порога, дополнительно взимается налог на сверхприбыль.

Важно подчеркнуть, что налог на сверхприбыль в полном объеме (100 %) зачисляется в федеральный бюджет, что регламентировано ст. 50 Бюджетного кодекса РФ. Данная нормативная конструкция вызывает ряд вопросов и требует детального анализа с точки зрения экономической целесообразности и фискальной эффективности.

Рассматривая вопросы стабильности и предсказуемости действующей налоговой системы Министр экономического развития РФ М. Решетников сообщил, что размер ставки НДС (который фактически платят налогоплательщики по налогу на сверхприбыль), должен варьироваться от фактически складывающейся ситуации на финансовом и сырьевом рынке. «Мы должны понимать, что формируем предсказуемую, в том числе и для бизнеса, систему налогообложения, когда не налог на прибыль изымает сверхприбыль и сверхдоходы, а есть понятный и прозрачный гибкий НДС», — отметил М. Решетников¹. Получается, что определенная часть налогоплательщиков платит налог дважды — первый раз налог на прибыль организаций, второй раз — налог на сверхприбыль (двойное налогообложение).

В контексте исследования налоговой политики РФ необходимо рассмотреть Федеральный закон от 12 июля 2024 г. № 176-ФЗ (в ред. от 12 декабря 2024 г.) «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации». Данный нормативно-правовой акт, вступивший в силу с 1 января 2025 г., является важным элементом налоговой реформы, направленной на оптимизацию доходной части бюджетной системы.

Согласно оценкам Министерства финансов Российской Федерации, реализация положений Закона № 176-ФЗ позволит увеличить налоговые поступления в бюджетную систему на 2,6 трлн руб. в 2025 г. Ключевым элементом данной реформы является повышение ставки налога на прибыль с 20 до 25 %. Ожидается, что данное изменение принесет в федеральный бюджет около 1,6 трлн руб.

Важно отметить, что в рамках предложенной реформы также внесены изменения в ст. 284 Налогового кодекса Российской Федерации. В частности, установлено, что налог на прибыль по ставке 8 % будет зачисляться в федеральный бюджет, в то время как налог по ставке 17 % будет направляться в региональные бюджеты. Это изменение, по мнению Минфина России, направлено на перераспределение налоговых доходов между уровнями бюджетной системы, что может способствовать более сбалансированному развитию регионов Российской Федерации.

Еще А. Смит высказывал мнение, что от снижения налогового бремени государство выиграет больше, нежели от наложения непосильных податей: на освобожденные средства может быть получен дополнительный доход, с которого в казну поступит налог. При этом плательщики с большой легкостью сделают эти платежи, что освободит государство от сбора налогов, связанных с наказанием и вымогательством [1, с. 588–589]. Согласно фундаментальной идеи, выдвинутой американским профессором А. Лаффером, что чем выше предельные значения налоговых ставок, то тем выше побудительный мотив у налогоплательщиков не платить налоги, был поддержан С. Г. Пепеляевым, считающим, что увеличение налогов увеличивает и размер «теневой» экономики, при которой, большая часть налогов не декларируется [2, с. 37]. «Концептуальный смысл этой теории можно выразить зависимостью: мало налогов — много экономики» [3].

В настоящее время финансовая система России воплощает кейнсианскую теорию, согласно которой государство должно стать основным инвестором в денежно-кредитной и бюджетной политике, тем более в сложившихся условиях наложенных санкций ЕС и США на экономику страны. Вполне возможно, что это так, поскольку четвертая часть ВВП идет на финансирование ВПК России, с учетом бюджетного кре-

¹ URL: <https://www.eg-online.ru/news/484705/>

дитования. Вопрос только один: как быть другим секторам экономики, которые не задействованы с военно-промышленным комплексом страны. Предлагаемая ставка налога прибыль в размере 25 % будет способствовать уменьшению дополнительных доходов предприятий, заставит бизнес закладывать налоговые издержки в стоимость производимой продукции, а отсюда увеличение инфляционных процессов в экономике. В худшем сценарии — компании будут уходить из экономического пространства России. Вопрос относительно реформирования инвестиционного налогового вычета по налогу на прибыль, полагаем, находится в стадии обсуждения, но уже сейчас ясно, что требуется пересмотр региональной части этого вычета, а также возможность отмены запрета, связанного с амортизационной премией.

Вполне долгожданным и обоснованно справедливым является включение в Закон № 176-ФЗ положений о прогрессивной системе налогообложения по налогу на доходы физических лиц и увеличение размера стандартного налогового вычета, особенно на детей.

В п. 1 ст. 3 Налогового кодекса Российской Федерации законодателем провозглашается всеобщность и равенство налогообложения. Однако, равенство в налогообложении, по мнению С. Г. Пепеляева и Е. В. Кудряшовой, реализуется не как уплата налога в одинаковом размере, а как экономическое равенство плательщиков и выражается в том, что за основу берется фактическая способность к уплате налога на основе сравнения экономических потенциалов разных налогоплательщиков [4].

Действующая в настоящее время шкала налогообложения по НДФЛ порождает полемические споры как среди экономистов, так и среди правоведов. Повышенная ставка 15 % при доходах налогоплательщика за налоговый период в размере 5 млн руб., говорит о большой щедрости государства, особенно, при налогообложении доходов КИК (п. 9 ст. 25.15 НК РФ, ст. 227.2 НК РФ). По российскому налоговому законодательству вы должны включать доходы этой офшорной контролируемой иностранной компании в свою налоговую декларацию. Но если в США вы должны платить ставку, которая будет составлять 20–30–37 %, то в Российской Федерации — больше 5 млн руб. платить не требуется.

Начиная с 1 января 2025 г., фиксированная сумма прибыли устанавливается:

- ♦ одной КИК — 27 990 000 руб.;

- ♦ двух контролируемых иностранных компаний, — 52 718 000 руб.;

- ♦ 52 718 000 руб. + 22 727 300 руб. за каждую следующую КИК — если получают прибыль с трех КИК и более.

Конечно, на первый взгляд, — рост существенный, но это только на первый взгляд, так как данная категория уплачивает налог исходя из фиксированной суммы прибыли в размере 34 млн руб., что вообще несколько нивелирует саму предлагаемую прогрессивную систему налогообложения по НДФЛ.

Практически установленная Минфином России прогрессивная шкала налогообложения не затрагивает налогоплательщиков с большими доходами, так они фактически уплачивают налоги от продажи недвижимости, доходов от операций с ценными бумагами, процентов по вкладам и операциям по счетам в банках, находящихся на территории РФ, с дивидендов и ряд других, которых законодательные изменения не затрагивают. С этих видов доходов предполагается установление двух ставок НДФЛ:

- ♦ 13 % — до 2,4 млн руб.;
- ♦ 15 % — от 2,4 млн руб.

«Мировая практика свидетельствует об использовании прогрессии в налогообложении доходов граждан. Это не новация — этот принцип применяется и в странах ближнего зарубежья, где верхняя часть шкалы доходит до 25 %. В странах дальнего зарубежья верхняя шкала налогообложения поднимается до 45–55 %. Правительство намерено предлагать разумную прогрессию, чтобы система была конкурентоспособной. Подавляющего большинства граждан изменение налоговых ставок не должно коснуться», — заявил на парламентских слушаниях по вопросам совершенствования налогового законодательства Министр финансов РФ А. Г. Силуанов [5].

Нельзя не остановиться и на том, что законодатель Федеральным законом от 13 июля 2024 г. № 179-ФЗ «О ежегодной семейной выплате гражданам Российской Федерации, имеющим двух и более детей», установил ежегодную семейную выплату гражданам Российской Федерации, имеющим двух и более детей» (далее — Закон № 179-ФЗ)².

² Прожиточный минимум — это официальный показатель, который определяет минимальный уровень дохода, необходимый для обеспечения основных потребностей человека. Этот показатель учитывает стоимость набора товаров и услуг, необходимых для поддержания здоровья и обеспечения социального функционирования.

Главное — заявитель не должен иметь задолженности по алиментным обязательствам, а также возраст детей не должен превышать 18 лет, а если они продолжили обучение после школы — то до 23 лет. Иными словами, фактически, эта категория налогоплательщиков будет платить налог не по ставке 13 %, а всего 6 %.

Надо иметь в виду, что при определении права на получение возврата НДС, СФР РФ будет учитывать наличие у семьи движимого и недвижимого имущества. По замыслу авторов Закона № 179-ФЗ это должно обеспечить справедливое распределение поддержки семей, нуждающихся в финансовой помощи.

«Формально правильно, а по сути издевательство», — так довольно остро в полемике со своими оппонентами о введении продналога отреагировал В. И. Ленин [6]. Если рассматривать величину прожиточного минимума в 2024 г., то в Москве на душу населения она составила 22 662 руб., для трудоспособного — 25 879 руб. (постановление Правительства Москвы от 17 октября 2023 г. № 1961-ПП), в Московской области — 18 296 и 19 943 руб. соответственно (постановление Правительства Московской области от 14 сентября 2023 г. № 738-ПП/30) и в то же время в Республике Башкортостан — 13 753 и 14 991 руб. соответственно (постановление Правительства Республики Башкортостан от 7 ноября 2023 г. № 631), Республике Дагестан — 14 062 и 15 328 руб. соответственно (постановление Правительства Республики Дагестан), Республике Калмыкия — 14 835 и 16 170 руб. соответственно (постановление Правительства Республики Калмыкия от 11 сентября 2023 г. № 299).

В данном аспекте представляется целесообразным рассмотреть вопрос о дифференциации налоговых вычетов в зависимости от уровня социально-экономического развития регионов. Анализ показывает, что в ряде субъектов Российской Федерации наблюдается значительное расхождение в уровне жизни населения по сравнению с крупными мегаполисами. Это обстоятельство вызывает необходимость пересмотра существующей системы налоговых льгот и социальных выплат.

С точки зрения теории социальной справедливости, представляется недопустимым предоставление различных размеров налоговых вычетов малоимущим категориям граждан в зависимости от региона их проживания. Такой подход может привести к ис-

кажению принципов равенства прав и возможностей, а также к подрыву концепции справедливого налогообложения.

Следует отметить, что государства, собирая повышенные налоги с наиболее обеспеченных налогоплательщиков, стремятся перераспределить полученные доходы в пользу наименее защищенных слоев населения. Однако, если регион не располагает достаточными финансовыми ресурсами для оказания соответствующей помощи, то из федерального бюджета должны предоставляться дотации или субвенции.

Таким образом, необходимо разработать и внедрить механизмы, обеспечивающие равный доступ всех граждан к социальным выплатам и налоговым льготам, независимо от уровня социально-экономического развития их региона проживания. Это позволит сохранить принципы социальной справедливости и равенства, а также обеспечить устойчивое развитие всех субъектов Российской Федерации.

Кроме этого, СФР РФ и так выполняет не свои собственные функции, связанные с администрированием средств материнского капитала. Нельзя забывать, что операционные расходы, связанные контролем по возврату этого «кешбэка», дополнительно увеличат расходы социального фонда.

Правоприменительная практика в сфере налогового законодательства Российской Федерации свидетельствует о проблеме, связанной с предполагаемой подменой понятий со стороны законодательных органов. Данный феномен выражается в отклонении от четко установленных норм, регулирующих порядок взимания и возврата налога на доходы физических лиц (НДФЛ).

Следует подчеркнуть, что действующий Налоговый кодекс Российской Федерации *не содержит положений*, регулирующих процедуру возврата части НДФЛ, используя механизм территориальных органов Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации. Это обстоятельство вызывает серьезные сомнения относительно правовой природы и легитимности данной практики.

Таким образом, возникает необходимость проведения детального анализа и научной аргументации со стороны компетентных органов. В рамках данного анализа целесообразно рассмотреть теоретические и практические аспекты функционирования системы налогообложения в Российской Федерации, а также

оценить соответствие сложившейся практики действующим нормативным правовым актам.

Данный аспект вызывает определенные вопросы в свете существующих законодательных актов, регламентирующих налоговые льготы и вычеты.

Следует отметить, что в соответствии с Федеральным законом от 7 июля 2003 г. № 105-ФЗ и Федеральным законом от 22 июля 2008 г. № 121-ФЗ, подп. 3 п. 1 ст. 218 Налогового кодекса Российской Федерации предусматривалось предоставление стандартного налогового вычета в размере 400 руб. за каждый месяц налогового периода при условии, что совокупный доход, исчисленный налоговым агентом по ставке 13 %, не превышал 40 000 руб. Данный механизм можно рассматривать как форму социальной поддержки малообеспеченных слоев населения, выраженную через возврат части уплаченного налога.

С точки зрения принципов налогообложения, изложенных в ст. 3 Налогового кодекса Российской Федерации, установление необлагаемого минимума дохода могло бы способствовать более справедливому распределению налогового бремени и обеспечению социальной защиты наименее обеспеченных граждан. Однако, несмотря на очевидную целесообразность данного подхода, законодатель не реализовал его в полной мере.

Используя крылатое выражение, принадлежащее известному философу Рене Декарту, «все познается в сравнении», рассмотрим прогрессивные системы налогообложения в ряде стран Европы и КНР, а также как действует механизм необлагаемого налога по НДФЛ.

В ФРГ доходы налоговых резидентов освобождаются от НДФЛ, если доход налогоплательщика не превышает необлагаемого минимума в размере 9774 евро на одного человека и 18 816 евро в год для семейной пары (на 2021 г.)³, в 2024 г. — 11 604 евро. Налоговые резиденты уплачивают НДФЛ с доходов, полученных как на территории ФРГ, так и за ее пределами. Налогообложение доходов в ФРГ характеризуется тем, что налоговые резиденты обязаны уплачивать НДФЛ с доходов, полученных как на территории страны, так и за ее пределами. В то же время, налоговые нерезиденты уплачивают налог только с доходов, полученных на территории ФРГ. Важно отметить, что налоговые нерезиденты также подлежат обложению НДФЛ в случае, если их доходы были получены за пределами Российской Фе-

дерации, согласно подп. 6.2 п. 1 ст. 208 Налогового кодекса Российской Федерации.

«Границы дохода в 2024 г., по которым определяется порядок формирования налоговой ставки:

- ◆ до 11 604 евро налог не платится;
- ◆ 11 604–17 005 евро (минимальная ставка 14 %, рост с коэффициентом 922,98);
- ◆ 17 006–66 760 евро (до суммы 17 005 евро налог рассчитывается по формуле предыдущего пункта, а все что выше — с минимальным процентом 23,97 % с повышением по коэффициенту 181,19);
- ◆ 66 761–277 825 евро (налог рассчитывается по ставке 42 %);
- ◆ от 277 826 евро и выше (ставка 45 %)»⁴.

В процессе регистрации в налоговом органе налогоплательщику присваивается определенный налоговый класс, который зависит от его семейного положения. Всего существует шесть налоговых классов, каждый из которых имеет свои особенности и преимущества. Например, супруги, чьи доходы различаются, могут оптимизировать налоговую нагрузку за счет совместного декларирования доходов.

Эффективное использование налоговых льгот и вычетов является ключевым фактором для минимизации налоговой нагрузки. В 2022 г. первая часть доходов, составляющая 9984 евро для одиноких налогоплательщиков и 19 968 евро для семейных пар, подающих совместную налоговую декларацию, освобождена от налогообложения. Доходы, превышающие указанные лимиты, облагаются подоходным налогом по прогрессивной шкале.

Благотворительные пожертвования немецким организациям могут быть учтены при расчете налоговой базы, что позволяет снизить общую сумму налогов.

Кроме того, при выплате алиментов бывшему партнеру налогоплательщик имеет право на снижение налогооблагаемой базы на сумму 13 805 евро, что также способствует оптимизации налоговой нагрузки.

Налогоплательщики, имеющие детей, могут воспользоваться льготами, предусмотренными законодательством Германии, в отношении расходов на образование и уход за несовершеннолетними. В частности, при условии, что ребенок обучается в частной школе, налогоплательщик имеет право на налоговый вычет в размере до 30 % от суммы, упла-

³ URL: <https://tranio.ru/articles/podokhodnyj-nalog-v-germanii/>

⁴ URL: <https://www.tupa-germania.ru/nalogi/nalogovaja-stavka.html>

ченной за обучение. Аналогичная льгота распространяется и на расходы, связанные с уходом за детьми в возрасте до 14 лет.

В процессе трудовой деятельности лица, работающие по найму, могут претендовать на вычет определенных профессиональных расходов, которые должны быть документально подтверждены и не компенсированы работодателем. Данные расходы включают, но не ограничиваются, затратами на приобретение профессиональной литературы, участие в конференциях и семинарах, а также на иные мероприятия, непосредственно связанные с выполнением трудовых обязанностей.

Вычет на такие расходы не может превышать 1000 евро в год; в него можно включить следующие расходы:

- ◆ расходы на переезд из-за работы;
- ◆ командировочные расходы и расходы на дорогу;
- ◆ расходы на обучение и др.

Лица, работающие из дома, могут претендовать на налоговые вычеты в размере до 5 евро за рабочий день (максимум до 600 евро в год)⁵.

Анализируя системы налогообложения физических лиц, следует отметить, что при расчете налога на доходы физических лиц (НДФЛ) существует возможность снижения налоговой базы за счет учета расходов, связанных с уплатой страховых взносов. Важно подчеркнуть, что в европейских странах и США страховые услуги, включая обязательное страхование, играют значительную роль в обеспечении социальной защиты граждан.

Надо учитывать, что дополнительно для самозанятых граждан предусмотрены отдельные налоговые льготы и вычеты, что способствует оптимизации их налогового бремени.

Таким образом, можно констатировать, что в условиях прогрессивной шкалы налогообложения по НДФЛ существует необлагаемый доход, а также широкий спектр налоговых вычетов и льгот, которые позволяют налогоплательщикам существенно уменьшить свои обязательства перед бюджетом. Это свидетельствует о высокой степени гибкости и адаптивности налоговой системы к различным категориям налогоплательщиков, что является важным аспектом эффективного налогового администрирования.

Во Французской Республике налог на доходы физических лиц направлен на защиту социально незащищенной категории населения.

«Прогрессивная шкала включает в себя пять групп доходов, имеющих прямую связь с минимальным размером оплаты труда SMIC (1766,92 евро в месяц в 2024 г., до вычета налогов)»⁶. Действующая система налогообложения по НДФЛ включает себя пять ставок, причем, необлагаемый налогом доход составляет 11 294 евро, а максимальная ставка — 45 %. Нужно иметь в виду, что налог исчисляется не с доходов конкретного налогоплательщика, а с некоей социально-административной структуры, называемой «домохозяйство» или (foyer fiscal). Налоговым органом учитывается количество супругов, а также детей. Чем больше членов семьи — тем больше увеличивается повышающий коэффициент, который в конечном итоге уменьшает налогооблагаемую базу⁷.

Налогоплательщики обладают возможностью редуцировать свои налоговые обязательства посредством налогового вычета значительного перечня расходов, включая затраты на страхование и обязательное социальное обеспечение. Проведение элементарных арифметических расчетов позволяет констатировать, что социально уязвимые слои населения даже полностью освобождаются от уплаты налога на доходы физических лиц (НДФЛ), в то время как представители среднего класса сталкиваются с относительно умеренной налоговой нагрузкой.

В Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, как и в других странах с прогрессивной системой налогообложения, существует определенный уровень дохода, не подлежащий налогообложению. В данном случае необлагаемый доход составляет 12 570 фунтов стерлингов.

Налогообложение доходов физических лиц (НДФЛ) в Соединенном Королевстве осуществляется по прогрессивной шкале, включающей четыре различные ставки. Максимальная ставка налога в размере 45 % применяется к доходам, превышающим 150 001 фунтов стерлингов.

Дополнительно, в рамках системы налогообложения физических лиц, предусмотрены четыре категории налоговых льгот, которые ежегодно пересматриваются и корректируются Правительством. Эти льготы играют важную роль в снижении налоговой нагрузки на налогоплательщиков, особенно на лиц с более низкими и средними доходами.

⁵ URL: <https://www.insure.travel/de/finance/taxes/income-taxes>

⁶ URL: <https://tranio.ru/articles/podohodnyj-nalog-vo-francii/>

⁷ URL: <https://tranio.ru/articles/podohodnyj-nalog-vo-francii/>

Таким образом, структура налогообложения доходов физических лиц в Великобритании представляет собой сложную и многоуровневую систему, которая позволяет учитывать различные финансовые обстоятельства налогоплательщиков и обеспечивать справедливое распределение налогового бремени.

В Китайской Народной Республике (КНР) система налогообложения предусматривает базовый налоговый вычет в размере 5000 юаней в месяц для всех налогоплательщиков. Кроме того, существует возможность уменьшения налогооблагаемой базы на сумму уплаченных страховых взносов по обязательному социальному страхованию, а также на расходы, связанные с образованием, уходом за престарелыми родителями, арендой жилья и другими статьями расходов, но не более чем на 1000 юаней в месяц.

Налоговые ставки в КНР варьируются в зависимости от уровня дохода налогоплательщика. При доходе, не превышающем 36 000 юаней, применяется ставка в размере 3 %. С увеличением дохода налоговая ставка возрастает, достигая максимального значения в 45 % при доходе от 960 000 юаней и выше.

Следует отметить, что вычет в размере 5000 юаней в месяц является универсальным и предоставляется всем налогоплательщикам, что способствует снижению налогового бремени и стимулирует экономическую активность населения.

Итак, Закон № 176-ФЗ делает более прогрессивной систему налогообложения по НДФЛ. Однако, стоит заметить, что в законопроекте отсутствует необлагаемый налогом доход и некий налоговый вычет, позволяющий освободить от налогообложения малообеспеченные слои населения. Предложения о возврате налога в размере 7 % через СФР считаем малоэффективным инструментом, так как этот механизм довольно сложный в администрировании, и все расходы, связанные с проведением контрольно-надзорных функций, превысят ожидаемый эффект от введения такой налоговой льготы. Государство дополнительно понесет непредвиденные расходы, которые придется учитывать в проектах будущих бюджетов.

Помощь государства, связанная с оказанием помощи малоимущей части граждан должна быть простой и понятной для налогоплательщиков, а администрирование, связанное с возвратом части НДФЛ, не обременительной нагрузкой для государства. Об этом, законодатель, довольно четко, высказался в п. 6 ст. 3 НК РФ.

Стоит заметить, что в рамках текущей законодательной инициативы, представленной депутатами в Государственную Думу Российской Федерации в виде законопроекта № 887866-8, вносятся существенные изменения в ст. 217 Налогового кодекса Российской Федерации (НК РФ). Эти изменения базируются на анализе международной налоговой практики и учитывают сложные демографические тенденции, характеризующиеся негативной динамикой в сфере рождаемости.

Конкретно предлагается введение нового п. 97 в вышеуказанную статью, который предусматривает освобождение от налогообложения налогом на доходы физических лиц (НДФЛ) доходов женщин, не достигших возраста 30 лет, в случае рождения или усыновления ими первого ребенка. Данное освобождение распространяется на доходы, не превышающие трехкратной величины минимального размера оплаты труда (МРОТ), установленного законодательством Российской Федерации.

Дополнительно, для женщин, родивших или усыновивших второго ребенка, предусматривается освобождение от НДФЛ доходов, полученных в денежной форме за выполнение трудовых обязанностей, при условии, что эти доходы не превышают четырехкратной величины МРОТ.

Очень странное положение. А почему одинокие мужчины, воспитывающие детей, не могут воспользоваться этой льготой? И что за гендерное неравенство. Положения НК РФ не допускают такого трактования законодательства о налогах и сборах (ст. 3 Налогового кодекса Российской Федерации).

На наш взгляд, принятие данного законопроекта маловероятно, так как абсолютно не ясно, за счет каких средств будут компенсированы выпадающие доходы бюджета, да и никак не прибавляет оптимизма принятый Федеральный закон от 21 апреля 2025 г. № 84-ФЗ (далее — Закон № 84-ФЗ), внесший поправку в ст. 215.1 БК РФ, из положений которой следует, что государство может игнорировать исполнение судебных решений, если в бюджете на это не предусмотрено денег. Исключение — компенсация вреда гражданам. Конечно, можно понять интересы Минфина России, когда в мае 2025 г. Правительством Российской Федерации пересматриваются параметры бюджета на 2026 и на плановый периоды — 2027 и 2028 гг. Так по оперативному докладу Счетной палаты Российской Федерации, было отмечено,

что при утвержденном на отчетную дату дефиците в объеме (-) 2 120 134,3 млн руб., или 1,1 % ВВП, федеральный бюджет за 2024 г. исполнен с дефицитом в объеме (-) 3 482 793,6 млн руб., или 1,7 % ВВП, что на 252 996,4 млн руб., или на 7,8 %, больше дефицита, сложившегося по итогам исполнения федерального бюджета за 2023 г.⁸ По предварительной оценке Минфина России, объем расходов федерального бюджета по итогам первого квартала 2025 г. составил 11 224 млрд руб., что выше уровня предыдущего года на 24,5 % гг. По итогам первого квартала 2025 г. федеральный бюджет сложился с дефицитом в размере 2173 млрд руб.⁹ Да и по косвенным признакам, красноречивым фактом является законодательная инициатива Минтруда России обложить страховыми взносами лиц, уплачивающих налог на профессиональный доход («самозанятые») (ID проекта: 154329).

Конечно, можно сослаться на бюджетное законодательство РФ (ст. 217, 242.1–246.1-1 БК РФ), но в целом, в этих нормах законодателем не ставится в зависимость исполнение исполнительного документа от наличия соответствующих средств в бюджете. Более того, Закон № 84-ФЗ вступил в явное противоречие с Федеральным конституционным законом от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (ред. от 16 апреля 2022 г.) «О судебной системе Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 января 2023 г.) (ст. 6), который по юридической силе превалирует над Законом № 84-ФЗ.

Наконец, никак нельзя не остановиться на изменениях в Законе № 176-ФЗ, затрагивающих основные положения налогообложения лиц, уплачивающих НДС и налог по упрощенной системе налогообложения (УСН). По сути, предлагается реформировать специальную систему налогообложения, затронув при этом, налог на добавленную стоимость (НДС).

Концепция реформирования упрощенной системы налогообложения (УСН) в Российской Федерации, направленная на предотвращение искусственного дробления бизнеса, давно обсуждалась в Минфине России. Одним из ключевых этапов на пути к этой реформе стало введение системы налогообложения в виде единого налога на вмененный доход (ЕНВД) для определенных видов деятельности, которая, несмотря на свои достоинства, имела определенные недостатки.

Одним из наиболее существенных недостатков ЕНВД для контролирующих органов являлся так на-

зываемый потенциально возможный доход налогоплательщика, который представлял собой аморфное понятие, способствующее созданию условий для дробления бизнеса, особенно в случаях, когда в сделках участвовали взаимозависимые лица. В ответ на это законодательство было вынуждено классифицировать сделки, заключаемые между плательщиками ЕНВД и взаимозависимыми лицами как контролируемые (подп. 3 п. 2 ст. 105.14 Налогового кодекса РФ в старой редакции).

Федеральный закон от 29 июня 2012 г. № 97-ФЗ окончательно закрепил отмену ЕНВД на территории Российской Федерации с 1 января 2021 г. Это решение стало логическим продолжением реформы налоговой системы, направленной на устранение правовых пробелов и повышение эффективности налогового контроля, что, в свою очередь, должно способствовать созданию более прозрачной и справедливой системы налогообложения.

Надо заметить, что Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (ст. 7) предусматривает для малого бизнеса специальные налоговые режимы и упрощенный порядок ведения налогового учета. Однако, с отменой ЕНВД, эта норма носит чисто декларативный характер.

Дошел черед и до реформирования УСН. Цель такая же — минимизировать налоговые риски государства, связанные с применением специальных налоговых режимов.

В Закон № 176-ФЗ внесены изменения в ст. 145 НК РФ, исходя из которой организации и ИП, применяющие УСН, сумма доходов в календарном году которых превысила, в соответствии со ст. 346.15 и с подп. 1 и 3 п. 1 ст. 346.25 НК РФ, но не превысила в совокупности 60 млн руб., обязаны будут уплачивать НДС, правда, по пониженной ставке.

Повышенные налоговые ставки по УСН — 8 и 20 % (ст. 346.20 НК РФ), законодатель отменяет с переходом на базовые ставки (6 и 15 %).

Предложения Минфина России понятны — он хочет, посредством введения НДС (пониженные ставки) и повышения порогов выручки, лишить экономической мотивации налогоплательщиков от так называемого «дробления» бизнеса.

⁸ URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/f7d/mp3zg8a6s3o7gzxxv2sl260u2r6mwm4.pdf>

⁹ URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=39673

Абсолютно непонятно, как быть налогоплательщикам, применяющим АУСН?

Нельзя не заметить, что если в отношении крупного бизнеса законодатель предусмотрел использование различных ТОР, ОЭЗ, САР, различных налоговых региональных льгот, включая применение инвестиционного налогового вычета по налогу на прибыль (ст. 286.1 НК РФ), то малый и средний бизнес, как в прочем и налогоплательщики-физические лица, испытывают наибольшую налоговую нагрузку.

В процессе производственной деятельности, когда налогоплательщик по запросу контрагента, выставляет счет-фактуру, применение налога на добавленную стоимость (НДС) является стандартной практикой. Однако в сфере розничной торговли и общественного питания использование НДС часто становится источником дополнительных налоговых споров с фискальными органами, особенно в случаях предоставления бесплатного питания сотрудникам организации.

Анализ нормативно-правовой базы показывает, что упрощенная система налогообложения (УСН) представляет собой промежуточный налоговый режим между общей системой налогообложения и другими специальными налоговыми режимами. В то же время правовая определенность применения автоматизированной упрощенной системы налогообложения (АУСН) остается предметом дискуссий.

Таким образом, исследование налоговых аспектов в различных сферах экономической деятельности позволяет выявить сложные и неоднозначные вопросы, требующие дальнейшего правового анализа и урегулирования.

Таким образом можно сделать следующие выводы. Правительство Российской Федерации сделало довольно серьезный шаг в реформировании НДФЛ. Всем стало очевидно, что для разрешения проблем, связанных с действительно справедливым налогообложением доходов физических лиц, в стране наступили экономические предпосылки. Равенство в налогообложении означает равномерное распределение налогового бремени относительно получаемого дохода налогоплательщика.

Действующая прогрессивная шкала налогообложения по НДФЛ, при наличии положительных и отрицательных сторон, вполне убедительна и справедлива, при условии наличия необлагаемого дохода, а также соразмерных налоговых вычетов по НДФЛ.

Такая норма существовала в налоговом законодательстве РФ в подп. 3 п. 1 ст. 218 НК РФ. Например, подп. 3 п. 1 ст. 218 НК РФ предлагаем изложить в следующей редакции: *«налоговый вычет в размере 5000 рублей за каждый месяц налогового периода распространяется на те категории налогоплательщиков, которые не перечислены в подпунктах 1–2 пункта 1 настоящей статьи и действует до месяца, в котором их доход, исчисленный нарастающим итогом с начала налогового периода (в отношении которого предусмотрена налоговая ставка, установленная пунктом 1 статьи 224 настоящего Кодекса) налоговым агентом, предоставляющим данный стандартный налоговый вычет, превысил 60 000 рублей. Начиная с месяца, в котором указанный доход превысил 60 000 рублей, налоговый вычет, предусмотренный настоящим подпунктом, не применяется».*

Не станет критично, если законодатели периодически будут возвращаться к данной норме и вносить в нее поправки.

Возвращаясь к ст. 218 НК РФ, нельзя не обратить внимание, что Минфин России, по каким-то неведомым причинам, не стал пересматривать размеры налоговых вычетов для лиц, указанных в подп. 1 и 2 ст. 218 НК РФ. Во-первых, в силу объективных причин, указанных в норме лиц с каждым годом становится все меньше, а во-вторых, налоговый вычет в размере 500 руб. за каждый месяц налогового периода — это анахронизм. К этой категории относятся и лица, принимающие участие в СВО. Безусловно, Правительство РФ, учитывая эту категорию лиц, налоговую ставку для них оставило на прежнем уровне — 13 и 15 %, если доходы превысили 5 млн руб. или налогооблагаемая база превысила 650 000 руб. (новый п. 6.1 ст. 210 НК РФ). Почему не пересмотрено повышение размера стандартного налогового вычета, для указанной категории лиц, — для нас загадка.

И еще один тревожный сигнал. По данным РБК, «Численность постоянного населения России на 1 января 2024 г. составила 146,15 млн человек (146 150 789), следует из обновленной оценки Росстата. По сравнению с оперативными данными, опубликованными в январе, показатель сократился на 52,8 тыс. человек. В результате, по уточненным данным, численность населения в 2023 г. снизилась на 296,6 тыс. человек. Согласно предварительной оценке, сокращение равнялось 243,8 тыс. человек, а в конце февраля Росстат сообщал в докладе о социально-экономическом по-

ложении о сокращении на 290,6 тыс.»¹⁰. В рамках ПМЭФ-2024 вице-премьер Д. Чернышенко заявил о надвигающейся демографической яме. По данным Минтруда РФ к 2030 г. дефицит работников может составить 2,4 млн человек¹¹.

Государство, с экономической точки зрения, поступает вполне правильно. Так, по программе «Сохранение населения, здоровье и благополучие людей» в 2023–2026 гг., в федеральном бюджете на 2024 г. заложено 4817,3 млрд руб., 2025 г. — 4929,7 млрд руб., в 2026 г. — 5134,0 млрд руб. Очень значительные суммы, но ожидаемого эффекта, к сожалению, они не приносят.

Следующий немаловажный аспект, который необходимо рассмотреть в данной статье, — это реформирование УСН как одного из действующих специальных налоговых режимов.

В. Зарипов справедливо обратил внимание, что в «Основных направлениях налоговой политики РФ на 2010 г. и на плановый период 2011 и 2012 гг.» (одобрены Правительством РФ 25 мая 2009 г.) утверждалось, что «законодательство о налогах и сборах будет предусматривать положения, предотвращающие злоупотребления использованием упрощенной системы налогообложения путем дробления бизнеса, создания компаний-сателлитов и прочих способов для целей получения необоснованной налоговой выгоды». Соответствующие нормы в Налоговом кодексе РФ так и не появились [7]. Действующая норма ст. 54.1 НК РФ говорит о запрете получать необоснованную налоговую выгоду, или о том, от чего должен воздерживаться налогоплательщик, заключая сделку с контрагентом. Действующие разъяснения финансового и налогового регулятора (например, письмо ФНС России от 10 марта 2021 г. № БВ-4-7/3060@), хоть и не являются нормативными правовыми актами, но в правоприменительной, в том числе и судебной, практике опосредованно, но приравниваются к таковым. Само легальное понятие «дробление бизнеса» — законодательно не установлено.

Авторы Закона № 176-ФЗ попытались устранить это пробел.

Под дроблением бизнеса понимается «разделение единой предпринимательской деятельности между несколькими формально самостоятельными лицами (организациями, индивидуальными предпринимателями), в отношении которых осуществляется конт-

роль одними и теми же лицами, направленное исключительно или преимущественно на занижение сумм налогов путем применения специальных налоговых режимов».

Довольно широкое и неопределенное, с точки зрения права, определение, дефиниция которого несет в себе довольно оценочный характер. В свое время, в постановлении Пленума ВАС РФ от 12 октября 2006 г. № 53, суд привнес новую судебную доктрину, согласно которой «представление налогоплательщиком в налоговый орган всех надлежащим образом оформленных документов, предусмотренных законодательством о налогах и сборах, в целях получения налоговой выгоды является основанием для ее получения, если налоговым органом не доказано, что сведения, содержащиеся в этих документах, неполны, недостоверны и (или) противоречивы». Очевидно, что совершая ту или иную сделку, налогоплательщик старается уменьшить свои налоговые обязательства легальным образом, и в этом нет никаких с его стороны злоупотреблений правом. Если налоговым органом будет доказано, что действия налогоплательщика умышленно были направлены на неисполнение имеющихся налоговых обязательств, то такие сделки считаются недействительными сами по себе (ст. 167, 168, 169, 170 ГК РФ), и не требует их переквалификации (ст. 45 НК РФ). Признание сделок недействительными и взыскание всего полученного от этой деятельности дохода в пользу государства, — такое право налоговым органам дает Закон Российской Федерации «О налоговых органах» от 21 марта 1991 г. № 943-1.

Понятие «дробление» бизнеса, на наш взгляд, означает, что налоговым органом должна быть доказана роль всех «соучастников», в том числе и взаимозависимых лиц, либо фиктивный характер экономической деятельности.

Вполне очевидно, что у правоведов, да и у бизнес-сообщества возникают вопросы относительно термина «единая предпринимательская деятельность», и понятие «разделение».

Начало налоговой амнистии — 31 декабря 2024 г., но уже сейчас у налогоплательщиков возникают вопросы относительно проводимых налоговых прове-

¹⁰ URL: <https://www.rbc.ru/economics/22/03/2024/65fda5709a7947c581acaa61>

¹¹ URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2024/06/07/1042352-nadvigayuscheisya-demograficheskoi-yame>

рок за 2022–2024 гг., по которым идут мероприятия налогового контроля.

Так, в Законе № 176-ФЗ абсолютно не прописан механизм принятия налоговыми и следственными органами актов о применении налоговой амнистии. Не предполагается подача налогоплательщиком уведомления или подача налоговой декларации (уточненной).

И еще один вопрос, связанный с проведением налоговой амнистии. В налоговом законодательстве РФ (ст. 140 НК РФ) законодателем прописан механизм подачи налогоплательщиком апелляционной жалобы на решение налогового органа о привлечении к налоговой ответственности. Действующая норма указывает на возможность лица, привлеченного к налоговой ответственности подать апелляционную жалобу до момента вступления в силу решения налогового органа (30 дней), а затем, в вышестоящий налоговый орган. Абсолютно непонятно, сохранится ли такое положение в дальнейшем. Если эти вопросы будут разрешаться издаваемыми разъяснениями финансового или налогового регулятора — вполне возможно, что этим письмам, опосредованно, контролирующие органы установят новое нормативное правовое регулирование, что по действующему российскому законодательству недопустимо (постановление КС РФ от 31 марта 2015 г. № 6-П).

Наконец, борьба с «дроблением» бизнеса с оборотом более 250 млн руб. существенно повышает для такой категории налогоплательщиков налоговую нагрузку, что, в конце концов, может привести к новому построению модели бизнеса, исключая наличие единого источника дохода, в том числе и с привлечением КИК.

Как справедливо заметил В. И. Федоренко, «свобода экономической деятельности — это гарантированное Конституцией и законодательством, индивидуальное и коллективное право, а также конституционно-правовой режим, при котором свободно осуществляется производственный процесс, в том числе обмен и распределение материальных и духовных благ в целях производства продукции (предоставления услуг) и удовлетворения потребностей личности, общества и государства» [8].

В настоящее время ни понятие «недобросовестность», ни «необоснованное получение налоговой выгоды» не образуют состава налогового правона-

рушения. Предлагаемый законопроект относительно «дробления» бизнеса будет резко диссонировать и приводить к заранее прогнозируемым судебным спорам. Правовая неопределенность недопустима в силу ст. 3 Налогового кодекса Российской Федерации. На это обстоятельство, кстати, обратил внимание Президент Российской Федерации В. В. Путин, выступая в 2023 г. на XXVI ПМЭФ отметив, что в экономической жизни страны необходимо четкое нормативное правовое регулирование, и ликвидировать, так называемые размытые формулировки и резиновые статьи¹².

Вполне понятна позиция Правительства Российской Федерации о повышении обязательных платежей в то время, когда в отношении страны возникла сложная геополитическая ситуация и действие санкционных мер недружественных государств, однако, хочется привести слова главы Сбербанка Г. Грефа на ПМФЭФ-2024, на котором он высказал мысль о том, что «рост расходов за счет роста налогов приводит к падению ВВП на 0,47 % при повышении налогов на 1 процентный пункт. Поэтому любое повышение налогов — это вычет из ВВП, что мы бы ни имели в виду»¹³.

Мы полагаем, что существующая налоговая система Российской Федерации требует радикальной трансформации с целью переориентации основного источника бюджетных поступлений с доходов физических лиц, включая зарубежные, на их потребительские расходы. Данная стратегия предполагает внедрение и усиление косвенных налогов, таких как налог на добавленную стоимость (НДС) и акцизы, а также налог на имущество.

Считаем, абсолютно бесполезно и бесперспективно бороться с богатством, которое имеет вполне легальные источники. Напротив, бизнес, генерирующий доходы законным путем, способствует созданию рабочих мест, обеспечивает достойный уровень заработной платы для сотрудников и стимулирует внедрение инновационных технологий. Эти аспекты заслуживают не только признания, но и активного поощрения со стороны государства.

Ключевым аспектом является обеспечение высокого уровня доверия налогоплательщиков к фискальной системе. Это подразумевает гарантированную

¹² URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/71445>

¹³ URL: <https://tass.ru/ekonomika/21027967>

стабильность налогового законодательства, предсказуемость налоговых обязательств и возможность получения законных и соразмерных налоговых льгот, включая налоговые вычеты.

Таким образом, предложенная модель реформирования налоговой системы направлена на создание более справедливой и устойчивой фискальной среды, способствующей экономическому росту и социальному благополучию.

Список источников

1. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Кн. 5. М., 1962.
2. Пепеляев С. Г. Законы о налогах: элементы структуры. М., 1995.
3. Миллер Н. В. Экономические концепции налогового регулирования // Налоговая политика на современном этапе. 2003. С. 97–100.
4. Пепеляев С. Г., Кудряшова Е. В. О юридической классификации налогов // Налоговый вестник. 2002. № 6. С. 11–16.
5. Турбина О. Налоговая система должна быть стабильной и предсказуемой, а также обеспечивать поступление ресурсов для решения государственных задач // ЭЖ Бухгалтер. 2024. № 20.
6. Ленин В. И. Заключительное слово по докладу о продовольственном налоге // X Всероссийская конференция РКП(б). 1921, 27 мая.
7. Зарипов В. Необходима комплексная реформа налогового законодательства для минимизации

процесса дробления бизнеса // Экономика и жизнь. 2024. № 4.

8. Федоренко В. И. Свобода экономической деятельности в российской федерации: понятие, пределы и ограничения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 6 (131). С. 70–77.

References

1. Smith A. Research on the nature and causes of the wealth of nations. Book 5. M., 1962.
2. Pepelyaev S. G. Laws on taxes: elements of structure. M., 1995.
3. Miller N. V. Economic concepts of tax regulation // Tax policy at the present stage. 2003. P. 97–100.
4. Pepelyaev S. G., Kudryashova E. V. On the legal classification of taxes // Tax Bulletin. 2002. № 6. P. 11–16.
5. Turbina O. The tax system must be stable and predictable, as well as ensure the flow of resources to solve government problems // EZH Accountant. 2024. № 20.
6. Lenin V. I. Concluding remarks on the report on the food tax // X All-Russian Conference of the Russian Communist Party (b). 1921, May 27.
7. Zaripov V. Comprehensive reform of tax legislation is needed to minimize the process of business fragmentation // Economics and life. 2024. № 4.
8. Fedorenko V. I. Freedom of economic activity in the Russian Federation: concept, limits and limitations // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2019. № 6 (131). P. 70–77.

Информация об авторе

А. И. Григорьев — доцент кафедры гражданского права и публично-правовых дисциплин Российского государственного университета имени А.Н. Косыгина, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. I. Grigoriev — Associate Professor of the Department of Civil Law and Public Law Disciplines of the Russian State University named after A.N. Kosygin, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 01.04.2025; одобрена после рецензирования 05.05.2025; принята к публикации 29.05.2025.

The article was submitted 01.04.2025; approved after reviewing 05.05.2025; accepted for publication 29.05.2025.

Научная статья

УДК 343.3

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-46-50>

EDN: <https://elibrary.ru/sqxsav>

ИПОН: 2003-0059-3/25-298

MOSURED: 77/27-003-2025-03-497

Цифровая трансформация современной системы административно-правового регулирования государственного управления в Российской Федерации

Анатолий Васильевич Зубач¹, Олег Вячеславович Попов²

^{1,2} Государственный университет управления, Москва, Россия

¹ cort91@inbox.ru

² oleg-popov2008@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности административно-правового регулирования унифицированных ИТ-процессов в Российской Федерации как одного из непосредственных субъектов исполнительной власти — Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (Минцифры). Проанализированы нормативные правовые акты и стратегические документы цифровой политики, формирующие правовые основы для цифровой трансформации государственного управления. Особое внимание уделено функционированию цифровых сервисов с использованием технологии «Витрина данных» как способу административно-правового регулирования.

Ключевые слова: административно-правовое регулирование, информационные технологии, цифровизация, цифровые сервисы, цифровая трансформация

Для цитирования: Зубач А. В., Попов О. В. Цифровая трансформация современной системы административно-правового регулирования государственного управления в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 3. С. 46–50. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-46-50>. EDN: SQXSAV.

Original article

Digital transformation of the modern system of administrative and legal regulation of public administration in the Russian Federation

Anatoly V. Zubach¹, Oleg V. Popov²

^{1,2} State University of Management, Moscow, Russia

¹ cort91@inbox.ru

² oleg-popov2008@yandex.ru

Abstract. We consider the features of administrative and legal regulation of unified IT processes in the Russian Federation as one of the direct subjects of executive power — the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation (Mincifra). The normative legal acts and strategic documents of digital policy that form the legal basis for the digital transformation of public administration are analyzed. Special attention is paid to the functioning of digital services using the «Data Showcase» technology as a way of administrative and legal regulation.

Keywords: administrative and legal regulation, information technology, digitalization, digital services, digital transformation

For citation: Zubach A. V., Popov O. V. Digital transformation of the modern system of administrative and legal regulation of public administration in the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(3):46–50. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-46-50>. EDN: SQXSAV.

В последние годы проведение российской государственной политики по развитию важнейших сфер жизнедеятельности общества неразрывно связано с цифровизацией и автоматизацией процессов государственного управления.

Российская Федерация, являясь ведущим участником развития цивилизационных процессов, происходящих в международном сообществе, не может

допустить отставания в трансформации информационно-цифровых технологий в систему административно-правового регулирования государственного управления.

Президент РФ В. В. Путин призвал к 2030 г. сформировать цифровые платформы во всех ключевых отраслях экономики и социальной сферы, опираясь на обратную связь с населением [1].

© Зубач А. В., Попов О. В., 2025

Ведущим звеном в реализации данного процесса является Минцифры России, которое выступает проводником унифицированных подходов к управлению данными и цифровыми сервисами [2].

Проблематика регулирования унифицированных ИТ-процессов в контексте административно-правового регулирования государственного управления заключается в том, что, несомненно, цифровизация дает возможность ускорить работу органов власти и сделать ее прозрачной и подотчетной для населения; вместе с тем, работа с большим объемом данных требует дополнительного нормативного обоснования.

Как отмечает эксперт по развитию ИТ-сферы Ольга Панина, по данным Росстата на 2023 г. лишь 1/3 от всех поступающих в государственные органы запросов с большими данными успешно обрабатывается и причиной такой низкой эффективности служит именно несовместимость цифровых систем и разность нормативной базы [13].

В целях перехода от декларирования к практическому применению автоматизации большое внимание должно уделяться не только технической составляющей процесса цифровой трансформации, но следует учитывать особенности административно-правового регулирования при определении границ и особенностей механизмов выявления рисков ориентированных компонентов, влияющих на возможные последствия от внедрения информационных технологий.

Юридическая база цифрового правительства в Российской Федерации [14] формируется на стыке основополагающих федеральных законов, а также стратегических инициатив Президента Российской Федерации и Аппарата Правительства Российской Федерации.

Отправной точкой развития цифровизации является Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» [8], который был подготовлен по поручению Президента Российской Федерации Владимира Путина и утвержден в конце 2024 г. [10].

Основными целями национального проекта является внедрение отечественных решений в повышение качества цифровизации в России и формирование цифровых платформ для агрегирования данных в едином источнике. Одним из важнейших показателей признано достижение «цифровой зрелости» государственного управления на уровне 46,7 %

[11]. На сегодняшний момент считаем этот показатель должен как минимум удвоиться к 2030 г.

Принятый почти 20 лет назад Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», по мнению экспертов в цифровизации, нуждается в тщательной проработке с учетом вызовов современности [6]. Положения закона не в полной мере охватывают специфику работы цифровых платформ, что создает проблемы в регулировании предоставления информации и затрудняет открытое взаимодействие между государством и обществом.

Также следует обратить внимание на Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Данный нормативный акт регулирует отношения, возникающие между субъектами, осуществляющими формирование технологической политики в Российской Федерации, и лицами, осуществляющими содействие развитию технологий, а также закрепляет правовое регулирование в области технологической политики в Российской Федерации. В рамках его исполнения определен порядок информационного взаимодействия участников информационного обмена [9].

Совместными усилиями Минцифры России и Минэкономразвития России осуществляемая координация проектной деятельности в части разработки законопроектов о Единой информационной платформе национальной системы управления данными, а также регуляторных песочницах позволила ускорить механизм обмена данными и положительно отразилась на гибкости апробации ИТ-инициатив.

Благодаря внедрению такого платформенного решения время обмена данных между двумя информационными системами составляет на сегодняшний день не более 5 секунд [5].

Выделяя ключевые проблемы современного регулирования, необходимо рассмотреть примеры деятельности Минцифры России для его совершенствования.

Сегодня активно развиваются цифровые сервисы в системе образования, здравоохранения, строительства и правоохранительных органов.

Каждые полгода Правительство Российской Федерации направляет в Минцифры России план, утвержденный протоколом заочного голосования членов

Правительственной комиссии по цифровому развитию, в рамках которого реализованы такие проекты, как «Запись на прием к врачу» и «Моя школа», которые обеспечивают 100%-ную передачу региональных сведений в единое хранилище данных.

В целях обеспечения доступа к унифицированным обезличенным данным и с учетом соблюдения законности предоставления персональных данных и информационной безопасности функционирует Федеральная государственная информационная система «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» (далее — ЕПГУ) [4].

Отметим, что разобщенность в предоставлении данных разных ведомств отрицательно отражается на динамике работ ЕПГУ. Положительным примером является в этом плане заявленное председателем Правительства М. В. Мишустинным решение об объединении нуждающихся граждан России в единый реестр [12].

В 2021 г. была предложена адаптация цифровых сервисов к типовому тиражируемому программному обеспечению «Витрина данных» [3].

Технология позволяет проследить, как цифровая политика приобретает институциональные формы. Ведомства обязаны формировать и предоставлять данные из государственных систем по утвержденным Правительством Российской Федерации требованиям. Активно проводится политика перевода государственных информационных систем на единую цифровую платформу Российской Федерации «ГосТех» [7].

Ввиду миграции цифровых сервисов ведомства обязаны поддерживать единые форматы агрегированных данных, обеспечивать своевременные обновления и поддерживать механизмы для их функционирования.

Таким образом, можно сделать вывод, что правовое регулирование унифицированных ИТ-процессов в Российской Федерации развивается параллельно увеличению цифровых технологий.

Помимо положительного влияния, стоит отметить нехватку квалифицированных кадров. Также проблемой является различие в технической инфраструктуре и нормотворчестве в ведении деятельности органов власти.

Однако именно через единую правовую базу и агрегирование данных в одном хранилище можно гарантировать устойчивое цифровое развитие Россий-

ской Федерации. Информация станет доступной, а ее получение юридически прозрачным и безопасным. Предусмотренное развитие позволит дать ускоренный импульс совершенствованию механизма административно-правового регулирования управленческих процессов в Российской Федерации.

Список источников

1. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585>
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 9 сентября 2020 г. № 1389 «О внесении изменений в Положение о Министерстве цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации» // URL: <http://government.ru/docs/all/129740/>
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 14 мая 2021 г. № 733 «Об утверждении Положения о федеральной государственной информационной системе «Единая информационная платформа национальной системы управления данными» и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // URL: <http://government.ru/docs/all/134361/>
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 24 октября 2011 г. № 861 «О федеральных государственных информационных системах, обеспечивающих предоставление в электронной форме государственных и муниципальных услуг (осуществление функций)» // URL: <http://government.ru/docs/all/79366/>
5. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 3 июня 2019 г. № 1189-р «О создании и функционировании национальной системы управления данными» // URL: <http://government.ru/docs/36940/>
6. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/24157>
7. Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 231 «О создании, развитии и эксплуатации государственных информационных систем с использованием единой цифровой платформы Российской Федерации «ГосТех»» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202304010001>

8. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542>

9. Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51500>

10. Перечень поручений Президента Российской Федерации от 30 марта 2024 г. № Пр-616 // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/73759>

11. Приказ Минцифры России от 28 декабря 2024 г. № 1210 «Об утверждении методики расчета показателя «Достижение цифровой зрелости» государственного и муниципального управления, ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе здравоохранения и образования, предполагающей автоматизацию большей части транзакций в рамках единых отраслевых цифровых платформ и модели управления на основе данных с учетом ускоренного внедрения технологий обработки больших объемов данных, машинного обучения и искусственного интеллекта государственной программы Российской Федерации «Информационное общество»» // URL: <https://legalacts.ru/doc/prikazmintsifry-rossii-ot-28122024-n-1210-ob-utverzhenii/>

12. Мишустин: Нуждающихся в улучшении жилья внесут в единый реестр // Российская газета. 2025. 16 апр.

13. Панина О. В. Нормативно-правовое регулирование процессов цифровизации государственного управления // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13. № 5А. С. 163–170.

14. Цифровое правительство Российской Федерации // URL: <http://government.ru/rugovclassifier/719/events/>

References

1. Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585>

2. Decree of the Government of the Russian Federation dated September 9, 2020 № 1389 «On Amendments to the Regulations on the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation» // URL: <http://government.ru/docs/all/129740/>

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО РОССИИ

7-е изд., перераб. и доп. Учебник. 744 с.

Гриф МО РФ

Гриф УМЦ «Профессиональный учебник»

Гриф НИИ образования и науки
(Серия «Dura lex, sed lex»)

Под ред. В.Я. Кикотя, Н.В. Румянцева

Административное право

России

Учебник
Седьмое издание

В учебнике предложено оригинальное видение предмета административного права, механизма административно-правового регулирования общественных отношений, во многом отличающееся от стереотипов, сложившихся в административно-правовой науке в течение многих десятилетий. Особое внимание уделено таким малоизученным вопросам административного права, как особенности административно-правового статуса организаций (в том числе государственных учреждений, должностных лиц), основы правоохранительной службы, административно-правовые действия, методы осуществления административной деятельности, основы теории административно-публичного обеспечения безопасности.

Для студентов, аспирантов и преподавателей высших учебных заведений юридического профиля.

3. Decree of the Government of the Russian Federation dated May 14, 2021 № 733 «On Approval of the Regulations on the Federal State Information System «Unified Information Platform of the National Data Management System» and on Amendments to Certain Acts of the Government of the Russian Federation» // URL: <http://government.ru/docs/all/134361/>

4. Decree of the Government of the Russian Federation of October 24, 2011 № 861 «On Federal State Information Systems providing electronic provision of State and municipal services (functions)» // URL: <http://government.ru/docs/all/79366/>

5. Decree of the Government of the Russian Federation dated June 3, 2019 № 1189-r «On the Establishment and operation of the National Data Management System» // URL: <http://government.ru/docs/36940/>

6. Federal Law № 149-FZ of July 27, 2006 «On Information, Information Technologies and Information Protection» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/24157>

7. Decree of the President of the Russian Federation dated March 31, 2023 № 231 «On the Creation, Development and Operation of State Information Systems using the Unified Digital Platform of the Russian Federation «Gostech»» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202304010001>

8. Decree of the President of the Russian Federation № 309 dated May 7, 2024 «On the National Development Goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542>

9. Federal Law № 523-FZ of December 28, 2024 «On Technological Policy in the Russian Federation and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51500>

10. List of instructions of the President of the Russian Federation dated March 30, 2024 № Pr-616 // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/73759>

11. Order of the Ministry of Finance of Russia dated December 28, 2024 № 1210 «On Approval of the methodology for calculating the indicator «Achieving Digital Maturity» of state and Municipal government, Key Sectors of the economy and the social sphere, including Healthcare and Education, which involves the automation of most transactions within the framework of Unified industry digital platforms and a data-based management model, taking into account the accelerated introduction of technologies for processing large amounts of data, machine learning education and artificial Intelligence of the state program of the Russian Federation «Information Society»» // URL: <https://legalacts.ru/doc/prikazmintsifry-rossii-ot-28122024-n-1210-ob-utverzhdenii/>

12. Mishustin: Those in need of better housing will be included in the unified register // Rossiyskaya Gazeta. 2025. April 16.

13. Panina O. V. Regulatory and legal regulation of the processes of digitalization of public administration // Issues of Russian and international law. 2023. Vol. 13. № 5A. P. 163–170.

14. Digital Government of the Russian Federation // URL: <http://government.ru/rugovclassifier/719/events/>

Информация об авторах

А. В. Зубач — заведующий кафедрой публичного права и правового обеспечения управления Государственного университета управления, кандидат юридических наук, доцент;

О. В. Попов — доцент кафедры частного права Государственного университета управления, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

A. V. Zubach — Head of the Department of Public Law and Legal Support for Management of the State University of Management, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

O. V. Popov — Associate Professor of the Department of Private Law of the State University of Management, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.04.2025; одобрена после рецензирования 19.05.2025; принята к публикации 04.06.2025. The article was submitted 23.04.2025; approved after reviewing 19.05.2025; accepted for publication 04.06.2025.

Научная статья
УДК 34
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-51-55>
EDN: <https://elibrary.ru/tsztpo>
НИОН: 2003-0059-3/25-299
MOSURED: 77/27-003-2025-03-498

Правовые и этические основы поиска и анализа информации с помощью методов OSINT

Алексей Владимирович Константинов

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, alexk_pochta@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются правовые и этические аспекты использования методов OSINT для поиска и анализа данных из открытых источников. Использование этих методов сопряжено с рядом правовых и этических вызовов, включая вопросы конфиденциальности, защиты персональных данных и соблюдения авторских прав. Анализируется действующее законодательство в области доступа к информации, а также этические нормы, регулирующие практику сбора и анализа данных из открытых источников. Предлагаются рекомендации для специалистов, работающих с данными открытых источников, о том, как обеспечить соблюдение правовых норм и этических стандартов в процессе анализа информации.

Ключевые слова: OSINT, правовые основы, этика, открытые источники информации, защита данных, конфиденциальность, персональные данные

Для цитирования: Константинов А. В. Правовые и этические основы поиска и анализа информации с помощью методов OSINT // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 3. С. 51–55. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-51-55>. EDN: TSZTPO.

Original article

Legal and ethical foundations of information retrieval and analysis using OSINT methods

Aleksey V. Konstantinov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, alexk_pochta@mail.ru

Abstract. The legal and ethical aspects of using OSINT methods for searching and analyzing data from open sources are considered. The use of these methods poses a number of legal and ethical challenges, including issues of confidentiality, personal data protection, and copyright enforcement. The current legislation in the field of access to information is analyzed, as well as ethical standards governing the practice of collecting and analyzing data from open sources. Recommendations are offered for specialists working with open source data on how to ensure compliance with legal norms and ethical standards in the process of information analysis.

Keywords: OSINT, legal framework, ethics, open sources of information, data protection, confidentiality, personal data

For citation: Konstantinov A. V. Legal and ethical foundations of information retrieval and analysis using OSINT methods. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(3):51–55. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-51-55>. EDN: TSZTPO.

В условиях стремительного роста объемов доступной информации в сети Интернет и увеличения интереса к аналитическим методам и инструментам OSINT становится важным аспектом для правоохранительных органов и представителей коммерческого сегмента. Несмотря на большое значение OSINT, он имеет правовые проблемы при анализе во многих случаях. Одна из проблем заключается в том, что некоторые формы скрытой общественной информации собираются и широко распространяются в рамках новостных каналов и во многих случаях носят

далеко не этический характер их освещения. Каковы будут последствия для некоторых групп или отдельных лиц при раскрытии такой информации? Каковы моральные и, что более важно для правовой охраны, юридические последствия?

Многие крупные организации собирают большой объем данных пользователей для коммерческой разведки при том, что большая часть этих данных относится к действиям и поведению пользователя в сети Интернет и не может быть использована для распознавания реальной личности пользователя. Ограниче-

© Константинов А. В., 2025

ния OSINT, в дополнение к существующим правовым запретам, должны иметь индивидуальный подход при его использовании.

Поиск по открытым источникам (OSINT) предполагает сбор информации, которая находится в свободном доступе из общедоступных мест, таких как социальные сети, новостные статьи, пресс-конференции, отчеты, книги и другие общедоступные материалы. Поскольку эта информация общедоступна и не предполагает взлома каких-либо частных или защищенных систем данных, сама практика OSINT не является незаконной. Однако стоит определиться с той гранью, когда используемые методы OSINT нарушают установленные законодательством требования и ограничения, и могут быть квалифицированы в качестве правонарушений.

Право на свободу информации, закрепленное в Конституции Российской Федерации, и необходимость защиты прав и законных интересов граждан подчеркивает существующий правовой баланс допустимости и ограничений в реализации данного права человека и гражданина. Согласно ч. 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации [1], каждый имеет право свободно искать и распространять информацию, что является основополагающим элементом демократии и свободы слова, однако это право не является абсолютным; существуют определенные ограничения, касающиеся защиты личной жизни, государственной безопасности и других важных аспектов. Нарушение этих прав может привести к юридической ответственности, что указывает на наличие правовых рамок, регулирующих использование информации. Внимание на важности соблюдения баланса между свободой информации и защитой прав граждан является ключевым аспектом правового государства.

Принципиальная важность обеспечения защиты информации реализуется в рамках гражданского законодательства. Так, в соответствии с абз. 1 п. 1 ст. 152.2 ГК РФ [2] подчеркивается принципиальная важность защиты частной жизни граждан, устанавливая четкие ограничения на обработку любой информации о его частной жизни, в частности сведений о его происхождении, о месте его пребывания или жительства, о личной и семейной жизни. Основной акцент сделан на том, что любые действия, связанные с сбором, хранением, распространением и использованием данных о частной жизни, могут осуществляться только с согласия самого гражданина, если иное не

предусмотрено законом. Это положение создает правовую основу для обеспечения индивидуальных прав и свобод, защищая личные данные от неправомерного вмешательства. Важность данного положения также заключается в том, что оно формирует ответственность за нарушение прав граждан, создавая механизмы для их защиты и судебного разбирательства в случае правонарушений.

Важность защиты частной жизни граждан и определяет правовые рамки, касающиеся неправомерного использования информации, полученной с нарушением закона. Законодательство рассматривает использование такой информации в научных, литературных и художественных произведениях как нарушение интересов гражданина, что свидетельствует о высоком приоритете личной конфиденциальности. Граждане имеют право на судебную защиту своих интересов, включая возможность требовать удаления неправомерно полученной информации и запрещение ее дальнейшего распространения. В случаях, когда информация зафиксирована на материальных носителях, закон позволяет их изъятие и уничтожение, что подчеркивает решительность законодательных мер по защите частной жизни и недопущению злоупотреблений.

Ключевое место в правовом регулировании поиска и анализа информации с помощью методов OSINT занимает Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [5]. Он охватывает широкий спектр субъектов, включая федеральные и региональные органы власти, местного самоуправления, а также юридических и физических лиц, что подчеркивает его универсальность и значимость в контексте защиты личной информации. Закон устанавливает правила обработки данных как с использованием автоматизированных систем, так и без них, что позволяет адаптировать подходы к различным методам работы с персональными данными. Важным аспектом является возможность поиска и доступа к данным, зафиксированным на материальных носителях и систематизированным в картотеках, что свидетельствует о стремлении законодателя учесть современные технологии и их влияние на обработку информации и, в частности, персональных данных. Таким образом, данный закон служит основой для обеспечения прав граждан на защиту их персональных данных, формируя правовые основы для ответственного обращения с персональной информацией в условиях цифровизации общества.

Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», устанавливая четкие рамки для обработки персональных данных граждан, также предусматривает их обработку иностранными юридическими и физическими лицами. Основное внимание в данном контексте уделяется принципу согласия, который служит основой для легитимности обработки данных, а также необходимости соблюдения условий договоров, в которых участвуют российские граждане. Это создает правовую защиту и гарантии для личной информации в условиях глобализации, где данные часто пересекают национальные границы. Закон также подчеркивает важность обеспечения конфиденциальности и безопасности данных, что становится особенно актуальным в свете роста международных отношений. Таким образом, законодательство не только защищает права граждан, но и формирует правовую культуру, способствующую ответственному обращению с персональными данными на международной арене.

В контексте использования методов OSINT стоит обратить внимание на п. 1 ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», в котором говорится, что данный закон не распространяется на обработку персональных данных физическими лицами исключительно для личных и семейных нужд, если при этом не нарушаются права субъектов персональных данных.

При проведении OSINT-исследований важно соблюдать принцип законной обработки персональных данных. Это означает, что мы должны иметь, как минимум, законные основания для сбора, хранения и использования такой информации.

В последние годы возрастает роль уголовно-правовой охраны прав граждан в информационное сфере, в частности ст. 137 Уголовного кодекса Российской Федерации [3] подчеркивает важность защиты частной жизни и личной тайны граждан. Нормы, установленные в этой статье, направлены на предотвращение незаконного сбора и распространения информации о частной жизни без согласия субъекта, что свидетельствует о признании права на личную неприкосновенность как одного из основополагающих прав. Указание на ответственность за распространение таких сведений в публичных контекстах, включая публичные выступления и средства массовой информации, подчеркивает значимость соблюдения этических норм и правовых рамок в инфор-

мационном пространстве. Это также отражает стремление законодателя защитить граждан от вторжения в их личное пространство и манипуляций с личной информацией, что особенно актуально в условиях цифровизации и растущей доступности данных. Таким образом, данные нормы не только устанавливают правовые последствия за нарушение личной тайны, но и служат важным инструментом для обеспечения уважения к правам личности.

Федеральным законом от 30 ноября 2024 г. № 421-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» вводится новая статья в Уголовный кодекс Российской Федерации — ст. 272.1, предусматривающая уголовную ответственность за незаконное использование, передачу, сбор и (или) хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные; здесь стоит обратить особое внимание, что предусмотрена уголовная ответственность за создание и (или) обеспечение функционирования информационных ресурсов, предназначенных для незаконных хранения и (или) распространения персональных данных [7].

Анализ ст. 272.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, введенной Федеральным законом от 30 ноября 2024 г. № 421-ФЗ, демонстрирует значительное усиление правовой защиты персональных данных в условиях цифровизации. Новая статья устанавливает уголовную ответственность за незаконное использование, сбор и распространение компьютерной информации, содержащей персональные данные, что подчеркивает важность защиты частной информации граждан от неправомерных действий. Определение компьютерной информации как сведений, представленных в форме электрических сигналов, расширяет рамки применения закона, включая данные, хранящиеся на различных носителях. Установление четких условий для привлечения к ответственности — наличие незаконного завладения и дальнейших действий с персональными данными — создает правовую определенность и способствует более эффективному пресечению преступлений в этой области. Максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до десяти лет и значительные штрафы свидетельствуют о серьезности подхода законодателя к защите прав граждан и, в частности, обеспечению безопасности персональных данных. Однако важно отметить, что закон не затрагивает случаи обработки персональных данных физиче-

скими лицами для личных нужд, что позволяет сохранить баланс между защитой прав и свобод граждан и их правом на личную жизнь. Таким образом, введение данной статьи является важным шагом в укреплении правового режима защиты персональных данных в России.

С учетом положений указанных норм уголовного закона в их взаимосвязи с положениями п. 1 ст. 152.2 ГК РФ не может повлечь уголовную ответственность собирание или распространение таких сведений в государственных, общественных или иных публичных интересах, а также в случаях, если сведения о частной жизни гражданина ранее стали общедоступными либо были преданы огласке самим гражданином или по его воле (абз. 2 ч. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина» (ст. 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 УК РФ) [8].

К общедоступной информации относятся общеизвестные сведения и иная информация, доступ к которой не ограничен (ч. 1 ст. 7 Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации») [6]. Следовательно, если конфиденциальная информация того или иного человека, или определенной компании находится в открытом доступе, то это уже вина самого человека, как представителя информации или службы безопасности компании. Вследствие чего данная информация считается общедоступной.

Таким образом, сбор, хранение, распространение и использование общедоступной либо раскрытой самим гражданином или по его воле информации о его частной жизни являются законными процессами.

Помимо правовых норм, специалисты по OSINT должны руководствоваться этическими принципами:

- ◆ уважение к частной жизни и личным границам людей. Не стоит публиковать излишне личную информацию без весомых оснований;
- ◆ беспристрастность и объективность анализа. Избегайте предвзятости и излишне субъективных суждений;
- ◆ прозрачность методов и подотчетность. Будьте готовы объяснить логику своих мотивов и сделанных выводов;
- ◆ осторожность в обращении с потенциально опасной информацией.

В заключение хочется еще раз подчеркнуть важность соблюдения правовых норм и этических принципов при проведении поиска информации специалистами по OSINT. Открытые источники дают нам огромные возможности для получения ценной информации, но эти возможности не безграничны.

Этические принципы, которые должны соблюдать специалисты по OSINT, играют ключевую роль в обеспечении ответственного и уважительного подхода к сбору и анализу информации. Уважение к частной жизни и личным границам людей требует от исследователей осознания важности защиты конфиденциальности, что подразумевает необходимость избегать публикации излишне личной информации без обоснованной причины. Это не только способствует соблюдению прав человека, но и укрепляет доверие общества к методам работы исследователей.

Кроме того, беспристрастность и объективность анализа являются основополагающими для обеспечения достоверности выводов. Предвзятость может исказить результаты и привести к неправильным интерпретациям данных. Прозрачность методов и подотчетность также важны для повышения доверия к результатам исследования; исследователи должны быть готовы объяснить свои подходы и выводы. Наконец, осторожное обращение с потенциально опасной информацией помогает предотвратить возможные негативные последствия, такие как разжигание ненависти или распространение дезинформации. Таким образом, соблюдение этих этических принципов обеспечивает не только качество работы, но и защиту интересов общества в целом.

Существуют четкие юридические рамки, пренебрежение которыми может привести к серьезным последствиям — от административных штрафов до уголовной ответственности. Нарушение законов о защите персональных данных, авторских прав, географических ограничений на информацию способно не только испортить репутацию исследователя, но и поставить под угрозу всю его дальнейшую деятельность.

Кроме того, всегда необходимо помнить о морально-этических аспектах работы. OSINT не должен быть инструментом для вторжения в частную жизнь, распространения клеветы или причинения вреда другим людям и организациям. Исследователь открытых источников обязан действовать беспристрастно, избегать предвзятости и субъективных оценок.

Прозрачная методология, уважение к правам человека, осторожное обращение с чувствительной информацией — вот ключевые принципы, которыми надлежит руководствоваться. Необходимо быть ответственными, соблюдать законодательство и действовать в рамках правового поля, и тогда сфера открытых источников и открытых данных станет эффективным источником получения правомерной информации.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Федеральному закону от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Федеральный закон от 30 ноября 2024 г. № 421-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина» (ст.137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 УК РФ) // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 // LRS «ConsultantPlus».
2. Civil Code of the Russian Federation of November 30, 1994 № 51-FZ // LRS «ConsultantPlus».
3. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 № 63-FZ // LRS «ConsultantPlus».
4. Federal Law № 144-FZ of August 12, 1995 «On Operational Investigative Activities» // LRS «ConsultantPlus».
5. Federal Law № 152-FZ of July 27, 2006 «On Personal Data» // LRS «ConsultantPlus».
6. Federal Law № 149-FZ of July 27, 2006 «On Information, Information Technologies and Information Protection» // LRS «ConsultantPlus».
7. Federal Law № 421-FZ dated November 30, 2024 «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 25, 2018 № 46 «On Certain Issues of Judicial Practice in cases of Crimes against Constitutional Human Rights and Freedoms and a citizen» (art.137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Criminal Code of the Russian Federation) // LRS «ConsultantPlus».

Информация об авторе

А. В. Константинов — заместитель начальника кафедры противодействия преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

A. V. Konstantinov — Deputy Head of the Department of Combating Crimes in the Field of Information and Telecommunication Technologies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 25.03.2025; одобрена после рецензирования 21.04.2025; принята к публикации 16.05.2025.

The article was submitted 25.03.2025; approved after reviewing 21.04.2025; accepted for publication 16.05.2025.

Научная статья

УДК 341.1/8

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-56-61>

EDN: <https://elibrary.ru/qtyfes>

НИОН: 2003-0059-3/25-300

MOSURED: 77/27-003-2025-03-499

О значении программы ООН-Хабитат в обеспечении безопасности городов

Юлия Леонидовна Корабельникова

Академия управления МВД России, Москва, Россия, korable79@yandex.ru

Аннотация. Организация Объединенных Наций (ООН) создана в качестве универсального международного органа, важнейшим направлением деятельности которого является обеспечение глобальной безопасности. В ст. 1 Устава ООН определяется в самом общем виде главная задача организации: поддержание международного мира и безопасности. Однако в современных условиях безопасность понимается значительно шире, что обусловлено не только тем, что мир находится на грани третьей мировой войны. Не менее значимыми являются постоянно усугубляющиеся глобальные проблемы современности: экологическая, демографическая, продовольственная и другие. В связи с тем, что XXI в. признан эпохой глобальной урбанизации, данные проблемы наиболее остро проявляются в именно в городах. В результате создаваемые в рамках ООН международные неправительственные организации городов осуществляют международное сотрудничество при участии региональных и местных органов власти, в том числе с целью обеспечения безопасности в городской среде, что обусловило возрастание их роли в обеспечении безопасности на международном уровне.

Ключевые слова: город, безопасность, международная безопасность, Организация Объединенных Наций

Для цитирования: Корабельникова Ю. Л. О значении программы ООН-Хабитат в обеспечении безопасности городов // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 3. С. 56–61. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-56-61>. EDN: QTYFES.

Original article

On the importance of the UN-Habitat program in ensuring urban safety

Yulia L. Korabelnikova

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, korable79@yandex.ru

Abstract. The United Nations (UN) was established as a universal international body whose most important activity is to ensure global security. Article 1 of the UN Charter defines in the most general terms the main task of the organization: the maintenance of international peace and security. However, in modern conditions security is understood much more broadly, which is due not only to the fact that the world is on the brink of the third world war. No less significant are the constantly aggravating global problems of our time: environmental, demographic, food and others. Due to the fact that the 21st century is recognized as the era of global cleanup, these problems are most acute in cities. As a result, international non-governmental organizations of cities established within the UN framework carry out international cooperation with the participation of regional and local authorities, including for the purpose of ensuring security in the urban environment, which has led to an increase in their role in ensuring security at the international level.

Keywords: city, security, international security, United Nations

For citation: Korabelnikova Yu. L. On the importance of the UN-Habitat program in ensuring urban safety. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(3):56–61. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-56-61>. EDN: QTYFES.

Организация Объединенных Наций (ООН) занимает активную позицию в координации работы международных организаций и государств в сфере развития городов. Поскольку именно XX в. характеризуется нарастающими процессами урбанизации и глобализации, повлекшими негативные последствия для устойчивого развития и безопасности городов, реакцией международного сообщества стала принятая в 1976 г. на конференции ООН по населенным пунктам, которая проходила в Ванкувере (Канада), Ванкуверская декларация (принципов) по населенным пунктам (Хабитат I)¹. В данном документе ак-

центровано внимание на опасностях и проблемах городского развития, связанных с неприемлемыми условиями жизни большого количества людей, ухудшением их положения в социальной, экономической, экологической областях, что особенно характерно для развивающихся стран. С целью их решения в декларации предусмотрены общие принципы. Они должны стать руководством для деятельности городских властей, направленной на удовлетворение челове-

¹ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/vancouver.pdf

© Корабельникова Ю. Л., 2025

ских потребностей и реализацию общественных и личных интересов людей с целью улучшения качества жизни человечества, одним из важнейших параметров которого является безопасность. Также в декларации содержатся принципы действий для международных организаций и высших органов государственной власти, содержащие общие направления политики территориального планирования, социально-экономического развития во взаимосвязи с охраной окружающей и культурной среды; предусмотрены разработка и внедрение приемлемых стандартов качества жизни, ликвидация социальной и расовой сегрегации, оказание помощи органам местного самоуправления с целью расширения их участия в развитии государства. Декларация предусматривает гармоничное развитие городских и сельских населенных пунктов, что представляется важным с целью реализации стратегической задачи пространственного планирования и равномерного расселения населения по всей территории государств, снятия психологической нагрузки, связанной с перенаселенностью и беспорядком в городах.

Реализации программы ООН-Хабитат способствует осуществление двух глобальных кампаний — повышения эффективности управления городским хозяйством и обеспечения гарантий владения жильем. Существующие в городах проблемы в области окружающей среды, рост социального неравенства и социальная изоляция, снижение темпов экономического развития в большинстве своем признаны следствием некачественного управления и неправильной политики местных органов власти. Они напрямую влияют на снижение качества городской среды, в том числе на уровень безопасности в городах. Кампания в области управления городским хозяйством призвана использовать потенциал местных органов власти для рационального городского управления — оперативного реагирования на возникающие в городе проблемы, привлечения к их решению институтов гражданского общества, а также активных граждан. Основной упор при реализации данной кампании делается на удовлетворении потребностей социально незащищенного населения, находящегося за чертой бедности, которое в социальном плане представляет наибольшую опасность. Кампания по обеспечению правовых гарантий владения жильем направлена на выполнение обязательств по обеспечению надлежащим жильем всего городского населения. К сожалению, следует признать, что в настоящее время эта

проблема далека от разрешения, так как во многих государствах существуют целые кварталы трущоб, где проживает большое количество городского населения в антисанитарных условиях, что приводит к повышению уровня преступности, эпидемиям, безграмотности, безработице и другим проблемам. Дети, выросшие в трущобах, впоследствии не могут стать полноценными членами общества, их жители не имеют льгот и преимуществ, социальных гарантий, что определяет их род деятельности и образ жизни. Все это напрямую оказывает влияние на безопасность городов. В рамках Программы ООН-Хабитат было организовано сотрудничество с органами государственной власти и местного самоуправления путем выявления и распространения передового опыта с целью повышения уровня безопасности в городах посредством реконструкции трущоб и городского экологического планирования, в том числе, расширения привлечения к этому населения; мобилизации различного рода ресурсов с целью обеспечения населения жильем, сокращения населения, находящегося за чертой бедности; ликвидации последствий стихийных бедствий; поддержки эффективного управления и охраны водных ресурсов от городского загрязнения и т. д.²

Учитывая, что в конце XX в. процессы урбанизации только нарастали, а вышеуказанные проблемы в развитии городов усугублялись, на специальной конференции ООН по населенным пунктам (Хабитат II), которая проходила в Стамбуле (Турция) 3–14 июня 1996 г., была принята Стамбульская декларация по населенным пунктам³. В ней получили развитие вышеизложенные нормы и принципы. В первую очередь, в декларации нашли отражение универсальные цели превращения мест обитания людей в более безопасные, здоровые, справедливые и пригодные для жизни. В ней также перечислены проблемы и опасности, препятствующие развитию городов, которые признаны глобальными. Их характер в целом не изменился: чрезмерная концентрация населения, рост бедности, бездомности, безработицы, социальной изоляции, отсутствие адекватного планирования и базовой инфраструктуры, расширяющееся насилие, деградация окружающей среды, возросшая уязвимость к стихийным бедствиям, приводящие к все

² ООН-Хабитат. Программа ООН по населенным пунктам // URL: <https://www.un.org/ru/ga/habitat/>

³ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/stambul.pdf

большому отсутствию безопасности. Это позволило сделать вывод о необходимости активизации усилий по защите прав человека и удовлетворения основных потребностей, в их числе потребности в безопасности. Акцентируется внимание на необходимости развития местных органов управления как наиболее приближенных к населению в городах, укрепления экономической и организационной основы их деятельности с одновременным обеспечением транспарентности, подотчетности этих органов населению и удовлетворению их потребностей.

Декларация о городах и других населенных пунктах в новом тысячелетии, принятая резолюцией S-25/2 специальной 25-й Генеральной Ассамблеи ООН 9 июня 2001 г.⁴, стала следующим важным документом в сфере развития городов и обеспечения их безопасности. В ней представители государств подтвердили свою приверженность интересам людей в вопросах устойчивого развития городов. Обратили внимание на реализацию городами возможностей для максимального увеличения преимуществ и сглаживания негативных последствий глобализации посредством рационального управления ими. Это позволяет обеспечить необходимую экономическую среду как для занятости населения, так и оказания разнообразного спектра услуг, направленных на удовлетворение потребностей и интересов жителей городов. Признали важность децентрализации и активизации деятельности местных органов власти в управлении городами. При этом вновь отметили: опасности, связанные с беспрецедентным ростом городского населения, в том числе за счет миграции населения развивающихся стран, и его концентрацией в городских агломерациях, охватывающих несколько административных единиц, где отсутствует единое управление и не налажена координация сотрудничества; ухудшение качества жизни большого количества людей, проживающих в городах наименее развитых и развивающихся стран; международный терроризм, который является серьезным препятствием для обеспечения безопасности городов. Предложены дальнейшие меры, которые будут способствовать искоренению существующих проблем во всех указанных ранее сферах жизнедеятельности городов. Кроме того, отметили необходимость разработки правовых, экономических, административных и координационных механизмов для организации управления городскими агломерациями.

На 70-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН 25 сентября 2015 г. была принята Резолюция, утвер-

дившая Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.⁵. Признавая важность каждой из семнадцати Целей устойчивого развития (далее — ЦУР) в общемировом масштабе, считаем, что включение в их число Цели № 11 «Обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов» является признанием на глобальном уровне городской цивилизации, включающей не только культуру, образ жизни, ценности, но и негативные факторы, проблемы, опасности, напрямую влияющие на безопасность городской среды. На повышение безопасности городов, согласно документу, направлено решение следующих задач: всеобщий доступ к безопасному жилью, транспортным средствам и зеленым зонам, повышение безопасности дорожного движения, сокращение числа погибших и пострадавших, уменьшение экономического ущерба, причиняемого стихийными бедствиями и иными катастрофами, снижение негативного воздействия городов на экологию, поддержание связей между городскими и пригородными, сельскими населенными пунктами, разработка комплексных стратегий, направленных на повышение безопасности городских жителей, ослабление негативного влияния деятельности, осуществляемой в городах, их воздействия на глобальную климатическую систему⁶.

Вслед за принятием Целей устойчивого развития, в декабре 2016 г. Генеральная Ассамблея ООН одобрила «Новую программу развития городов»⁷ (далее — Новая программа), выработанную в ходе Конференции ООН по жилью и устойчивому городскому развитию (Хабитат III), проходившей в октябре 2016 г. Следует отметить участие не только глав государств и представителей органов государственной власти, но и местных органов управления, представителей гражданского общества, коренных народов и местных

⁴ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/habitatdec.shtml

⁵ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 25 сентября 2015 г. № 70/1 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» // URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n15/291/92/pdf/n1529192.pdf?token=Zw9UbtKsXAq7T6orDu&fe=true>

⁶ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 70/1 от 25 сентября 2015 г. «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» // URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n15/291/92/pdf/n1529192.pdf?token=dpVp9meS5R0ggpedvp&fe=true>

⁷ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 71/256 от 23 декабря 2016 г. «Новая программа развития городов» // URL: <https://habitat3.org/wp-content/uploads/New-Urban-Agenda-GA-Adopted-68th-Plenary-N1646659-R.pdf>

общин в дискуссии и разработке данной программы, что подтверждает повышение роли органов регионального управления и местного самоуправления, местных сообществ в международных отношениях. В официальной хронике ООН отмечено, что в ходе конференции участники смогли обсудить с представителями государств – членов ООН проект Новой программы. Подобные органы власти были впервые признаны и приглашены для участия в качестве отдельных субъектов, что стало прорывом в международной практике и позволит создать важный прецедент для будущих конференций и саммитов ООН [1].

Новой программой урбанизация признана одной из наиболее значимых тенденций XXI в., которая обуславливает создание больших проблем для устойчивости и безопасности городов. Международное сообщество поддерживает видение ряда государственных и местных органов управления, заключающееся в обеспечении возможности для каждого проживать в безопасных и устойчивых городах с равными правами и свободами, которое в национальном законодательстве, политических декларациях и уставах получило название «право на город». Хабитат III закрепляет принципы, в числе которых содействие обеспечению безопасности в городском пространстве, и обязательства по проведению преобразований в интересах устойчивого развития путем перехода к новой парадигме развития городов, обеспечивающей учет социальной, экономической и экологической составляющих. План реализации программы предусматривает содействие созданию благополучной, здоровой и безопасной среды, охватывающей все городское пространство, позволяющей всем жить, работать и участвовать в городской жизни без страха насилия и дискриминации, укрепление безопасности людей в рамках все более неоднородных и мультикультурных сообществ. С целью обеспечения безопасности городов необходимо развивать взаимодействие и взаимосвязь между городами, пригородными и сельскими районами путем укрепления устойчивых транспортных систем и мобильности. Следует на основе комплексного городского и территориального подхода создавать безопасные, доступные для всех, экологически чистые и качественные общественные места, привлекательные и удобные для жизни городов. В защите от стихийных бедствий и антропогенных катастроф поддерживается переход от мер реагирования к подходам упреждающего характера, основанным на оценке риска и существующих опасностей, принятие

на местном уровне своевременных и эффективных мер для удовлетворения потребностей населения, пострадавшего от них. Представляется целесообразным укрепление жизнестойкости городов, в том числе посредством создания качественной инфраструктуры и территориального планирования, путем принятия и осуществления комплексных стратегий и планов. С целью обеспечения общественной безопасности в городах в программе закрепляется интеграция разноплановых мер, предупреждение преступности и насилия, в том числе терроризма и насильственного экстремизма, повышение безопасности дорожного движения и его интеграции в процесс планирования и проектирования экологически рациональной мобильности и транспортной инфраструктуры (для каждого из участников дорожного движения: общественного транспорта, мотоциклистов, велосипедистов, пешеходов). Признается и необходимость регулирования механизма привлечения местного сообщества и неправительственных структур к разработке городских стратегий и инициатив в области общественной безопасности и предупреждения преступности, в том числе с целью решения проблем неорганизованных поселений. Кроме того, предусматриваются меры по обеспечению безопасности энергосистем, электро- и водоснабжения, продовольственной безопасности, обращения с отходами. С целью эффективной реализации программы, в том числе в сфере безопасности, предусматривается разработка комплексной, основанной на всеобщем участии, городской политики, с использованием правовых, организационных, экономических инструментов публично-правового механизма ее обеспечения.

В ходе осуществления данной программы вновь подтверждено, что мэры городов, органы местного самоуправления лучше, чем органы государственной власти знают положение дел на местах, в связи с чем у них больше возможностей для построения безопасных и устойчивых городов и привлечения к этому городского населения. Городские власти и органы местного сообщества играют ключевую роль в реализации программы. Это проявляется, в первую очередь, в кризисных ситуациях, когда их роль в реагировании и восстановлении приобретает первостепенное значение, о чем наглядно свидетельствует пандемия COVID-19⁸. Учитывая, что программа ООН

⁸ UN-Habitat (2021). Cities and Pandemics: Towards a More Just, Green and Healthy Future // URL: <https://unhabitat.org/sites/default/files/2023/05/2306199r.pdf>

Хабитат не содержит каких-либо юридических обязательств по выполнению ее пунктов, несмотря на то, что более 150 стран интегрировали проблематику урбанизации в национальную политику, в немногих из них масштабы финансирования соответствуют потребностям городов по созданию инфраструктуры, оказанию услуг и обеспечению занятости населения.

В опубликованном ООН-Хабитат «Докладе о состоянии городов мира» в 2022 г. («World Cities Report 2022») представлены три возможных сценария развития городов: оптимистичный, пессимистичный и сценарий с высоким уровнем ущерба⁹. Реализация оптимистичного сценария может стать предпосылкой для возможности глобального будущего, но для этого города должны стать безопасными и комфортными для проживания.

С целью активизация осуществления вышеуказанной программы 21 апреля 2022 г. Председатель ЭКОСОС созвал специальное совещание по устойчивой урбанизации. Российский представитель при ООН Е.Ю. Варганов в своем выступлении отметил готовность делиться имеющимся опытом нашего государства по развитию городской мобильности и цифровизации услуг, акцентировал внимание на развитии проекта «Умный город» в России, в рамках которого реализуются инициативы по развитию технологий городского управления, а также сообщил о реализации каждого направления Новой программы развития городов [2].

Современный миропорядок предполагает всестороннее сотрудничество всех государств — членов мирового сообщества [3, с. 147]. 28 апреля 2022 г. Председатель Генеральной Ассамблеи ООН созвал совещание высокого уровня, где государства — члены и группы государств (например, Группа 77+ Китай, Евросоюз) отметили роль Новой программы в качестве «дорожной карты» для достижения ЦУР. После этого была учреждена Группа друзей по ООН-Хабитат, устойчивой урбанизации и Новой программе, которая провела несколько совещаний в целях содействия устойчивой урбанизации и ускорению реализации Новой программы. Следует отметить роль данной группы как связующего звена между Секретариатом ООН, Вторым, Третьим и Пятым комитетами Генеральной Ассамблеи¹⁰.

Кроме того, в 2000 г. в соответствии с резолюцией 17/18 Совета управляющих ООН-Хабитат от 1999 г. при ООН создан Консультативный комитет местных органов власти (UNACLA), который фор-

мируется из представителей ООН-Хабитат и международной организации «Объединенные города и местные власти» и представляет интересы 323 тыс. муниципалитетов, мегаполисов и регионов по всему миру. Признается самой крупной и влиятельной структурой, ориентированной на муниципальные нужды, основной целью которой является отстаивание интересов местного самоуправления в ООН, содействие диалогу между местными и государственными органами власти, а также обмену опытом по повышению эффективности городского самоуправления, в том числе в сфере обеспечения безопасности¹¹.

Таким образом, в результате проведенного исследования можно сделать вывод, что на глобальном уровне в рамках ООН постоянно предпринимаются усилия, направленные на решение проблем городского развития и обеспечение безопасности городов. Стоит отметить, что Ассамблея ООН-Хабитат¹² включает все государства — члены ООН. При этом на второй сессии Ассамблеи, прошедшей 5–9 июня 2023 г., отмечено, что до 65 % задач в рамках ЦУР зависят от мер, принимаемых в городах. В результате урбанизация оказывает прямое или косвенное влияние на реализацию всех ЦУР. Это означает, что в современном урбанизированном мире глобальная устойчивость тесно связана с устойчивостью городов, а также с ролью, которую играют органы местного самоуправления, институты гражданского общества и городские жители в достижении ЦУР¹³. В результате, в современном мире расширяется круг участни-

⁹ UN-Habitat (2022). World Cities Report 2022: Envisaging the Future of Cities // URL: <https://unhabitat.org/sites/default/files/2023/05/2306199r.pdf>

¹⁰ Обзор хода осуществления Новой программы развития городов и Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. Ассамблея ООН-Хабитат Программы ООН по населенным пунктам. Вторая сессия. Найроби, 5–9 июня 2023 г. // URL: <https://unhabitat.org/sites/default/files/2023/05/2306199r.pdf>

¹¹ Всемирная организация «Объединенные Города и Местные Власти» // URL: https://www.mid.ru/ru/activity/COORDINATING_and_advisory_body/head_of_subjects_council/materialy-o-vypolnenii-rekomendacij-zasedanij-sgs/xxxvi-zasedanie-sgs/1767078/

¹² В соответствии с резолюцией Генассамблеи ООН 73/239, принятой в декабре 2018 г., организационная структура ООН-Хабитат реформирована. Совет Управляющих ООН-Хабитат преобразован в Ассамблею ООН-Хабитат с универсальным членством (прим. автора).

¹³ Обзор хода осуществления Новой программы развития городов и Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. Ассамблея ООН-Хабитат Программы ООН по населенным пунктам. Вторая сессия. Найроби, 5–9 июня 2023 г. П. 21 // URL: <https://unhabitat.org/sites/default/files/2023/05/2306199r.pdf>

ков международных отношений за счет тех акторов, которые оказывают влияние на обеспечение безопасности, устойчивого развития в экономической, социальной, экологической и иных сферах жизнедеятельности государства, но представляют не государства в целом, а городские, местные сообщества. В условиях, когда глобальные кризисы становятся все более урбанистическими по своему характеру, именно городские органы власти (мэры, органы местного самоуправления) обладают более полной информацией о негативных факторах, проблемах и опасностях, которые существуют на местах, а значит имеют больше возможностей для мобилизации ресурсов с целью обеспечения безопасности и устойчивого развития городов. В результате в международном публичном праве возрастает роль «деполитизированных» участников международных отношений — городов, местных органов власти, в связи с чем возникает необходимость в урегулировании их сотрудничества нормами международного права. Следовательно, города, мегаполисы, а также международные неправительственные организации городов становятся объектами международно-правового регулирования [4, с. 223], а они сами — самостоятельными субъектами международных отношений в рамках надгосударственных институтов и получают новые перспективы развития на международной арене. Это тем более важно в современных условиях кризиса международных отношений государств и может служить одной из форм реализации девиза международного общественного форума: «Там, где не договорятся государства, договорятся люди» [5, с. 58]. Таким образом, усиливается роль городов, городских органов власти, местных выборных должностных лиц в государственном управлении; они получают все большее признание в международном праве, что представляется естественным процессом его развития.

Информация об авторе

Ю. Л. Корабельникова — докторант факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Академии управления МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

Yu. L. Korabelnikova — Doctoral Student of the Faculty of Training of Scientific and Scientific-Pedagogical Staff of the Academy of Management of the Russian Ministry of Internal Affairs, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 10.04.2025; одобрена после рецензирования 19.05.2025; принята к публикации 04.06.2025.
The article was submitted 10.04.2025; approved after reviewing 19.05.2025; accepted for publication 04.06.2025.

Список источников

1. Клос Хуан Хабитат III — конференция Объединенных Наций // Хроника ООН. Т. LIII. 2016. № 3.
2. Выступление представителя Российской Федерации Е. Ю. Варганова на специальном заседании ЭКОСОС по устойчивой урбанизации и осуществлению Новой городской повестки дня ООН-Хабитат // URL: <https://russiaun.ru/ru/news/210422ev>
3. Эриашвили Н. Д., Богатырев В. В., Каламкарян Р. А. Целостность системы современного международного права как основа универсальной международной безопасности // Закон и право. 2021. № 6. С. 146–150.
4. Юридическая урбаноология. Урбанологическая теория: моногр. В 2 т. / под ред. В. В. Таболина. М. : Юстицинформ, 2021.
5. Прокопенко А. Е. Международные связи городов // Власть. 2009. № 4. С. 58–60.

References

1. Clos Juan Habitat III — United Nations Conference // Chronicle of the United Nations. Vol. LIII. 2016. № 3.
2. Speech by the representative of the Russian Federation E. Y. Varganov at the special meeting of the ECOSOC on sustainable urbanization and the implementation of the New Urban Agenda of UN-Habitat // URL: <https://russiaun.ru/ru/news/210422ev>
3. Eriashvili N. D., Bogatyrev V. V., Kalamkarian R. A. The integrity of the system of modern international law as the basis of universal international security. 2021. № 6. P. 146–150.
4. Legal urbanology. Urban logical theory: monogr. In 2 volumes / edited by V. V. Tabolin. M. : Justicinform, 2021.
5. Prokopenko A. E. International relations of cities // Power. 2009. № 4. P. 58–60.

Научная статья

УДК 34.03:336

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-62-68>

EDN: <https://elibrary.ru/qwvjkk>

ИПОН: 2003-0059-3/25-301

MOSURED: 77/27-003-2025-03-500

Перспективы развития правового регулирования цифровых финансовых активов и цифровой валюты

Юлия Алексеевна Кузьменко¹, Александра Владимировна Воронина²

¹ Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, julkuzmenko@yandex.ru

² Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Россия, caas@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемы виральности и противоречивости тенденций, возникающих при обращении цифровых финансовых активов и цифровой валюты. Анализируются и приводятся фреймворки, способствующие быстрейшему решению проблем, возникающих в процессе виральной формы распространения прорывных технологий и поляризации общественности с позиции готовности участия и защиты собственности. Развитие цифровых технологий и их диффузия в цифровое пространство одновременно является и двигателем мировой экономики, и порождает специфические проблемы. Определен круг и структурирован ряд проблем, возникающих в экономике и правоприменительной практике в финансовой области. Основными обозначенными проблемами являются сложность дифференциации цифровых активов, технологий и валюты, недостаточность нормативно-правовых актов в сфере транзакций криптоактивов, низкая инвестиционная привлекательность официальной цифровой среды, высокая киберпреступность и ряд других. Наряду с выявлением и структурированием проблем, приводятся направления их хеджирования.

Ключевые слова: финансовые активы, блокчейн, законодательство, цифровая валюта, токен, инвестиционный климат, риски

Для цитирования: Кузьменко Ю. А., Воронина А. В. Перспективы развития правового регулирования цифровых финансовых активов и цифровой валюты // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 3. С. 62–68. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-62-68>. EDN: QWVJKX.

Original article

Prospects for the development of legal regulation of digital financial assets and digital currency

Yulia A. Kuzmenko¹, Alexandra V. Voronina²

¹ Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, julkuzmenko@yandex.ru

² Rostov State University of Railway Transport, Rostov-on-Don, Russia, caas@mail.ru

Abstract. The problems of virality and contradictory trends arising in the circulation of digital financial assets and digital currency are examined. The frameworks contributing to the quickest solution of the problems arising in the process of virality of breakthrough technologies and polarization of the public from the position of willingness to participate and protection of property are analyzed and presented. The development of digital technologies and their diffusion into the digital space is both an engine of the global economy and generates specific challenges. A number of problems arising in the economy and law enforcement practice in the financial field have been identified and structured. The main identified problems are the complexity of differentiation of digital assets, technologies and currencies, insufficient regulations in the field of crypto-asset transactions, low investment attractiveness of the official digital environment, and high cybercrime and a number of others. Along with the identification and structuring of the problems, directions for hedging them are given.

Keywords: financial assets, blockchain, legislation, digital currency, token, investment climate, risks

For citation: Kuzmenko Yu. A., Voronina A. V. Prospects for the development of legal regulation of digital financial assets and digital currency. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(3):62–68. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-62-68>. EDN: QWVJKX.

Финансовый ландшафт Российской Федерации находится в постоянном преобразовании. Исследование ученых-правоведов в сфере цифровизации финансовой отрасли сосредоточены на положительных эффектах апробации цифровых финансовых активов в свете законодательного регулирования начиная с

2021 г. Имеющиеся нормативно-правовые акты систематически обновляются и трансформируются регулятором на уровне государственного управления. Прорывные технологии опережают правовое регулирование инновационных процессов в силу новизны для всего мирового сообщества. Безусловно,

© Кузьменко Ю. А., Воронина А. В., 2025

разработка и внедрение правовых норм по регулированию цифровых финансовых активов являются ключевыми для обеспечения финансовой стабильности и защиты прав собственников таких активов, а также для создания благоприятной инвестиционной среды [2]. В данном случае инновационные процессы в финансовой среде не предполагают новых финансовых инструментов, но, в тоже время, появление нового вида валюты уже существует на фондовом рынке в качестве оцифрованного объекта.

Методологическая основа исследования в данной статье представлена общенаучными методами познания. Использование сравнительно-правового метода и метода эмпирических исследований позволило более глубоко и всесторонне изучить исследуемую тему, что способствует лучшему пониманию и решению вопросов, связанных с оборотом цифровых финансовых активов.

Сегодня можно с уверенностью заявить о том, что Российская Федерация относится к тем государствам, которые стремятся соответствовать всем новшествам, а поэтому в исследуемом вопросе был сделан значительный шаг вперед.

Достаточно большое число отечественных и зарубежных авторов в настоящее время уделяет внимание исследованию правовой природы и обращению цифровых финансовых активов и электронных денег. Вклад таких исследователей, как А. П. Перетолчин, А. Н. Кузьминов, О. Эйтсма, Т. Э. Рождественская, А. Г. Гузнов, N. Blycha, A. Garside, Q. Liao, M. Suna, J. Xu и многие другие, существенно обогатил понимание этой области и способствовал формированию правовой основы для обращения электронных денег.

С быстрым развитием цифровых валют становится сложно извлекать эффективную информацию из больших объемов данных и количественно оценивать стоимость цифровых активов с помощью современных методов. Как ключевая базовая технология технология блокчейн больше не может удовлетворить большинство потребностей транзакций цифровой валюты. Исходя из этого, цифровой актив берется в качестве объекта исследования, и в этом исследовании с помощью технологии глубокого обучения создается модель анализа стоимости цифрового актива. Затем извлекается механизм авторизации в алгоритме распределенной системы положения и ориентации (DPOS) и применяется к точному алгоритму обратного отслеживания ошибок (PBET), основан-

ному на существующем алгоритме консенсуса в технологии блокчейн. Таким образом, предлагается динамический делегированный практический алгоритм византийской отказоустойчивости (DDPBFT), который можно применить к блокчейну. Наконец, на основе улучшенной технологии блокчейн строится контролируемая система цифровой валюты [4].

Решение проблем законодательства о цифровых финансовых активах и цифровой валюте требует комплексного и многоуровневого подхода. Однако пока остается ряд нерешенных проблем, вызванных динамичностью экономики, общества и усиления роли прорывных технологий. К таковым фреймворкам относят блокчейн, майнинг, повсеместное использование искусственного интеллекта, в том числе мошенниками, цифровой двойник, интернет-вещей и др. Структурирование проблем приведено на рис. 1.

Раскрытие существующих проблем представлено ниже.

1. Отсутствие нормативно-правовых документов, регулирующих операции по купле-продаже криптоактивов, создает дополнительные препятствия в развитии данного вида рынка. Использование криптовалюты в нашем государстве в соответствии с действующим законодательством существенно ограничено. Цифровое управление сделками, с одной стороны, способствует развитию управления медиаактивами, с другой стороны, затрудняет управление правами интеллектуальной собственности из-за возможности быстрого копирования или изменения цифровых медиа. Необходимость наличия данного инструмента регулирования обусловлена потребностью регламентации сделок, обеспечивая тем самым юридическую защиту участников сделок [3]. В связи с тем, что криптовалюта в соответствии с российским законодательством попадает под признаки цифровой валюты, в 2025 г. внесены изменения в законодательство, в частности Федеральным законом от 29 ноября 2024 г. № 418-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» внесены изменения, в соответствии с которыми доходы от майнинга и продажи криптовалюты подлежат налогообложению как юридических, так и физических лиц.

2. Отсутствие четкой стратификации/дифференциации цифровых активов на законодательном уровне. Такая ситуация приводит к отсутствию яс-

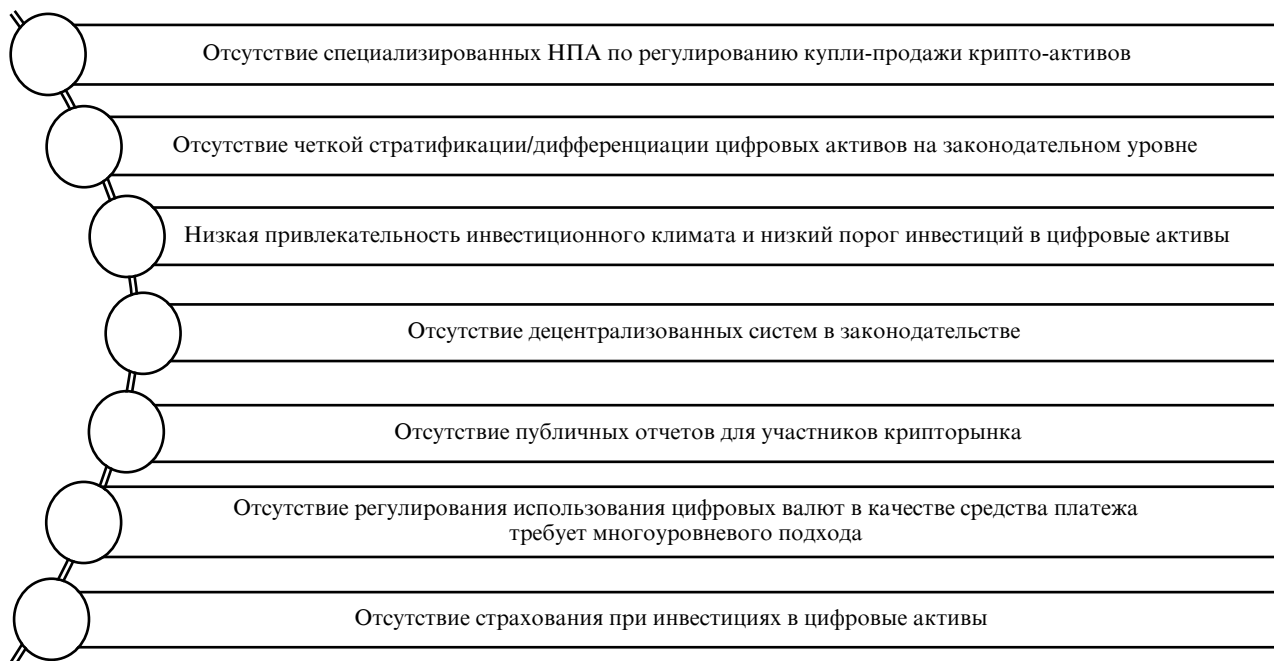

Рис. 1. Структурирование проблем законодательства о цифровых финансовых активах и цифровой валюте

ности и понимания в разновидностях цифровых активов. Существующие на данный момент цифровые активы ограничиваются разновидностями, представленными на рис. 2 [6].

Однако, наличие такой классификации ограничено и недостаточно для идентификации при совершении операций как объектов купли-продажи, собственности и осуществления фискальных функций государства.

Направлением развития управления цифровыми активами и цифровой валютой на государственном уровне может стать более глубокое расслоение

имеющихся категорий и их правовое регулирование и налогообложение. Например, валютные токены в мировой практике идентифицируют как неимущественные (членство в клубах) и имущественные (права на активы, например, доля в капитале). Представляется, что полезным будет дальнейшее расслоение не только валютных, но и инвестиционных и утилитарных токенов.

Права интеллектуальной собственности всегда были критически важным и сложным вопросом как для защиты собственности нематериальных творений, так и для использования возможных денежных

Рис. 2. Правовой статус и разновидности цифровых активов

ценностей, связанных с этими творениями [7]. Многие проблемы связаны с юридической сложностью (например, сосуществованием и дублированием национальных и международных законов), сложностью бизнеса (например, разнообразием и взаимодополняемостью заинтересованных сторон) и технической сложностью (например, отсутствием достаточных стандартов метаданных, глобальных репозиторий). Помимо всего прочего, установление стандартов информационного раскрытия и отчетности для эмитентов различных видов цифровых активов играет критическую роль в создании прозрачности и дове-

рия. [1]. Эмитенты обязаны предоставлять полную и достоверную информацию о своих проектах, что позволит инвесторам делать обоснованные решения. Данные стандарты также помогут регуляторам осуществлять эффективный надзор и контроль за рынком цифровых активов.

3. Низкий порог инвестиций в цифровые активы представляет актуальную проблему, требующую комплексного подхода к ее решению. Взаимозависимость проблем низкого порога инвестиций и низкой привлекательности инвестиционного рынка, а также предлагаемые пути их решения показаны на рис. 3.

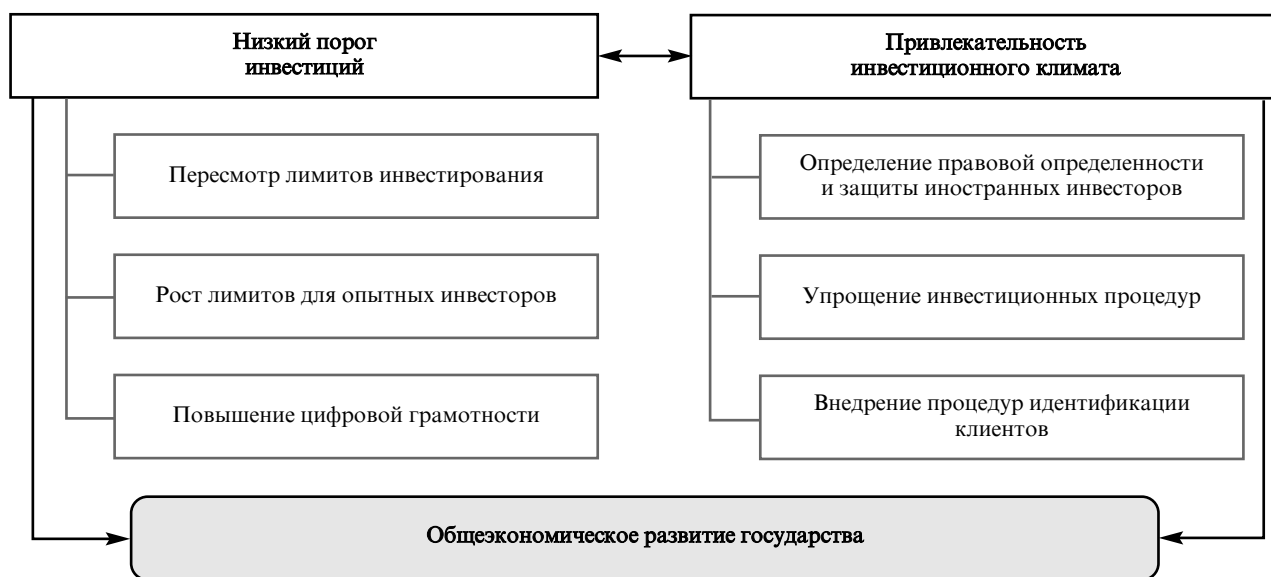

Рис. 3. Акторы роста привлекательности инвестиций в сектор криптоактивов

Возможными мероприятиями, направленными на оптимизацию условий доступа к инвестициям в цифровые активы для диффузии широкого круга электората, могут стать [10]:

а) пересмотр существующих лимитов инвестиций. Необходимо провести оценку текущих лимитов инвестиций, установленных для граждан, с целью их увеличения. Применение более гибкой системы лимитов позволит более эффективно интегрировать граждан в процесс инвестирования в цифровые активы и повысит уровень финансовой активности населения;

б) введение системы постепенного повышения лимитов для опытных инвесторов. С целью снижения рисков для начинающих инвесторов целесообразно внедрить пошаговую систему увеличения лимитов инвестирования для пользователей с подтвержденным опытом, что позволит минимизировать

возможные финансовые потери на начальном этапе и обеспечит постепенное вхождение граждан в мир цифровых активов;

в) обучение граждан основам инвестирования и рискам. Важным аспектом является образовательная составляющая, заключающаяся в проведении программ, направленных на ознакомление граждан с основами инвестирования и специфическими рисками, связанными с цифровыми активами. Создание доступных образовательных материалов и курсов позволит повысить уровень финансовой грамотности общества, что, в свою очередь, будет способствовать более сознательному и обоснованному принятию инвестиционных решений.

Для роста привлекательности инвестиционного климата необходимо привлечение иностранных инвесторов в сектор криптоактивов и реализация следующих шагов:

а) внесение поправок в действующее законодательство с целью обеспечения правовой определенности и защиты интересов иностранных инвесторов в российских криптоактивах. Данные изменения должны предусматривать тщательно разработанные правовые нормы, которые будут способствовать повышению доверия инвесторов к российскому криптовалютному рынку;

б) разработка и внедрение международных правовых механизмов, направленных на упрощение инвестиционных процедур, а также гармонизацию национального законодательства с международными стандартами. Данные меры снизят входные барьеры и повысят инвестиционную привлекательность российских крипто-активов для иностранных участников рынка;

в) внедрение процедур идентификации клиентов (KYC, Know Your Customer), направленных на повышение прозрачности и легитимности операций с криптоактивами, что позволит эффективно идентифицировать участников рынка и предотвращать финансовые преступления, такие как отмывание денег и финансирование терроризма [5].

Реализация данных мер позволит значительно улучшить инвестиционный климат в России, способствуя привлечению иностранных капиталовложений и стимулированию роста рынка криптоактивов. С учетом этих мер будет также обеспечиваться устойчивое формирование цифровой экосистемы и дальнейшее развитие российского государства как игрока на рынке цифровой валюты и цифровых активов. Также предлагаемые мероприятия создадут дополнительные возможности для формирования инклюзивности и динамичности инвестиций в активы РФ.

4. Децентрализация систем управления прорывными технологиями ориентирована на снижение барьеров входа отечественных участников на рынок цифровых технологий и цифровых валют. Технология блокчейн изначально рассматривается как вспомогательная технология для цифровых валют, таких как биткоин. По сравнению с традиционной валютой, цифровая валюта определяется как децентрализованная система, которая не контролируется органом власти [9]. Блокчейн содержит несколько технологий, таких как асимметричное шифрование, временная метка, механизм консенсуса и одноранговая связь. Децентрализованная система в технологии блокчейн может предоставить участникам основу

доверия. Блокчейн может устанавливать кредит между различными узлами в распределенной системе, поэтому в системе цифровой валюты существует децентрализованная кредитная организация. Таким образом, финансовый мониторинг и другие связанные с ним учреждения могут осуществлять эффективное регулирование и контроль для участников и транзакций в системе цифровой валюты, так что цифровая валюта может стать инструментом для незаконных транзакций [8]. Поэтому необходимо разработать систему, которая может защищать конфиденциальность пользователей и хорошо администрировать транзакции. В период инноваций в сфере цифровой валюты для долгосрочного развития технологии блокчейн и финансовых институтов важно усилить выявление инновационных рисков и построить эффективную систему регулирования инновационных рисков продукта.

5. Отсутствие публичных отчетов для участников крипторынка, предполагая под собой:

а) обязательное требование публичного раскрытия информации для участников рынка;

б) создание независимого органа мониторинга и отчетности, обеспечивающего доступность данных для всех участников рынка;

в) введение штрафных санкций за несоблюдение регламентированных требований по раскрытию информации.

Отсутствие публичной отчетности среди субъектов криптовалютного рынка представляет собой значительное препятствие для обеспечения прозрачности и доверия в данной сфере. В ответ на возникшие проблемы предлагается внедрение обязательного требования по публичному раскрытию информации для всех участников крипторынка, что включает в себя детализированные отчеты об операциях, финансовом состоянии и рисках, связанных с деятельностью, что позволит повысить уровень доверия и уменьшить вероятность мошенничества. Отметим так же создание независимого органа мониторинга и отчетности, который будет контролировать соблюдение стандартов раскрытия информации и предоставлять доступ к этим данным всем заинтересованным сторонам. Такой орган будет играть довольно важную роль в поддержании высокого уровня прозрачности на рынке и содействовать более информированным инвестиционным решениям. В целях обеспечения строгого соблюдения дан-

ных требований целесообразно установить штрафные санкции за нарушения регламентов по раскрытию информации. Штрафы должны быть соизмеримыми с масштабами и характером нарушений, чтобы служить эффективным средством предотвращения недобросовестных практик.

6. Внесение изменений в Закон № 259-ФЗ для регулирования использования цифровых валют в качестве средства платежа требует многоуровневого подхода. В мировом пространстве постоянно появляются новые виды цифровых денег, такие как Diem или стейблкоины, деноминированные в долларах США. Центральные банки многих стран занимаются исследованиями, экспериментами или разработкой цифровых валют. Соответственно, необходимо усиливать не только экономические, но и политические рычаги регулирования обращения цифровых денег. Ужесточение регулирования через запрет определенных видов криптовалют или переосмысление существующего регулирования с целью запрета конкретного набора видов экономической деятельности, связанной с обращением, накоплением и хранением криптоактивов. Предоставление государством альтернативных цифровых активов (CBDC) свойства которых могут сделать их более привлекательным для некоторых пользователей. Генератором идей в данном случае должен выступать Центральный банк государства. Оба политических инструмента не являются взаимоисключающими, а наоборот дополняют друг друга. При запрете одних активов, предлагается альтернатива другими.

Дополнительно, повышение общественной грамотности в сфере использования цифровых валют и создание нормативных актов для интеграции с традиционной финансовой системой способствуют стабильности и доверию к цифровым активам.

7. Отсутствие страхования при инвестициях в цифровые активы представляет собой значительную проблему, требующую повышенного внимания как со стороны регуляторов, так и со стороны частного сектора. В условиях быстроразвивающегося рынка цифровых активов, характеризующегося высокой волатильностью и неопределенностью, создание специализированных страховых продуктов становится необходимым шагом для защиты инвесторов.

Представляется, что устранение пробелов в части инвестиционного страхования цифровых финан-

совых активов значительно укрепит доверие к цифровым активам и, следовательно, повысит инвестиционную привлекательность со стороны участников рынка, что будет, в свою очередь, способствовать устойчивому развитию экономики и безопасности инвестиционной среды.

Очевидно, что разработка продуктов в системе обеспечения защиты может включать необходимые элементы и способы как со стороны возмещения убытков при кибератаках, так и других рисков при операциях с использованием цифровых финансовых активов и цифровой валюты. Безусловно, что основной целью подходов, независимо от их форм защиты, является минимизация рисков инвестора на фондовом рынке.

При этом нужно понимать, что эффективность финансовой системы во многом зависит от регулирования прорывных технологий, поскольку все операции с цифровыми финансовыми активами совершаются в виртуальном пространстве. Таким образом, четкое законодательное регулирование и детальный анализ цифровых технологий в финансовой сфере позволит защитить институциональных инвесторов от киберрисков и принятию цифровых финансовых активов в современной финансовой деятельности.

Список источников

1. Ахматова Д. Р. Понятие и свойства цифровых финансовых активов: функциональный подход // Аудиторские ведомости. 2025. № 1. С. 31–38.
2. Воронина А. В. Цифровизация как направление перманентной индустриализации отечественной экономики // Научные труды Московского университета имени С.Ю. Витте: сб. науч. ст. Вып. 6. М.: Московский университет имени С.Ю. Витте, 2019. С. 29–36.
3. Кузьменко Ю. А., Кузьминов А. Н. Экономический и правовой конструктив цифровых финансовых активов и цифровой валюты в Российской Федерации // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2025. № 1. С. 100–115.
4. Перетолчин А. П. Генезис и перспективы развития правового регулирования цифровых финансовых активов в Российской Федерации // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. № 3.
5. Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г. Цифровые финансовые активы: проблемы и перспективы пра-

вового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 15(6). С. 43–54.

6. Эйтсма О. Н. Современные проблемы правового регулирования цифровых активов // Инновационная наука. 2024. № 9-1.

7. Adjovu C., Fabian E. Blockchain-mediated licensing: legal engineering for artist empowerment // SSRN Journal. 2020.

8. Blycha N., Garside A. Smart legal contracts: a model for the integration of machine capabilities into contracts // SSRN Journal. 2020.

9. Liao Q., Wang Ya. Prospect and Challenges of Cross-border Payment Posed by Digital Currency — From the Perspective of Blockchain Coalition // E3S Web Conf. 2020. № 218. P. 04001.

10. Sun M., Xu J., Tang H. and Zu Z. Research on the Impact of Digital Financial Inclusion on R&D Innovation // E3S Web Conf. 2021. № 275. P. 01017.

References

1. Akhmatova D. R. The concept and properties of digital financial assets: a functional approach // Audit statements. 2025. № 1. P. 31–38.

2. Voronina A.V. Digitalization as a direction of permanent industrialization of the domestic economy // Scientific papers of the Witte Moscow University: collection of scientific articles. Issue 6. M.: Witte Moscow University, 2019. P. 29–36.

3. Kuzmenko Yu. A., Kuzminov A. N. The economic and legal constructive nature of digital financial assets and digital currency in the Russian Federation // Bulletin of the Russian State University of Economics. Series: Economics. Management. Right. 2025. № 1. P. 100–115.

4. Peretolchin A. P. Genesis and prospects of development of legal regulation of digital financial assets in the Russian Federation // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. № 3.

5. Rozhdestvenskaya T. E., Guznov A. G. Digital financial assets: problems and prospects of legal regulation // Actual problems of Russian law. 2020. № 15(6). P. 43–54.

6. Eitsma O. N. Modern problems of legal regulation of digital assets // Innovative Science. 2024. № 9-1.

7. Adjovu C., Fabian E. Blockchain-mediated licensing: legal engineering for artist empowerment // SSRN Journal. 2020.

8. Blycha N., Garside A. Smart legal contracts: a model for the integration of machine capabilities into contracts // SSRN Journal. 2020.

9. Liao Q., Wang Ya. Prospect and Challenges of Cross-border Payment Posed by Digital Currency — From the Perspective of Blockchain Coalition // E3S Web Conf. 2020. № 218. P. 04001.

10. Sun M., Xu J., Tang H. and Zu Z. Research on the Impact of Digital Financial Inclusion on R&D Innovation // E3S Web Conf. 2021. № 275. P. 01017.

Информация об авторах

Ю. А. Кузьменко — доцент кафедры финансового права Института правоведения Российского государственного гуманитарного университета, кандидат юридических наук;

А. В. Воронина — заведующая кафедрой теории организации и управления персоналом Ростовского государственного университета путей сообщения, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the authors

Yu. A. Kuzmenko — Associate Professor of the Financial Law Department of the Institute of Law of the Russian State University for the Humanities, Candidate of Legal Sciences;

A. V. Voronina — Head of the Department of Organization Theory and Personnel Management of the Rostov State University of Railway Transport, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.04.2025; одобрена после рецензирования 19.05.2025; принята к публикации 04.06.2025.

The article was submitted 23.04.2025; approved after reviewing 19.05.2025; accepted for publication 04.06.2025.

Научная статья

УДК 343.1

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-69-76>

EDN: <https://elibrary.ru/ptuwcj>

ИПОН: 2003-0059-3/25-302

MOSURED: 77/27-003-2025-03-501

Спорные вопросы прекращения уголовного дела в связи с истечением срока давности уголовного преследования

Елена Борисовна Кургузкина¹, Наталья Анатольевна Власова²

¹ Российский государственный университет правосудия, Воронеж, Россия, torbagan1@mail.ru

² Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва, Россия, itakan@mail.ru

Аннотация. В 2022 и 2023 гг. в ст. 27 УПК РФ были введены ч. 2.1, запрещающая повторное прекращение уголовного преследования за истечением сроков давности, если подозреваемый (обвиняемый) против этого возражает и ч. 2.2, в соответствии с которой, в случае продолжения расследования по делу из-за аналогичного возражения обвиняемого (подозреваемого) и при этом уголовное дело не передано в суд или не прекращено по иному основанию, уголовное преследование лица подлежит прекращению за непричастностью подозреваемого (обвиняемого) к совершению преступления. Данные положения закона неоднозначно воспринимаются как учеными, так и практиками в связи с чем анализ этих и других норм УПК РФ, регламентирующих прекращение уголовного преследования в связи с истечением сроков давности, представляется весьма актуальным.

Выявляются проблемы законодательного урегулирования прекращения уголовного преследования и уголовного дела, а также выработка предложений, направленных на совершенствование уголовного закона и практики его применения.

Применяются общенаучные и частные методы познания: диалектический, анализа и синтеза, а также сравнительно-правовой, формально-логический, системно-структурный, метод научного толкования.

Приводятся следующие выводы: целью института давности привлечения к уголовной ответственности является освобождение от уголовной ответственности лиц, которые с течением времени перестали быть общественно-опасными; до прекращения уголовного преследования должно быть доказано наличие события преступления, наличие в деянии лица состава преступления, вина лица в совершении данного деяния и отсутствие обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу (кроме давности); внесены предложения о целесообразности возвратить условия применения института давности, как это было в дореволюционном и советском законодательстве, в том числе прерывание срока давности в связи с совершением нового преступления; о необходимости регламентации процедуры возражения подозреваемого, обвиняемого против прекращения уголовного преследования в связи с истечением срока давности; прекращение уголовного преследования только на том основании, что истекли сроки давности, хотя не исчерпаны все процессуальные возможности для сбора доказательств, нельзя признать справедливым.

Ключевые слова: прекращение уголовного преследования, прекращение уголовного дела, истечение сроков давности, условия прекращения уголовного преследования

Для цитирования: Кургузкина Е. Б., Власова Н. А. Спорные вопросы прекращения уголовного дела в связи с истечением срока давности уголовного преследования // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 3. С. 69–76. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-69-76>. EDN: PTUWCJ.

Original article

Controversial issues of termination of criminal case due to expiration of the statute of limitations for criminal prosecution

Elena B. Kurguzkina¹, Natalia A. Vlasova²

¹ Russian State University of Justice, Voronezh, Russia, torbagan1@mail.ru

² All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, itakan@mail.ru

Abstract. In 2022 and 2023, Article 27 of the Code of Criminal Procedure introduced Part 2.1, prohibiting the repeated termination of criminal prosecution after the expiration of the statute of limitations if the suspect (accused) objects to this, and Part 2.2, according to which, in the case of continued investigation of the case due to a similar objection by the accused (suspect) and at the same time criminal If the case has not been brought to court or terminated for any other reason, then the criminal prosecution of the person is subject to termination due to the non-involvement of the suspect (accused) in the commission of the crime. These provisions of the law are ambiguously perceived by both scientists and practitioners, and therefore the analysis of these and other norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regulating the termination of criminal prosecution due to the expiration of the statute of limitations seems to be very relevant.

The problems of legislative regulation of the termination of criminal prosecution and criminal proceedings are identified, as well as the development of proposals aimed at improving the criminal law and the practice of its application.

© Кургузкина Е. Б., Власова Н. А., 2025

General scientific and particular methods of cognition are used: dialectical, analysis and synthesis, as well as comparative legal, formal-logical, systemic-structural, and the method of scientific interpretation.

The following conclusions are drawn: the purpose of the statute of limitations for criminal liability is to release from criminal liability persons who have ceased to be socially dangerous over time; before the termination of criminal prosecution, the existence of a crime event, the presence of corpus delicti in the act of the person, the guilt of the person in the commission of this act and the absence of circumstances precluding criminal proceedings must be proved. the case (except the statute of limitations); proposals have been made on the expediency of returning the conditions for the use of the statute of limitations, as it was in pre-revolutionary and Soviet legislation, including the interruption of the statute of limitations in connection with the commission of a new crime; on the need to regulate the procedure for the objection of a suspect or accused to the termination of criminal prosecution due to the expiration of the statute of limitations; termination of criminal prosecution only on the grounds that The statute of limitations has expired, although all the procedural possibilities for collecting evidence have not been exhausted, it cannot be considered fair.

Keywords: termination of criminal prosecution, termination of criminal case, expiration of statute of limitations, conditions for termination of criminal prosecution

For citation: Kurguzkina E. B., Vlasova N. A. Controversial issues of termination of criminal case due to expiration of the statute of limitations for criminal prosecution. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(3):69–76. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-69-76>. EDN: PTUWCJ.

Введение. Общественная опасность преступлений должна, безусловно, повлечь за собой ответственность лиц, виновных в их совершении. Уголовная ответственность, устанавливаемая законодателем, имеет определенные временные пределы, измеряемые давностью. Уголовно-правовой институт давности применялся в России издавна: уже в первых трудах по уголовному праву указывалось, что «истечение определенного срока по совершении преступления, если в продолжении сего времени оно не сделалось гласным и об оном не было произведено суда, уничтожает наказание, следующее за оное» [4, с. 161–164], т. е. по истечении определенного срока после совершения преступления виновный не мог подвергаться наказанию.

Таковую же позицию, с небольшими вариациями, занимали и другие дореволюционные ученые [2; 3, с. 247; 5; 11; 13]. Применение срока давности привлечения к уголовной ответственности было возможно при выполнении ряда условий: необходимо было, чтобы истек определенный срок с момента совершения преступления, за этот период (виновный) не имел никаких выгод от преступления, старался вознаградить за причиненный вред сколько дозволено учиненное им преступление (т. е. возместить ущерб — авт.), не учинил побега, в течение срока давности не учинил других преступлений. При этом давностью не прекращается обязанность вознаградить за причиненный кому-либо вред [4, с. 161–164].

Современное уголовное законодательство в основном восприняло эти положения. Тем не менее, вопрос о цели существования давности является дискуссионным в науке. Одни ученые полагают, что давность выступает в виде особого вида помилования со стороны государства [10]. Другие полагали и полагают, что целью института давности привлече-

ния к уголовной ответственности, также как и исполнения наказания, является освобождение от привлечения к уголовной ответственности лиц, которые с течением времени перестали быть общественно-опасными, в связи с чем уголовная репрессия становится излишней (что подтверждается выполнением условий применения давности) [15]. Думается, что последняя позиция более верна.

В соответствии с ранее действовавшей ч. 3 ст. 48 УК РСФСР в случае совершения лицом нового преступления течение срока давности прерывалось.

В действующем УК РФ не имеется условий прерывания срока давности, а УПК РФ не содержит условий прекращения уголовного преследования за истечением срока давности, установлены лишь основания такого прекращения (п. 3 ч. 1 ст. 24 и п. 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ).

На наш взгляд, условия, разработанные для применения института давности дореволюционными учеными-правоведами в виде несовершения нового преступления, возмещения ущерба или иного вреда от преступления, свидетельствующие о раскаянии и позитивном изменении личности, целесообразно возратить в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, как и прерывание срока давности в связи совершением лицом нового преступления.

Справедливости ради необходимо заметить, что ч. 3 ст. 78 УК РФ предусматривает приостановление течения сроков давности в случае уклонения лица, совершившего преступление, от следствия или суда либо от уплаты назначенного судебного штрафа. Однако совершение нового преступления не является основанием для прерывания срока давности.

Полагаем, что изложенное, а также анализ новых норм, введенных в ст. 27 УПК РФ (ч. 2.1 и 2.2), кото-

рые в литературе и на практике воспринимаются неоднозначно, свидетельствуют об актуальности настоящего исследования.

Положения, которые необходимо учитывать при разрешении вопроса о прекращении уголовного преследования за истечением сроков давности

Истечение сроков давности влечет прекращение уголовного преследования за истечением сроков давности преследования только при подтверждении всех элементов преступления, при отсутствии иных, кроме давности, обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу. В противном случае уголовное преследование должно быть прекращено по реабилитирующим основаниям (за отсутствием события преступления, либо за отсутствием в деянии состава преступления).

Следует обратить внимание на то, что в соответствии с ч. 2 ст. 27 УПК РФ прекращение уголовного преследования по основаниям, указанным в п. 3 и 6 ч. 1 ст. 24, ст. 25, 25.1, 28, 28.1 и 28.2, а также в п. 3 и 6 ч. 1 ст. 27 УПК РФ не допускается, если подозреваемый или обвиняемый против этого возражает. В таком случае производство по уголовному делу продолжается в обычном порядке. Иными словами, дело должно быть расследовано и направлено в суд. При установлении оснований прекращения уголовного преследования в ходе судебного разбирательства, суд продолжает рассмотрение уголовного дела в обычном порядке до его разрешения по существу. В случаях, предусмотренных п. 1 и 2 ч. 1 ст. 24 и п. 1 и 2 ч. 1 ст. 27, суд постановляет оправдательный приговор, а в случаях, предусмотренных п. 3 ч. 1 ст. 24 и п. 3 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, — обвинительный приговор с освобождением осужденного от наказания (ч. 8 ст. 302 УПК РФ).

Судя по содержанию понятия уголовного преследования, оно возможно в отношении виновного лица в период действия сроков давности привлечения к уголовной ответственности.

В международных нормативных правовых актах термин «уголовное преследование» означает уголовное производство в отношении конкретных лиц. В уголовно-процессуальном законодательстве РСФСР термин «уголовное преследование» не использовался. Законодатель ввел данное понятие только в УПК РФ 2001 г. П. 55 ст. 5 УПК РФ содержит определение уголовного преследования — это процессу-

альная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

По поводу данного определения ученые высказывают неоднозначные точки зрения. Одни считают его достаточно полным [9, с. 15]. Другие полагают, что из данного в законе определения невозможно установить все существенные признаки уголовного преследования как вида уголовно-процессуальной деятельности.

Например, В. С. Джатиев приходит к выводу о том, что уголовное преследование — это абстракция, не имеющая собственного содержания¹ [4, с. 112–118; 7, с. 191–264].

Представляется, что наиболее разработанное и глубокое определение уголовного преследования дает В. В. Хатуева² [14, с. 46–47].

В целом поддерживая данное определение, полагаем все же, что в него необходимо включить цель привлечения к уголовной ответственности и, при необходимости, назначение наказания, вместо «применения уголовного закона».

Следует обратить внимание, что недопустимо отождествлять понятия «уголовное преследование» и «обвинение». Уголовное преследование осуществляется не бесконечно по большинству составов. Однако, как уже отмечалось, есть ряд преступлений, в отношении которых сроки давности не применяются, например, преступления террористической направленности, преступления против мира и безопасности человечества (ч. 5 ст. 78 УК РФ).

Вопрос о применении срока давности в отношении лиц, совершивших преступления, за которые предусмотрена смертная казнь или пожизненное лишение свободы, решается судом (ч. 4 ст. 78 УК РФ).

Важным является определение момента начала течения срока уголовного преследования. Вопрос этот достаточно полемичен. Так, О. Я. Баев полагал, что течение сроков по уголовному делу до появления фигуры подозреваемого (обвиняемого), вне незави-

¹ Ученый полагает, что содержание уголовного преследования составляют: возбуждение уголовного дела, задержание подозреваемого, привлечение в качестве обвиняемого, применение мер пресечения к подозреваемому и обвиняемому и т. п.

² Под уголовным преследованием она предлагает понимать «предусмотренную УПК РФ деятельность участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения, осуществляемую в пределах их компетенции в целях установления виновности лица, совершившего преступление, и применения к нему уголовного закона».

симости от их длительности, не могут нести никаких негативных последствий, поэтому, по его мнению, законодатель имел ввиду не разумные сроки уголовного судопроизводства, а разумные сроки уголовного преследования конкретного лица (лиц) [1, с. 20].

Противоположной позиции придерживается Е. В. Рябцева, считающая, что даже при отсутствии обвиняемого (подозреваемого) по делу, негативные последствия течения сроков отражаются на иных участниках процесса, например, потерпевших, надежды которых на быстрое установление виновных и возмещение причиненного вреда не оправданы [12, с. 38].

Думаем, что обе приведенные позиции не совсем верны, поскольку в ч. 2 ст. 78 УК РФ четко установлено, что течение сроков давности начинает исчисляться со дня совершения преступления и до момента вступления приговора в законную силу.

В Российском уголовно-процессуальном законодательстве достаточно скрупулезно и жестко прописаны сроки производства по уголовному делу. Срок предварительного следствия не должен превышать двух месяцев со дня возбуждения уголовного дела. Этот срок может быть продлен до 3-х и 12-ти месяцев. В исключительных случаях срок следствия по уголовному делу может быть продлен и срок этот законодателем не определен. Иными словами, он может продлиться на столько, на сколько потребуется для полного, всестороннего и объективного исследования всех обстоятельств уголовного дела (ст. 162 УПК РФ)³.

Положения ч. 6 ст. 162, ч. 6 ст. 223 УПК РФ, на наш взгляд, могут привести к волоките, преднамеренному затягиванию срока расследования на неопределенное время, поскольку руководитель следственного органа правомочен устанавливать срок дополнительного следствия в случае возобновления приостановленного, прекращенного либо возвращенного прокурором на дополнительное расследование уголовного дела независимо от того, сколько раз оно возвращалось.

В соответствии со ст. 6.1 УПК РФ уголовное судопроизводство осуществляется в сроки, устанавливаемые уголовно-процессуальным законом, о чем мы говорили выше. Одновременно этой же нормой определено, что эти сроки должны быть разумными. Определение разумности срока досудебного производства предполагает учитывать положения ч. 3.1 ст. 6.1 УПК РФ, т. е. особенности каждого уголовного дела при осуществлении уголовного преследования⁴.

Трудно признать верной позицию Е. В. Рябцевой, рассматривающей принцип разумности одновременно как фундаментальную основу правового регулирования, обеспечивающую системность норм и как прямой регулятор правоотношений участников при ее пробельности и противоречивости [12, с. 38]. Считаю, что содержащийся в УПК РФ принцип разумности срока уголовного судопроизводства вступает в противоречие со сроками досудебного (и судебного) производства, регламентируемыми ст. 162, 223, 226.6, 233, 389.10, 401.8, 412.5 УПК РФ и др. — поэтому говорить о согласованности разумных и конкретных сроков сложно.

К тому же необходимо подчеркнуть, что далеко не всегда сроки уголовного преследования нарушаются по вине государственных органов и должностных лиц. Нередко иные участники процесса (чаще обвиняемые) затягивают различными способами процесс как невольно, так и умышленно, с целью добиться различных правовых преференций, включая и использование сроков давности привлечения к уголовной ответственности.

В соответствии с постановлением Конституционного суда РФ от 18 июля 2022 г. № 33-п по делу о проверке конституционности ч. 2 ст. 27 УПК РФ и п. «в» ч. 1 ст. 78 УК РФ, в ст. 27 УПК РФ Федеральным законом от 18 марта 2023 г. № 81-ФЗ были внесены изменения с целью добиться разумности сроков предварительного расследования. В частности, была введена ч. 2.1, запрещающая повторное прекращение уголовного преследования за истечением сроков давности после отмены предыдущего постановления о прекращении по тому же основанию, если подозреваемый, обвиняемый против этого возражает. А Федеральным законом от 13 июня 2023 г. № 220-ФЗ в ст. 27 УПК РФ введена ч. 2.2, в соответствии с которой, если уголовное дело не передано в суд и не прекращено по иным основаниям, несмотря на возражения подозреваемого (обвиняемого) против прекращения преследования по п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ

³ Срок дознания регламентирован в ст. 223 УПК РФ.

⁴ К таким особенностям относятся: правовая и фактическая сложность уголовного дела, поведение потерпевшего и иных участников уголовного судопроизводства, достаточность и эффективность действий прокурора, руководителя следственного органа, органа дознания, начальника отдела дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя, проводимых в целях расследования уголовного дела, а также общая продолжительность досудебного производства по уголовному делу.

(нерабилитирующее основание), то такое преследование подлежит прекращению по п. 1 ч. 1 той же статьи (реабилитирующее основание): по прошествии двух месяцев расследования с момента истечения сроков давности за преступления небольшой тяжести, трех месяцев — за совершение преступлений средней тяжести, 12 месяцев — за совершение тяжких или особо тяжких преступлений. При этом законодатель не оговаривает зависимость этих сроков от объема, сложности и других существенных характеристик уголовного дела, игнорируя положения ч. 3.1 ст. 6.1 УПК РФ.

В п. 5 постановления Пленума Верховного Суда от 17 декабря 2024 г. № 39 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору», разъяснено, что закон гарантирует обязательное прекращение или приостановление уголовного преследования на стадии предварительного расследования при наличии соответствующих оснований, исключая в таких случаях составление обвинительного документа. Если по делу с истекшими сроками давности производство продолжено из-за возражений обвиняемого, но в установленные ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ сроки дело не передано в суд и не прекращено по другим основаниям, оно подлежит прекращению за непричастностью обвиняемого к совершению преступления.

Однако данное разъяснение суда вступает в противоречие с ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ, где говорится о прекращении уголовного преследования, но не уголовного дела.

Уголовное дело может содержать ряд эпизодов, сроки давности могут истекать по одному или некоторым из них. В связи с этим закон не содержит запрета на продление в установленном порядке сроков предварительного расследования (которые в ряде случаев пределов не имеют). Однако если по эпизоду (части эпизодов), по которым срок давности привлечения к уголовной ответственности истек, а следователь (дознатель) продолжает расследование, то в соответствии с ныне действующими положениями УПК РФ это является незаконным, что и разъяснил Верховный суд.

Уголовное преследование в отношении лиц, возмещающих против прекращения, должно быть прекращено за непричастностью к преступлению, а

расследование уголовного дела в целом должно продолжаться в обычном порядке. Если же по всем эпизодам уголовного дела срок давности истек и прошли установленные минимальные сроки расследования сверх этого срока, то, по мнению Верховного суда, уголовное дело подлежит прекращению полностью в связи с непричастностью обвиняемого к совершению преступления.

Отметим, что ч. 4 ст. 24 УПК РФ предписывает прекращать уголовное дело в случае прекращения уголовного преследования в отношении всех подозреваемых или обвиняемых, за исключением случаев непричастности указанных лиц к совершению преступления. Данное законодательное положение прямо противоречит разъяснениям Верховного суда, поскольку доктринальное толкование указанной нормы приводит к выводу, что если лицо не причастно к преступлению, то, значит, само событие преступления существует, а лицо, его совершившее, не установлено. В такой ситуации досудебное производство по уголовному делу должно быть приостановлено за неустановлением лица, совершившего преступление, в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ.

В вышеназванном постановлении Пленума Верховного Суда № 39 установлено, что нарушение следователем (дознателем) обязанности прекратить производство по уголовному делу в связи с истечением сроков давности и последующее направление его в суд влечет незаконное продолжение уголовного преследования. Это препятствует рассмотрению дела судом и служит основанием для его возвращения прокурору; т. е. Верховный Суд полагает, что в конечном итоге такие уголовные дела и уголовное преследование должны прекращаться следователем, дознавателем, но не судом.

Сроки на дополнительное расследование указанных уголовных дел исчисляются с момента истечения сроков давности. Однако на практике возникают различные ситуации, когда невозможно закончить расследование до истечения срока давности. Например, уголовное дело несколько раз приостанавливалось в связи с заболеванием фигуранта и в этот период сроки давности заканчиваются, а выполнить ряд следственных и иных процессуальных действий следователь, дознаватель без участия данного лица не могут. Или подозреваемый (обвиняемый) был установлен незадолго до истечения сроков давности, либо после их истечения. При этом возможности расследо-

вания сокращаются, и иные участники процесса, в частности потерпевший, остаются незащищенными. Возможна и иная ситуация: потерпевший по какой-либо причине обращается в правоохранительные органы с заявлением о преступлении с существенным запозданием. Поскольку сроки обращения временными рамками не ограничены, а срок истечения давности привлечения к уголовной ответственности истекает либо уже истек, срок расследования оказывается существенно сокращенным. Или, например, уголовное дело может быть возбуждено с существенным запозданием по иным причинам, что также приводит к истечению сроков давности до получения достаточных доказательств для своевременного привлечения виновного к уголовной ответственности.

Так, С. 25 июня 2020 г. совершил повторное после наложения административного взыскания управление автомобилем в состоянии алкогольного опьянения. Уголовное дело в отношении С. было возбуждено 4 мая 2023 г. по ст. 284.2 УК РФ. Срок следствия неоднократно продлялся. При этом срок давности привлечения к уголовной ответственности в отношении С. истек 25 июня 2022 г. В ходе предварительного следствия обвинение С. не предъявлялось, мера пресечения в отношении него не избиралась. 4 сентября 2023 г. от С. поступило возражение против прекращения уголовного преследования и уголовного дела за истечением срока давности. В связи с этим уголовное дело было прекращено за истечением сроков давности уголовного преследования (п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ), а уголовное преследование в отношении С. было прекращено в связи с непричастностью подозреваемого к совершению преступления (п. 1 ч. 1, ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ)⁵.

Иными словами, уголовное дело было прекращено по нереабилитирующим основаниям, а уголовное преследование в отношении С. — по реабилитирующим, что, на наш взгляд, незаконно, поскольку в данном случае уголовное дело необходимо было приостановить за неустановлением лица, совершившего преступление (п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ).

Следует подчеркнуть, что закон не требует согласия подозреваемого, обвиняемого на прекращение в отношении него уголовного преследования за давностью привлечения к уголовной ответственности. В ч. 2 ст. 27 УПК РФ указывается, что эти лица при несогласии с принимаемым решением могут против этого возражать. Однако в законе не определена процедура данного возражения: устно или письменно

оно должно производиться, какому должностному лицу или в какой государственный орган (руководителю следственного органа, прокуратуру или в суд) должно быть подано, в какой момент производства по уголовному делу. Считаем, что этот пробел в праве необходимо устранить.

В такой ситуации следует руководствоваться ст. 125 УПК РФ, т. е. обвиняемый или подозреваемый имеет право обжаловать в судебном порядке постановление следователя и иного компетентного должностного лица о прекращении уголовного дела за давностью привлечения к уголовной ответственности, а суд обязан рассмотреть его жалобу и принять соответствующее решение. Кстати, об этом же говорилось и в приводимом ранее постановлении Конституционного суда РФ от 18 июля 2022 г. № 33-п.

Истечение срока давности может наступить в результате неоднократных пересылок уголовного дела от одного органа другому.

Так, уголовное дело по обвинению Ч. по ч. 1 ст. 293 УК РФ (халатность) 28 февраля 2022 г. было направлено в районный суд, а 29 марта 2023 г. данное уголовное дело в соответствии со ст. 237 УПК РФ было возвращено прокурору в связи с установлением в ходе судебного заседания иного размера причиненного преступлением ущерба, значительно отличающегося от указанного в обвинительном заключении. В период дополнительного расследования срок давности истек, а обвиняемый возражал против прекращения уголовного дела в связи с истечением срока давности. Поэтому 9 августа 2023 г. уголовное преследование в отношении него было прекращено по п. 1 ч. 1 и ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ, а уголовное дело — по п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ⁶.

Таким образом, нельзя признать справедливым прекращение уголовного преследования только на том основании, что истекли сроки давности, хотя не исчерпаны все процессуальные возможности для сбора доказательств. Прекращение уголовного преследования лица за давностью без установления его вины также недопустимо. До принятия такого решения необходимо установить все обстоятельства совершенного преступления, т. е. предварительное расследование должно быть завершено в полном объеме.

⁵ Уголовное дело № 12002200046450024 // Архив ГУ МВД России по Воронежской области.

⁶ Уголовное дело № 12101200022340010 // Архив ГУ МВД России по Воронежской области.

Заключение. Анализ норм ст. 27 УПК РФ о прекращении уголовного преследования в связи с истечением сроков давности привлечения к уголовной ответственности позволяет сделать вывод, что в соответствии с ними уголовное преследование должно быть прекращено по п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ фактически без уголовно-процессуального доказывания непричастности лица к совершению преступления даже в том случае, если в деле имеются доказательства его виновности, что противоречит принципам уголовного судопроизводства.

Конституционный суд РФ, а за ним и законодатель пошли по достаточно упрощенному пути, установив жесткие сроки прекращения уголовного преследования. При этом не учтены положения ч. 3.1 ст. 6.1 УПК РФ, т. е. не оговаривается зависимость этих сроков от объема, сложности и других существенных характеристик уголовного дела. Считаем, что это неправомерно: расследование должно проводиться с учетом всех особенностей конкретного дела.

Введение ч. 2.1 и ч. 2.2 в ст. 27 УПК РФ породило на практике непонимание и ошибки при прекращении уголовного преследования и уголовного дела. Так, уголовное преследование зачастую прекращается по реабилитирующему основанию (за непричастностью лица к совершению преступления), а уголовное дело — по нереабилитирующему основанию (в связи с истечением сроков давности), что не только нелогично, но и противоречит закону: если фигурант не причастен к совершению преступления, то уголовное дело должно не прекращаться, а приостанавливаться по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ.

Научное толкование ч. 4 ст. 24 УПК РФ привело к аналогичному выводу: в случае прекращения уголовного преследования в отношении всех обвиняемых по всем эпизодам, уголовное дело подлежит полному прекращению, за исключением случаев непричастности указанных лиц к совершению преступления. В такой ситуации досудебное производство по уголовному делу должно быть приостановлено за неустановлением лица, совершившего преступление.

Тем не менее, ни в ст. 27 УПК РФ, ни в вышеуказанном постановлении Пленума Верховного Суда РФ об этом не упоминается.

Авторы подчеркивают, что закон не требует согласия подозреваемого, обвиняемого на прекращение в отношении него уголовного преследования за давностью привлечения к уголовной ответственности. В

ч. 2 ст. 27 УПК РФ указывается, что эти лица при несогласии с принимаемым решением могут против этого возражать, хотя процедура такого возражения не регламентирована. В данном случае следует руководствоваться ст. 125 УПК РФ, т. е. обвиняемый или подозреваемый имеет право обжаловать в судебном порядке постановление следователя, дознавателя о прекращении уголовного дела за давностью привлечения к уголовной ответственности, а суд обязан рассмотреть его жалобу и принять соответствующее решение. Об этом же говорилось и в приводимом ранее постановлении Конституционного Суда РФ от 18 июля 2022 г. № 33-п. К сожалению, законодатель не учел этого при внесении изменений в ст. 27 УПК РФ.

Таким образом, проведенный анализ закона и практики выявил немалое количество проблемных и нерешенных вопросов применения ч. 2.1 и ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ. Надеемся, что дальнейшие исследования по данной теме помогут их разрешить.

Список источников

1. Баев О. Я. разумные сроки уголовного судопроизводства // Криминалистические чтения. Вып. 13. Воронеж, 2011.
2. Белогриц-Котляревский Л. С. Учебник русского уголовного права. Общая и особенная части. Киев : Южно-Русское кн-во Ф. А. Иогансона, 1903.
3. Владимирова Л. Е. Учебник русского уголовного права. Общая часть. Харьков : Изд. тип. Каплана и Бирюкова, 1889.
4. Горегляд О. И. Опыт начертания российского уголовного права / Сочинение коллежского ассесора Осипа Горегляда. СПб. : Типография Иос. Иоаннессова, 1815.
5. Гуляев П. Н. Российское уголовное право, составленное из российских государственных узаконений титулярным советником Петром Гуляевым. М. : тип. П. Кузнецова, 1826.
6. Джатиев В. С. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: шаг вперед или два шага назад? // Фундаментальные и прикладные проблемы управления расследованием преступлений. 2005. С. 112–118.
7. Зинатуллин З. З. Общие проблемы обвинения и защиты по уголовным делам. Избранные труды. В 2 т. Т. 1. СПб., 2013.
8. Козубенко Ю. В. Уголовное преследование. СПб., 2006.

9. Мазюк Р. В. Уголовное преследование в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2007.

10. Мальцев В. Освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности // Уголовное право. 2006. № 1. С. 45–49.

11. Немировский Э. Я. Учебник уголовного права. Одесса : Южно-Русское общество печатного дела, 1919.

12. Рябцева Е. В. Принцип разумности в уголовном процессе России. М., 2011.

13. Спасович В. Д. Учебник уголовного права. Т. 1. Вып. 1. СПб. : Тип. И. Огризко, 1863.

14. Хатуева В. В. Институт уголовного преследования в российском уголовно-процессуальном праве. М., 2010.

15. Широков К. С. Проблемы исчисления сроков давности в уголовном праве России // Мировой судья. 2006. № 9. С. 23–25.

References

1. Baev O. Ya. reasonable terms of criminal proceedings // Criminalistic readings. Vol. 13. Voronezh, 2011.

2. Belogritys-Kotlyarevsky L. S. Textbook of Russian criminal law. General and special parts. Kiev : F. A. Johanson's South Russian Publishing House, 1903.

3. Vladimirov L. E. Textbook of Russian Criminal Law. The general part. Kharkov : Publishing house type Kaplan and Biryukov, 1889.

4. Goreglyad O. I. The experience of writing Russian criminal law / An essay by collegiate assessor Osip Go-

reglyad. St. Petersburg : Printing House of Ios. Ioanneso-va, 1815.

5. Gulyaev P. N. Russian criminal law, compiled from Russian state legalizations by titular adviser Peter Gulyaev. M. : type. P. Kuznetsova, 1826.

6. Dzhatiev V. S. Criminal Procedure Code of the Russian Federation: One step forward or two steps back? // Fundamental and applied problems of crime investigation management. 2005. P. 112–118.

7. Zinatullin Z. Z. General problems of prosecution and defense in criminal cases. Selected works. In 2 vols. Vol. 1. St. Petersburg, 2013.

8. Kozubenko Yu. V. Criminal prosecution. St. Petersburg, 2006.

9. Mazyuk R. V. Criminal prosecution in Russian criminal proceedings: abstract diss. ... candidate of legal sciences. Irkutsk, 2007.

10. Maltsev V. Exemption from criminal liability due to the expiration of the statute of limitations // Criminal Law. 2006. № 1. P. 45–49.

11. Nemirovskiy E. Ya. Textbook of criminal law. Odessa : South Russian Society of Printing, 1919.

12. Ryabtseva E. V. The principle of reasonableness in the Russian criminal process. M., 2011.

13. Spasovich V. D. Textbook of criminal law. Vol. 1. Issue 1. St. Petersburg : Tip. I. Ogrizko, 1863.

14. Khatueva V. V. Institute of criminal prosecution in Russian criminal procedure law. M., 2010.

15. Shirokov K. S. Problems of calculating the statute of limitations in Russian criminal law // Justice of the Peace. 2006. № 9. P. 23–25.

Информация об авторах

Е. Б. Кургузкина — профессор кафедры уголовного процесса Центрального филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук;

Н. А. Власова — главный научный сотрудник отдела по исследованию криминалистических проблем научно-исследовательского центра по исследованию проблем расследования преступлений органами предварительного следствия и дознания Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Information about the authors

E. B. Kurguzkina — Professor of the Department of Criminal Procedure of the Central Branch of the Russian State University of Justice, Doctor of Legal Sciences;

N. A. Vlasova — Chief Researcher of the Department for the Study of Criminalistic Problems of the Scientific Research Center for the Study of Problems of Investigation of Crimes by the Bodies of Preliminary Investigation and Inquiry of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.04.2025; одобрена после рецензирования 13.05.2025; принята к публикации 04.06.2025. The article was submitted 17.04.2025; approved after reviewing 13.05.2025; accepted for publication 04.06.2025.

Научная статья
УДК 342
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-77-83>
EDN: <https://elibrary.ru/ounfhk>

НИОН: 2003-0059-3/25-303
MOSURED: 77/27-003-2025-03-502

Шоплифтинг — история, современное состояние и проблемы противодействия противоправному феномену

Сергей Алексеевич Кутякин

Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Рязань, Россия,
Kutiakin@yandex.ru

Аннотация. Проводится краткий исторический анализ возникновения и развития противоправного феномена магазинных краж (шоплифтинга) на примерах зарубежного и отечественного опыта исследования этого явления. Раскрываются характерные особенности поведения магазинных воров и приемы совершения ими хищений товаров в магазинах розничной торговли. Дается анализ данных судебной статистики привлечения к ответственности физических лиц по ст. 7.27 КоАП РФ «мелкое хищение» за период 2019–2024 гг. Рассматриваются способы противодействия магазинных воров уголовному и административному преследованию и современные проблемы органов внутренних дел по борьбе с этим явлением. Делается вывод о значительных моральных, экономических и политических издержках, возникающих в результате распространения этого явления в маргинальной среде, а так же среди детей и подростков.

Ключевые слова: воровство в магазинах, история шоплифтинга, кадровый дефицит сотрудников МВД РФ, магазинные кражи, мелкое хищение, негативные последствия шоплифтинга, способы хищения товаров из магазина, технология совершения магазинной кражи, шоплифтинг, экономические убытки от мелких магазинных краж

Для цитирования: Кутякин С. А. Шоплифтинг — история, современное состояние и проблемы противодействия противоправному феномену // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 3. С. 77–83. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-77-83>. EDN: OUNFHK.

Original article

Shoplifting — history, current state and problems of countering the criminal phenomenon

Sergey A. Kutyakin

Ryazan Branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Ryazan', Russia, Kutiakin@yandex.ru

Abstract. A brief historical analysis of the emergence and development of the illegal phenomenon of shoplifting is carried out using examples of foreign and domestic research experience of this phenomenon. The characteristic features of the behavior of shoplifters and methods of committing theft of goods in retail stores are revealed. The analysis of judicial statistics on bringing individuals to justice under Article 7.27 of the Administrative Code of the Russian Federation «Petty Theft» for the period 2019–2024 is given. The article considers ways to counteract criminal and administrative prosecution of shoplifters and the current problems of law enforcement agencies in combating this phenomenon. It is concluded that there are significant moral, economic and political costs resulting from the spread of this phenomenon in a marginalized environment, as well as among children and adolescents.

Keywords: shoplifting, history of shoplifting, personnel shortage of employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, petty theft, negative consequences of shoplifting, methods of stealing goods from the store, technology of shoplifting, shoplifting, economic losses from petty shoplifting

For citation: Kutyakin S. A. Shoplifting — history, current state and problems of countering the illegal phenomenon. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(3):77–83. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-77-83>. EDN: OUNFHK.

Термин шоплифтинг представляет собой словосочетание, производное от английских слов shop — магазин и lifting — поднимание, которое в совокупности образует слово shoplifting. Под шоплифтингом следует понимать кражу ворами, действующими под видом покупателей, товаров из розничного магазина в рабочее время. Современные магазинные вору, следуя западным идеалам и стереотипам, а так же

молодежной моде на англицизмы именуют себя шоплифтерами. Не следует путать шоплифтеров с иными ворами, обкрадывающими магазины, когда они закрыты для покупателей, т. е. в их нерабочее время.

История шоплифтинга, как противоправного феномена, уходит своими корнями в далекое прошлое. Впервые задокументированный случай магазинной кражи произошел в Лондоне в XVIII в. Так,

© Кутякин С. А., 2025

17 января 1750 г. сын священника John Leminghau был обвинен в краже книги автора Thomas Munby, озаглавленной как «Собрание всех ныне используемых статуй с примечаниями на полях». Кража была осуществлена из магазина «King's Products» в отеле Lincoln's-Inn. Стоимость украденной книги составляла 4 шиллинга. Когда хозяин лавки вышел в заднюю комнату, злоумышленник быстро зашел внутрь и вышел с книгой подмышкой. Благодаря случайному прохожему, который был свидетелем кражи, вора, удалось задержать [1].

Более известна своими преступными похождениями действовавшая в Лондоне во второй половине XIX в. женская банда Forty Elephants (Сорок Слонов), участницы которой занимались магазинными кражами на профессиональной основе. В официальных отчетах лондонской полиции преступления, совершенные участницами этой банды, впервые упоминаются в 1870 г. Благодаря особенностям женской одежды (широкие и длинные платья и юбки, пальто, шляпы, муфты и пуловеры), которую они оборудовали специальными потайными карманами, им удавалось легко прятать похищаемое и, незаметно для продавцов и хозяев, выносить его из магазина. К тому же, воровки активно использовали женские привилегии, позволявшие им уединяться, чтобы примерить вещи и, во время этого, прятали похищаемые ими товары [2]. Воровки одевались по последней моде и старались выглядеть безупречно. Это создавало видимость обеспеченной и не нуждающейся в деньгах особы, что притупляло, а то и сводило на нет бдительность продавцов. К тому же, этот трюк позволял им использовать свое моральное преимущество представительниц слабого пола, якобы принадлежащих к обеспеченным слоям общества, так как обыскивать женщин на выходе из магазина было запрещено. Очень часто воровки из этой банды совершали кражи группами, в которых их роли в совершении преступления были четко распределены. Одни отвлекали внимание продавцов, другие «готовили» товар к похищению, пряча его в заранее условленном месте, третьи, через определенное время, забирали товар из «тайников» и выносили его и т. п.

Среди отечественных прародителей шоплифтинга можно выделить весьма неординарную и, по своему, талантливую воровку и мошенницу Софью Ивановну (Шейндлю-Суру Лейбовну) Блювштейн (в девичестве Соломониак), больше известную как «Сонька — Золотая Ручка». Периоды ее активной

криминальной деятельности приходится на 1860–1870 гг. Будучи от природы наделенной даром артистизма и хорошо знакомая с искусством перевоплощения, она легко входила в доверие к своим жертвам и затем обкрадывала их различными способами. Подробно освещать ее преступную деятельность не входит в задачи нашего исследования. Коротко остановимся лишь на рассмотрении ухищрений, применяемых ею при совершении магазинных краж. В одном случае это было специально пошитое платье со скрытыми объемными карманами, куда воровка, незаметно от продавцов ювелирного магазина, складывала свою добычу в виде золотых украшений и драгоценных камней. «Выручка» преступницы от этого «дела» составила баснословную по тем временам сумму в 10 тыс. руб. [3]. В другой раз эта воровка рассматривая драгоценности в ювелирном магазине, яко бы случайно, уронила на пол бриллиант. После чего, вместе с продавцом, занялась его длительным и безуспешным поиском. Так и не найдя бриллианта, преступница, «в расстроенных чувствах», покинула ювелирный магазин, унеся «потерявшийся» бриллиант приклеенным к подошве своей туфельки, имевшей вырез заполненный густой смолой.

Свое прозвище «Сонька — Золотая Ручка» получила за то, что имея на пальцах рук длинные ногти, она, при посещении ювелирных магазинов, ловко прятала за ними мелкие драгоценности, которые за тем похищала [4].

В 40-е гг. прошлого столетия, когда в США предприниматели начали массово открывать магазины с открытой выкладкой, воровство товаров с прилавков получает широкое распространение среди обывателей, не отягощенных соблюдением библейской заповеди «не укради». С середины 90-х гг. XX в., в связи с активным распространением магазинов самообслуживания в России, это противоправное явление начинает фиксироваться правоохранительными органами и в нашей стране. В настоящее время шоплифтинг является одним из самых распространенных правонарушений в России, которое носит, в первую очередь, социальный характер.

Поведение шоплифтера в торговом зале магазина содержит в себе ряд характерных признаков, проявляющихся в том, как он входит в магазин, как проходит по торговому залу, какая у него сумка (рюкзак), куда направлено его внимание (взгляд), как общается с охраной и продавцами.

Обычно, заходя в магазин, шоплифтеры стараются избегать видеофиксации их лиц камерами на-

блюдения. Для этого они используют следующие приемы: надвигают на лицо капюшон верхней одежды, головной убор, шарф, носят медицинские маски, наклоняют низко голову и делают вид, что что-то пристально рассматривают в своем телефоне, поднося его вплотную к лицу и т. п. Опытный шоплифтер никогда не направляет свой взгляд в сторону видеокамер магазина. Вместе с тем, они стараются выглядеть естественно и не привлекать к себе внимания охраны слишком закрытым лицом.

Находясь в торговом зале магазина, шоплифтеры ведут себя как обычные покупатели. Они стараются избегать суетливых движений, не оглядываться слишком часто и не задерживаться долго у стеллажей с товарами.

Опытные шоплифтеры заранее изучают все внутренние процессы, происходящие в магазине и выбирают для кражи то время, когда в магазине меньше всего персонала и охраны, или когда они наиболее загружены работой. Обычно это бывает в утренние или вечерние часы, когда происходит большой наплыв покупателей. В это время шоплифтеру легче затеряться в толпе и остаться незамеченным.

В общении с персоналом магазина они, как правило, вежливы, разговаривают спокойно, уважительно и доброжелательно. На все вопросы отвечают без нервозности. Такая демонстрация спокойствия и доброжелательности позволяет притупить бдительность персонала магазина и, как следствие этого, избежать пристального внимания со стороны охраны. Одна из уловок шоплифтеров заключается в том, что магазинный вор, имитируя добросовестного покупателя, имеет при себе список продуктов, в который он постоянно заглядывает, подойдя к полке с тем или иным товаром. Это помогает ему создать видимость забывчивого и рассеянного человека, не способного по складу своего характера совершить какие-либо противоправные действия. Как правило, такие лица не вызывают подозрений со стороны охраны и продавцов.

Простейшая технология совершения кражи в продуктовом магазине выглядит следующим образом. Взяв у входа покупательскую корзину, шоплифтер, не торопясь, обходит торговые прилавки. Выбрав нужный товар, он складывает его в корзину. При этом, товар, предназначенный к краже, шоплифтер складывает в самом низу покупательской корзины, прикрыв его сверху другими товарами. Это делается для того, что бы «не засветить» похищаемое на камерах видеонаблюдения. Затем, зайдя в так называемую

«слепую зону», которая не просматривается камерами видеонаблюдения, шоплифтер перекладывает похищаемое во внутренние карманы своей одежды. Обычно, «слепая зона» в торговом зале расположена в той его части, которая огорожена тремя стенами. Видеокамера, в такой «слепой зоне», направлена в сторону одной из трех стен, либо отсутствует вовсе. Вот как комментирует опытный магазинный вор этот способ кражи товаров. «Ищешь слепу¹, там закидываешь товар в сумку или под куртку и выходишь (если в магазине нет антикражных ворот²). Если есть, то смотри, чтобы не было алармов³. В принципе это база» [5].

Другой простейший способ хищения товаров из магазина заключается в том, что предполагаемый к похищению товар ставится на барьерное ограждение торгового зала. После прохода через кассы, шоплифтер забирает этот товар и уходит с ним. «По сути, я просто ставил энергетические напитки на ограждение. Когда я выхожу из магазина, пройдя мимо кассы самообслуживания, я забираю то, что поставил на ограждение и ухожу. Обычно, в это время, сотрудник безопасности отвлечен разговорами с рабочими магазина» [5].

В российской официальной статистике преступности, публикуемой правоохранительными органами, магазинные кражи не выделяются в отдельную категорию. Как показывает практика, шоплифтеры, минимизируя риски быть привлеченными к уголовной ответственности по ст. 158 УК РФ, стараются контролировать общую сумму похищаемого ими товара с таким учетом, что бы она не превышала 2500 руб., что по закону относится к категории административных правонарушений. В этом случае, при задержании с поличным, их действия квалифицируются по соответствующей части ст. 7.27 КоАП РФ «Мелкое хищение» и не подпадают под уголовное преследование. Вот цитата из их переписки. «Нужно выносить понемногу. Даже если и поймают,

¹ Слепа (жарг.) — «слепая» зона в торговом зале магазина, которая не просматривается видеокамерами, где удобно прятать товар, предполагаемый к краже.

² Антикражные ворота — система, которая позволяет уменьшить количество краж и повысить безопасность магазина. Они работают на основе технологии радиочастотного или электромагнитного поля. Когда товар с электронной меткой проходит через антикражные ворота, они генерируют сигнал, который взаимодействует с меткой. Если метка не деактивирована или не удалена, то срабатывает сигнализация и ворота предупреждают охрану или персонал магазина о возможной краже.

³ Аларм (от англ. the alarm — «сигнал тревоги») — в среде шоплифтеров под этим словом подразумеваются антикражные датчики, антикражные ворота у входа/выхода из магазина.

ничего особо не будет. Нужно воровать до 2500. А до 1000 ты можешь хоть каждый день приниматься⁴ и только штраф платить» [5], т. е., образно говоря, в голове каждого более-менее адекватного шоплифтера, во время подготовки товара к хищению, работает своеобразный внутренний «калькулятор», позволяющий ему оперативно контролировать стоимость похищаемого и не превышать ее сверх тех пределов, за которыми наступает уголовная ответственность по ст. 158 УК РФ.

Статистические данные о состоянии административных правонарушений в России, публикуемые на сайтах официальных органов, не содержат сведений о мелких магазинных кражах. Поэтому, характеризуя современное состояние шоплифтинга в России, мы разделяем точку зрения о том, что «косвенная оценка современного состояния этого криминального явления возможна по числу административных дел, заведенных в связи с мелкими хищениями (во многих случаях это и есть магазинные кражи)» [6]. Для построения рядов динамики этого правонарушения

нами был определен хронологический период 2019–2024 гг. Это, по нашему мнению, позволит обеспечить относительную репрезентативность исследования состояния магазинных краж в нашей стране. Также, в качестве субъектов совершения мелкого хищения, нами учитывались только физические лица, так как магазинные воры — шоплифтеры относятся именно к этой категории субъектов административного правонарушения.

Изучение данных судебной статистики, опубликованных на официальном сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, дало нам результаты, представленные на рис. 1.

Анализ статистических данных позволяет нам сделать следующие выводы.

1. Отмечается относительно устойчивое снижение количества дел об административном правонарушении по ст. 7.27. КоАП РФ «Мелкое хищение», поступивших в суды. Так, по сравнению с 2019 г. этот показатель снизился на 31,19 % (в 2019 г. — 156 375 дел, в 2023 г. — 119 193 дел). Однако эти данные

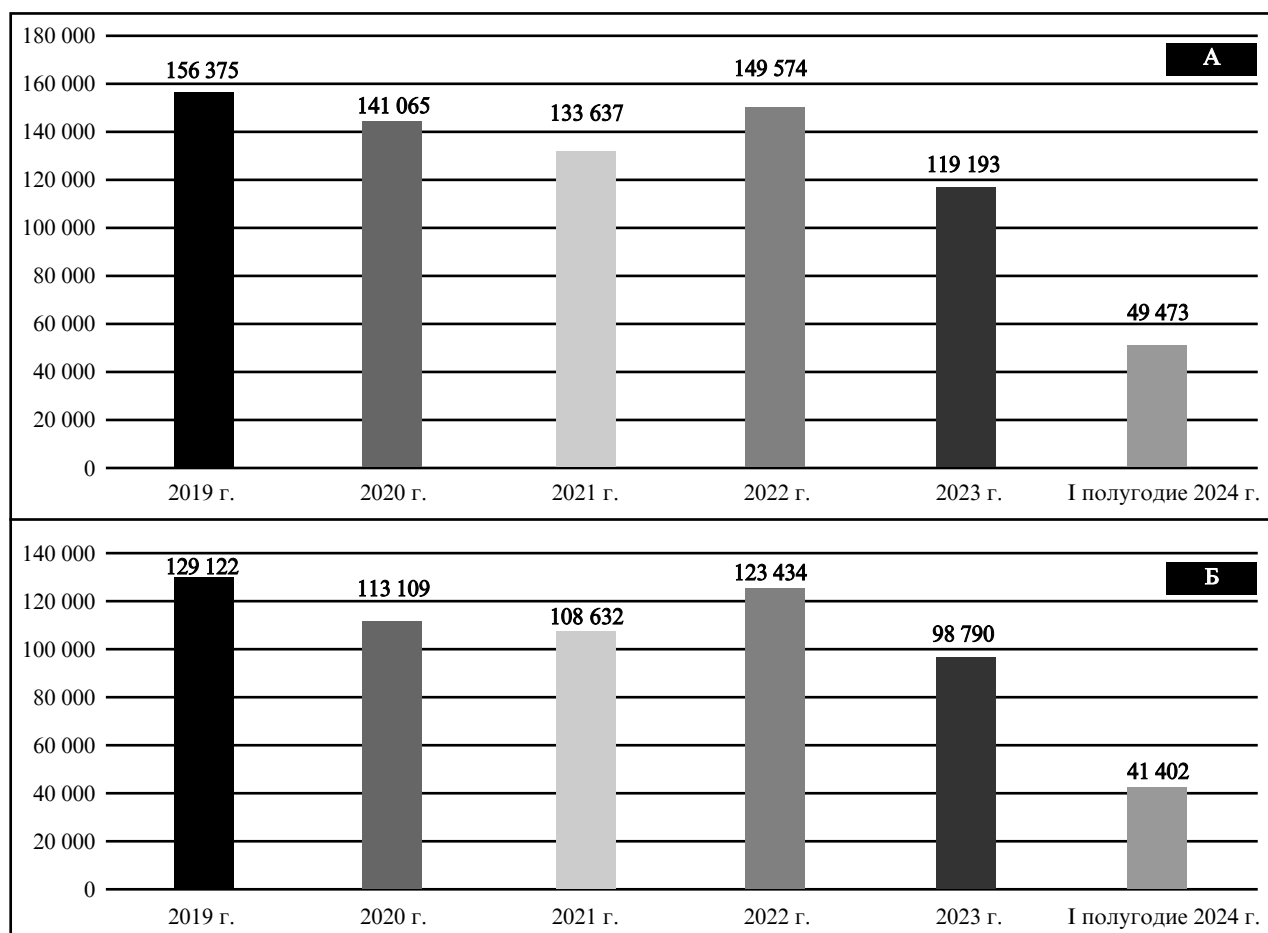

Рис. 1. Статистика рассмотрения судами административных дел привлечения к ответственности физических лиц по ст. 7.27 КоАП РФ за период 2019 г. — первое полугодие 2024 г.

А — рассмотрено судами дел (по числу лиц) по ст. 7.27 КоАП РФ «Мелкое хищение»;
Б — количество физических лиц, подвергнутых административному наказанию за исследуемые периоды

могут свидетельствовать не о реальном сокращении количества случаев шоплифтинга, а о том, что эта категория правонарушений все больше «уходит в тень» и не регистрируется правоохранительными органами. Официально не зарегистрированные случаи мелких магазинных краж становятся недоступными не только для статистического учета, но и для привлечения лиц их совершивших к административной или уголовной ответственности. Этому есть несколько причин.

Во-первых, современные шоплифтеры стараются идти в ногу со временем. Они активно изучают не только способы охраны магазинов техническими средствами, но и сами технические характеристики этих средств. Организуют наблюдение за персоналом магазина и охраной («консулами»⁵ и «валетами»⁶). Обмениваются информацией со своими «коллегами по ремеслу». Активно применяют в своей противоправной деятельности приспособления для преодоления антикражных систем и нейтрализации средств видеонаблюдения за посетителями торговых предприятий. С этой целью ими используются съемники⁷, броники⁸, глушилки⁹, деташеры¹⁰, крючки¹¹ и т. п. Нередко, шоплифтеры используют пособников из числа сотрудников магазина или охранников, вступая с ними в преступный сговор. Способ шоплифтинга с использованием пособника из числа сотрудников охраны, несущего службу на антикражных воротах магазина, называется «коридор»¹².

Высокую степень латентности магазинных краж подтверждает интервью с одним из шоплифтеров, проведенное в социальной сети «ВКонтакте» (международное название — VK), на странице сообщества «Воровство в магазинах и как с ним бороться». Так, на вопрос: «Случались ли провалы?», интервьюируемый анонимный шоплифтер ответил: «Да, но нечасто. У меня было всего пять раз из более чем тысячи заходов — думаю, неплохая статистика» [7].

Во-вторых, магазинные вору совершенствуют способы ухода от ответственности в случае их задержания с поличным. Для этого они имеют при себе сумму денег, кратно превышающую стоимость похищаемого ими товара. В случае их задержания с поличным, продавцы и охрана не торопятся обращаться в полицию, а предпочитают заставить шоплифтера оплатить стоимость похищенного в кассу магазина, что на руку вору. Он соглашается с этим и оплачивает стоимость товара, который он собирался похитить. Такой прием в среде шоплифтеров называется дать откуп. При этом сумма оплаты кратно (в

пять раз) превышает сумму предполагаемого к похищению товара. Магазин получает прибыль, а шоплифтер возможность избежать административного или уголовного преследования. В такой «делке» интересы магазина и интересы шоплифтера совпадают и необходимость в привлечении к делу сотрудников полиции отсутствует. Этот способ ухода от привлечения к юридической ответственности используется опытными шоплифтерами достаточно часто. Вот цитата из их переписки в Telegram «Магнит у дома — вот где нужно затариваться. Монитор при входе или где-то по залу, ну ты видишь, сидит за ним, кто-нибудь или нет, вальтов нет. Если тебя даже тут примут, то по-любому дадут выкупить все. С директором всегда можно договориться. Даешь ей сверху 5 к (5 тыс. руб. — прим. авт.) и по-любому отпустит, проверено» [5].

В тех случаях, когда стоимость похищаемого товара относительно не велика, пойманные с поличным шоплифтеры могут отделаться устным внушением или незначительным денежным «штрафом», внесенным в пользу администрации магазина. На жаргоне шоплифтеров это называется «отскочить»¹³.

Следующая, не менее важная причина «тенизации» шоплифтинга в разделах судебной статистики заключается в существенном кадровом дефиците сотрудников МВД РФ. Судя по статистике, в минувшем году каждый месяц из полиции увольнялись три тысячи сотрудников. Такого оттока кадров нет ни в одной отрасли народного хозяйства. Причем этот отток явно нарастает. К концу 2024 г. некомплект личного состава в МВД России вырос до 174 тыс. че-

⁴ Приниматься — задерживаться сотрудниками охраны или полицией.

⁵ Консул — продавец-консультант.

⁶ Валет — охранник в магазине, торговом центре.

⁷ Съемник, съем — несколько специальным образом сложенных магнитов, используемых для снятия антикражного радиочастотного датчика.

⁸ Бронник — сумка, обшитая внутри материалом, который обладает свойствами экранирования или большим количеством слоев фольги, что также предотвращает проникновение радиочастотных волн. В такую сумку помещают товар с датчиком МЧ/РЧ.

⁹ Глушилка, глушак, глушь — радиоустройство, подавляющее сигнал (путем создания помех), подаваемый от антикражного датчика на рамки антикражных ворот у входа/выхода из магазина.

¹⁰ Деташеры — устройства для снятия антикражных меток.

¹¹ Крюк, крючок — приспособление для съема антикражных клипсов, бирок, датчиков в виде крючка.

¹² Коридор — один из способов шоплифтинга. Заключается в том, что пособники из числа сотрудников охраны, службы безопасности магазина обеспечивают условия для безопасного выхода шоплифтеров из магазина с похищенным товаром.

¹³ Отскочить (жарг.) — избежать привлечения к ответственности.

людей, что составило 18,9 % от штатной численности сотрудников этого ведомства. По выражению министра внутренних дел В. Колокольцева, «один сотрудник органов внутренних дел работает за четверых». Так, например, в ряде районов Москвы некомплект участков составляет 75 %. Вместо 40 необходимых участков в некоторых подразделениях службу несут только шестеро [8]. Не лучше кадровая обстановка в МВД РФ и в других регионах. Не вдаваясь в причины кадрового дефицита сотрудников МВД РФ, так как это не входит в предмет нашего исследования, отметим, что расследование случаев мелкого хищения отнесено к компетенции участковых уполномоченных полиции. Данная категория сотрудников, в сложившейся ситуации острой нехватки кадров, физически не способна проводить расследования по каждому случаю мелкого хищения. Ситуация усугубляется и тем, что дела о мелком хищении относятся к так называемым «арестным» делам, решение по которым принимает суд, вследствие чего сотрудник вынужден производить административное задержание мелкого воришки и заниматься оформлением значительного количества процессуальных документов, необходимых для рассмотрения дела в судебном порядке. Все это занимает достаточно много времени, которое участковый уполномоченный полиции может потратить на привлечение к административной ответственности лиц, совершивших составы административных правонарушений, решения по которым принимается на уровне ОВД. В этом случае не страдает показатель эффективности его работы, так как он, за более короткий промежуток времени, сумеет добиться более значительных результатов по административной практике.

О существующей нехватке кадров и связанных с этим издержках в работе полиции прекрасно осведомлены правонарушители. Вот фрагмент их диалога по этому поводу в одном из чатов социальной сети «Telegram»: «Опера говорили, если ты с мелочью убежал, никто не будет заявку писать. Да, даже если и напишут, всегда отскочить можно. Они стараются этим не заниматься, типа много работы, кучу бумажек писать нужно» [5].

Выводы. Несмотря на внешне кажущуюся малозначительность проблемы мелких магазинных краж, нельзя недооценивать негативные последствия противоправного феномена шоплифтинга и его место в общей структуре правонарушений в России. Данные последствия проявляются, прежде всего, в следующем.

Относительная легкость совершения магазинной кражи в сочетании с высокой степенью безнаказанности данного противоправного деяния способствует формированию антиобщественных (аморальных) стереотипов поведения. Прежде всего это касается маргинальных слоев населения и, что особенно важно в контексте данной проблемы, детей и подростков. В связи с этим, моральные и нравственные ориентиры последних формируются под влиянием противоправных образцов поведения «успешных» шоплифтеров, с кажущейся легкостью обеспечивающих свой «высокий» уровень жизни за счет нелегального «бизнеса», построенного на мелких магазинных кражах.

Экономические убытки от мелких магазинных краж оцениваются в сотни миллиардов рублей и ложатся бременем на кошельки обычных покупателей или, попросту говоря, на все население нашего государства. Это происходит потому, что в ритейле стоимость похищенного товара учитывается в общих потерях магазина и, в дальнейшем, отражается на цене оставшегося товара, который оплачивают покупатели. Таким образом, потерпевшими от действий мелких магазинных воришек становимся все мы. По данным российского мультимедийного холдинга gbc.ru, воровство в магазинах обходится ритейлерам в 1,4 % оборота [9]. Оборот розничной торговли в России в 2024 г., по данным Росстата, составил 55,589 трлн руб. [10]. Простейшие арифметические подсчеты позволяют нам сделать вывод о том, что на покупателей в российском ритейле легло дополнительное бремя расходов по покрытию убытков от магазинных краж, которое составило 778,246 млрд руб.

Политические убытки от мелких магазинных краж не менее серьезны, так как политика тесно связана с экономикой. Растущие цены, инфляция, снижение покупательной способности населения напрямую отражаются на социальной политике нашего государства и уровне жизни населения. Мелкая магазинная кража, как показывают результаты нашего исследования, влечет за собой крупные социально-экономические и политические потери.

Мир шоплифтинга в современной России велик и разнообразен. Мы коснулись лишь самых общих начал этого противоправного феномена, так как формат данной публикации ограничивает нас требованиями к ее объему. Поэтому за рамками настоящего исследования остаются еще многие аспекты данной проблемы, такие как: классификация шоплифтеров; криминологическая характеристика раз-

личных категорий шоплифтеров; криминальная субкультура шоплифтеров; преступные организации шоплифтеров; экономическая основа организованного шоплифтинга; международный шоплифтинг, вопросы административно-правовой и уголовно-правовой квалификации мелких магазинных краж; организация противодействия этому противоправному феномену со стороны государства и владельцев похищаемого товара и др.

Список источников

1. Что крали русские и у русских в Лондоне 18 в. // URL: https://dzen.ru/a/YJwM2X4v9Cy_Gqf2
2. Их называли «королевами». Банда «40 слонов»: женская группировка, которая держала в страхе весь Лондон // URL: <https://telegra.ph/Ih-nazyvali-korolevami-Banda-40-slonov-zhenskaya-gruppirovka-kotoraya-derzhala-v-straxe-ves-London-02-03>
3. Царица воров. Эта женщина стала легендой преступной России. Ее гениальные кражи восхищают до сих пор // URL: <https://lenta.ru/articles/2019/03/08/sonka/?ysclid=m6ujr0hicz590493906>
4. Сонька Золотая ручка: воровка, ставшая легендой // URL: https://pikabu.ru/story/sonka_zolotaya_ruchka_vorovka_stavshaya_legendoy_11268116
5. Блог шоплифтера // URL: <https://t.me/s/blogervor>
6. Розничная преступность: число преступлений в ритейле по всему миру растет // URL: <https://adpass.ru/roznichnaya-prestupnost-chislo-prestuplenij-v-nbsp-ritejle-rastet-po-nbsp-vsemu-miru-rastet/>
7. Воровство в магазинах и как с ним бороться // URL: https://m.vk.com/wall-127695921_77
8. Колокольцев заявил, что в полиции «один работает за четверых» // URL: <https://www.rbc.ru/politics/14/05/2024/664357649a79476747a09a2b>
9. Налог с украденного: как магазинам законно списать потери товаров // URL: <https://pro.rbc.ru/demo/5e6b95ba9a7947b5fab5b4f8>
10. Оборот розничной торговли в РФ в 2024 г. вырос на 7,2 % // URL: https://finance.rambler.ru/business/54170982/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

ness/54170982/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink; URL: <https://finance.rambler.ru/business/54170982-oborot-roznichnoy-torgovli-v-rf-v-2024-godu-vyros-na-7-2/>

References

1. What was stolen by and from Russians in 18th century London // URL: https://dzen.ru/a/YJwM2X4v9Cy_Gqf2
2. They were called «queens». The 40 Elephants Gang: the women's group that kept the whole of London at bay // URL: <https://telegra.ph/Ih-nazyvali-korolevami-Banda-40-slonov-zhenskaya-gruppirovka-kotoraya-derzhala-v-straxe-ves-London-02-03>
3. The Queen of thieves. This woman has become a legend of criminal Russia. Her ingenious thefts are still admired // URL: <https://lenta.ru/articles/2019/03/08/sonka/?ysclid=m6ujr0hicz590493906>
4. Sonia Golden Pen: the thief who became a legend // URL: https://pikabu.ru/story/sonka_zolotaya_ruchka_vorovka_stavshaya_legendoy_11268116
5. Shoplifter's blog // URL: <https://t.me/s/blogervor>
6. Retail crime: the number of crimes in retail worldwide is growing // URL: <https://adpass.ru/roznichnaya-prestupnost-chislo-prestuplenij-v-nbsp-ritejle-rastet-po-nbsp-vsemu-miru-rastet/>
7. Shoplifting and how to deal with it // URL: https://m.vk.com/wall-127695921_77
8. Kolokoltsev stated that in the police «one works for four» // URL: <https://www.rbc.ru/politics/14/05/2024/664357649a79476747a09a2b>
9. Tax on stolen goods: how stores can legally write off the loss of goods // URL: <https://pro.rbc.ru/demo/5e6b95ba9a7947b5fab5b4f8>
10. Retail trade turnover in the Russian Federation increased by 7.2% in 2024 // URL: [https://finance.rambler.ru/business/54170982-?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink](https://finance.rambler.ru/business/54170982/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink)

Информация об авторе

С. А. Кутякин — профессор кафедры административного права и административной деятельности Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

S. A. Kutaykin — Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activity of the Ryazan Branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 26.02.2025; одобрена после рецензирования 19.03.2025; принята к публикации 17.04.2025.
The article was submitted 26.02.2025; approved after reviewing 19.03.2025; accepted for publication 17.04.2025.

Научная статья
УДК 34.3
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-84-90>
EDN: <https://elibrary.ru/lletnr>

НИОН: 2003-0059-3/25-304
MOSURED: 77/27-003-2025-03-503

Проблемы внедрения информационных технологий в уголовное судопроизводство России

Вадим Сагитьянович Латыпов¹, Павел Владимирович Фадеев²

¹ Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, vadi-latypov@yandex.ru

² Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, fadeevpv2001@yandex.ru

Аннотация. На основе анализа различных точек зрения об использовании современных инновационных технологий при производстве по уголовному делу исследованы позитивные и негативные обстоятельства внедрения электронного документооборота и электронного уголовного дела в уголовное судопроизводство России. Установлено, что цифровизация уголовно-процессуальной деятельности предполагает совершенствование существующих и внедрение новых цифровых технологий с целью реализации назначения уголовного судопроизводства, повышения эффективности производства по уголовному делу, оптимизации уголовно-процессуальных отношений, возникающих между органами уголовного судопроизводства между собой и с иными лицами, вовлеченными в уголовно-процессуальную деятельность. С позиций уголовно-правовой теории и правоприменительной практики установлено, что переход к цифровому уголовному процессу создает предпосылки для автоматизации ключевых направлений уголовно-процессуальной деятельности. Внедрение электронного документооборота и электронных уголовных дел способствуют формированию доверия между государством и гражданами, повышению открытости и эффективности уголовного процесса. В заключение делается аргументированный вывод.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, информационные технологии, цифровое правосудие, электронный документооборот, электронное уголовное дело, публичные начала, разумный срок, контрольно-надзорные функции, цифровое неравенство, конфиденциальность, права и законные интересы

Для цитирования: Латыпов В. С., Фадеев П. В. Проблемы внедрения информационных технологий в уголовное судопроизводство России // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 3. С. 84–90. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-84-90>. EDN: LLETNR.

Original article

Problems of introducing information technologies into criminal proceedings in Russia

Vadim S. Latypov¹, Pavel V. Fadeev²

¹ Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, vadi-latypov@yandex.ru

² Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, fadeevpv2001@yandex.ru

Abstract. Based on the analysis of different points of view on the use of modern innovative technologies in criminal proceedings, the positive and negative circumstances of the introduction of electronic document management and electronic criminal case in criminal proceedings in Russia have been investigated. It has been established that digitalization of criminal procedural activity involves the improvement of existing and introduction of new digital technologies in order to implement the purpose of criminal proceedings, to increase the efficiency of criminal proceedings, to optimize the criminal procedural relations arising between the bodies of criminal proceedings among themselves, with other persons involved in criminal proceedings. From the standpoint of criminal law theory and law enforcement practice it is established that the transition to digital criminal procedure creates prerequisites for the automation of key areas of criminal procedural activity. The introduction of electronic document flow and electronic criminal cases contribute to the formation of trust between the state and citizens, increasing the openness and efficiency of the criminal process. In conclusion, a reasoned conclusion is drawn.

Keywords: criminal proceedings, information technology, digital justice, electronic document management, electronic criminal case, public commencement, reasonable time, control and oversight functions, digital inequality, confidentiality, rights and legitimate interests

For citation: Latypov V. S., Fadeev P. V. Problems of introducing information technologies into criminal proceedings in Russia. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(3):84–90. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-84-90>. EDN: LLETNR.

Современное развитие общественных отношений в любой стране неразрывно связано с информационными технологиями и игнорировать их влияние на жизнь общества, государства и конкретной личности представляется неправильным. Причем такая тенденция, связанная с неуклонным развитием и внедрением электронного документооборота, технологий искусственного интеллекта и обработки больших массивов данных, с каждым годом увеличивается очень быстрыми темпами. В послании Федеральному

© Латыпов В. С., Фадеев П. В., 2025

Собранию Российской Федерации и решениях по данному вопросу Президент России В. В. Путин не только подчеркнул важность регулирования таких процессов, но и обозначил пути цифровизации и трансформации государственного и муниципального управления [10; 13; 17].

В уголовном судопроизводстве цифровизация уголовно-процессуальной деятельности предполагает «использование существующих и внедрение новых цифровых технологий с целью повышения эффективности и результативности деятельности участников уголовного процесса» [20, с. 17]. При этом результативность такой деятельности определяется не только степенью достижения стоящих перед ней задач, защищенностью прав и законных интересов участников уголовного процесса, количеством трудовых, материальных, временных и других ресурсов, но и качеством внедренных цифровых технологий и инноваций, направленных на повышение эффективности производства по уголовному делу на всех его этапах, а также оптимизацией уголовно-процессуальных отношений, возникающих между органами уголовного судопроизводства между собой, с иными лицами, вовлеченными в уголовно-процессуальную деятельность [2; 3; 20, с. 18].

В науке уголовно-процессуального права и правоприменительной практике широко применяется понятие информационные или цифровые технологии [8, с. 9; 16; 11]. Как показывает анализ, в основе данного термина лежит процесс применения аппаратного и программного обеспечения в работе с информацией при производстве по уголовному делу. По мнению А. Ю. Чуриковой, под информационными технологиями в уголовном судопроизводстве понимаются «процессы и методы работы участников уголовного судопроизводства с информацией, осуществляемой посредством программно-аппаратного обеспечения с целью исполнения полномочий, реализации прав и выполнения обязанностей при производстве по уголовным делам» [20, с. 54].

Однако среди ученых по вопросу целесообразности перехода к информационному уголовному судопроизводству нет однозначного мнения. Одни юристы предлагают не торопиться с внедрением цифровых технологий, другие — требуют постепенного и последовательного перехода, так как процесс цифровизации уже начался и нуждается в дальнейшем совершенствовании. Безусловно, каждая отраженная позиция аргументирована, заслуживает внимания и имеет право на существование.

Так, Л. В. Головкин считает, что влияние современных достижений научно-технического прогресса на уголовно-процессуальную деятельность преувеличено [1]. А. В. Победкин и вовсе предостерегает от «раскручивания маховика цифровизации уголовного процесса» [12]. О. В. Химичева и П. О. Панфилов отмечают, что в условиях цифровизации первоочередной задачей выступает не создание обставленного модными новинками научно-технического прогресса уголовного судопроизводства нового типа, а сохранение устойчивого правового порядка общественных отношений [18].

Как показывает анализ, мнение авторов этой группы основаны на объективных причинах, ведущих к возникновению комплекса проблем, «ключевыми из которых являются:

- ◆ неравномерный уровень цифровизации и цифровой трансформации органов, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность;
- ◆ отсутствие нормативно установленного порядка внедрения новых и использования существующих информационных технологий и систем в рамках осуществления уголовно-процессуальной деятельности;
- ◆ высокие риски нарушения прав и свобод личности при нерегулируемом применении существующих и вновь появляющихся информационных технологий и систем» [20, с. 19].

Однако, на наш взгляд, современные тенденции свидетельствуют о постоянном внедрении информационных технологий в уголовное судопроизводство. В связи с этим созидательная научная энергия должна быть направлена не на противодействие процессу цифровизации уголовного процесса, а на формулирование конструктивных предложений, как этот процесс сделать более эффективным с позиции обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

По нашему мнению, достаточно взвешенную позицию занимают авторы, предусматривающие необходимость поэтапного перехода от традиционной модели уголовного процесса к цифровой. Так, в частности, С. В. Зуев убежден, что в скором времени произойдет естественный переход на информационно-технологический процесс уголовного судопроизводства, что потребует создания электронной платформы для обеспечения взаимодействия между участниками уголовного судопроизводства [4, с. 77]. Н. А. Моргулина, в свою очередь, допускает возможность перехода от бумажной формы производства по уголовным делам к электронной (цифровой) с предвари-

тельной ее апробацией в отдельных субъектах РФ [9, с. 84]. А. Ю. Чурикова в одном из своих исследований выделила семь основных направлений применения технологий искусственного интеллекта при производстве по уголовному делу [19].

Следует отметить, что исследование, проведенное Х. Х. Рамалдановым показало, что 95 % опрошенных сотрудников органов предварительного расследования поддерживают использование в уголовном судопроизводстве информационных технологий. При этом 50,2 % считает возможным применение технологий искусственного интеллекта (для планирования расследования преступлений и выдвижения версий — 31,7 % респондентов, анализа больших объемов информации — 29,3 %, составления фотороботов — 24,4 %). Эффективность, качество, всесторонность и объективность расследования зависят от того, каким образом и с какой результативностью применяются имеющиеся технологии. 91 % сотрудников органов предварительного расследования отмечают, что доказательства, полученные с помощью информационных технологий, признаются прокурором, судом в качестве относимых, допустимых и достоверных. Полученные данные положительно коррелируются с результатами изучения уголовных дел (93 %) [14, с. 4–5].

Учитывая вышеизложенное, а также проведя собственные исследования перспектив применения информационных технологий при производстве по уголовным делам, была установлена целесообразность развития современной уголовно-процессуальной политики, направленной на планомерный переход к цифровому уголовному судопроизводству.

По нашему мнению, внедрение информационных технологий может проходить не только поэтапно, но и в рамках отдельных направлений, каждое из которых имеет свои сильные и слабые стороны. Учитывая сложность и объемность таких направлений, рассмотрим некоторые из них.

Вначале следует обратить внимание на целесообразность внедрения *электронных систем документооборота*, которое исследуется многими учеными [6, с. 15–21; 7; 21].

Предполагается, что указанное технологическое новшество нацелено на повышение прозрачности, эффективности и безопасности процедур обмена информацией между участниками процесса. Особый интерес вызывает инициатива по внедрению таких систем, которые, среди прочего, исключают несанкционированные непосредственные контакты между сторонами уголовного дела — стороной обвинения,

защитой, судом и иными участниками. Данный подход формируется как ответ на вызовы коррупции, затягивания процессов, а также на необходимый этап развития уголовного судопроизводства с последующим переходом к электронному правосудию.

Безусловно, нарушения установленных законом правоотношений между участниками процесса, неформальные или несанкционированные встречи, зачастую становятся источником коррупционных или даже противоправных практик: давления, манипулирования, посткриминального воздействия. В данном ключе прослеживается возможность эффективного применения цифровых инструментов, способных жестко регламентировать и фиксировать любые обмены информацией между участниками уголовного судопроизводства.

Следует отметить, что проведенное нами анкетирование должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, в различных регионах России показало, что целесообразность внедрения электронных систем документооборота, исключая несанкционированные контакты между сторонами процесса, поддерживают 50,75 % опрошенных респондентов.

Как показывает анализ, целесообразность внедрения электронных систем документооборота позволяет достичь целый комплекс преимуществ, среди которых:

1) *обеспечение публичных начал уголовного процесса*, заключающееся в прозрачности и цифровом фиксировании всех процессуальных действий. Главное преимущество заключается в полном контроле действий сторон. Любая подача документа, запроса, ходатайства обязательно фиксируется в системе с указанием времени, автора, адресата и статуса рассмотрения. Это создает защищенный цифровой след, исключая возможность проведения процедур незаметно для участников процесса, контрольно-надзорных органов и суда, как результат — снижение коррупционных рисков;

2) *эффективная реализация принципа разумного срока уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ)*. Бумажный документооборот традиционно ассоциируется с временными потерями по различным объективным и субъективным причинам (задержка почтовых отправок, неоднозначность в трактовке сроков и др.). Электронный формат существенно сокращает время на доставку, рассмотрение и принятие процессуального решения, позволяет своевременно получать уведомления. В условиях цифровизации по-

вышается общая оперативность работы органов следствия, прокуратуры и, собственно, самой защиты;

3) *повышение качества реализации контрольно-надзорных функций государственных органов.* Цифровая система позволяет органам прокуратуры, а также суду объективно и полно контролировать весь ход уголовного производства, с момента возбуждения уголовного дела до принятия итогового процессуального решения. Обеспечение указанных органов доступом к полной, неизменной истории взаимодействий сторон упростит проверку соблюдения сроков, выявления нарушений законности;

4) *экономия бюджетных средств.* Информационный документооборот позволит существенно снизить объемы бумажного документооборота, уменьшить издержки на их хранение и доставку, минимизирует вероятность потери, ошибочной фиксации данных, что способствует более рациональному распределению внутренних ресурсов органов, осуществляющих производство по уголовному делу.

Вместе с тем, данная инновация несвободна от критики. К отрицательным проявлениям данной процедуры цифровых правоотношений, как показывает анализ, следует отнести, *во-первых, риски информационной и кибербезопасности.* Любая электронная система подвержена рискам: взлом, вирусы, утечка персональных данных, подделка цифровых подписей. Особое беспокойство эти угрозы вызывают в уголовном процессе, где подлинность документов и тайна следствия критично важны. В случае сбоя или хакерской атаки возможны необратимые последствия — от компрометации информации до незаконного доступа к материалам дела.

Во-вторых, цифровое неравенство и сложность доступа. Не все участники уголовного процесса имеют равный доступ к коммуникационным технологиям. В регионах с недостаточно развитой инфраструктурой интернет-связи, у малоимущих граждан, у лиц преклонного возраста использование сложных электронных систем может вызвать затруднения, кроме того, затруднительным представляется обеспечение постоянного доступа к электронным документам лиц, находящихся под стражей. Указанные обстоятельства противоречат принципу равенства сторон.

В-третьих, угроза конфиденциальности защиты. Контроль и запись всех контактов между защитником и подзащитным могут ограничить возможность свободного ведения доверительной коммуникации, поставить под угрозу адвокатскую тайну. Введение

фильтрации сообщений или их хранение в системе способно вызвать опасения в утечке стратегической информации.

В целом представляется, что внедрение электронных систем документооборота, исключая несанкционированные контакты, является своевременным и перспективным направлением развития уголовного судопроизводства в России. Она способна повысить прозрачность, эффективность, устойчивость процедур [15], сдерживать коррупционные и иные риски. Об этом свидетельствуют и данные опроса должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу (50,75 %).

Вместе с тем, массовая цифровизация требует крайне осторожного, поэтапного подхода с ориентиром на обеспечение равенства сторон и кибербезопасности. Особое внимание должно уделяться обучению лиц, участвующих в уголовном процессе, правовой защите адвокатской тайны, обеспечению гарантий бесперебойной работы электронной инфраструктуры.

Еще одним неоднозначным и наиболее популярным среди ученых, исследующих вопросы информационных технологий в уголовном судопроизводстве, является такое направление, как *внедрение электронного уголовного дела* [5; 8, с. 163].

Убеждены, что одной из самых амбициозных задач цифровизации современного уголовного судопроизводства является создание электронного уголовного дела (далее — ЭУД), функционирующего без прямого «ручного» вмешательства, т. е. минимизации человеческого фактора при оформлении, передаче и контроле процессуальных материалов.

Не составляет особого труда перечислить безусловные достоинства предложенной инновации. Остановимся лишь на некоторых из них.

Во-первых, снижение коррупционных рисков и субъективности. Исключение «ручного» вмешательства снижает возможность произвольных изменений, фальсификации или необоснованной волокиты при рассмотрении уголовных дел. Все принимаемые процессуальные решения фиксируются в электронном виде, что обеспечивает высокую степень контроля, подотчетности и прозрачности. Автоматизация процессов минимизирует влияние человеческого фактора, делая невозможными утрату документов, оставляющих цифровой след.

Во-вторых, ускорение и унификация процессов. Представляется, что ЭУД позволяет ускорить рассмотрение дел за счет автоматического распределения нагрузки, электронной передачи материалов между

органами и ведомствами. Процессуальные сроки строго отслеживаются программным обеспечением, что предотвращает волокиту и нарушение сроков расследования. Формат электронного документооборота способствует стандартизации: ошибки и несоответствия выявляются программой, позволяя их устранить на этапе ввода информации.

В-третьих, обеспечение защищенности и сохранности материалов. Цифровые архивы сложно подделывать, изменить незаметно или уничтожить. Все действия с документами фиксируются в логах, а доступ ограничен и регламентирован. Это повышает доверие к результатам расследований, облегчает проведение внутреннего контроля и служебных проверок. Электронный формат также позволяет легко резервировать информацию, чтобы избежать утраты данных по различным причинам.

Следует отметить, что 82,57% опрошенных должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, предусматривают целесообразность внедрения электронного уголовного дела, исключаящего «ручное» вмешательство.

В свою очередь, к недостаткам перехода к ЭУД следует отнести наличие следующих обстоятельств:

♦ *риски технических сбоев и кибератак.* Нами уже отмечалось, что любая электронная система уязвима к программным ошибкам, сбоям серверов, утечкам данных или хакерским атакам. Потеря электронных материалов может привести к невозможности восстановления хода следствия, нарушению прав участников уголовного судопроизводства. В связи с указанным, следует акцентировать внимание на предельную защищенность, полагаем, что вопросы резервного копирования и кибербезопасности являются первоочередными;

♦ *ограничение прав участников уголовного судопроизводства в связи с отсутствием цифровой грамотности.* Вполне очевидно, что отдельные граждане, адвокаты, подозреваемые (обвиняемые), потерпевшие, их представители и иные участники уголовного судопроизводства не обладают достаточными навыками работы в электронных платформах. Данное обстоятельство неминуемо приведет к неравенству процессуальных возможностей, нарушению права на защиту, невозможности использовать имеющийся инструментарий ЭУД.

В целом, внедрение электронного уголовного дела, исключаящего «ручное» вмешательство, создает серьезные перспективы для повышения публичности, эффективности и защищенности российского уголов-

ного процесса от коррупционных проявлений. Однако, следует признать, что успех этого проекта зависит от грамотной подготовки инфраструктуры, продуманной системы кибербезопасности, учета особенностей уникальных уголовных дел. Только гармоничное сочетание автоматизации с гибкостью и вниманием к человеку гарантирует достижение баланса между технологическим прогрессом и защитой фундаментальных прав участников уголовного судопроизводства. В этом вопросе мы солидарны с позицией С. В. Зуева и Н. А. Моругиной, которые отмечают, что «переход к электронной форме производства по уголовным делам на территории РФ следует осуществлять поэтапно, путем постепенного внесения соответствующих изменений и дополнений в УПК РФ. Такая работа должна носить системный характер...» [5].

Таким образом, переход к цифровому уголовному процессу создает предпосылки для автоматизации ключевых этапов расследования и судебного рассмотрения, что существенно повышает эффективность уголовно-процессуальной деятельности. Внедрение электронных платформ, прозрачных алгоритмов процессуальных решений и систем контроля данных формирует новую среду доверия между государством и гражданами, способствуя формированию справедливого и независимого уголовного правосудия. Результаты научных исследований и социологических опросов свидетельствуют о том, что совершенствование нормативной базы и постепенное внедрение информационных технологий существенно способствуют повышению открытости и эффективности уголовного процесса.

Список источников

1. Головкин Л. В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 15–25.
2. Ендольцева А. В., Ендольцева Ю. В. Информационные технологии: неизбежный путь дальнейшего развития уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 37–40.
3. Зуев С. В. Информационные технологии и принцип процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 4. С. 98–105.
4. Зуев С. В. Информационно-технологический процесс уголовного судопроизводства: вопрос времени // Технологии XXI века в юриспруденции: мат.

Шестой всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2024. С. 77–82.

5. Зуев С. В., Моругина Н. А. Электронное уголовное дело: теоретическая модель // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 3 (57). С. 83–94.

6. Малыгин К. В. Использование электронных документов в уголовном судопроизводстве России и зарубежных стран: дисс. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2024.

7. Малыгин К. В. Электронный документ как основа интеграции информационных технологий в уголовное судопроизводство // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия: сб. мат. IX междунар. науч.-практ. конф. Пермь, 2022. С. 203–206.

8. Медведева М. О. Уголовно-процессуальная форма информационных технологий: современное состояние и основные направления развития: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2018.

9. Моругина Н. А. Электронное уголовное дело: понятие, история, зарубежный опыт, перспективы // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 1 (44). С. 84–89.

10. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65090>

11. Петрикина А. А., Бородинова Т. Г., Губко И. В. Информационные и цифровые технологии при рассмотрении уголовных дел судом с участием присяжных заседателей в России // Вестник Российского университета дружбы народов. 2023. Т. 27. № 3. С. 805–818.

12. Победкин А. В. Цифровизация уголовного судопроизводства — не основание смещения его с иными видами деятельности // Государственная научно-техническая политика в сфере криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности: сб. науч. ст. по мат. междунар. науч.-практ. конф. Т. 1. Ч. 2. М., 2023. С. 124–129.

13. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29 февраля 2024 г. // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73585>

14. Рамалданов Х. Х. Процесс доказывания по уголовным делам в условиях тотальной цифровизации общественных отношений: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2024.

15. Рябчиков С. А. Электронный документооборот как центральное звено цифровой платформы уголовного судопроизводства // Технологии XXI века в юриспруденции: мат. Шестой всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2024. С. 109–114.

16. Соколов Ю. Н. Информационные технологии и оборот цифровых данных в криминалистике: вопросы теории и практики: дисс. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2023.

17. Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Российская газета. 2024. 11 мая.

18. Химичева О. В., Панфилов П. О. Изменение уголовно-процессуальной формы в условиях цифровизации: новые риски и возможности // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 1. С. 158–164.

19. Чурикова А. Ю. Искусственный интеллект в уголовном процессе: взгляд ученых и практиков на проблемы и перспективы // Цифровые технологии и право: сб. науч. тр. II междунар. науч.-практ. конф. Казань, 2023. С. 404–414.

20. Чурикова А. Ю. Концептуальные основы теории криминалистического мышления и использования систем искусственного интеллекта в расследовании преступлений: дисс. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2024.

21. Цоколова О. И., Безруков С. С., Куприянов Е. И. Актуальные проблемы восстановления утраченных уголовных дел // Российская юстиция. 2018. № 5. С. 59–62.

References

1. Golovko L. V. Digitalization in criminal proceedings: local optimization or global revolution? // Bulletin of Economic Security. 2019. № 1. P. 15–25.

2. Endoltseva A. V., Endoltseva Yu. V. Information technologies: the inevitable path of further development of criminal proceedings // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 3. P. 37–40.

3. Zuev S. V. Information technologies and the principle of procedural economy in criminal proceedings // Law and order: history, theory, practice. 2021. № 4. P. 98–105.

4. Zuev S. V. Information technology process of criminal proceedings: a question of time // Technologies of the XXI century in jurisprudence: mat. Sixth All-Russian Scientific and Practical Conference. Yekaterinburg, 2024. P. 77–82.

5. Zuev S. V., Morugina N. A. Electronic criminal case: a theoretical model // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. Vol. 15. № 3 (57). P. 83–94.

6. Malygin K. V. The use of electronic documents in criminal proceedings in Russia and foreign countries: diss. ... candidate of legal sciences. Perm, 2024.
7. Malygin K. V. Electronic document as a basis for the integration of information technologies into criminal proceedings // Penitentiary system and society: experience of interaction: collection of mat. IX International Scientific and Practical Conference. Perm, 2022. P. 203–206.
8. Medvedeva M. O. Criminal procedural form of information technology: current state and main directions of development: diss. ... candidate of legal sciences. M., 2018.
9. Morugina N. A. Electronic criminal case: concept, history, foreign experience, prospects // Law and order: history, theory, practice. 2025. № 1 (44). P. 84–89.
10. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65090>
11. Petrikina A. A., Borodina T. G., Gubko I. V. Information and digital technologies in the consideration of criminal cases by a court with the participation of jurors in Russia // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. 2023. Vol. 27. № 3. P. 805–818.
12. Pobedkin A. V. Digitalization of criminal proceedings is not a reason to confuse it with other types of activities // State scientific and technical policy in the field of criminalistic support of law enforcement activities: collection of scientific articles on the International Scientific and practical conference. Vol. 1. Part 2. M., 2023. P. 124–129.
13. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly dated February 29, 2024 // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73585>
14. Ramaldanov H. H. The process of proving criminal cases in the context of total digitalization of public relations: diss. ... candidate of legal sciences. M., 2024.
15. Ryabchikov S. A. Electronic document management as the central link of the digital platform of criminal proceedings // Technologies of the XXI century in jurisprudence: mat. Sixth All-Russian Scientific and Practical Conference. Yekaterinburg, 2024. P. 109–114.
16. Sokolov Yu. N. Information technologies and digital data turnover in criminalistics: issues of theory and practice: diss. ... doctor of legal sciences. Yekaterinburg, 2023.
17. Decree of the President of the Russian Federation dated May 7, 2024 № 309 «On the National Development Goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036» // Rossiyskaya Gazeta. 2024. May 11.
18. Khimicheva O. V., Panfilov P. O. Changing the criminal procedure form in the context of digitalization: new risks and opportunities // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 1. P. 158–164.
19. Churikova A. Y. Artificial intelligence in criminal proceedings: the view of scientists and practitioners on problems and prospects // Digital technologies and law: collection of scientific papers of the II International Scientific and practical Conference. Kazan, 2023. P. 404–414.
20. Churikova A. Y. Conceptual foundations of the theory of criminalistic thinking and the use of artificial intelligence systems in the investigation of crimes: diss. ... doctor of legal sciences. Saratov, 2024.
21. Tsokolova O. I., Bezrukov S. S., Kupriyanov E. I. Actual problems of restoration of lost criminal cases // Russian justice. 2018. № 5. P. 59–62.

Информация об авторах

В. С. Лагъпов — начальник кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, доктор юридических наук, доцент;

П. В. Фадеев — профессор кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент.

Information about the authors

V. S. Latypov — Head of the Criminal Procedure Department of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor;

P. V. Fadeev — Professor of the Department of Preliminary Investigation of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.04.2025; одобрена после рецензирования 13.05.2025; принята к публикации 04.06.2025. The article was submitted 17.04.2025; approved after reviewing 13.05.2025; accepted for publication 04.06.2025.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-91-98>

EDN: <https://elibrary.ru/luwxql>

ИИОН: 2003-0059-3/25-305

MOSURED: 77/27-003-2025-03-504

Актуальные проблемы квалификации фиктивной постановки на миграционный учет

Шамиль Магомедович Нурадинов¹, Петр Михайлович Курдюк²

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, support_mosu@mvd.ru

² Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, Краснодар, Россия, admin-prav@kubsau.ru

Аннотация. Проводится исследование актуальных сложностей, связанных с юридической оценкой фиктивной постановки на миграционный учет в Российской Федерации — деяния, которое влечет за собой существенные социальные и правовые последствия. Осуществляется детальное рассмотрение теоретических и практических аспектов разграничения уголовных составов, определенных ст. 322.2 и 322.3 УК РФ, от административного проступка, закрепленного ст. 19.27 КоАП РФ. Пристальное внимание концентрируется на доказывании субъективной составляющей, особенно умысла на придание фиктивного характера регистрации или учету, что выступает основополагающим фактором для дифференциации ответственности. Анализируются многогранные трудности в установлении виновных и применении мер ответственности к различным участникам процесса: принимающей стороне (включая физических и юридических лиц), непосредственно иностранным гражданам или лицам без гражданства, а также к посредническим структурам, занимающимся организацией нелегальных схем. Проводится изучение особенностей квалификации действий, связанных с массовым оформлением регистрации по одному адресу (явление «резиновых квартир»), а также процессуальных препятствий при сборе и анализе доказательств, в том числе затрагивается проблема высокой степени скрытности (латентности) таких правонарушений. Опираясь на идентифицированные проблемы, формулируются конкретные рекомендации по улучшению правоприменительной деятельности, нацеленные на увеличение результативности миграционного надзора и гарантирование неизбежности наказания. К числу предложений относятся разработка подробных методических пособий для правоприменителей, необходимость приведения судебной практики к единому стандарту через разъяснения высших судебных органов, усиление механизмов координации между ведомствами и активное применение современных цифровых решений для отслеживания и обнаружения нетипичных ситуаций в системах учета.

Ключевые слова: миграционный учет, фиктивная постановка на учет, фиктивная регистрация, квалификация преступлений, административные проступки, уголовная ответственность, административная ответственность, доказывание умысла, mens rea, субъект преступления, принимающая сторона, «резиновые квартиры», латентность правонарушений, правоприменительная практика, миграционное законодательство РФ, межведомственное сотрудничество, цифровизация надзора

Для цитирования: Нурадинов Ш. М., Курдюк П. М. Актуальные проблемы квалификации фиктивной постановки на миграционный учет // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 3. С. 91–98. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-91-98>. EDN: LUWXQL.

Original article

Actual problems of qualification of fictitious registration on migration registration

Shamil M. Nuradinov¹, Petr M. Kurdyuk²

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, support_mosu@mvd.ru

² I.T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russia, admin-prav@kubsau.ru

Abstract. The current difficulties associated with the legal assessment of fictitious registration for migration in the Russian Federation, an act that entails significant social and legal consequences, are being investigated. A detailed examination of the theoretical and practical aspects of the differentiation of criminal offences, defined by Articles 322.2 and 322.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, from administrative misconduct, enshrined in Article 19.27 of the Administrative Code of the Russian Federation. Close attention is focused on proving the subjective component, especially the intention to give a fictitious character to registration or accounting, which is a fundamental factor for differentiating responsibility. The article analyzes the multifaceted difficulties in identifying the perpetrators and applying liability measures to various participants in the process: the receiving party (including individuals and legal entities), directly to foreign citizens or stateless persons, as well as to intermediary structures involved in organizing illegal schemes. The study examines the specifics of qualifying actions related to mass registration at one address (the phenomenon of «rubber apartments»),

© Нурадинов Ш. М., Курдюк П. М., 2025

as well as procedural obstacles in the collection and analysis of evidence, including the problem of a high degree of secrecy (latency) of such offenses. Based on the identified problems, specific recommendations are formulated to improve law enforcement activities aimed at increasing the effectiveness of migration supervision and ensuring the inevitability of punishment. Proposals include the development of detailed methodological manuals for law enforcement officers, the need to bring judicial practice to a uniform standard through clarifications from higher judicial authorities, strengthening coordination mechanisms between departments, and the active use of modern digital solutions to track and detect atypical situations in accounting systems.

Keywords: migration registration, fictitious registration, qualification of crimes, administrative offenses, criminal liability, administrative liability, proof of intent, mens rea, the subject of the crime, the receiving party, «rubber apartments», latency of offenses, law enforcement practice, migration legislation of the Russian Federation, interdepartmental cooperation, digitalization of supervision

For citation: Nuradinov Sh. M., Kurdyuk P. M. Actual problems of qualification of fictitious registration on migration registration. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(3):91–98. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-91-98>. EDN: LUWXQL.

Введение. Регулирование миграционных потоков, включая институт учета мигрантов, принадлежит к числу наиболее комплексных и социально значимых сфер государственной политики и юридической практики в России [4]. Динамика этой области определяется как постоянными корректировками миграционного законодательства, так и его неразрывной связью с экономическими, социальными и демографическими изменениями внутри страны и на международной арене [3]. Как следствие, в юридической среде и обществе не утихают споры относительно наиболее эффективных моделей правового регулирования и продуктивности действующих контрольных механизмов. В последние годы особую остроту получила проблема поддельной регистрации и фиктивной постановки на миграционный учет. Это явление значительно превосходит по своим масштабам простое нарушение установленных процедур учета. Его опасность для общества кроется в формировании ложного представления о законности нахождения лиц на территории РФ и создании иллюзии эффективного государственного контроля за миграционными перемещениями и местопребыванием как российских, так и иностранных граждан. Более того, фиктивная регистрация или постановка на учет создает благоприятные условия для совершения множества других, нередко более серьезных правонарушений и преступных деяний, таких как незаконная трудовая деятельность, уклонение от фискальных обязательств, организация нелегальной миграции и даже акты террористической или экстремистской направленности [4]. Она способствует расширению теневого экономического сектора, развитию организованных преступных сообществ, специализирующихся на предоставлении миграционных «услуг», и порождает прямые и косвенные риски для национальной и общественной безопасности. В ответ на возрастающую общественную опасность указанных феноменов, законодатель предпри-

нял меры по введению уголовной ответственности за соответствующие действия. В Уголовный кодекс РФ были добавлены специальные нормы: ст. 322.2, устанавливающая ответственность за фиктивную регистрацию гражданина РФ (по месту пребывания или жительства) и иностранца или лиц без гражданства (ЛБГ) (по месту жительства) и ст. 322.3, которая определяет ответственность за фиктивную постановку на учет иностранца или ЛБГ по месту пребывания. Параллельно продолжает действовать административная ответственность за предоставление недостоверных данных при ведении миграционного учета (согласно ст. 19.27 КоАП РФ) [2]. Несмотря на существование формально-правовых инструментов противодействия, правоприменительная деятельность сталкивается с целым комплексом значительных, иногда сложно решаемых, проблем при квалификации этих деяний, что обуславливает необходимость их глубокого теоретического изучения и практического анализа. Данная работа направлена на выявление и систематизацию этих проблемных моментов.

Анализ проблем квалификации.

1. Разграничение уголовной и административной ответственности: фактор умысла. Ключевой и наиболее спорной проблемой выступает разграничение между уголовно преследуемыми формами фиктивной регистрации/постановки на учет (ст. 322.2, 322.3 УК РФ) [1] и административно наказуемым деянием в виде предоставления ложных сведений (ст. 19.27 КоАП РФ) [2]. Формально-юридическим критерием разграничения служит субъективная сторона правонарушения, конкретно — содержание и направленность намерения субъекта. Чтобы квалифицировать действие как преступление, необходимо доказать наличие прямого умысла именно на *фиктивность* совершаемой регистрации или постановки на учет. Законодатель в примечаниях к ст. 322.2 и 322.3 УК РФ характеризует фиктивность через два основных при-

знака: 1) отсутствие у принимающей стороны намерения реально предоставить указанное помещение для фактического проживания (пребывания) регистрируемого/учитываемого лица; 2) отсутствие у самого регистрируемого/учитываемого лица намерения действительно проживать (пребывать) по указанному адресу (либо регистрация по адресу, которая заведомо не совпадает с реальным местом жительства/пребывания). Таким образом, состав преступления формируется только в том случае, когда действия виновного (или виновных) направлены на создание юридически оформленной *видимости* законного проживания или пребывания, при полном осознании того, что реальные основания для этого отсутствуют.

Сложности доказывания *mens rea* (виновной воли): на практике установление и подтверждение доказательств именно такого специфического умысла — ориентированного на обман государственных структур путем создания иллюзии законности — является самой острой и трудной задачей для правоприменителей. Зачастую формально процедура регистрации или постановки на учет выполнена корректно: предоставлены необходимые документы, которые внешне соответствуют законодательным требованиям. Однако последующие проверки показывают, что человек по заявленному адресу никогда не жил, не планировал этого, а принимающая сторона не намеревалась предоставлять ему помещение. Можно ли считать сам объективный факт отсутствия проживания достаточным основанием для заключения о наличии преступного намерения? Правоприменительная практика и юридическая доктрина склоняются к тому, что нет. Требуется доказать, что *изначально*, в момент подачи документов, у сторон (или как минимум у одной из них при осведомленности и содействии другой) не было намерения породить действительные правовые отношения найма, безвозмездного пользования или иные отношения, предполагающие фактическое использование помещения для жилья или пребывания. Поскольку обвиняемые крайне редко признают наличие прямого умысла, процесс доказывания основывается на совокупности косвенных свидетельств. К таким свидетельствам относятся: показания соседей, консьержей, участковых уполномоченных полиции, работников управляющих организаций или ТСЖ, которые подтверждают, что данное лицо никогда не появлялось по адресу регистрации. Результаты обследования жилого помещения, которые фиксируют пол-

ное отсутствие личных вещей, мест для сна, средств гигиены, продуктов, принадлежащих зарегистрированному лицу. Показания самого иностранного гражданина или гражданина РФ о его реальном месте жительства/пребывания, которое отличается от адреса регистрации/учета. Признательные показания от принимающей стороны об отсутствии намерения предоставлять жилье или о формальном характере такого предоставления (например, за плату без фактического вселения). Информация о потреблении коммунальных услуг (электричество, вода, газ), указывающая на отсутствие фактического проживания заявленного числа людей (например, нулевое или очень низкое потребление при регистрации нескольких лиц). Данные о реальном месте трудоустройства, учебы, частом обращении в медицинские учреждения или посещениях других мест, которые географически удалены от адреса регистрации и не связаны с ним. Сбор, фиксация и, что самое важное, оценка такой совокупности доказательств требуют значительных усилий, временных ресурсов и несут в себе риск неверной интерпретации, особенно при наличии противоречивых данных.

Дифференциация с «техническими» ошибками и неточностями: крайне важно проводить четкое различие между преднамеренным созданием фикции и неумышленным предоставлением неверных, неточных или неполных данных в документах, подаваемых для миграционного учета. Последнее, если отсутствует умысел на фиктивность, следует квалифицировать по ст. 19.27 КоАП РФ [2]. На практике часто встречаются опечатки в паспортных данных, неверное указание цели въезда, дат пребывания, ошибки в адресе, обусловленные невнимательностью или неправильным пониманием правил заполнения документов принимающей стороной. Если подобные ошибки не имели целью создать заведомо ложное представление о месте пребывания (т. е. лицо реально проживает по адресу, но в документации допущена неточность), то состав уголовного преступления отсутствует. Тем не менее, определение истинного характера ошибки (была ли это небрежность или умысел на искажение для создания фикции) на практике представляет собой тонкую грань, требующую внимательного изучения всех обстоятельств дела.

2. Определение и доказывание вины субъектов правонарушения/преступления. Установление конкретного лица (или лиц), ответственного за совершение фиктивной регистрации/постановки на учет,

также сопряжено со значительными практическими сложностями. **Ответственность принимающей стороны:** если в роли принимающей стороны выступает физическое лицо (владелец, арендатор жилья), идентификация субъекта является относительно несложной задачей. Однако ситуация существенно усложняется, когда фиктивная постанова на учет производится юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями (например, гостиницами, хостелами, организациями, предоставляющими рабочие места с жильем, или даже компаниями, регистрирующими по своему юридическому адресу при отсутствии фактических жилых помещений). В подобных ситуациях возникает проблема выявления конкретного *должностного лица* или сотрудника, чьи действия (либо бездействие) привели к фиктивной постановке на учет и который действовал с соответствующим умыслом. В больших организациях вопросы миграционного учета могут заниматься несколько сотрудников или даже специализированные отделы; при этом документы проходят через руки нескольких лиц. Обнаружение лица, которое инициировало или осуществило фиктивную схему, требует анализа должностных регламентов, приказов о распределении полномочий, изучения документооборота и проведения допросов всех потенциально вовлеченных лиц. **Ответственность иностранного гражданина (ЛБГ):** иностранный гражданин, который объективно нуждается в легализации своего нахождения для проживания и трудовой деятельности в РФ, часто оказывается в уязвимом, зависимом положении. В стремлении получить легальный статус он может обратиться к услугам недобросовестных посредников («помогаторов») или работодателей, которые обещают быстрое и «законное» оформление регистрации, не раскрывая при этом фиктивного характера самой процедуры. Доказать наличие у самого иностранца прямого умысла именно на *соучастие в создании фиктивной регистрации*, а не просто на получение нужных документов любым доступным (хотя и сомнительным с процедурной точки зрения) методом, чрезвычайно сложно. Нередко иностранец искренне введен в заблуждение относительно законности действий принимающей стороны или посредника, сам становясь при этом жертвой обмана, что приводит к потере денег и риску последующей высылки из страны. Привлечение иностранного гражданина к уголовной ответственности по ст. 322.3 УК

РФ [1] (в качестве соучастника) становится возможным только при наличии неоспоримых доказательств того, что он *доподлинно знал* о фиктивности предоставляемой ему регистрации и *осознанно принимал участие* в обмане государственных органов с целью легализации своего, возможно, неправомерного положения. **Роль посредников («помогаторы»):** лица, которые профессионально занимаются организацией фиктивных регистраций за денежное вознаграждение, выступают ключевым элементом во многих преступных схемах. Их действия часто формируют состав организации преступления или пособничества в его совершении, подпадая под ст. 322.2 или 322.3 УК РФ [1]. Однако эти лица стараются действовать максимально скрытно, избегая прямых контактов с государственными структурами, минимизируя свое участие в процессе подачи документов и используя подставных лиц или владельцев жилья, имеющих материальную мотивацию. Их идентификация, установление их роли в преступной схеме, доказывание умысла и связи с конкретными эпизодами требует проведения целого ряда сложных оперативно-розыскных действий, включая мониторинг финансовых транзакций, анализ телефонных разговоров и электронной переписки, а также использование агентурных методов работы. Зачастую привлечь к ответственности реального организатора схемы оказывается значительно труднее, чем номинального собственника помещения, который лишь поставил свою подпись.

3. Специфика квалификации при массовой регистрации («резинковые квартиры»). Феномен так называемых «резинковых квартир», при котором по одному адресу формально осуществляется регистрация или постанова на учет десятков, а иногда и сотен граждан РФ или иностранных граждан, является одним из наиболее заметных и вызывающих общественный резонанс проявлений фиктивной регистрации. **Формальный подход против существа дела:** сам по себе факт регистрации аномально большого числа лиц по одному адресу, особенно если речь идет о жилом помещении с небольшой площадью, служит мощным индикатором возможной фиктивности и является безусловным поводом для инициирования проверки. Тем не менее, с позиции уголовного законодательства и сложившейся практики, данный факт *сам по себе* не рассматривается как достаточное доказательство фиктивности для целей применения ст. 322.2 или 322.3 УК РФ. Не-

обходимо доказать отсутствие фактического проживания (пребывания) *каждого* из зарегистрированных лиц и, что является ключевым, отсутствие у принимающей стороны *изначального намерения предоставить помещение* для проживания (пребывания) *каждому* из них. Это предполагает необходимость осуществления индивидуальных проверочных действий в отношении каждого зарегистрированного лица, что является чрезвычайно ресурсоемким процессом при массовых регистрациях. **Критерий объективной невозможности проживания:** квалификация деяния как преступления значительно упрощается, если удастся доказать, что физические параметры жилого помещения (его площадь, количество комнат, санитарно-техническое состояние) объективно не позволяют разместить заявленное количество людей с соблюдением минимальных жилищных и санитарно-эпидемиологических стандартов. Например, регистрация 50 или 100 человек в однокомнатной квартире площадью 30 кв. м. В подобных ситуациях презумпция фиктивности намерений как принимающей стороны, так и регистрируемых лиц становится практически неоспоримой. Однако и в этом случае требуются процессуально оформленные доказательства: документы, подтверждающие площадь и характеристики помещения, протоколы осмотра, фиксирующие отсутствие достаточного количества спальных мест, кухонного инвентаря, санузлов, личных вещей в объеме, соответствующем заявленному числу проживающих.

4. Ограничение от смежных составов административных правонарушений. Для корректной квалификации чрезвычайно важно проводить четкое различие между фиктивной регистрацией/постановкой на учет и другими нарушениями миграционного законодательства, предусмотренными КоАП РФ, которые имеют иную объективную сторону и иной предмет доказывания. **Ст. 18.8 КоАП РФ (Нарушение иностранным гражданином правил въезда либо режима пребывания (проживания) в РФ):** данный состав включает нарушения, связанные с отсутствием документов, удостоверяющих право на пребывание, уклонение от выезда после истечения срока пребывания, несоответствие заявленной при въезде цели фактической деятельности, нарушение правил транзитного следования и, что существенно в контексте данной проблемы, *нарушение правил миграционного учета* (например, неподача уведомления о

прибытии в установленные сроки). Принципиальное различие: если иностранец *совсем не встал на учет* или сделал это с пропуском установленного срока, это обычно квалифицируется по ст. 18.8 КоАП РФ. Если же он *формально встал на учет*, но данная процедура оказалась фиктивной (без намерения проживать/пребывать), то речь идет о потенциальном преступлении согласно ст. 322.3 УК РФ или административном правонарушении по ст. 19.27 КоАП РФ (если доказан только факт предоставления ложных сведений без умысла на фиктивность в уголовно-правовом понимании). Таким образом, ст. 18.8 КоАП РФ предусматривает наказание за неисполнение правил учета в явной форме, в то время как фиктивная постановка имитирует их исполнение. **Ст. 18.9 КоАП РФ (Нарушение правил пребывания в РФ иностранных граждан и лиц без гражданства принимающей стороной):** эта норма вводит ответственность принимающей стороны за невыполнение возложенных на нее обязательств: несвоевременное извещение о прибытии иностранца, непредоставление ему заявленного жилого или иного помещения (если оно фактически предоставлялось или было намерение предоставить, но возникли какие-либо препятствия), неведение о убытии иностранца, предоставление помещения лицу, находящемуся в РФ с нарушением установленного порядка и проч. Ключевое отличие от ст. 322.3 УК РФ и ст. 19.27 КоАП РФ заключается в акценте на *нарушении процедурных обязанностей* принимающей стороной при наличии (или предполагавшемся наличии) реальных отношений по проживанию/пребыванию. Уголовно наказуемая фиктивность (ст. 322.3 УК РФ) и предоставление ложных сведений (ст. 19.27 КоАП РФ) характеризуются *сознательным формированием ложной информации* об адресе пребывания или факте предоставления помещения с целью ввести в заблуждение государственные органы.

5. Процессуальные сложности и проблема латентности. Процесс выявления, документального оформления, расследования и доказывания фактов фиктивной регистрации/постановки на учет связан со значительными процессуальными препятствиями. **Формирование доказательственной базы:** как уже неоднократно отмечалось, основная проблема заключается в сборе достаточной совокупности релевантных, допустимых и достоверных доказа-

тельств, которые бы неопровержимо указывали на наличие умысла на создание именно *фиктивной* регистрации/постановки, а не просто процедурного нарушения или технической погрешности. Трудности обусловлены ненадежностью свидетельских показаний (соседи могут ошибаться, иметь предвзятое отношение, забыть детали); ограниченной информативностью осмотров места жительства, особенно если они проведены спустя значительное время (доказывают лишь отсутствие лица в момент осмотра, но не изначальное отсутствие намерения проживать) и крайним нежеланием участников схемы (принимающей стороны, регистрируемых, посредников) давать правдивые показания. Они часто излагают версии о временном отсутствии, скором заселении, краткосрочном проживании, которые трудно опровергнуть объективными данными. **Высокая латентность:** данный вид правонарушений и преступлений отличается чрезвычайно высоким уровнем скрытости от государственного контроля и статистического учета. Значительное количество случаев фиктивной регистрации остаются необнаруженными и ненаказанными [5]. Это связано с отсутствием очевидных внешних признаков деяния (в отличие от кражи или грабежа), отсутствием потерпевших, которые бы заявили о преступлении, и тем фактом, что подобные случаи часто вскрываются случайно: во время рейдов по выявлению нелегальных мигрантов, при проверке документов по другому поводу, или, что наиболее опасно, уже после совершения лицом, зарегистрированным фиктивно, иного, более тяжкого преступления. Существующие информационные системы миграционного учета пока не имеют достаточных функциональных возможностей для автоматизированного проактивного обнаружения признаков фиктивности на ранних этапах.

Предложения по совершенствованию правоприменительной практики. Преодоление описанных проблем требует внедрения системного комплекса мер, ориентированных на улучшение как законодательной базы, так и практической деятельности правоприменительных органов. **Разработка и внедрение детализированных методических рекомендаций:** ощущается насущная необходимость в создании единых, научно обоснованных и практически направленных методических указаний для следователей, дознавателей, оперативных работников и про-

куроров. Подобные рекомендации должны включать: Четкие последовательности действий при обнаружении признаков фиктивной регистрации/постановки на учет. Исчерпывающий (но не исчерпывающийся этим) список типичных косвенных доказательств умысла на фиктивность и методику их сбора, фиксации и комплексной оценки. Конкретные критерии для разграничения составов преступлений (ст. 322.2, 322.3 УК РФ) и административного правонарушения (ст. 19.27 КоАП РФ), основанные на анализе судебной практики и доктринальных взглядов. Рекомендации по доказыванию роли и виновности различных субъектов (принимающей стороны, регистрируемого лица, посредников). Особые тактические подходы к расследованию дел, связанных с массовой регистрацией («резинковые квартиры»). Внедрение таких рекомендаций будет способствовать улучшению качества расследования, унификации квалификации и уменьшению риска судебных ошибок. **Формирование единообразной судебной практики:** наличие противоречивых судебных вердиктов по делам этой категории порождает правовую неопределенность и усложняет работу правоохранительных органов. Целесообразно провести глубокое обобщение судебной практики на уровне Верховного Суда Российской Федерации с последующим изданием постановления Пленума ВС РФ. В этом постановлении необходимо предоставить развернутое толкование термина «фиктивность» в контексте составов ст. 322.2 и 322.3 УК РФ, раскрыть специфику установления и доказывания субъективной стороны (умысла), определить стандарты оценки совокупности косвенных доказательств и четко отграничить уголовно наказуемые деяния от смежных административных правонарушений (ст. 19.27, 18.8, 18.9 КоАП РФ). **Усиление и оптимизация межведомственного взаимодействия:** эффективная борьба с фиктивной регистрацией немыслима без тесной координации усилий различных государственных структур. Необходимо наладить систематический обмен данными и проведение совместных операций между: подразделениями МВД России (миграционные службы, уголовный розыск, участковые уполномоченные, подразделения экономической безопасности) [6]. Федеральной налоговой службой (для получения информации о владельцах недвижимости, их доходах от сдачи жилья, выявления фирм-однодневок). Росфинмониторингом (для обнаружения

подозрительных финансовых операций, связанных с оплатой услуг по фиктивной регистрации, отслеживания денежных потоков организаторов). Органами прокуратуры (координация деятельности, надзор за соблюдением законности). Следственным комитетом РФ (расследование наиболее сложных и резонансных дел, особенно с участием должностных лиц). Создание единых межведомственных рабочих групп, регулярный обмен актуальной информацией и проведение скоординированных проверочных и оперативно-розыскных мероприятий позволят выявлять и пресекать деятельность организованных групп, специализирующихся на фиктивной регистрации. **Совершенствование и интеграция цифровых систем учета:** критически важным направлением является модернизация существующих и разработка новых государственных информационных систем (ГИС), связанных с миграционным и регистрационным учетом. Необходимо внедрение интеллектуальных алгоритмов и цифровых инструментов, способных в автоматическом или полуавтоматическом режиме выявлять маркеры и индикаторы потенциальной фиктивности («красные флаги»), такие как: регистрация/постановка на учет числа лиц, явно превышающего нормативную или фактическую вместимость жилого помещения (анализ соотношения числа зарегистрированных и площади жилья). Регистрация по адресам нежилых, производственных, строящихся или непригодных для проживания объектов. Массовая регистрация в объектах недвижимости, собственники которых имеют признаки фиктивности (например, номинальные владельцы, недавнее переоформление прав на подставных лиц). Выявление аномальных сетей связей между зарегистрированными лицами, принимающими сторонами и известными посредниками. Анализ частоты регистрационных действий по конкретному адресу или со стороны конкретного собственника. Автоматизированное выявление таких аномалий позволит правоохранительным органам перейти от сплошных проверок к риск-ориентированному подходу, концентрируя усилия на наиболее подозрительных случаях и повышая эффективность контроля. **Повышение правовой грамотности и профилактика:** немаловажную роль играет информационно-профилактическая работа. Необходимо проведение разъяснительных кампаний, направленных на повышение уровня правовой осведомленности как иностранных граждан (информирование об обязанностях по миграционному учету, процедурах легализации и рисках обращения к недобросовестным посредникам), так и граждан РФ и юридических лиц, выступающих в качестве принимающей стороны (разъяснение ответственности за предоставление ложных сведений и содействие фиктивной регистрации). Четкое донесение информации о законодательных требованиях и негативных последствиях их нарушения может способствовать снижению числа неумышленных нарушений и затруднить деятельность криминальных посредников.

Заключение. Проблема юридической квалификации фиктивной постановки на миграционный учет и фиктивной регистрации в Российской Федерации является комплексным, многогранным вызовом для правовой системы и правоприменительной деятельности. Существующие законодательные пробелы и коллизии, объективные сложности в доказывании субъективного элемента преступления (умысла на фиктивность) и существенные процессуальные преграды при расследовании дел данной категории создают серьезные риски. К этим рискам относятся снижение эффективности государственного надзора за миграционными процессами, возникновение угроз для общественной и национальной безопасности, а также нарушение прав самих иностранных граждан, которые могут быть произвольно вовлечены в недобросовестные схемы. Преодоление обозначенных проблем возможно исключительно через реализацию всестороннего, системного подхода. Он должен охватывать совершенствование нормативно-правовой базы, разработку и применение единых методических принципов для квалификации и доказывания, формирование последовательной и прогнозируемой судебной практики посредством разъяснений высших судебных органов, кардинальное улучшение межведомственного информационного обмена и координации, а также активное задействование потенциала современных цифровых технологий для мониторинга и анализа данных миграционного учета. Успешное выполнение этих задач выступает необходимым условием для формирования эффективной, прозрачной и контролируемой системы миграционного учета, которая соответствовала бы стратегическим интересам российского государства и общества, обеспечивая как надлежащий уровень контроля, так и уважение прав человека.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
3. Агаев Г. А. Современное состояние уголовного законодательства Российской Федерации об ответственности за организацию незаконной миграции. В сб.: Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: мат. ежегодной всерос. науч.-практ. конф. М., 2019. С. 12–16.
4. Берглезов А. Н. Незаконная миграция как угроза национальной безопасности России и противодействие ей. В сб.: Актуальные проблемы правового обеспечения национальной безопасности в России: сб. мат. всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. Л. Н. Чертова, О. И. Филонова. М., 2019. С. 21–26.
5. Бубнова Ю. Ю., Мамин А. С. Незаконная миграция в Российской Федерации. Понятие, причины возникновения. В сб.: Наука и образование: отечественный и зарубежный опыт: XXIII междунар. науч.-практ. конф. М., 2019. С. 237–241.
6. Прудников А. С., Шагиева Р. В. Противодействие незаконной миграции и пути его совершенствования. В сб.: Общество. Доверие. Риски: Доверие к миграционным процессам. Риски нового общества: мат. междунар. форума. М., 2019. С. 112–115.

Информация об авторах

Ш. М. Нурадинов — профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации;

П. М. Курдюк — заведующий кафедрой административного и финансового права Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина, доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Information about the authors

Sh. M. Nuradinov — Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation;

P. M. Kurdyuk — Head of the Department of Administrative and Financial Law of the I.T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.04.2025; одобрена после рецензирования 13.05.2025; принята к публикации 04.06.2025. The article was submitted 17.04.2025; approved after reviewing 13.05.2025; accepted for publication 04.06.2025.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-99-108>

EDN: <https://elibrary.ru/mwxdlc>

ИПОН: 2003-0059-3/25-306

MOSURED: 77/27-003-2025-03-505

К проблеме языкового стиля ведомственных нормативных правовых актов

Виталий Игоревич Попов¹, Кирилл Андреевич Раков²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ popov.vitaliy.law@gmail.com

² rakoffkirill@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается проблема языкового стиля ведомственных нормативных правовых актов. С опорой на статистические данные и обзоры правовой практики относительно особенностей ведомственного правотворчества обозначается актуальность исследуемой проблематики и определяется необходимость ее изучения с учетом трендов, которые наблюдаются в современном российском обществе. Важное место в этом вопросе отводится проблеме стилистических ошибок, так как именно от того, насколько грамотно представлен текст будущего нормативного правового акта, зависит верное и точное уяснение смысла правовых предписаний, их последующее применение и то, как будет складываться правовая практика в целом (учитывая тот факт, что нормативные правовые акты находятся в системной зависимости).

В работе используются диалектический, системный, формально-логический и статистический методы. Их применение позволило уяснить смысловое содержание категории «стиль нормативного правового акта» («законодательный стиль»), глубже понять природу возникновения стилистических ошибок, предложить пути и способы их устранения.

Особую ценность представляют примеры типовых стилистических ошибок, совершаемых в рамках ведомственного правотворчества и их анализ с ориентированностью на стилистические нормы, которые характерны для юридических документов соответствующей функциональной направленности. Предлагается целый ряд мер, ставящих своей целью повышение уровня качества ведомственного правотворчества, определяя при этом основные направления его развития.

Ключевые слова: правотворчество, ведомственное правотворчество, юридическая техника, правовой текст, юридический язык, языковой стиль нормативных правовых актов, законодательный стиль, юридико-языковые ошибки, юридико-лингвистические ошибки, стилистические ошибки

Для цитирования: Попов В. И., Раков К. А. К проблеме языкового стиля ведомственных нормативных правовых актов // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 3. С. 99–108. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-99-108>. EDN: MWXDLC.

Original article

On the problem of the linguistic style of departmental regulatory legal acts

Vitaliy I. Popov¹, Kirill A. Rakov²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ popov.vitaliy.law@gmail.com

² rakoffkirill@yandex.ru

Abstract. The problem of the linguistic style of departmental normative legal acts is considered. Based on statistical data and reviews of legal practice regarding the specifics of departmental lawmaking, the relevance of the issue under study is outlined and the need for its study is determined, taking into account the trends that are observed in modern Russian society. An important place in this issue is given to the problem of stylistic errors, since it depends on how well the text of the future normative legal act is presented, the correct and accurate understanding of the meaning of legal regulations, their subsequent application and how legal practice in general will develop (given the fact that normative legal acts are systemically dependent).

The work uses dialectical, systematic, formal-logical and statistical methods. Their application made it possible to understand the semantic content of the category «style of a normative legal act» («legislative style»), to better understand the nature of stylistic errors, and to suggest ways and means to eliminate them.

Of particular value are examples of typical stylistic errors committed within the framework of departmental lawmaking and their analysis with a focus on stylistic norms that are characteristic of legal documents of a corresponding functional orientation. A number of measures are proposed aimed at improving the quality of departmental law-making, while defining the main directions of its development.

Keywords: lawmaking, departmental lawmaking, legal technique, legal text, legal language, linguistic style of normative legal acts, legislative style, legal-linguistic errors, legal-linguistic errors, stylistic errors

For citation: Popov V. I., Rakov K. A. On the problem of the linguistic style of departmental regulatory legal acts. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(3):99–108. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-99-108>. EDN: MWXDLC.

© Попов В. И., Раков К. А., 2025

Введение. Еще во второй половине XIX в. немецкий правовед Р. фон Иеринг в своей небезызвестной работе «Борьба за право» весьма точно и верно подметил одну из ключевых особенностей права. В ней он высказывает мысль о том, что «право есть дело практическое» [10, с. 11] (*выд. авт.*), т. е. оно, как и любое другое социальное явление, имеет перед собой определенную цель (*являет собой представление цели*). При этом «каждое представление цели по самой природе своей двойственно; ибо оно заключает в себе цель и средство». Ведь в действительности «недостаточно указать только одну цель, но необходимо дать средство к ее достижению» [10, с. 11]. Поэтому, приступая к рассмотрению проблемы стилистических ошибок (погрешностей) в ведомственных нормативных правовых актах (на примере МВД России) и связывая это с проблемой претворения права (права в формально-юридическом смысле) в жизнь, результатом чего является (в значении «долженствования») реализация функционального потенциала права через нормативные правовые акты (эффективная реализация функций права в данном случае выступает как *основная цель*, на достижение которой, помимо прочего, направлена деятельность субъектов ведомственного правотворчества), мы особое внимание уделяем законодательному стилю как *средству* (не принимая во внимание иные средства) по достижению обозначенной выше цели. И здесь, отвечая на вопрос, задаваемый Р. фон Иерингом в его работе «Юридическая техника», «как должно быть право, независимо от его содержания, устроено и образовано, чтобы оно могло, благодаря своему механизму, сколько возможно более упростить, облегчить и обеспечить применение правоположений к отдельному конкретному случаю?» [11, с. 22] (*выд. авт.*), мы отметим, что обращаться при разрешении этой проблемы следует к «технической стороне» этого вопроса, преодолевая юридико-техническое несовершенство права (в широком значении) посредством умелого обращения с тем, что именуется им самим же, как *юридическое искусство* [11, с. 8, 20–21]. Важная роль при решении этой задачи отводится такому особому инструменту в руках субъекта ведомственного правотворчества, как юридический язык, а именно его стилистическим особенностям. В этом отношении весьма точно подметил специфику юридического языка А. Б. Дидикин, который высказал мысль о том, что «правовая реальность отражается в юридическом языке иначе, чем иные

объекты в мире» [13, с. 126]. Именно поэтому в рамках данной статьи мы остановимся на рассмотрении специфики законодательного стиля и определении наиболее распространенных ошибок (стилистических погрешностей), допускаемых при подготовке ведомственных нормативных правовых актов, так как именно они (ошибки¹) во многом ведут к проблеме восприятия содержания правового текста, делая его неопределенным, что, в свою очередь, приводит к искажению его смысла, неверной интерпретации и девальвации правовых ценностей, проблемам в правоприменительной практике и целому ряду иных негативных последствий.

Актуальность проблемы: цифры и факты. Дополнительную актуализацию избранная проблематика получает в свете статистических данных, представленных Договорно-правовым департаментом МВД России в результате проведенного анализа нарушений и недостатков, допущенных подразделениями системы МВД России при подготовке проектов нормативных правовых актов (здесь мы сосредоточили свое внимание на обзорах в период времени с 2021 по 2023 гг.).

Так, например, как следует из обзора за 2023 г. [18], в рамках совершенствования нормативно-правового регулирования в сфере внутренних дел МВД России за рассматриваемый период времени указанным ведомством было принято участие в разработке, сопровождении и принятии (подписании) довольно большого количества нормативных правовых актов (рис. 1).

Также за указанный период времени, т. е. за 2023 г., было издано 1080 (за аналогичный период прошлого года (далее — АППГ) — 1179) приказов МВД России, в том числе 630 (АППГ — 709) содержащих нормативные предписания. Что же касается нормативных правовых актов МВД России, прошедших в 2023 г. государственную регистрацию в Минюсте России, то их количество составило 123, из ко-

¹ Так, например, коллектив авторитетных ученых – специалистов в области юридической техники — в своем весьма фундаментальном труде (учебнике) под названием «Юридическая техника» выделяют такие виды ошибок, наиболее часто встречающихся в процессе подготовки проектов нормативных правовых актов, как: юридико-идеологические, юридико-компетенционные, юридико-содержательные, юридико-языковые и юридико-технические. Отдельно следует отметить, что погрешности стиля и языка нормативных правовых актов авторы работы относят к юридико-языковым ошибкам (применительно к данному виду ошибок можно встретить такое название, как юридико-лингвистические ошибки) [17, с. 450–453].

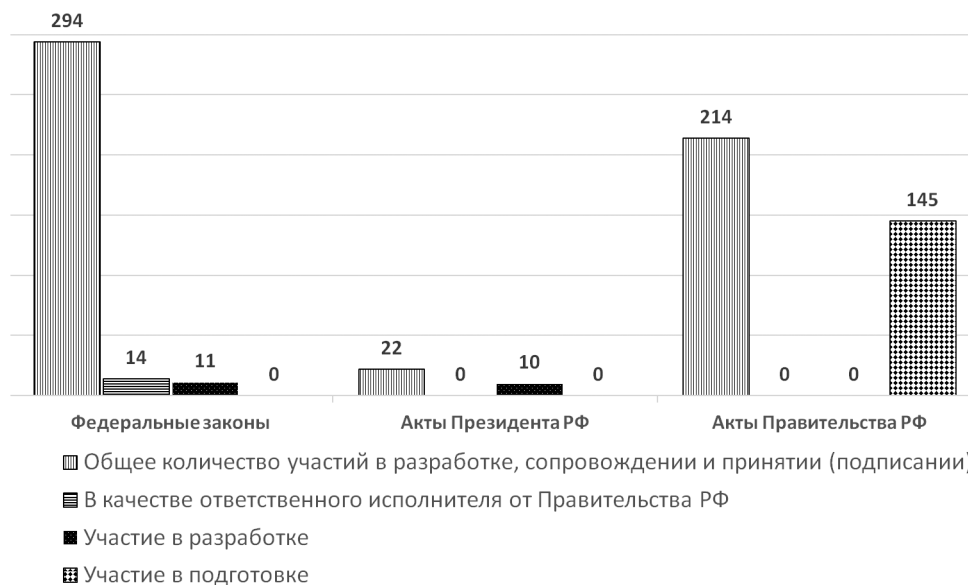

Рис. 1. Участие МВД России в разработке, сопровождении и принятии (подписании) нормативных правовых актов в 2023 г.

торых четыре были изданы в 2022 г. При этом отдельного внимания в контексте рассматриваемой нами проблемы заслуживают статистические данные относительно отказов Минюстом России в государственной регистрации таких нормативных правовых актов, как приказы МВД России (нас в первую очередь интересуют показатели 2023 г., которые представлены ниже, в сравнении с показателями 2022 г.). Так, обозначенная выше ситуация представлена на рис. 2.

Как следует из проведенного Договорно-правовым департаментом МВД России анализа нарушений и недостатков, выявленных в деятельности по подготовке проектов ведомственных нормативных правовых актов (в рамках проведения правовой экс-

пертизы), данные погрешности преимущественно связаны с несоблюдением предписаний:

- 1) правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 13 августа 1997 г. № 1009 [2];
- 2) методических указаний по юридико-техническому оформлению нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, утвержденных приказом Минюста России от 31 августа 2023 г. № 222 [4];
- 3) правил подготовки нормативных правовых актов в центральном аппарате МВД России, утвер-

Рис. 2. Количество отказов в государственной регистрации нормативных правовых актов МВД России в Минюсте России в 2022–2023 гг.

жденных приказом МВД России от 27 июня 2003 г. № 484 [5].

Анализ статистических данных позволяет сделать вывод о том, что в практике, сопряженной с отказами со стороны Минюста России в государственной регистрации приказов МВД России, наблюдается позитивная динамика по сокращению количества возвращенных и отмененных нормативных правовых актов. Так, количество Приказов МВД России, возвращенных из Минюста России без государственной регистрации, равно как и отмененных в связи с отказом Минюста России в государственной регистрации в 2023 г., по сравнению с 2022 г. *снизилось на 75 %*, что в целом является довольно хорошим показателем. При этом здесь следует учитывать, что общее количество изданных приказов МВД России за аналогичный период времени тоже сократилось — *на 9,1 %*, (в том числе приказов МВД России, содержащих нормативные предписания, — *на 11,16 %*). Вместе с тем, количество издаваемых ведомственных нормативных правовых актов — приказов МВД России, а также количество участий МВД России в разработке, сопровождении и принятии (подписании) нормативных правовых актов иного рода, как следует из представленных выше статистических данных, довольно велико (и на этом, собственно, мы и акцентируем здесь внимание в первую очередь), в связи с чем считаем, что проблема качественной подготовки как в части формы, так и в части содержания ведомственных нормативных правовых актов, т. е. проблема ведомственного правотворчества (в рамках деятельности МВД России), заслуживает самого пристального внимания. Важно понимать, с какими трудностями сталкиваются субъекты ведомственного правотворчества в процессе подготовки проектов нормативных правовых актов, учитывать какие ошибки допускаются в рамках данного вида деятельности, как организационного (процессуального) характера, так и в части содержания, где важное место, с учетом избранной темы исследования, мы отводим лингвистическим ошибкам (в частности стилистическим ошибкам) и предпринимать меры по минимизации этих негативных проявлений. Ведь от того, насколько грамотно и точно подготовлены нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность МВД России, зависит эффективность исполнения возложенных на него задач и функций. А учитывая тот факт, что стилистические ошибки являются довольно распространен-

ным видом лингвистических ошибок, совершаемых в рамках ведомственного правотворчества, как это следует из представленных ранее обзоров Договорно-правового департамента МВД России, считаем целесообразным остановиться на их рассмотрении более подробно.

Проблема стилистических ошибок в ведомственных нормативных правовых актах. Н. В. Белоконь, исследуя особенности языковых ошибок и дефектов в нормативных правовых актах (их проектах) и иных юридических документах, отмечает, что эффективность правового массива определяется не только (и не столько) высоким уровнем качества его содержательной юридической стороны, но и соответствующим (надлежащим) уровнем лингвистической формы — на уровне формы слова, словосочетания, предложения (как отдельной нормы права, так и всего нормативного правового акта) [8, с. 111]. И в этом отношении с указанным ученым-правоведом сложно не согласиться. Действительно, в процессе подготовки проектов нормативных правовых актов субъекты правотворческой деятельности должны особое внимание уделять лингвистической форме правового текста (в том числе и стилистической стороне данного вопроса), ведь именно от этого во многом зависит как корректность его интерпретации, так и последующая правильность применения. Неслучайно в ч. 6 ст. 1 Федерального закона от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» обозначается, что «При использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается употребление слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка (в том числе нецензурной брани), за исключением иностранных слов, которые не имеют общеупотребительных аналогов в русском языке и перечень которых содержится в нормативных словарях» [1]. Использование русского литературного языка в тексте нормативных правовых актов имеет свою специфику, что обусловлено функциональным назначением последнего. Поэтому лингвистическая форма данных документов обладает соответствующими стилистическими особенностями организации текста (правового текста). Так, некоторые ученые-правоведы, рассматривая особенности текста нормативного правового акта, говорят о единстве двух моментов — литературном и юридическом. Текст такого доку-

мента, с одной стороны, характеризуется специально-юридическими особенностями, выработанными в процессе правотворческой деятельности, так как его основное функциональное назначение — это регулирование общественных отношений, а, с другой стороны, представляет собой текст литературный, так как в процессе его создания законотворцы используют общеязыковые правила [9, с. 27].

При этом, несмотря на все сказанное выше, вопрос о том, «что же такое стиль нормативного правового акта (или законодательный стиль)?» в рамках нашей статьи остается открытым. В специально-юридической литературе бытует множество определений относительно этого вопроса. В самом общем виде под законодательным стилем понимается «строго формализованный комплект слов, их сочетаний, а также типовых синтаксических конструкций, традиционно используемых в процессе создания норм права, их изменения либо отмены» [17, с. 225]. Авторы работы (*на которую сейчас была сделана ссылка*) сравнивают применение законодателем данных стилистических правил со складыванием пазлов. Посредством грамотного использования строевых элементов языка (как в части их выбора, так и последующего комбинирования) формируется целостная и внутренне непротиворечивая «картина» правовой реальности (акцент в данном случае делается на нормативно-регулятивном аспекте этой самой реальности). О. В. Белянская, также размышляя над особенностями стиля нормативного акта, приходит к выводу о том, что он представляет собой «выработанный юридической наукой стиль, применяющийся в правотворческом процессе, функционирующий в сфере правового регулирования и используемый в правотворческом процессе» [9, с. 31]. Не углубляясь в сравнительный анализ различных точек зрения и подходов к определению стиля нормативного правового акта (законодательного стиля), отметим, что большинство исследователей данного направления все же близки во взглядах относительно рассматриваемого вопроса [16; 7; 15]. И это вполне естественно, так как языковой стиль текста нормативного правового акта (представляющий здесь в качестве предмета исследования) находится в прямой зависимости от функционального назначения данного акта (относительно данного момента ученые-правоведы крайне редко демонстрируют разногласия). Учитывая функциональную и содержательную специфику норматив-

ных правовых актов (в том числе и актов ведомственной направленности), отметим, что организация правового текста в указанных документах должна осуществляться в соответствии с принципами, которые представляют собой законодательно-стилистические принципы, а именно: определенности, корректности, стабильности языкового выражения, его информативности [17, с. 229–231] и рядом других.

Здесь необходимо осуществить некоторую конкретизацию обозначенных принципов через раскрытие основных требований, предъявляемых к стилю нормативного правового акта. С этой целью мы обратимся к точке зрения О. В. Белянской. К таким требованиям, как отмечает представленный ученый, относятся: безличность и логичность изложения (не допускается использование личных местоимений 1-го и 2-го лица, собственных имен существительных; нельзя допускать алогизмов, тавтологии и смысловой недосказанности), компактность материала, его ясность (текст документа должен однозначно восприниматься; он должен исключать средства художественной выразительности), а также обозначение определенной — положительной или отрицательной — оценки со стороны законодателя (относительно какой-либо модели поведения) [9, с. 30]. Вместе с тем, несмотря на то обстоятельство, что данные принципы и требования, предъявляемые к языку правового акта, являются общеизвестными, субъекты ведомственного правотворчества в процессе осуществления своей профессиональной деятельности, связанной с подготовкой проектов нормативных правовых актов, все же периодически совершают стилистические ошибки (погрешности) при формулировании властных предписаний. В этой связи, учитывая то обстоятельство, что в данной статье ставится цель рассмотреть отдельные стилистические ошибки, допускаемые в рамках правотворческой деятельности подразделениями системы МВД России, предлагаем более подробно остановиться на результатах Обзора характерных ошибок, встретившихся в проектах документов в ходе юридико-лингвистической экспертизы в 2021–2022 гг., подготовленного Договорно-правовым департаментом МВД России (табл. 1) [19].

Выводы и обобщения. Вполне очевидно, что представленный перечень стилистических ошибок и недостатков, допущенных подразделениями системы МВД России при подготовке проектов нормативных правовых актов, является далеко не исчер-

Таблица 1

Основные ошибки, связанные с нарушением стилистических норм (по материалам Обзора характерных ошибок, встретившихся в проектах документов в ходе юридико-лингвистической экспертизы в 2021–2022 гг., подготовленного Договорно-правовым департаментом МВД России)

Виды ошибок	Примеры нарушения нормы	Стилистическая норма
1. Нарушение лексической сочетаемости	Придавать акцент	Придавать значение <i>или</i> сделать акцент
	Добиться 100 %-ного сплошного контроля	Добиться 100 %-ного результата <i>или</i> осуществлять сплошной контроль
	Повысить полноту информации	Увеличить объем информации <i>или</i> повысить уровень наполнения информацией
2. Речевая избыточность (тавтология, плеоназм)	Вопросы прорабатываются в рабочем порядке	Вопросы рассматриваются в рабочем порядке
	Обеспечить гарантии безопасности	Обеспечить безопасность <i>или</i> гарантировать безопасность
	Прогрессирование роста болезни	Прогрессирование болезни <i>или</i> рост заболеваемости
3. Ошибки в употреблении деепричастий		
3.1. Неправильное построение предложения	Исходя из анализа информации на форумах сотрудников ОВД аналогичная ситуация складывается во всех регионах (<i>деепричастие и глагол-сказуемое относятся к разным субъектам действия</i>)	Исходя из анализа информации на форумах сотрудников ОВД, мы полагаем , что аналогичная ситуация складывается во всех регионах (<i>действие, обозначаемое деепричастием, относится к субъектам данного действия</i>)
3.2. Неправильная расстановка знаков препинания	Облагает граждан налогом исходя из установленных ставок	Государство облагает граждан налогом, исходя из установленных ставок (<i>оборот со словами «исходя из» обособляется, если относится к производителю действия (определенное или неопределенное лицо), который может «исходить из чего-то»</i>)
4. Ошибки в употреблении причастий		
4.1. Необоснованное согласование	В порядке и в сроки, установленные...	В порядке , установленном... , и в сроки , установленные (<i>однородные члены должны быть согласованы в падеже с обобщающим словом, а существительные «порядок» и «сроки» требуют управления разными падежами (предложным и винительным), вследствие чего согласование их с одним и тем же причастием грамматически неверно. Кроме того, формулировка «в порядке и в сроки» содержит смысловую избыточность: «порядок» есть последовательность целенаправленных действий для решения определенной задачи в установленные сроки, т. е. понятие «сроки» является неотъемлемой частью определения «порядок»</i>)
4.2. Неправильная расстановка знаков препинания	Выявлены нарушения обязательных требований к конструкции и техническому состоянию, находящихся в эксплуатации транспортных средств	Выявлены нарушения обязательных требований к конструкции и техническому состоянию находящихся в эксплуатации транспортных средств (<i>причастный оборот, стоящий перед определяемым существительным, запятой не отделяется</i>)
	Необходимо рассмотреть вопросы в части касающейся изменения внесения в приказ	Необходимо рассмотреть вопросы в части, касающейся внесения изменений в приказ (<i>причастный оборот, стоящий после определяемого существительного, отделяется запятой</i>)

Таблица 1 (окончание)

Основные ошибки, связанные с нарушением стилистических норм (по материалам Обзора характерных ошибок, встретившихся в проектах документов в ходе юридико-лингвистической экспертизы в 2021–2022 гг., подготовленного Договорно-правовым департаментом МВД России)

Виды ошибок	Примеры нарушения нормы	Стилистическая норма
4. Ошибки в употреблении причастий		
4.3. Неправильное употребление форм причастий	Взаимодействие с лицами, осуществляемыми деятельность по проведению строительных, ремонтных и иных работ	Взаимодействие с лицами, осуществляющими деятельность по проведению строительных, ремонтных и иных работ (<i>действительное причастие «осуществляющие» обозначает признак предмета, самостоятельно производящего действие, в отличие от страдательного причастия «осуществляемые», обозначающего только признак объекта, не совершающего никаких действий</i>)
4.4. Ошибки в написании не с причастиями	Неполученные ранее сотрудником предметы вещевого имущества	Не полученные ранее сотрудником предметы вещевого имущества (<i>пишется отдельно не с полными причастиями, имеющими при себе пояснительные слова</i>)
	Не проверенные сведения	Непроверенные сведения (<i>пишется слитно не с полными причастиями, при которых нет пояснительных слов</i>)
5. Смещение паронимов (слова, близкие по звучанию, но разные по значению)	Скрытое наблюдение	Скрытое наблюдение (<i>необходимо различать близкие по звучанию, но разные по значению слова: скрытая — тайная, незаметная (скрытая камера) и скрытный — скрывающий свои мысли, чувства (скрытный человек)</i>)
	Выдать дубликат заключения под роспись	Выдать дубликат заключения под подпись (<i>«роспись» — живопись на стенах, потолках, предметах быта; «подпись» — надпись под чем-нибудь</i>)

пывающим. Он отражает наиболее яркие и часто встречающиеся ошибки, которые допускают субъекты ведомственного правотворчества. При этом тот факт, что в работе используются аналитические материалы 2021–2022 гг. (которые выступают в качестве наглядных и, самое главное, «не взятых из воздуха» примеров стилистических ошибок), не говорит еще о том, что они потеряли или начинают терять свою актуальность. В действительности правовая практика, составной частью которой выступает ведомственное правотворчество, складывается таким образом, что подобного рода погрешности с определенной периодичностью совершаются вновь, поэтому так важно понимать природу их возникновения (*об отдельных аспектах этой проблемы мы уже говорили выше, обозначая, что одной из причин совершения стилистических ошибок является несоблюдение установленных нормативных предписаний*), уметь своевременно выявлять и, самое главное, грамотно устранять данные языковые неточности.

Так, на выявление недочетов, связанных с некорректным использованием языка в нормативных правовых актах, направлена лингвистическая экспертиза. В этом собственно и заключается главная цель ее проведения — «в приведении языка и стиля законопроекта в соответствие с нормами современного русского литературного языка, выявлении разнобоя в терминологии, соотнесении терминов законопроекта с терминами, применяемыми в законодательстве, устранении логических, технических ошибок, уточнении формулировок и т. п.» [12, с. 5]. Но прежде чем проект документа будет передан на соответствующую экспертизу, важно, чтобы на этапе подготовки правового текста была надлежащим образом организована работа по редакторскому анализу языка с целью определения качества текста на предмет его соответствия нормам современного русского литературного языка с учетом функционально-стилистических особенностей.

Также следует отметить, что в целях предупреждения языковых ошибок (как рекомендуют сотруд-

ники Договорно-правового департамента МВД России [19]) необходимо в процессе подготовки проектов ведомственных актов пользоваться словарями, утвержденными приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 8 июня 2009 г. № 195 [3], содержащими нормы современного русского литературного языка при использовании государственного языка Российской Федерации, нормативными правовыми актами, регламентирующими деятельность органов внутренних дел и ГОСТами. В частности, отдельное внимание следует уделять требованиям, содержащимся в: 1) приказе МВД России от 27 июня 2003 г. № 484 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов в центральном аппарате МВД России» (он уже упоминался нами ранее); 2) приказе МВД России от 20 июня 2012 г. № 615 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в органах внутренних дел Российской Федерации» [5; 6].

Отдельное внимание в этом вопросе следует уделять общему уровню квалификации сотрудников, занимающихся в процессе своей профессиональной деятельности подготовкой и разработкой проектов нормативных правовых актов, так как такие сотрудники (в идеале) должны обладать как юридическими и лингвистическими знаниями, так и практическими навыками в этой области (включая способности к аналитическому мышлению, критическому анализу и т. п.). В единстве этих двух моментов, собственно и заключено(а) «юридическое искусство» законодателя, о котором говорил в своих трудах Р. фон Иеринг, или же, как об этом писал выдающийся основатель отечественной правовой лингвистики А. А. Ушаков, *«наука о словесном мастерстве законодателя»* [14, с. 77]. Для этого необходимо продолжать: 1) осуществлять качественный отбор будущих сотрудников системы МВД России; 2) организовывать образовательный процесс таким образом, чтобы он соответствовал современным требованиям и запросам (здесь и соответствие установленным федеральным государственным образовательным стандартам; и соответствие современным запросам правоохранительной системы, учитывающим всю сложность и изменчивость современного мира) и, соответственно, обеспечивал подготовку сотрудников необходимой квалификации; 3) обеспечивать своевременную переподготовку и повышение квалификации действующих (практикующих) сотрудников; 4) создавать необходимую материально-техни-

ческую базу для внедрения технологий искусственного интеллекта в правотворческую деятельность системы МВД России (и их последующего использования в разумных пределах), и ряд иных действий.

Список источников

1. Федеральный закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 23. Ст. 2199.
2. Постановление Правительства РФ от 13 августа 1997 г. № 1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 33. Ст. 3895.
3. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 8 июня 2009 г. № 195 «Об утверждении списка грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации» // Российская газета. 2009. 21 авг.
4. Приказ Минюста России от 31 августа 2023 г. № 222 «Об утверждении Методических указаний по юридико-техническому оформлению нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти» // URL: www.pravo.gov.ru
5. Приказ МВД России от 27 июня 2003 г. № 484 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов в центральном аппарате МВД России» // URL: www.pravo.gov.ru
6. Приказ МВД России от 20 июня 2012 г. № 615 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в органах внутренних дел Российской Федерации» // URL: www.pravo.gov.ru
7. Багана Ж., Кривчикова Н. Л. Стилистические характеристики законодательного текста // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 6 (149). С. 49–53.
8. Белоконов Н. В. Языковые ошибки и дефекты в нормативных правовых актах, проектах нормативных правовых актов и иных юридических документах // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2016. № 4 (27). С. 104–115.
9. Белянская О. В. Язык и стиль нормативных актов как элемент юридической техники // Актуаль-

ные проблемы государства и права. 2018. Т. 2. № 7. С. 23–34.

10. Иеринг Р. фон. Борьба за право / пер. с нем. [и предисл.] П. П. Волкова. М. : Изд. К.Т. Солдатенкова: тип. Грачева и К., 1874.

11. Иеринг Р. фон. Юридическая техника / пер. с нем. Ф. С. Шендорфа. СПб. : Типо-лит. А.Г. Розена (А.Е. Ландау), 1905.

12. Крюкова Е. А., Крыжановская Л. А. Методические рекомендации по лингвистической экспертизе законопроектов. М. : Издание Государственной думы, 2013.

13. Оглезнев В. В., Суровцев В. А., Дидикин А. Б. Аналитическая философия права: теория лингвистического значения, Л. Витгенштейн и границы права. М., 2023.

14. Ушаков А.А. Избранное: Очерки советской законодательной стилистики. Право и язык. М. : РАП, 2008.

15. Хабибулина Н. И., Аннадурдыева Н. И. Особенности языка закона // Образование и право. 2023. № 5. С. 107–111.

16. Шепелев А. Н. Юридический язык в правотворческом процессе // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 11 (103). С. 350–354.

17. Юридическая техника: учебник / под ред. В. М. Баранова. М. : Проспект, 2021.

18. Обзор нарушений и недостатков, допущенных подразделениями (органами, организациями) системы МВД России при подготовке проектов нормативных правовых актов в 2023 г. // Архив Договора-правового департамента МВД России.

19. Обзор характерных ошибок, встретившихся в проектах документов в ходе юридико-лингвистической экспертизы в 2021–2022 гг. // Архив Договора-правового департамента МВД России.

References

1. Federal Law № 53-FZ of June 1, 2005 «On the State Language of Russia» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2005. № 23. Art. 2199.

2. Decree of the Government of the Russian Federation of August 13, 1997 № 1009 «On Approval of the Rules for the preparation of regulatory legal acts of Federal Executive authorities and their state registration» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1997. № 33. Art. 3895.

3. Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation № 195 dated June 8, 2009 «On Approval of the List of Grammars, dictionaries and reference books containing the norms of the modern Russian literary language when it is used as the Official Language of the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. 2009. Aug 21.

4. Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated August 31, 2023 № 222 «On Approval of Methodological guidelines for the legal and technical design of regulatory legal acts of Federal Executive authorities» // URL: www.pravo.gov.ru

5. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated June 27, 2003 № 484 «On Approval of the Rules for the Preparation of Normative Legal Acts in the Central Office of the Ministry of Internal Affairs of Russia» // URL: www.pravo.gov.ru

6. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated June 20, 2012 № 615 «On approval of Instructions on office work in the internal affairs bodies of the Russian Federation» // URL: www.pravo.gov.ru

7. Bagana J., Krivchikova N. L. Stylistic characteristics of the legislative text // Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Humanities, 2013. № 6 (149). P. 49–53.

8. Belokon N. V. Linguistic errors and defects in normative legal acts, draft normative legal acts and other legal documents // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. 2016. № 4 (27). P. 104–115.

9. Belyanskaya O. V. Language and style of normative acts as an element of legal technique // Actual problems of the state and law. 2018. Vol. 2. № 7. P. 23–34.

10. Iering R. von. The Struggle for Law / transl. from German [and preface] by P. P. Volkov. М. : Publishing house of K.Т. Soldatenkov: type. Gracheva and K., 1874.

11. Eering R. von. Legal technology / translated from German by F. S. Shendorf. St. Petersburg : Typo-lit. by A.G. Rosen (A.E. Landau), 1905.

12. Kryukova E. A., Kryzhanovskaya L. A. Methodological recommendations on linguistic expertise of draft laws. М. : Edition of the State Duma, 2013.

13. Ogleznev V. V., Surovtsev V. A., Didikin A. B. Analytical philosophy of law: theory of linguistic meaning, L. Wittgenstein and the Boundaries of Law. М., 2023.

14. Ushakov A.A. Selected works: Essays on Soviet legislative stylistics. Law and Language. М. : RAP, 2008.

15. Khabibulina N. I., Annadurdieva N. I. Features of the language of law // Education and law. 2023. № 5. P. 107–111.

16. Shepelev A. N. The legal language in the law-making process // Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities. 2011. № 11 (103). P. 350–354.

17. Legal technology: textbook / edited by V. M. Baranov. M. : Prospect, 2021.

18. Review of violations and deficiencies committed by divisions (bodies, organizations) of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the preparation of draft re-

gulatory legal acts in 2023 // Archive Contractual-the Legal Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

19. An overview of the characteristic errors encountered in draft documents during the legal and linguistic expertise in 2021-2022 // Archive of the Contractual and Legal Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Информация об авторах

В. И. Попов — доцент кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

К. А. Раков — доцент кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the authors

V. I. Popov — Associate Professor of the Department of Theory of State and Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

K. A. Rakov — Associate Professor of the Department of Theory of State and Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.03.2025; одобрена после рецензирования 31.03.2025; принята к публикации 25.04.2025. The article was submitted 02.03.2025; approved after reviewing 31.03.2025; accepted for publication 25.04.2025.

	КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО РОССИИ
	2-е изд., перераб. и доп. Учебник Гриф НИИ образования и науки Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник» Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований Под ред. Г. А. Гаджиева, Б. С. Эбзеева; под общ. ред. П. А. Кучеренко, Н. М. Чепурновой, Л. Т. Чихладзе
	Учебник подготовлен с учетом изменений, внесенных в Конституцию Российской Федерации в 2020 г., а также изменений, внесенных в законодательство Российской Федерации в связи с конституционной реформой. Дан комплексный анализ основных конституционно-правовых институтов, раскрыта их правовая природа. Рассматриваются наиболее актуальные современные теоретические разработки конституционно-правовой науки и правоприменительной практики. Исследованы новые для конституционных норм понятия, проанализировано изменение правового статуса органов публичной власти. Для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция».

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-109-116>

EDN: <https://elibrary.ru/mxwoyc>

НИОН: 2003-0059-3/25-307
MOSURED: 77/27-003-2025-03-506

Весы Фемиды: ретроспектива и компаративистика изменений института прекращения уголовного преследования

Виктор Викторович Пушкарев

Московский Университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, Vvp77@rambler.ru

Аннотация. Проводится юридико-генетическое и сравнительно-правовое исследование эволюции институтов обвинения и прекращения уголовного преследования. Анализируются исторические этапы развития института прекращения уголовного преследования, проводится сравнительный анализ его функционирования в различных правовых системах. Выявлена взаимосвязь правовых норм с социально-политическим контекстом эпохи. Исследование показало продуктивность историко-правового и сравнительно-правового подходов к изучению правовых институтов. Научная новизна исследования заключается в комплексном диахроническом анализе эволюции института прекращения уголовного преследования, раскрытии его генетических связей и трансформаций в различных правовых системах. Полученные результаты имеют значение в обоснованной возможности использования исторического опыта для совершенствования современного уголовно-процессуального законодательства и практики его применения в целях обеспечения оптимального соотношения между публичным интересом уголовного преследования и защитой прав и законных интересов личности при прекращении уголовного преследования.

Ключевые слова: уголовное преследование, досудебное производство, уголовное судопроизводство, обвинение

Для цитирования: Пушкарев В. В. Весы Фемиды: ретроспектива и компаративистика изменений института прекращения уголовного преследования // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 3. С. 109–116. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-109-116>. EDN: MXWOYC.

Original article

Scales of Themis: a retrospective and comparative analysis of changes in the institution of termination of criminal prosecution

Victor V. Pushkarev

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Moscow, Russia, Vvp77@rambler.ru

Abstract. Legal-genetic and comparative-legal study of the evolution of the institutes of prosecution and termination of criminal prosecution is carried out. The historical stages of development of the institution of termination of criminal prosecution are analyzed, a comparative analysis of its functioning in different legal systems is carried out. The interrelation of legal norms with the socio-political context of the epoch is revealed. The study has shown the productivity of historical-legal and comparative-legal approaches to the study of legal institutions. The scientific novelty of the study lies in a comprehensive diachronic analysis of the evolution of the institute of termination of criminal prosecution, revealing its genetic links and transformations in different legal systems. The obtained results have significance in the justified possibility of using historical experience to improve modern criminal procedural legislation and the practice of its application, in order to ensure an optimal balance between the public interest of criminal prosecution and the protection of rights and legitimate interests of the individual in the termination of criminal prosecution.

Keywords: criminal prosecution, pre-trial proceedings, criminal proceedings, prosecution

For citation: Pushkarev V. V. Scales of Themis: a retrospective and comparative analysis of changes in the institution of termination of criminal prosecution. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(3):109–116. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-109-116>. EDN: MXWOYC.

Институт прекращения уголовного преследования является ключевым элементом современного уголовного процесса, обеспечивающим его гибкость, гуманность и эффективность. Его появление и развитие являются результатом длительного исторического процесса, уходящего корнями в древние правовые системы.

Проброобраз современного института прекращения уголовного преследования появился в первой разви-

той правовой системе. Как отмечал И. А. Покровский, «римское право знало несколько способов прекращения уголовного преследования, которые можно рассматривать как прототипы современных институтов» [26, с. 204].

В ранний период развития Древнего Рима (царский и ранняя Республика) прекращение дел было ограничено и зависело от воли сторон, особенно в общественно значимых преступлениях [25, с. 25–26]. В

© Пушкарев В. В., 2025

период Республики важными основаниями стали примирение сторон (*compositio*) и помилование (*venia*), предоставляемое народными собраниями или магистратами [14, с. 37–38].

В позднюю Республику и начало Империи добавились основания, такие как давность (*praescriptio*) и амнистии (*amnistia*), которые объявлялись по значимым событиям [20, с. 54–56].

В имперский период институт прекращения преследования стал более систематизированным: в него была включена недостаточность доказательств (*insufficientia probationum*).

Проведенный анализ правовых достижений исследуемой эпохи акцентирует внимание на концептуальной дифференциации институтов милосердия и помилования, что является значительным античным достижением в области правового регулирования.

Амнистия как форма помилования обозначалась термином «*amnestia*» и институционализировалась в двух основных видах: «*abolitio generalis*», подразумевавшей общее прекращение производства по уголовным делам, и «*restitutio damnatorum*», предусматривавшей освобождение лиц, уже подвергшихся уголовному осуждению. Данная классификация подчеркивает необходимость различения между широкими мерами освобождения, касающимися всех субъектов, и индивидуальными решениями, направленными на восстановление прав конкретных лиц. При этом, особого юридического статуса и высшей легитимности достигло императорское помилование — «*indulgentia generalis*», чья правовая природа основывалась на так называемом праве интерцессии — «*ius intercessionis*» [2, с. 11].

Данное правовое установление детерминировало возможность императора приостанавливать течение судебного процесса. Этим демонстрировалось иерархическое превосходство монаршей воли в системе отправления правосудия. За имперской властью закреплялась исключительная прерогатива в вопросах уголовно-правовой политики.

Активное применение исследуемого института уголовного судопроизводства со стороны императорской власти для реализации дискреционных полномочий в форме актов помилования и амнистии [24, с. 78–80] предполагает тезис о его системообразующей роли, которую императоры исторически придавали данным мерам в архитектуре государственного управления и стратегии политической власти.

Анализ правоприменительной практики института *indulgentia generalis* позволяет выделить не-

сколько ключевых аспектов, касающихся как положительных, так и негативных последствий его реализации, обусловленной дискреционными полномочиями, сопряженными с возможностью прекращения уголовного преследования и изменения санкций.

В первую очередь, следует отметить, что данная мера не только завершала уголовное преследование, но и предоставляла возможность для смягчения или полной отмены санкций, что создавало предпосылки для злоупотреблений со стороны должностных лиц.

Свидетельства Светония, репрезентирующие механизмы коррупционного симбиоза власти и судебной системы, выразившиеся в коммерциализации правосудия и селективном применении уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм, демонстрируют институционализацию противоправных практик, включая симоническую торговлю должностями (*simonia*) и теневую легализацию судебного произвола (*arbitrium iudicis*), где оправдательные решения детерминировались не установлением объективной истины (*veritas*), а корыстными интересами правящей элиты. Указанная стратегия сознательного продвижения «хищных чиновников» (*officiales rapaces*) с последующей их дискредитацией через механизмы репрессивного правоприменения (*repressivum ius*) раскрывает инструментализацию права как средства циклического перераспределения ресурсов, при котором правовые институты трансформируются в инструмент внесудебного давления (*pressio extrajudiciali*) и экономической эксплуатации. Данные процессы релевантны концепции «управляемой правовой аномии», где декларация законности служит фасадом для системной коррупции, нивелирующей базовые принципы «*ius talionis*» и «*aequitas*», что в перспективе ведет к эрозии легитимности власти (*crisis legitimitatis*) и деформации публично-правового порядка (*ordo publicus*) [31].

Указанная ситуация девальвирует принцип неотвратимости наказания и дискредитирует фундаментальные основы уголовного судопроизводства, ориентированного на обеспечение законности и справедливости, нивелируя, тем самым, легитимность применения «*indulgentia generalis*» как правового института и актуализируя необходимость строгой регламентации и надлежащего контроля за институтами, предоставляющими широкие дискреционные полномочия в сфере уголовного преследования.

Проведенный анализ текста позволяет констатировать, что институт «*indulgentia generalis*» в контексте античной правовой системы обладал двойст-

венной природой, сочетая процессуально-прекратительную функцию (окончание расследования) и материально-правовую модификацию (смягчение или аннулирование санкции), что создавало предпосылки для системных злоупотреблений, подрывающих принципы правовой определенности и равенства перед законом, что строго подчеркивает необходимость серьезного регулирования, контроля и надзора за использованием таких институтов, чтобы предотвратить их превращение в инструмент произвола и манипуляции со стороны власти.

В конечном счете, злоупотребления, о которых говорится в источниках, ставят под сомнение не только легитимность применения «*indulgentia generalis*», но и общую эффективность уголовной политики, ориентированной на восстановление справедливости и соблюдение принципов правового государства.

П. И. Люблинский также констатирует неполноценность института амнистии на ранних этапах формирования судебной системы. Его утверждение о том, что процесс становления судебной системы допускал погашение прежнего обвинения и начало нового преследования [23, с. 12], свидетельствует о диффузности и недостаточной формализации уголовно-процессуальных механизмов на рассматриваемом этапе. Возможность возобновления преследования после его прекращения, вероятно, обусловлена отсутствием четких юридических границ и гарантий, обеспечивающих окончательность решения о прекращении уголовного дела.

Дальнейшая эволюция института амнистии, развившаяся в дифференциации «*abolitio generalis*» на «*abolitio publica*» и «*abolitio privata*», демонстрирует начало процесса институционализации и формализации данного правового явления. Распространение обоих видов «*abolitio*» на лиц, в отношении которых не был вынесен судебный приговор, указывает на превентивный характер данного института и его ориентацию на прекращение уголовного преследования на досудебных стадиях или в ходе судебного разбирательства. Применение «*abolitio*» к деяниям, предусматривающим высшую меру наказания, подчеркивает значимость института амнистии как инструмента политико-правового урегулирования в отношении наиболее тяжких преступлений, что свидетельствует о постепенном наращивании его правового содержания и усложнении структуры. Налицо диалектический процесс трансформации института амнистии от дискреционного политико-правового инструмента к более формализованной юридической

конструкции с дифференцированной структурой и специфическим процессуальным статусом.

Как утверждают различные авторы, ключевые нормы института прекращения уголовного преследования касались публичного прекращения уголовного преследования (*abolitio publica*), т. е. «*abolitio* могло быть даровано императором или сенатом [6], а также предоставлялось в силу закона в некоторых случаях, например, в праздник Пасхи» [36, с. 78] или «в честь важных побед или рождения наследника престола» [30; 8].

Как отмечал Т. Моммзен: «Эти акты предписывали судам прекращать начатые процессы, с отдельными исключениями, к которым обыкновенно относились дела, влекущие смертную казнь. Это прекращение приносило пользу не только обвиняемому, но и обвинителю, находившемуся под угрозой строгой ответственности» [3, с. 458–459].

В евангельских рассказах также говорится об обычае отпускать одного заключенного на Пасху. Известно, что римский наместник (прокуратор) Иудеи Понтий Пилат, согласно новозаветным источникам (например, Евангелие от Матфея 27:15-26) [17], действительно упоминается в контексте обычая освобождать одного узника по случаю иудейской Пасхи. Этот эпизод описывает, как Пилат предлагает толпе выбрать между Иисусом Христом и Вараввой, что может ассоциироваться с практикой амнистии или милосердия в римской административной традиции. Но скорее всего, это было попыткой умиротворить толпу, нежели чем факт правоприменения римских норм в обычном юридическом смысле понятия «*abolitio publica*», поскольку механизмы помилования (например, *abolitio, venia*), применялись только императором или сенатом, а не прокураторами, вроде Пилата.

Отсутствие упоминаний у Иосифа Флавия и Филона Александрийского, которые детально описывали конфликты Пилата с иудеями, делает маловероятным существование регулярной «пасхальной» амнистии.

Например, Иосиф Флавий, иудейско-римский историк I в., в своих трудах рассказывает о конфликтах Пилата с иудеями, но не упоминает обычай освобождения узников на Пасху. В «Иудейских древностях» (ок. 93–94 гг. н. э.) он описывает Инцидент с римскими штандартами (Иуд. др. 18.3.1–2); Строительство акведука на средства из Храма (Иуд. др. 18.3.2); Подавление самаритянского восстания (Иуд. др. 18.4.1–2), но ни в одном из этих эпизодов нет упоминания о пасхальной амнистии. В «Иудейской войне»

(ок. 75–79 гг. н. э.) Пилат также не связывается с подобной практикой [1].

Критикуя Пилата в трактате «Посольство к Гаю» (ок. 41–53 гг. н. э.), Филон Александрийский указывает на его чрезмерную жестокость и пренебрежение иудейскими обычаями, но также не упоминает освобождение узников (*Legatio ad Gaium* 299–305) [4].

Исследование классических римских источников (Тацит, Светоний, Плиний Старший) свидетельствует об отсутствии упоминаний пасхальных амнистий, в них не говорится о Пилате, хотя краткое упоминание казни Иисуса у Тацита (*Анналы* 15.44) есть [7].

Таким образом, значимость описываемых эпических событий и евангельских текстов сложно переоценить, однако упомянутая в Евангелиях практика не является аналогией исследуемой римской уголовно-процессуальной традиции. Нет такой формулировки и в классических римских источниках (законы, хроники). Хотя Пилат, согласно христианской традиции, использовал практику освобождения узника на Пасху, называть это «*abolitio publica*» некорректно с точки зрения римского права. Это, скорее, описание локального эпизода, местного обычая или договоренности, но не практики применения общеимперской юридической (уголовно-процессуальной) нормы ненадлежащим субъектом уголовно-процессуальных отношений.

Наряду с публичным, существовало и частное прекращение преследования — *abolitio privata*. По словам Д. В. Дождева, «*abolitio privata* применялось в делах частного обвинения, когда обвинитель отказывался от дальнейшего преследования» [15, с. 523].

Еще одним важным институтом была *indulgentia* — помилование, которое могло быть предоставлено императором. М. Х. Гарсия Гарридо подчеркивает: «*Indulgentia* могла применяться как до, так и после вынесения приговора, фактически прекращая уголовное преследование» [11, с. 289].

По мнению А. В. Смирнова: «Многие современные основания для прекращения уголовного преследования, такие как примирение сторон или деятельное раскаяние, имеют аналоги в римском праве» [32, с. 136]. Однако, нельзя забывать об отечественной правовой традиции, которая также богата памятниками права, содержащими соответствующие нормы, подлежащие изучению, анализу и интерпретации.

М. Ф. Владимирский-Буданов в своем труде «Обзор истории русского права» отмечал: «Уже в Русской Правде мы находим зачатки института прекращения уголовного преследования, что свидетель-

ствует о высоком уровне развития правовой мысли в Древней Руси» [9, с. 201]. В законодательстве Древней Руси, в частности в Русской Правде (начало XII в.), содержались положения, касающиеся прекращения уголовного преследования. Обвиняемый мог быть освобожден от ответственности в случае примирения с потерпевшим или возмещения ущерба [16, с. 23–25]. Интересно отметить влияние римского, а позже и церковного права на развитие исследуемого уголовно-процессуального института. В. О. Ключевский отмечал, что церковь внесла в русское право идеи покаяния и прощения, что нашло отражение в прекращении уголовного преследования [19].

Итак, развитие института прекращения уголовного преследования в праве отразило переход от частного к публичному праву и формирование комплексной правовой системы. Принципы и механизмы, разработанные в римском праве, оказали значительное влияние на законодательство средневековой Европы и современные правовые системы многих стран [35, с. 92–95]. Известные ученые отмечали: «В средневековом каноническом праве идеи прощения и покаяния, восходящие к римской *indulgentia*, получили дальнейшее развитие» [18, с. 178], а «церковное право развивало идею покаяния и прощения, что оказывало влияние на светское правосудие. В некоторых случаях преступник мог избежать наказания, если демонстрировал искреннее раскаяние или совершал акты благочестия» [37, с. 256].

Период средневекового Московского государства также ознаменовался дальнейшим развитием института прекращения уголовного преследования. Судебники 1497 и 1550 гг. предусматривали различные способы прекращения уголовного. С. В. Юшков подчеркивал: «Судебники закрепили ряд важных принципов, в том числе возможность прекращения дела по примирению сторон, что свидетельствует о гибкости судебной системы того времени» [38, с. 89–92].

Один из древнейших способов прекращения уголовного преследования — примирение сторон (поллюбовное соглашение), основанный на достижении соглашения между обвиняемым и потерпевшим, происходил как до начала, так и во время судебного процесса. В последнем случае стороны не освобождались от уплаты пошлин [27, с. 71–72].

В Судебнике 1550 г. предусматривалось примирение до начала судебного поединка («поля»), при этом взималась особая пошлина. На практике, если примирение происходило после начала поединка, пошлина взималась с обеих сторон. Примирение могло

включать выплату компенсации потерпевшему или иное возмещение ущерба [27, с. 75].

Выкуп (композиция) был формой прекращения уголовного дела, при которой обвиняемый выплачивал определенную сумму денег потерпевшему или государству. Сумма выкупа зависела от тяжести преступления и общественного статуса сторон. Клятва и присяга также могли прекратить уголовное преследование, если обвиняемый приносил клятву или присягу о своей невиновности, подкрепленную свидетельскими показаниями [27, с. 76–78]. Волостное собрание могло принимать решение о прекращении дела, рассматривая все значимые обстоятельства, что, кстати, подчеркивает роль местного самоуправления, общественного контроля и коллективного решения в важных общественных (уголовно-процессуальных) отношениях [27, с. 79].

Большинство исследователей сходятся во мнении, что институт прекращения уголовного преследования в его современном понимании впервые оформился в англосаксонском праве, что отмечает Л. В. Головкин: «В Англии XVII–XVIII вв. сформировался принцип дискреционного преследования (*discretionary prosecution*), согласно которому обвинитель мог отказаться от преследования по своему усмотрению. Этот принцип стал основой для развития института прекращения уголовного преследования в странах общего права» [12, с. 89]. Следует дополнить, что описываемый принцип дискреционного преследования, возникший в контексте частного уголовного преследования, был обусловлен отсутствием развитой системы правоохранительных органов, прежде всего, профессиональной и централизованной прокуратуры, а дискреция частного обвинителя была естественным и часто вынужденным элементом системы уголовного преследования.

Вполне понятно, что сегодня система частного преследования в странах общего права постепенно уступила место публичному преследованию (публичной прокуратуре), соразмерно, что традиционная правовая идея дискреции сохранилась, но существенным образом трансформировалась.

Так, современные прокуроры в странах общего права (США, Канада, Австралия, Великобритания и др.) обладают значительной дискрецией в принятии решений: о начале уголовного преследования, вообще; о сути и содержании обвинения; о прекращении дела на определенном этапе; о предложении сделки о признании вины.

Например, в п. 9-27.220 «Основания для решения об отказе от федерального уголовного преследова-

ния» внутреннего руководства федеральных прокуроров США перечисляются факторы, которые федеральный прокурор должен учитывать при решении, следует ли возбуждать дело, даже если есть достаточные доказательства вины. Эти факторы включают: федеральный интерес к преследованию, существенность преступления, историю преступлений обвиняемого, сотрудничество обвиняемого, наличие альтернативных процедур и т. д. [43].

В этой связи А. Г. Волеводз отмечает: «Сегодня этот институт стал важным инструментом уголовной политики, позволяющим экономить ресурсы системы правосудия и индивидуализировать подход к каждому случаю. В США, например, до 95 % уголовных дел разрешаются без проведения судебного разбирательства, в том числе путем прекращения уголовного преследования» [10, с. 18].

Небезосновательно представляется и находят конкретные подтверждения в официальных источниках мнение, что такой круг полномочий прокурора (дискреция) вынужден быть ограничен законом, этическими нормами, судебным, общественным и антикоррупционным контролем, поскольку без надлежащих правовых, процессуальных и даже экономических гарантий идея дискреционного преследования может быть скомпрометирована результатами процессуальной деятельности данных участников уголовно-процессуальных отношений, что также подтверждается результатами применения ретроспекции.

Следует привести прецедентные нормы, ограничивающие абсолютную дискрецию прокуроров. Например, в США суды могут проверять злоупотребления (*United States v. Armstrong*, 1996) [39], а в Великобритании — признавать прекращение дел «злоупотреблением процесса» (*R. v. Abu Hamza*, 2006) [40]. Последнее обстоятельство легло в основу подробного анализа соответствующих злоупотреблений в Кодексе королевских прокуроров Великобритании (*The Code for Crown Prosecutors*), который также прямо указывает на случаи судебной дискреции, применявшейся для «дисциплинарного воздействия» на сторону обвинения [41; 42], что также свидетельствует о злоупотреблениях полномочиями со стороны судебной власти, выносившей решения о прекращении уголовного преследования.

В континентальной Европе развитие института прекращения уголовного преследования шло несколько иным путем.

Реформы Петра I внесли значительные изменения в уголовное право и процесс Российской Импе-

рии. Указ о наказаниях уголовных и исправительных 1715 г. и Артикул воинский 1716 г. содержали нормы о прекращении уголовного преследования по различным основаниям, включая примирение сторон и помилование [28, с. 96]. Н. С. Таганцев в своих «Лекциях по русскому уголовному праву» отмечал: «Петровские реформы, несмотря на их жесткость, сохранили и развили институт прекращения уголовного преследования, особенно в отношении менее тяжких преступлений» [33].

«Во Франции начала XIX в. формируется принцип целесообразности уголовного преследования (*l'opportunité des poursuites*), который противопоставлялся принципу законности. Франция была одной из первых стран, где этот принцип получил законодательное закрепление в Уголовно-процессуальном кодексе Франции 1808 г.» [13, с. 205].

Судебная реформа 1864 г., введенная Судебными уставами Александра II, установила более современные принципы в уголовном процессе, в том числе возможность прекращения уголовного преследования по соглашению сторон и в случае недостаточности доказательств [29, с. 57–61]. По мнению А. Ф. Кони: «Реформа 1864 г. внесла дух гуманности и справедливости в уголовный процесс, расширив возможности для прекращения уголовного преследования» [21, с. 48], а «введение института прекращения уголовного преследования по реабилитирующим основаниям стало важным шагом к гуманизации российского правосудия» [22, с. 112].

В Германии институт прекращения уголовного преследования развивался в рамках концепции *Opportunitätsprinzip*, которая была закреплена в Уголовно-процессуальном уложении 1877 г. [32, с. 134–136].

После Октябрьской революции 1917 г. было разработано новое уголовное законодательство, но, несмотря на его классовый характер, сохранило институт прекращения уголовного преследования, придав ему новое содержание, включив такие основания, как отсутствие состава преступления, амнистию и помилование [34, с. 25–27].

Правовой и теоретический анализ источников позволяет сделать вывод о развитии норм уголовно-процессуального законодательства в различных странах континентальной Европы в равном направлении, несмотря на совершенно разные предпосылки и общественно-политические ситуации.

Нормы института прекращения уголовного преследования прошли долгий путь развития от древних форм помилования до современного сложного право-

вого механизма. Его истоки можно найти в различных правовых традициях. В России он эволюционировал от Русской Правды до современных норм Уголовно-процессуального кодекса РФ 2001 г., включая такие институты, как примирение сторон, амнистия и помилование. Эти нормативные модификации, а также динамика изменений редакции ст. 27 УПК РФ и отражение правовых позиций в мнениях высших судебных инстанций в своей совокупности безусловно указывают на внимание к данному институту со стороны законодательных и судебных органов власти, а также правоприменителей и теоретиков права, что отражает баланс между интересами общества в борьбе с преступностью и необходимостью гуманного отношения к лицам, совершившим менее тяжкие преступления, демонстрируют важность справедливости в уголовном процессе, а исследование исторических и зарубежных норм, регламентирующих порядок уголовного судопроизводства и практики их применения, способствуют успешной адаптации нормативного опыта к современным реалиям эффективного уголовного процесса в России.

Список источников

1. Josephus, Flavius. *Jewish Antiquities*, Books XVIII–XIX. Translated by Louis H. Feldman. Loeb Classical Library 433. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1965.
2. Legoux, J. *Du droit de grâce en France comparé avec les législations étrangères, commenté par les lois, ordonnances, décrets, lettres patentes, déclarations, édits royaux, arrêts de parlements, de la Cour de cassation et de cours impériales, avis du conseil d'état, décisions et circulaires ministérielles, instructions de l'administration de l'exregistrement, etc. depuis 1349 jusqu'en 1865*. Paris, 1863.
3. Mommsen Th. *Römisches Strafrecht*. Leipzig, 1899.
4. Philo. *On the Embassy to Gaius*. Translated by F. H. Colson. Loeb Classical Library 379. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1962.
5. Seger Th. *De abolitione veteri et bodierna*. Lipsiae, 1778. Herrmannus A. *De Abolitionibus Criminum Ex Sententia Iuris Romani*. Lipsiae, 1894. Merzel J. *Ueber Begnadigungskompetenz im römischen Reichte*. Lipsiae, 1881.
6. Sherwin-White A. N. *Roman Society and Roman Law in the New Testament*. Oxford: Oxford University Press, 1963.
7. Tacitus. *The Annals*. Translated by John Jackson. Loeb Classical Library 322. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1937.

8. Бартошек М. Римское право (понятия, термины, определения) // URL: <https://ancientrome.ru/dictio/bart/index.htm>
9. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д., 1995.
10. Волеводз А. Г., Литвишко П. А. Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон в современном уголовном процессе // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 4. С. 16–25.
11. Гарсиа Гарридо М. Х. Римское частное право: Казусы, иски, институты / пер. с испан. М., 2005.
12. Головкин Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002.
13. Гуценко К. Ф., Головкин Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. М., 2001.
14. Дигесты Юстиниана. Т. 1. М.: Наука, 1984.
15. Дождев Д. В. Римское частное право: учебник для вузов. М., 2008.
16. Древняя Русь и Московское государство / отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1985.
17. Евангелие от Матфея 27:15-26 (Синодальный перевод) // URL: <https://only.bible/bible/sinodal/mt/27/>
18. Исаев И. А. История государства и права России: учебник. М., 2004.
19. Ключевский В. О. Курс русской истории. Лекция 5 // URL: <http://www.spsl.nsc.ru/history/kluch/kluch54.htm>
20. Ковалев С. И. История Рима. Л., 1986.
21. Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе. Избранные работы. М., 2024.
22. Кони А. Ф. Отцы и дети судебной реформы. М., 2003.
23. Люблинский П. И. Право амнистии: Историко-догматическое и политическое исследование. СПб., 1907.
24. Машкин Н. А. История Древнего Рима. М., 1956.
25. Покровский И. А. История римского права. М., 2004.
26. Покровский И. А. История римского права. СПб., 1998.
27. Российское законодательство X–XX веков / под общ. ред. О. И. Чистякова. В 9 т. М., 1984–1994.
28. Российское законодательство X–XX веков / отв. ред. А. Д. Горский. М., 1985.
29. Российское законодательство X–XX веков. Т. 8. Судебная реформа. М., 1991.
30. Савельев В. А. Римское частное право (проблемы истории и теории). М., 1995.
31. Светоний. Жизнеописание двенадцати цезарей / пер. и прим. Д. П. Кончаловского. М.; Л., 1933. Калигула: 15; Клавдий: 16.
32. Смирнов А. В. Модели уголовного процесса. СПб., 2000.
33. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. СПб., 1902.
34. Уголовное законодательство РСФСР. М., 1972.
35. Утченко С. Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи. М., 1969.
36. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. СПб., 1996.
37. Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права. СПб., 1995.
38. Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М., 1939.
39. *United States v. Armstrong*, 517 U.S. 456 (1996) // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/517/456/>
40. *R. v. Abu Hamza*, 2006 // URL: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Crim/2006/2918.html>
41. URL: <https://www.cps.gov.uk/legal-guidance/abuse-process>
42. *DPP v Gowing* [2013] EWHC 4614 (Admin) // URL: <https://www.cps.gov.uk/legal-guidance/abuse-process>
43. *United States Attorneys' Manual (USAM)* раздел 9-27.000 «Principles of Federal Prosecution» // URL: <https://www.justice.gov/usam/usam-9-27000-principles-federal-prosecution>

References

1. Josephus, Flavius. *Jewish Antiquities*, Books XVIII–XIX. Translated by Louis H. Feldman. Loeb Classical Library 433. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1965.
2. Legoux, J. *Du droit de grâce en France comparé avec les législations étrangères, commenté par les lois, ordonnances, décrets, lettres patentes, déclarations, édits royaux, arrêts de parlements, de la Cour de cassation et de cours impériales, avis du conseil d'état, décisions et circulaires ministérielles, instructions de l'administration de l'exregistrement, etc. depuis 1349 jusqu'en 1865*. Paris, 1863.
3. Mommsen Th. *Römisches Strafrecht*. Leipzig, 1899.
4. Philo. *On the Embassy to Gaius*. Translated by F. H. Colson. Loeb Classical Library 379. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1962.
5. Seger Th. *De abolitione veteri et bodierna*. Lipsiae, 1778. Herrmannus A. *De Abolitionibus Criminum Ex Sententia Iuris Romani*. Lipsiae, 1894. Mercel J. *Ueber Begnadigungskompetenz im römischen Reichte*. Lipsiae, 1881.

6. Sherwin-White A. N. Roman Society and Roman Law in the New Testament. Oxford: Oxford University Press, 1963.
7. Tacitus. The Annals. Translated by John Jackson. Loeb Classical Library 322. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1937.
8. Bartoszek M. Roman law (concepts, terms, definitions) // URL: <https://ancientrome.ru/dictio/bart/index.htm>
9. Vladimirovsky-Budanov M. F. Review of the history of Russian law. Rostov n/D., 1995.
10. Volevodz A. G., Litvishko P. A. Termination of a criminal case in connection with reconciliation of the parties in the modern criminal process // Criminalist Library. Scientific journal. 2015. № 4. P. 16–25.
11. Garcia Garrido M. H. Roman private law: Incidents, lawsuits, institutions / translated from Spanish. M., 2005.
12. Golovko L. V. Alternatives to criminal prosecution in modern law. St. Petersburg, 2002.
13. Gutsenko K. F., Golovko L. V., Filimonov B. A. Criminal procedure of Western states. M., 2001.
14. Justinian's Digests. Vol. 1. M. : Nauka, 1984.
15. Dozhdev D. V. Roman private law: textbook for universities. M., 2008.
16. Ancient Rus and the Moscow state / Edited by B. A. Rybakov. M., 1985.
17. The Gospel of Matthew 27:15-26 (Synodal translation) // URL: <https://only.bible/bible/sinodal/mt/27/>
18. Isaev I. A. History of the state and law of Russia: textbook. M., 2004.
19. Klyuchevsky V. O. Course of Russian history. Lecture 5 // URL: <http://www.spsl.nsc.ru/history/kluch/kluch54.htm>
20. Kovalev S. I. The history of Rome. L., 1986.
21. Koni A. F. Moral principles in the criminal process. Selected works. M., 2024.
22. Koni A. F. Fathers and children of judicial reform. M., 2003.
23. Lyublinsky P. I. The law of amnesty: Historical, dogmatic and political research. St. Petersburg, 1907.
24. Mashkin N. A. History of Ancient Rome. M., 1956.
25. Pokrovsky I. A. History of Roman law. M., 2004.
26. Pokrovsky I. A. History of Roman law. St. Petersburg, 1998.
27. Russian legislation of the X–XX centuries / under the general editorship of O. I. Chistyakova. In the 9th vol. M., 1984–1994.
28. Russian legislation of the X–XX centuries / ed. by A. D. Gorsky. M., 1985.
29. Russian legislation of the X–XX centuries. Vol. 8. Judicial reform. M., 1991.
30. Savelyev V. A. Roman private law (problems of history and theory). M., 1995.
31. Suetonius. The Biography of the Twelve Caesars / translated and edited by D. P. Konchalovsky. M. ; L., 1933. Caligula: 15; Claudius: 16.
32. Smirnov A. V. Models of the criminal process. St. Petersburg, 2000.
33. Tagantsev N. S. Russian criminal law. Lectures. The general part. In 2 vol. St. Petersburg, 1902.
34. Criminal legislation of the RSFSR. M., 1972.
35. Utchenko S. L. Ancient Rome. Events. People. Ideas. M., 1969.
36. Foyntsky I. Ya. Course of criminal justice. Vol. 2. St. Petersburg, 1996.
37. Cheltsov-Bebutov M. A. Course of criminal procedure law. St. Petersburg, 1995.
38. Yushkov S. V. Essays on the history of feudalism in Kievan Rus. M., 1939.
39. United States v. Armstrong, 517 U.S. 456 (1996) // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/517/456/>
40. R. v. Abu Hamza, 2006 // URL: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Crim/2006/2918.html>
41. URL: <https://www.cps.gov.uk/legal-guidance/abuse-process>
42. DPP v Gowing [2013] EWHC 4614 (Admin) // URL: <https://www.cps.gov.uk/legal-guidance/abuse-process>
43. United States Attorneys' Manual (USAM) раздел 9-27.000 «Principles of Federal Prosecution» // URL: <https://www.justice.gov/usam/usam-9-27000-principles-federal-prosecution>

Информация об авторе

В. В. Пушкарев — начальник кафедры противодействия преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about author

V. V. Pushkarev — Head of the Department for Combating Crimes in the Field of Information and Telecommunication Technologies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 25.03.2025; одобрена после рецензирования 21.04.2025; принята к публикации 16.05.2025.
The article was submitted 25.03.2025; approved after reviewing 21.04.2025; accepted for publication 16.05.2025.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-117-121>

EDN: <https://elibrary.ru/noapem>

НИОН: 2003-0059-3/25-308

MOSURED: 77/27-003-2025-03-507

К вопросу влияния норм морали и нравственности на формирование принципов гражданского права и реализацию его функций

Карина Каримовна Рамазанова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, virta-jane@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены понятия морали, нравственности, функций и принципов права, а также степень влияния моральных ценностей в обществе на формирование принципов права, которые, в свою очередь, отражаются в его функциях на примере гражданско-правовых отношений. Проанализированы некоторые статьи Гражданского кодекса Российской Федерации, содержащие морально-нравственные положения в качестве основания, имеющие ключевое значение для установления правоотношений между субъектами. Проанализирована судебная практика; проведен сравнительный анализ во взаимодействии нравственных устоев с гражданским и уголовным правом.

Ключевые слова: мораль, нравственность, функции права, принципы права, гражданское право, норма права, норма морали, гражданское общество, общество, мораль в праве

Для цитирования: Рамазанова К. К. К вопросу влияния норм морали и нравственности на формирование принципов гражданского права и реализацию его функций // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 3. С. 117–121. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-117-121>. EDN: NOAPEM.

Original article

On the issue of the influence of moral norms on the formation of the principles of civil law and the implementation of its functions

Karina K. Ramazanova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, virta-jane@mail.ru

Abstract. The concepts of morality, moral norms, functions and principles of law are considered, as well as the degree of influence of moral values in society on the formation of the principles of law, which, in turn, are reflected in its functions on the example of civil-law relations. Some articles of the Civil Code of the Russian Federation containing moral and moral provisions as a basis of key importance for the establishment of legal relations between subjects have been analyzed. Judicial practice is analyzed; comparative analysis in the interaction of moral foundations with civil and criminal law is carried out.

Keywords: morality, functions of law, principles of law, civil law, norm of law, norm of morality, civil society, society, morality in law

For citation: Ramazanova K. K. On the issue of the influence of moral norms on the formation of the principles of civil law and the implementation of its functions. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(3):117–121. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-117-121>. EDN: NOAPEM.

Может ли гражданское право оказывать влияние на нормы морали в обществе, тем самым, создавая гражданское, нравственное общество?

Нравственность и мораль, по мнению Ф. Ф. Королева, можно представить как совокупность таких факторов, как поведение человека, его чувства, суждения, мотивы поступков, отражающие в себе нормативную регуляцию отношений людей друг с другом и с обществом в целом [5, с. 191]. А. А. Гусейнов представляет нравственность как апогей развития объективного духа по Гегелю, т. е. дух общества, из

абстрактного права, которое интерпретируется как сфера частной собственности, формальной свободы в рамках сущей воли и абстрактного добра [1, с. 320].

Нормы нравственности и морали, в широком смысле, просматриваются как фундаментальное начало гражданского права с разных углов зрения. Эти опорные точки отражаются на каждом структурном элементе гражданского права, в его функциях, методе и принципах, а также на всех этапах реализации, в том числе при осуществлении гражданских прав, исполнении обязанностей, защите гражданских прав.

© Рамазанова К. К., 2025

Принципы гражданского права содержат в себе ожидания общества от права в целом. Запрос социума на благоприятный уровень жизни, который является целью любого здорового правового общества, невозможен без осознания того, от чего это общество хочет уйти, и к какому качеству жизни оно стремится. Право является регулятором общественных отношений. А принципы права являются вектором, задающим направление данного регулятора, закрепляя в себе те ценности и идеи, которые превозносятся в этом обществе, в конечном итоге формируя это самое общество и качество его жизни.

Е. В. Васьковский [3], И. Б. Новицкий [8], О. Н. Садиков [10], С. Н. Братусь [2], А. В. Коновалов [6] и многие другие известные ученые отводили принципам права широкий спектр влияния на право, говоря о том, что юридический принцип является целью, мотивом и источником создания правовой нормы, он не только создает, но обеспечивает правовое регулирование общественных отношений. В. В. Кулаков отмечает, что принципы права, как и обычаи, признаются государством, а не принимаются им [7, с. 186]. Это еще раз подчеркивает естественную для социума природу принципов права, потому как принципы права — это результат общественного запроса к государству, выражение общей направленности вектора общественного стремления к тому уровню жизни, к которому это общество морально и нравственно готово. Можно рассмотреть принципы права как предложение общества к государству, выраженное волей (как желание жить в безопасном обществе, с точки зрения понимания причинно-следственной связи между действием субъекта права и последствием, в рамках реакции общества на данный поступок), и волеизъявлением (как готовность к реализации и реализация согласованных в этом обществе ориентиров на реакцию в нем). Признание государством этих положений и закрепление их в контексте принципов права является, своего рода, акцептом, удовлетворением общественной потребности на понимание морально-нравственных ориентиров в правоотношениях субъектов права.

Гражданское право является максимально социальной отраслью права в сравнении с другими отраслями права, где отношения строятся в вертикальной плоскости и имеют назидательный характер. Линейность и равенство субъектов в гражданско-правовых отношениях создают в них особую структуру, кото-

рая выражается в некоторых функциях гражданского права, например в обеспечении социальной справедливости, равенстве субъектов права перед законом, гарантирует права и свободы каждого субъекта права. Гражданское право заключает в себе возможность индивида защищать свои права по отношению к государству, ставя их на равные перед законом позиции, создавая этим баланс между органами власти и гражданином. Гражданское право защищает право собственности субъектов, признавая ее как одну из базовых ценностей, создавая условия и гарантии для правовой реализации права собственности, стимулирует рост добросовестной конкуренции, совершенствуя правовую среду для благоприятного развития предпринимательской деятельности, создавая при этом условия для экономического процветания государства в целом.

Функции гражданского права рассматривались такими учеными, как Е. А. Суханов [12], А. Я. Рыженков [9], О. А. Серова [11], В. Ф. Яковлев [14], Л. В. Щенникова [13] в контексте устойчивой связи с принципами гражданского права. Такие функции, как охранительная, регулятивная, восстановительная, защитная, воспитательная, предупредительная, находятся в непосредственной связи с морально-нравственными нормами в обществе. О. В. Зайцев отмечает, что функции гражданского права ориентируясь на предмет и метод гражданско-правового регулирования определяют направление развития содержания норм права и определяются доктриной гражданского права, а, в свою очередь, ориентиром для внешнего проявления этого воздействия являются принципы права в качестве связующего элемента между нормой права и гражданско-правовой доктриной [4, с. 101].

К примеру, охранительная функция гражданского права направлена на поддержание субъектов в состоянии не нарушения прав друг друга. Данная функция не может быть отделима от нравственного контекста, потому, как для охраны гражданских прав является необходимым установление общего правового режима [15, с. 154], поддерживаемого признанием со стороны субъектов его легитимности и справедливости. Примером взаимодействия охранительной функции гражданского права и нравственностью может служить ст. 1 ГК РФ, где в рамках основных начал гражданского законодательства можно усмотреть морально-нравственные основы.

Гражданское законодательство призвано охранять равенство участников отношений, отстаивать неприкосновенность собственности, охранять беспрепятственное осуществление гражданских прав, основанное на собственной воле и интересе, охранять интересы добросовестных лиц и препятствовать извлечению преимуществ из незаконного и недобросовестного поведения. В каждой из этих позиций очевидно осуществление охранительной функции морали и нравственных устоев через право.

Защитная функция гражданского права предполагает реализацию мер, направленных на поддержание интересов стороны, уже подвергнувшейся ущемлению субъективных прав. В рамках примера судебной практики можно привести пример решение Белореченского районного суда Краснодарского края по делу № 2-2050/2024 [16], где рассматривалось исковое заявление о защите имущественных прав истца в деле по факту мошенничества. В данном деле истец требует признать кредитный договор ничтожным в силу заключения его в телефонном приложении, с номера телефона, который был заблокирован оператором связи несколько месяцев назад, разблокирован третьими лицами недавно, с явно противоправными целями; так же истец требует применить в рамках последствий недействительной сделки двустороннюю реституцию, и направить требование об исключении сведений по кредитному договору в бюро кредитных историй. Ответчик, будучи профессиональным участником отношений по кредитованию, ссылается на полное соблюдение законности и формы договора с использованием секретных смс кодов, как аналог собственноручной подписи. Суд в рамках вынесения решения по делу, обращения к Гражданскому кодексу РФ, и среди прочих, выделяет ст. 1, 167, 168, 169, 307, 10, 178, 179 ГК РФ, в которых наглядно прослеживается морально-нравственная основа как ключевое начало в защитной функции гражданского права. П. 2 ст. 167 ГК РФ демонстрирует реализацию восстановительной функции гражданского права через необходимость применения реституции. Ст. 169 ГК РФ признает сделку, имеющую целью установление в качестве результата факт противный основам нравственности и правопорядка, недействительной.

В уголовном праве ответственность, согласно мнению некоторых ученых, может трактоваться как позитивная, т. е. соблюдение запретов на противоправные действия, и негативная — наказание винов-

ного, уже совершившего преступное деяние, когда принудительные меры, указанные государством, применяются к лицу, поправшему закон. Соблюдение закона в контексте уголовного права также является нравственным поведением, которое вписывается в моральные общественные рамки. Ст. 43 УК РФ говорит о наказании, которое направлено на лицо, совершившее противоправное действие, на восстановление справедливости с социальной точки зрения: нарушил закон — получи по заслугам. Можно также утверждать о защитной функции уголовного права к обществу, которая призвана обеспечить торжество справедливости в виде примененных санкций по отношению к осужденному. Ответственность в уголовном праве направлена от общества и государства к субъекту, т. е. уголовное право преследует публичный интерес, удовлетворяя его осуждением нарушителя. Можно предположить, что уголовное право, как отрасль права, требует подчинения субъекта правилам поведения, принятым и надлежаще закрепленным в соответствующих источниках.

Гражданское право встает на защиту прав пострадавшего, преследует частный интерес, его защитная функция реализуется по отношению к правам ущемленного субъекта. Здесь же можно проследить включение компенсаторной функции, которая призвана с целью устранить нанесенный ущерб за счет причинителя вреда, тем самым восстановить/компенсировать имущественный баланс лица, которому причинен вред. Диспозитивность в гражданском праве открывает перед субъектом широкие возможности для осуществления своих прав, однако обязывает лицо действовать в рамках нравственных ориентиров, которые закрепляются в принципах права. Осуществление гражданских прав исходит от личности, которая обязана опираться на норму права, но действует согласно внутренней воле, что, в некотором смысле, роднит ее с нравственностью, поскольку она предполагает личную интерпретацию морали (общественных норм поведения) в субъективном выражении ее во вне.

Защита субъекта, чьи права нарушены, оказание правовой помощи в необходимой ситуации, когда субъект нуждается в восстановлении справедливости, характеризует существо гражданского права как цитадель моральных и нравственных стандартов, реализуемых во благо общественных интересов.

По своей сути закрепленные нормы гражданского права отражают в себе нормы морали, потому

как гражданскому обществу для гармоничного взаимодействия необходимы ориентиры, которые способны направлять и корректировать волеизъявление субъекта в отношениях с контрагентами и обществом в целом. Гражданское право как регулятор межсубъектных отношений является наиболее широким стабилизатором во взаимосвязях физических и юридических лиц в силу своей диспозитивности. Корректное функционирование гражданско-правовых идей обуславливается принципами гражданского права, например, принцип добросовестности и справедливости ясно отражается в применении принципа эстоппель. Согласно п. 5 ст. 166 ГК РФ закон обязывает стороны определиться с приемлемыми для себя условиями по сделке, и придерживаться их, не пытаясь приумножить свое состояние за счет предъявления недобросовестных требований по уже заранее оговоренным и взаимно одобренным условиям.

Важное место нравственные нормы занимают при регулировании недействительных сделок. Ничтожные сделки, мнимая и притворная сделка (ст. 170 ГК РФ), являются недействительными в силу определения их таковыми законом, изначально дается установка: если нет цели создать реальные правовые последствия, или недобросовестный субъект пытается одну сделку прикрыть другой, результат их действий ничтожен. Или, среди прочих причин недействительности сделок, ст. 178 и 179 ГК РФ указывают на порок воли, конфликт реальной воли, волеизъявления и правовых последствий. В этом случае, конечно, субъекту придется устанавливать цепочку событий ради признания сделки недействительной, однако ключевой причиной закон устанавливает поведение, противное нравственным ценностям, устоям. В доказательство следует привести сделку на основании доверенности, когда доверитель не в курсе о совершаемых действиях, однако закон может признать их правомерными в силу их добросовестности потому, что поверенный действует добросовестно в интересах доверителя, с его последующего одобрения. И закон признает такую сделку действительной в силу ст. 183 ГК РФ. Признавая сделку действительной или недействительной закон имеет своей целью реализовать защитные функции права, и находит это возможным применяя морально-нравственные ценности.

Гражданское право является базовым началом во взаимодействии субъектов права, к которым закон

относит физические, юридические лица, государственные и муниципальные образования. Юридическое лицо обладает правоспособностью с момента его регистрации в едином государственном реестре юридических лиц. С рождением физического лица возникает и его гражданская правоспособность, а в случае с наследственным правом, правоспособность nasciturus появляется еще до его физического появления на свет; т. е. с момента рождения, иногда, даже до рождения лицо попадает в поле действия норм гражданского права, и это делает гражданское право неотъемлемой частью жизни любого субъекта. Степень влияния гражданского права на субъекта сложно переоценить в силу того, что, развиваясь, лицо впитывает правила жизнедеятельности, заданные им. В связи этим представляется целесообразным отметить важность воспитательной функции, которая заключается в предъявлении требований в рамках принципов гражданского права, к обществу в целом, и к лицу в частности. Задавая определенные стандарты жизнедеятельности в рамках взаимодействия субъекта с третьими лицами, принципы гражданского права прививают существо оценочных критериев для оценки действий самой личностью по отношению к себе, а также и по отношению к поведению других субъектов; т. е. гражданское право воспитывает в социуме общую систему ценностей, которая находит свое отражение в нравственных установках отдельной личности.

Список источников

1. Апресян Р. Г. Гусейнов А. А. Этика. Энциклопедический словарь. М. : Гардарики, 2001.
2. Братусь С. Н. Предмет и система советского гражданского права М. : Госюриздат, 1963.
3. Васильковский Е. В. Учебник гражданского права. 2-е изд. М. : Статут, 2016.
4. Зайцев О. В. Сущность и виды функций гражданского права. Вопросы частноправового регулирования // Правовая Парадигма. 2018. № 1. С. 98–102.
5. Королев Ф. Ф. Очерки по истории советской школы педагогике. 1917–1920. М. : Изд. Акад. пед. наук РСФСР, 1958.
6. Коновалов А. В. Принципы права. М. : Норма, 2024.
7. Кулаков В. В. Основные принципы гражданского права как особая форма права // Вестник пермского университета. 2013. № 4. С. 185–192.

8. Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте гражданского уложения // Вестник гражданского права. 1916. № 6.

9. Рыженков А. Я. Функции гражданского права: вопросы теории // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 4.

10. Садиков О. Н. Принципы нового гражданского законодательства СССР // Советское государство и право. 1991. № 10.

11. Серова О. А. Социальная функция гражданского права // Власть закона. 2013. С. 31–35.

12. Суханов Е. В. Гражданское право. В 4 т. Общ. часть / отв. ред. Е. В. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2006.

13. Щенникова Л. В. Гражданско-правовое регулирование: публичные интересы, общие пользы, добрые нравы. М. : Норма, 2022.

14. Яковлев Ф. В. О Функциях гражданского права // Российское право: образование, практика, наука. 2011. № 6. С. 38–42.

15. Комментарий к части первой Гражданского Кодекса Российской Федерации для предпринимателей / под ред. М. И. Багринского М., 1995.

16. Решение Белореченского районного суда (Краснодарский край) от 30 июля 2024 г. № 2-2020/2024 2-2020/2024-М-1661/2024 М-1661/2024 по делу № 2-2020/2024 23 RS 0008-01-2024-002943-02 // URL: www.sudact.ru

References

1. Apresyan R. G. Huseynov A. A. Ethics. Encyclopedic dictionary. М. : Gardariki, 2001.

2. Bratus S. N. The subject and system of Soviet civil law. М. : Gosyurizdat, 1963.

3. Vaskovsky E. V. Textbook of civil law. 2nd ed. М. : Statute, 2016.

4. Zaitsev O. V. The essence and types of functions of civil law. Issues of private law regulation // The Legal Paradigm. 2018. № 1. P. 98–102.

5. Korolev F. F. Essays on the history of the Soviet school of pedagogy. 1917–1920. М. : Ed. Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR, 1958.

6. Kononov A. V. Principles of law. М. : Norm, 2024.

7. Kulakov V. V. Basic principles of civil law as a special form of law // Bulletin of Perm University. 2013. № 4. P. 185–192.

8. Novitsky I. B. The principle of good conscience in the draft civil code // Bulletin of Civil Law. 1916. № 6.

9. Ryzhenkov A. Ya. Functions of civil law: issues of theory // Gaps in Russian legislation. 2012. № 4.

10. Sadikov O. N. Principles of the new civil legislation of the USSR // Soviet state and law. 1991. № 10.

11. Serova O. A. The social function of civil law // The rule of law. 2013. P. 31–35.

12. Sukhanov E. V. Civil law. In 4 volumes. General. part / ed. by E. V. Sukhanov. 3rd ed., revised М. : Volters Kluwer, 2006.

13. Schennikova L. V. Civil law regulation: public interests, common benefits, good morals. М. : Norm, 2022.

14. Yakovlev F. V. On the Functions of civil law // Russian law: education, practice, science. 2011. № 6. P. 38–42.

15. Commentary to part one of the Civil Code of the Russian Federation for entrepreneurs / edited by M. I. Bagrinsky М., 1995.

16. The decision of the Belorechensk District Court (Krasnodar Territory) dated July 30, 2024 № 2-2020/2024 2-2020/2024- М-1661/2024 М-1661/2024 in case № 2-2020/2024 23 RS 0008-01-2024-002943-02 // URL: www.sudact.ru

Информация об авторе

К. К. Рамазанова — доцент кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

K. K. Ramazanova — Associate Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 24.04.2025; одобрена после рецензирования 13.05.2025; принята к публикации 04.06.2025.

The article was submitted 24.04.2025; approved after reviewing 13.05.2025; accepted for publication 04.06.2025.

Научная статья

УДК 347.213

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-122-128>

EDN: <https://elibrary.ru/mukgrk>

ИПОН: 2003-0059-3/25-309

MOSURED: 77/27-003-2025-03-508

Система вещных прав: о возможных вариантах построения на современном этапе развития гражданского законодательства

Роман Александрович Рябзин

Верховный Суд Российской Федерации, Москва, Россия, rodinzonrom@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены доктринальные подходы к систематизации вещных прав. В отечественной доктрине представлены различные классификации вещных прав, при этом используются разные критерии, что обусловлено отсутствием единства в отношении перечня и содержания ограниченных вещных прав. Причем в большинстве случаев авторы исходят из открытости перечня ограниченных вещных прав. Наиболее распространенной в современной доктрине позицией является систематизация вещных прав в зависимости от содержания вещных правомочий.

Анализ представленных классификаций вещных прав показал отсутствие единых критериев при выстраивании их системы. В рамках каждой из предложенных классификаций авторы в той или иной совокупности группируют вещные права в зависимости от субъекта вещного права, передаваемых правомочий, от объекта вещного права или же от цели существования права; т. е. в рамках одной системы используются различные критерии, что приводит к смешению разнопорядковых явлений, а это, в свою очередь, рушит всю систематизацию и лишает ее всякого (и практического, и теоретического) смысла.

В результате проведенного исследования предложена двухступенчатая (вертикальная) система вещных прав.

Ключевые слова: система вещных прав, критерии классификации, право собственности, перечень ограниченных вещных прав, права на чужие вещи, владение, пользование, распоряжение, содержание вещных прав

Для цитирования: Рябзин Р. А. Система вещных прав: о возможных вариантах построения на современном этапе развития гражданского законодательства // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 3. С. 122–128. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-122-128>. EDN: MUKGRK.

Original article

The system of property rights: possible options for composition at the current stage of civil legislation development

Roman A. Ryabzin

Supreme Court of the Russian Federation, Moscow, Russia, rodinzonrom@mail.ru

Abstract. Doctrinal approaches to the systematization of proprietary rights are considered. Domestic doctrine presents various classifications of proprietary rights, and different criteria are used, which is due to the lack of unity with regard to the list and content of limited proprietary rights. In most cases, the authors proceed from the openness of the list of limited proprietary rights. The most widespread position in modern doctrine is the systematization of rights in rem depending on the content of rights in rem.

The analysis of the presented classifications of proprietary rights has shown the absence of common criteria in building their system. Within each of the proposed classifications, the authors in one or another totality group proprietary rights depending on the subject of the proprietary right, the transferred rights, the object of the proprietary right or the purpose of the existence of the right; i.e. within the framework of one system different criteria are used, which leads to the confusion of different-order phenomena, and this in turn ruins the whole systematization and deprives it of any (both practical and theoretical) sense.

As a result of the conducted research, a two-stage (vertical) system of proprietary rights is proposed.

Keywords: system of property rights, classification criteria, ownership rights, list of limited property rights, rights to other people's things, possession, use, disposal, content of property rights

For citation: Ryabzin R. A. The system of property rights: possible options for composition at the current stage of civil legislation development. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(3):122–128. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-122-128>. EDN: MUKGRK.

Основная особенность вещного права, которая позволяет отграничить вещное право от иных имущественных прав, состоит, в первую очередь, в его объекте — это может быть исключительно вещь,

принадлежащая определенному (конкретному) лицу. Еще одна отличительная черта вещных прав состоит в том, что оно закрепляет абсолютное, непосредственное господство конкретного лица над

© Рябзин Р. А., 2025

вещью. Обладателю субъективного вещного права противостоит неопределенный круг лиц, обязанных воздерживаться от нарушений при осуществлении правомочий владеть, пользоваться и распоряжаться вещью — «своей» в праве собственности и «чужой» в ограниченном вещном праве.

Стоит отметить, что в римском праве для обозначения сервитутов, суперфиция, права залога и ряда иных подобных прав использовался термин «*jura in re*», которым не охватывалось право собственности [7, с. 53]. В более позднее время европейские ученые ввели в обиход термины «*jura in re aliena*», означающее «права на чужие вещи», и «*jura in re propria*», как право полной собственности в отношении своей вещи [1, с. 678]. Тем самым заложив основу для систематизации вещных прав.

Именно на этом разграничении выстраивалась система вещных прав в дореволюционной доктрине. Такой подход к систематизации мы наблюдаем, в частности, в публикациях Д. Д. Гримма, по словам которого «...*Jus in re aliena* противостоят праву собственности в чистом виде — это и составляет систему вещных прав» [6, с. 210]. К. П. Победоносцев раскрывает систему более подробно [13, с. 506].

В дореволюционной доктрине наиболее известной также является систематизация ограниченных вещных прав, предложенная И. А. Покровским. Ученый предложил сгруппировать вещные права в зависимости от их содержания. В результате все вещные права (к которым автор, в частности, относит и права, традиционно относимые в современном законодательстве к обязательственным) классифицирует следующим образом: 1) права на пользование чужой вещью; 2) права на получение известной ценности из вещи (к примеру, право залога); 3) права на приобретение известной вещи (право преимущественной покупки)¹. Стоит отметить, что схожая классификация ограниченных вещных прав приводится в современной юридической литературе Германии².

В настоящее время вопросам систематизации в праве, в том числе систематизации вещных прав, придается повышенное значение. Однако в связи с отсутствием единства в отношении перечня и содержания ограниченных вещных прав неудивительно, что в доктрине предлагаются различные варианты их классификации. В частности, Л. Н. Щенникова считает возможным предложить двухуровневую систему вещных прав: на первом уровне классификации автор

разделяет право собственности и иные вещные права, второй уровень представлен группировками ограниченных вещных прав, что уже ставит под сомнение целесообразность такой классификации³. Схожим образом классифицирует вещные права Е. А. Суханов, который предлагает сгруппировать их следующим образом: в первую группу ученый объединяет вещные права юридических лиц на имущество, передаваемое им собственником в хозяйственных целях; вторая группа, по предложению Е. А. Суханова, представлена вещными правами по использованию чужих земельных участков; в отдельные группы автор выносит права ограниченного пользования иным недвижимым имуществом (понимая под таким имуществом преимущественно жилые помещения) и права, вытекающие из обеспечения исполнения обязательств — права залога и удержания [5, с. 207–208]. По мнению Е. А. Бариновой, разграничивать вещные права следует на поименованные и непоименованные в законе⁴. Подобным образом классифицирует вещные права и М. В. Чередникова, которая в один ряд с ограниченными вещными правами ставит, в том числе, и право собственности⁵.

Наиболее распространенной в современной доктрине позицией является систематизация вещных

¹ По словам ученого, *jura in re aliena* «...называются особые (специальные) права, нарочито выделенные из целого состава полной собственности в известном имуществе и предоставленные стороннему лицу — не собственнику; в лице самого собственника права эти составляют нераздельную часть его власти и для него не обособляются доколе, пока не будут выделены из его власти и не станут возле и против нее, в лице постороннего» [15, с. 207–208].

² Здесь также выделяются: 1) права пользования чужой вещью (*Nutzungsrechte*) — сервитуты, usufrukt, право застройки; 2) права на приобретение чужой вещи (*Erwerbsrechte*) — преимущественное право покупки, право присвоения результатов использования некоторых сервитутов; 3) права реализации чужой вещи (*Verwertungsrechte*) — залог, вещные обременения и земельный долг (см.: Baur F., Baur J. F., Sturmer R. *Sachenrecht*. P. 22–25; Wieling H. J. *Sachenrecht*. P. 6; Wolf M. *Sachenrecht*. P. 4).

³ Ограниченные вещные права подразделяются ею на: 1) вещные права юридических лиц на хозяйствование с имуществом собственника; 2) права сервитутного типа; 3) вещные права по использованию земельных участков; 4) правомочия залогодержателя [22].

⁴ К последним Е. А. Баринова относит право пользования жилым помещением членов семьи собственника, аренду, наем жилого помещения, безвозмездное пользование (ссуда), а также всякое иное пользование чужим имуществом, отвечающее вещно-правовым признакам [20].

⁵ В соответствии с предложенным М. В. Чередниковой подходом вещные права классифицируются на четыре вида: 1) право собственности; 2) права юридических лиц на осуществление хозяйственной деятельности с использованием имущества собственника; 3) права на пользование чужой вещью; 4) право получения известной ценности из вещи — право залога [20].

прав в зависимости от содержания вещных правомочий. В частности, использует данный критерий В. В. Белов⁶. Аналогичный критерий использует для систематизации вещных прав А. Б. Бабаев⁷.

Еще одна классификация, предложенная в доктрине, включает четыре группы ограниченных вещных прав: к первой группе ее авторы относят права по использованию чужих земельных участков; ко второй — права по использованию чужих жилых помещений; третья группа представлена правами на хозяйствование с имуществом собственника; в четвертую группу объединены обеспечительные права, в числе которых в качестве ограниченных вещных прав авторы называют залог и удержание [16, с. 81].

По мнению И. Г. Турчина, систематизировать вещные права по объему принадлежащих правообладателю прав следует в зависимости от целевого назначения, судьбы вещи и принадлежащих субъектам правомочий в отношении вещи⁸.

Очевидно, что во всех представленных случаях ученые исходят из убеждения об открытом перечне вещных прав, с чем мы категорически не можем согласиться, как и с иными подходами к систематизации вещных прав, авторы которых не признают закрытого перечня «иных вещных прав»⁹. Кроме того, обращает на себя внимание факт отсутствия единых критериев при выстраивании системы вещных прав. В рамках каждой из предложенных классификаций авторы в той или иной совокупности группируют вещные права в зависимости от субъекта вещного права, передаваемых правомочий, от объекта вещного права или же от цели существования права — т. е. в рамках одной системы используются различные критерии, что приводит к смешению разнопорядковых явлений, а это в свою очередь рушит всю систематизацию и лишает ее всякого (и практического, и теоретического) смысла.

Так, в своей классификации Л. Н. Щенникова первую группу формирует по субъектному признаку (*вещные права юридических лиц на хозяйствование с имуществом собственника*), одну группу — одновременно по признаку правомочий и по объекту (*вещные права по использованию земельных участков*) и в отдельные группы выносит сервитутные права и правомочия залогодержателя. При этом критерий для двух последних групп не ясен. Однако сразу обращает на себя внимание, что смешение в одной классификации сразу нескольких критериев приводит к дублированию двух

групп — вещные права по использованию земельных участков прямо соотносятся с сервитутными правами.

Схожие проблемы наблюдаются и в иных представленных в доктрине классификациях вещных прав. Так, не лишена недостатков и система В. В. Белова, в основу которой положен критерий содержания вещных прав. Во-первых, при описании элементов такой системы ученый использует применительно к правомочиям такие формулировки как «более или менее» (к примеру, *фактическое владение, пользование и распоряжение соответствующей вещью более или менее абсолютным образом* — к данной группе, напомним, автор относит право собственности, право хозяйственного ведения, право оперативного управления). На наш взгляд, настолько «размытые» по восприятию оценочные категории не могут и не должны использоваться применительно к элементам системы, поскольку не дают достаточной уверенности по однозначному отнесению к данной группе тех или иных

⁶ На основе данного критерия В. В. Белов классифицирует вещные права на следующие группы: 1) фактическое владение, пользование и распоряжение соответствующей вещью более или менее абсолютным образом (право собственности, право хозяйственного ведения, право оперативного управления); 2) фактическое владение более или менее абсолютным образом, а также возникшие под условием возможности пользования и распоряжения (право удержания вещи, залоговое право, соединенное с владением); 3) фактическое владение и пользование более или менее абсолютным образом (право аренды, соединенное с владением); 4) юридическое (зарегистрированное) владение и пользование вещью более или менее абсолютным образом (право аренды недвижимости, право нанимателя недвижимого имущества); 5) юридическое (зарегистрированное) пользование вещью (право постоянного бессрочного пользования земельным участком, сервитуты).

⁷ По мнению А. Б. Бабаева, в качестве элементов такой системы следует выделить право собственности, право на владение, право пользования, право на владение и право пользования, при этом автор отмечает, что далее она может иметь разветвленную систему с учетом момента возникновения вещного права [5, с. 302–303].

⁸ В результате автор ограничивается двумя группами вещных прав, в одну из которых он определил право собственности, вторая объединила все иные, на его взгляд, вещные права, в числе которых поименованы владение, пользование и частично распоряжение имуществом арендатором, залогодержателем, обладателями права хозяйственного ведения и оперативного управления, пожизненного наследуемого владения земельным участком, постоянного (бессрочного) пользования земельным участком, сервитута, а также права членов семьи собственника жилого помещения [20].

⁹ Отрицание необходимости ограниченного, строго определенного в законе перечня «иных вещных прав» приводит к опасным с позиции практического применения выводам. В частности, по словам З. А. Ахметьяновой, «...перечисление в ГК РФ тех или иных видов вещных прав вряд ли целесообразно, поскольку факт отнесения (или неотнесения) законом того или иного имущественного права к числу вещных, если оно (право) обладает свойствами вещного характера, не имеет какого-либо существенного значения» [4].

прав. В предложенной системе также наблюдается пересечение (дублирование) отдельных ее элементов. Так, право аренды (которое автор признает вещным) одновременно упоминается им в разных группах: 1) фактического владения и пользования более или менее абсолютным образом; 2) юридического (зарегистрированного) владения и пользования вещью более или менее абсолютным образом. А право постоянного бессрочного пользования земельным участком, отнесенное им к группе юридического пользования вещью, может быть также отнесено и к иной группе юридического владения и пользования вещью, поскольку предполагает не только правомочие пользования, но и владения.

В этой связи еще раз стоит вспомнить справедливое высказывание О. А. Красавчикова, который критиковал использование юристами при построении единой классификации два и более критерия. По его словам, классификация теряет всякий научный интерес при использовании более одного критерия, ведь «...она становится произвольным, случайным нагромождением явлений и фактов, вещей и обстоятельство» [11, с. 86–87].

Следует признать, что классификации в праве дают возможность не только обобщить и систематизировать полученные о различных явлениях научные знания. Их прикладное значение заключается в том, что изложенные в четком соответствии с требованиями любой систематизации классификации (или признание в невозможности такой систематизации) позволяют выявить проблемы и недостатки в полученных выводах и при необходимости реализовать их в практической деятельности, в том числе посредством совершенствования действующего законодательства — ведь от того, в какую группу будет отнесено то или иное явление, в зависимости от выбранного для систематизации критерия, зависят применяемые правовые последствия. Кроме того, при определении системы вещных прав следует исходить из того, что по сути любая система — это не просто совокупность определенных элементов, между такими элементами должны существовать межсистемные связи¹⁰.

Убеждены, что в условиях закрытости перечня ограниченных вещных прав система вещных прав может включать в себя только те права, которые полностью соответствуют вещно-правовым признакам (в их совокупности, а не в единстве)¹¹. Поэтому априори из системы вещных прав мы исключаем обязатель-

ственные права, которые обладают отдельными свойствами вещного характера. Однако и без этого классификация вещных прав, прямо поименованных в законе, вызывает немалые сложности, обусловленные спецификой каждого «иногo вещного права». Такие права представляют собой сложные разнонаправленные по цели и содержанию юридические конструкции, что не позволяет четко отграничить одну группу прав от другой¹². Поэтому выбор критерия классификации является одной из, пожалуй, сложных задач в построении системы вещных прав¹³.

Анализ классификаций вещных прав позволяет их сгруппировать по двум основным направлениям. Первое направление основано на понимании ограниченных вещных прав как результата выделения из права собственности отдельных правомочий. Пред-

¹⁰ В философии система рассматривается как общенаучное понятие, которое выражает совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом и со средой, образующих определенную целостность, единство [19, с. 70].

¹¹ Критикуя доктринальные призывы об отказе от принципа установления закрытого перечня вещных прав в законе, А. А. Иванов дал комментарии о невозможности отмены этого важного принципа регулирования, поскольку он пресекает дискуссии о том, какое право обладает вещной защитой, т. е. защитой, действующей против третьих лиц [10]. Примером негативных последствий игнорирования закрытого перечня вещных прав явилась практика вселения в квартиры лиц, чьи права на приватизацию были ущемлены прежними собственниками. А. А. Иванов указал, что эта практика стала поводом для принятия КС РФ постановления о преимуществе виндикации перед реституцией, при том, что сам КС РФ эту проблему и породил, когда позволил вселять в квартиры лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Таким образом, введение закрытого перечня вещных прав позволит избежать «разнобоя в судебной практике» при определении того, является ли конкретное право вещным (см.: выступление А. А. Иванова на конференции «Модернизация Гражданского кодекса РФ» в рамках II Петербургского международного юридического форума, 16–19 мая 2012 г.).

¹² Как справедливо отмечено в юридической литературе, появление искусственно созданных «...для нужд плановой экономики прав оперативного управления и хозяйственного ведения, которые, хотя и объявлены законом вещными, в действительности не соответствуют ни существу, ни признакам ограниченных вещных прав» [16].

¹³ Как справедливо отмечает К. П. Победоносцев, «...система юридических отношений не может иметь математической точности, но система необходима для размещения понятий в совокупности их и взаимной связи: и построение системы может, конечно, изменяться в подробностях, смотря по тому, что представляется в том или другом предмете — существенным, отличительным признаком, понуждающим отнести его к вотчинным правам или к обязательствам» [14, с. 119]. Основываясь на данном утверждении З. А. Ахметьянова дает заслуживающее внимания определение системы вещных прав как «совокупности имущественных прав вещно-правового характера и связей между ними, которые проявляются в действиях управомоченных субъектов по отношению к объектам вещных прав, в том числе во взаимодействиях между таким субъектами и иными участниками гражданского оборота» [3].

ставители второго направления в принципе отрицают возможность выделения из права собственности каких-либо правомочий, вследствие чего признают параллельное существование права собственности и «иных вещных прав» [9, с. 119–126; 12, с. 151–161; 17, с. 83–81; 18].

Это означает, что в первом случае отнесение к системе вещных прав того или иного права будет напрямую зависеть от возможности выделения из права собственности отдельных правомочий владения, пользования и распоряжения. Поскольку при втором подходе вопрос о выделении правомочий вообще не ставится, это гипотетически дает больше возможностей для признания какого-то права вещным, так как упор в этом случае делается на право следования (и иные отдельные признаки вещных прав). Иными словами при таком понимании ограниченных вещных прав к ним становится возможным отнести и обязательственное право¹⁴.

Право собственности предполагает полное абсолютное вещное право, от которого производны «иные вещные права». Последние настолько разнонаправлены как по содержанию, так и по целеполаганию, что следует признать, объединяет их только одно — защищаемые от всех третьих лиц установленные законом имущественные права не собственника на чужую вещь, которые ограничены по содержанию в сравнении с полным правом собственности. Однако их содержание априори предполагает предоставление собственнику вещи определенных правомочий (или их комбинаций), требуемых в соответствии с законом для удовлетворения интереса управомоченного лица в извлечении благ из вещей, являющихся объектом прав, поскольку такой интерес возможно удовлетворить исключительно посредством одного, двух или всех трех представляемых субъекту правомочий. Именно это позволяет объединить «иные вещные права» в единую группу ограниченных вещных прав. И поэтому мы характеризуем право собственности как полное вещное право, содержание которого представлено всегда всей совокупностью триады правомочий, и предполагаем ограниченность «иных вещных прав», производных от права собственности.

Исходя из изложенного, следует согласиться с первым подходом, согласно которому ограниченные вещные права предполагают выделение из права собственности определенных правомочий. Однако считаем возможным признать частично верной и

вторую позицию о самостоятельности ограниченных вещных прав наравне с правом собственности. Несмотря на то, что «иные вещные права» производны от права собственности (что ведет к их взаимному ограничению при осуществлении права собственности, основанного на нем «ином вещном праве»), факт их самостоятельного существования отрицать нельзя. Ведь все вещные права определяют отношение управомоченного лица к вещи, которое своими собственными действиями в своем собственном интересе использует вещь, при этом исключая из такого воздействия всех третьих лиц.

Поэтому считаем, что на настоящем этапе развития гражданского законодательства единственно возможной классификацией вещных прав является их деление на право собственности и ограниченные вещные права, без дальнейшей систематизации «иных вещных прав». Примечательно, что в основу такого деления могут быть одновременно положены два (наиболее распространенных) доктринальных критерия. Первым критерием такой классификации является принадлежность вещи как объекта вещного права — право собственности на «свои» и иные вещные права на «чужие» вещи. Вторым критерий заключается в объеме господства субъекта над вещью — полное господство характеризует право собственности, а ограниченный, в соответствии с законом, объем правомочий характерен для «иных вещных прав»¹⁵. При этом право собственности и ограниченное вещ-

¹⁴ Коренное отличие предлагаемого подхода от иных существующих в теории гражданского права состоит в том, что право собственности и обременения вещи не относятся к одной группе вещных прав, а ограниченные права (обязанности), имеющие свойство следования, составляют единую группу обременений вещи, независимо от того, относятся ли они к вещным или обязательственным правам [2]. Похожую позицию сформулировал А. О. Рыбалов, который предложил «создать единую категорию для всех прав со свойством следования, т. е. обременяющих право собственности, полагая, что нужно строить не изолированную систему вещных прав, а общую систему обременений права собственности», в которую в качестве раздела будут входить вещные права, вещные обременения и др. [18].

¹⁵ Некоторые авторы при классификации вещных прав исходят из количественного критерия, по мере наполнения содержания конкретного вещного права. Так, В. С. Шишкина рассматривает право собственности как самое полное вещное право, после которого в очередность ставит право хозяйственного ведения имуществом, право оперативного управления имуществом и другие более ограниченные вещные права [21, с. 64]. С таким подходом сложно согласиться, поскольку в этом случае сама систематизация теряет всякий смысл — мы имеем дело с простым перечислением в определенной последовательности известных ограниченных вещных прав без их деления на группы.

ное право, производное от первого, всегда будут конкурировать и противопоставляться друг другу, поскольку они обоюдно ограничивают их обладателей в осуществлении своих правомочий¹⁶. В таких системообразующих связях заключаются необходимые признаки любой системы как совокупности ее элементов, и системы вещных прав, в частности, — отдельных вещных прав, согласованных между собой, составляющих целостность и единство.

С учетом изложенного нами может быть предложена двухступенчатая (вертикальная) система вещных прав: основу такой классификации составляет право собственности, от которого всегда производны иные вещные (ограниченные) права.

Дальнейшее деление ограниченных вещных прав нецелесообразно ввиду отсутствия в настоящее время единого критерия их систематизации.

Поскольку иные вещные права, будучи производными от права собственности, всегда существенно ограничивают последнее, считаем, что установленные ограниченные вещные права следует рассматривать как исключение, поэтому следует избегать необоснованного расширения перечня ограниченных вещных прав — решение об интегрировании в систему вещных прав иных прав должно приниматься исключительно по инициативе законодателя с учетом потребностей гражданского оборота вещей, особенностей осуществления правомочий в отношении вещей и существенной необходимости в вещно-правовой защите прав их владельцев¹⁷.

Список источников

1. Henry Campbell Black, M. A. A Law Dictionary. St. Paul, Minn: West Publishing Co., 1910.
2. Алексеев В. А. Свойство следования, обременение недвижимой вещи и система прав на недвижимость // Закон. 2022. № 8. С. 82–92.
3. Ахметьянова З. А. Вещное право. М. : Статут, 2011.
4. Ахметьянова З. А. Вещные права в гражданском праве России // Цивилист. 2006. № 1.
5. Бабаев А. Б. Система вещных прав. М. : Волтерс Клувер, 2006.
6. Гримм Д. Д. Лекции по догме римского права. М. : Зерцало, 2003.
7. Гусаков А. К вопросу о теории сервитутного права // Журнал гражданского и уголовного права. 1884. Кн. 8. С. 48–89.
8. Дождев Д. В. Римское частное право. М. : Норма, 2022.
9. Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».
10. Исафилов И. М. О системе вещного законодательства // Российский юридический журнал. 2010. № 3. С. 112–116.
11. Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве. М. : Госюриздат, 1958.
12. Краснова Т. С. Автономия воли и ее ограничение в сервитутном праве: моногр. М., 2020.
13. Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Ч. I. М. : Статут, 2002.
14. Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Вотчинные права. Ч. 1. СПб. : Синод. тип., 1896.
15. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М. : Статут, 2001.
16. Право собственности: актуальные проблемы / отв. ред. В. Н. Литовкин, Е. А. Суханов, В. В. Чубаров. М. : Статут, 2008.

¹⁶ Поэтому мы не можем согласиться с выводами, сформулированными Д. В. Дождевым, который отмечает самоценность ограниченных вещных прав и применительно к сервитутам особо подчеркивает, что они не конкурируют с правом собственности. По словам ученого: «Сопоставление с модельным вещным правом — с правом собственности — повлияло на распространение в цивилистике трактовки специальных вещных прав как ограниченных или парциальных (частичных), но эти права самоценны. Их специфика заключается в том, что они не конкурируют с правом собственности (хотя и могут ограничивать правомочия собственника)». И далее: «Сервитуты и право собственности не являются конкурирующими правами: установление сервитута не отрицает право собственности как таковое, но затрагивает (не в большей степени, чем физические свойства участка) возможности отправления некоторых правомочий собственника» [8, с. 455, 466]. Самоценность ограниченных вещных прав можно признать только с позиции их значимости для обеспечения потребностей обладателя субъективного права.

¹⁷ Именно поэтому мы категорически не согласны с предложением авторов Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации и разработчиков основанного на ее положениях проекта Федерального закона № 47538-6/13 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» в части максимально расширенного списка ограниченных вещных прав. Как указано в пояснительной записке к проекту Федерального закона № 47538-6/13, «... Данный подраздел предусматривает введение в действующее российское законодательство широкого набора ранее не известных ему ограниченных вещных прав, призванных охватить максимально широкий круг случаев, в которых одно лицо имеет экономическую потребность в пользовании имуществом другого лица» (см.: система обеспечения законодательной деятельности // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/47538-6>).

17. Рыбалов А. О. Право собственности (комментарий к ст. 209 ГК РФ). М., 2011.

18. Рыбалов А.О. Тезисы к системе обременений права собственности // Вестник экономического правосудия РФ. 2021. № 12. С. 157–163.

19. Современная философия. Словарь и хрестоматия. Ростов н/Д. : Феникс, 1996.

20. Турчин И. Г. Система вещных прав, их классификация в дореволюционном и современном отечественном праве // Теория и практика общественного развития. 2015. № 8. С. 109–111.

21. Шишкина В. С. Вещные права предпринимателя / под ред. В. Ф. Яковлевой, В. Ф. Попондопуло. СПб., 1993.

22. Щенникова Л. В. Вещное право. Пермь, 2001.

References

1. Henry Campbell Black, M. A. A Law Dictionary. St. Paul, Minn: West Publishing Co., 1910.

2. Alekseev V. A. Property of succession, encumbrance of immovable property and the system of rights to real estate // Law. 2022. № 8. P. 82–92.

3. Akhmetyanova Z. A. Property law. M. : Statute, 2011.

4. Akhmetyanova Z. A. Real rights in the civil law of Russia // Civilist. 2006. № 1.

5. Babaev A. B. System of real rights. M. : Walters Kluwer, 2006.

6. Grimm D. D. Lectures on the dogma of Roman law. M. : Zertsalo, 2003.

7. Gusakov A. On the question of the theory of servitude law // Journal of Civil and Criminal Law. 1884. Book 8. P. 48–89.

8. Dozhdev D. V. Roman private law. M. : Norm, 2022.

9. Fulfillment and termination of obligations: commentary to Articles 307–328 and 407–419 of the Civil Code of the Russian Federation // LRS «Consultant-Plus».

10. Israfilov I. M. On the system of property legislation // Russian Law Journal. 2010. № 3. P. 112–116.

11. Krasavchikov O. A. Legal facts in Soviet civil law. M. : Gosyurizdat, 1958.

12. Krasnova T. S. Autonomy of the will and its limitation in servitude law: monogr. M., 2020.

13. Pobedonostsev K. P. Course of civil law. Ch. I. M. : Statute, 2002.

14. Pobedonostsev K. P. Course of civil law. Patrimonial rights. Ch 1. St. Petersburg : Synod. tip., 1896.

15. Pokrovsky I. A. The main problems of civil law. M. : Statute, 2001.

16. Property law: actual problems / ed. by V. N. Litovkin, E. A. Sukhanov, V. V. Chubarov. M. : Statute, 2008.

17. Rybalov A. O. The right of ownership (commentary to art. 209 of the Civil Code of the Russian Federation). M., 2011.

18. Rybalov A.O. Theses on the system of encumbrances of property rights // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2021. № 12. P. 157–163.

19. Modern philosophy. Dictionary and textbook. Rostov n/D. : Phoenix, 1996.

20. Turchin I. G. The system of property rights, their classification in pre-revolutionary and modern domestic law // Theory and practice of social development. 2015. № 8. P. 109–111.

21. Shishkina V. S. The real rights of an entrepreneur / edited by V. F. Yakovleva, V. F. Popondopulo. St. Petersburg, 1993.

22. Schennikova L. V. Property law. Perm, 2001.

Информация об авторе

Р. А. Ряззин — судья Верховного Суда Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Information about the author

R. A. Ryabzin — Judge of the Supreme Court of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 24.04.2025; одобрена после рецензирования 13.05.2025; принята к публикации 04.06.2025.

The article was submitted 24.04.2025; approved after reviewing 13.05.2025; accepted for publication 04.06.2025.

Научная статья
УДК 34
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-129-132>
EDN: <https://elibrary.ru/mdwbny>

ИПОН: 2003-0059-3/25-310
MOSURED: 77/27-003-2025-03-509

Об исключительности правового регулирования кровной мести в Российской Федерации

Любовь Хабасовна Сатушиева

Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, 9157235@mail.ru

Аннотация. На основе анализа юридической литературы и законодательства об исключительности правового регулирования кровной мести в Российской Федерации обосновано несколько суждений: Конституция РФ от 12 декабря 1993 г. предполагает использование в качестве исключительного регулятора общественных отношений именно право; ныне в Российской Федерации фактически многообразие регуляторов общественных отношений: право, политики, религия, традиция; использование в Уголовном кодексе РФ термина «кровная месть» означает использование именно традиции в качестве регулятора общественных отношений.

Ключевые слова: Российская Федерация, законодательство, нормативный правовой акт, система нормативных правовых актов, Конституция РФ от 12 декабря 1993 г., федеральный закон РФ, Уголовный кодекс РФ от 24 мая 1996 г., право, религия, традиция, общественное отношение, регулятор общественных отношений, кровная месть

Для цитирования: Сатушиева Л. Х. Об исключительности правового регулирования кровной мести в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 3. С. 129–132. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-129-132>. EDN: MDWBNY.

Original article

On the exclusivity of legal regulation blood feud in the Russian Federation

Lubov Kh. Satushieva

Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia, 9157235@mail.ru

Abstract. Based on the analysis of the legal literature and legislation on the exclusivity of the legal regulation of blood feud in the Russian Federation, several judgments are substantiated in the article: The Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993 assumes the use of law as the exclusive regulator of public relations; nowadays in the Russian Federation there are actually many regulators of public relations: law, politics, religion, tradition; the use of the term «blood feud» in the Criminal Code of the Russian Federation means the use of tradition as the regulator of public relations.

Keywords: Russian Federation, legislation, normative legal act, system of normative legal acts, Constitution of the Russian Federation dated December 12, 1993, Federal law of the Russian Federation, Criminal Code of the Russian Federation dated May 24, 1996, law, religion, tradition, public relations, regulator of public relations, blood feud

For citation: Satushieva L. Kh. On the exclusivity of legal regulation blood feud in the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(3):129–132. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-129-132>. EDN: MDWBNY.

Актуальность исследования темы исключительности правового регулирования кровной мести в Российской Федерации обусловлена рядом существенных противоречий, которые возникают в современной юридической доктрине и правоприменительной практике. С одной стороны, Конституция РФ от 12 декабря 1993 г. провозглашает право исключительным регулятором общественных отношений, закрепляя тем самым принцип правового государства. Однако, с другой стороны, в российском обществе до сих пор, наряду с правовыми механизмами, продолжают действовать и иные социальные регуляторы: политика, религия и традиции, что создает определенные сложности в правовом регулировании и порождает неоднозначность судебной практики.

Еще одно противоречие связано с формальной квалификацией преступлений по мотиву кровной мести, закрепленной в Уголовном кодексе РФ. Сам факт упоминания кровной мести в законодательстве России, являющейся правовым государством, вызывает дискуссии о допустимости использования традиций, которые имеют глубокие историко-культурные корни, но вступают в противоречие с принципами формального равенства перед законом и неотвратимости наказания.

Научная разработанность проблемы исключительности правового регулирования кровной мести в России характеризуется многообразием подходов и мнений ученых. Выделяются несколько групп исследователей, придерживающихся различных точек зре-

© Сатушиева Л. Х., 2025

ния по данной проблеме. Первая группа (Б. Я. Гаврилов, В. В. Дорошков, В. В. Антонченко, С. А. Гримальская) рассматривает вопрос в контексте уголовной политики Российской Федерации. Так, Б. Я. Гаврилов подчеркивает необходимость уточнения уголовной политики, преодоления законодательного волюнтаризма и повышения эффективности правовых мер противодействия преступности. В. В. Дорошков настаивает на необходимости гармонизации интересов личности, общества и государства, обращая внимание на социальные предпосылки преступности и ее криминологические детерминанты. В. В. Антонченко, в свою очередь, говорит о необходимости отказа от иллюзий относительно возможностей уголовного наказания восстановить социальную справедливость и предлагает рационализацию уголовной политики.

Вторая группа ученых (А. А. Даурбеков, А. С. Ужахов, М. В. Задворнов, Д. Б. Лаптев, Я. В. Танасейчук) фокусируется на уголовно-правовых аспектах квалификации убийств по мотиву кровной мести. А. А. Даурбеков и А. С. Ужахов предлагают конкретизацию понятия убийства по мотиву кровной мести с учетом историко-культурного содержания обычая. М. В. Задворнов и А. А. Даурбеков идут еще дальше, предлагая вообще исключить кровную месть из квалифицирующих признаков, считая целесообразным рассматривать ее в рамках простого убийства. Д. Б. Лаптев и Я. В. Танасейчук акцентируют внимание на том, что субъектом преступления должен являться любой физически и психически полноценный человек вне зависимости от национальной принадлежности, тем самым подчеркивая универсальность уголовного закона.

Третья группа исследователей (И. Г. Ибрагимов, А. С. Гуков) обращает внимание на историко-правовой аспект возникновения и развития института кровной мести, что является важным для понимания причин существования подобного явления в современных условиях и разработки мер по его предотвращению.

Научной проблемой исследования становится преодоление выявленных противоречий в сфере правового регулирования кровной мести, что требует детального изучения и теоретического осмысления. Несмотря на многочисленные научные публикации, дальнейшее изучение данной темы представляется необходимым для разработки более эффективных правовых механизмов, способных гармонично сочетать правовые нормы и исторически обусловленные культурные традиции российского общества.

Предметом данной статьи является исключительность правового регулирования кровной мести в РФ.

Первоначально о состоянии теории.

Так, Б. Я. Гаврилов обратил внимание на происходящие в Российской Федерации социально-экономические преобразования, которые требуют от правоохранительных органов активных мер по противодействию преступности, причем конкретизации уголовной политики, которая на протяжении многих лет, с одной стороны, воспринималась как совокупность решений органов государственной власти, направленных на противодействие преступности, а с другой стороны, отличалась фактическим волюнтаризмом в законодательстве [2].

В. В. Дорошков осуществил анализ состояния уголовно-правовой политики РФ, которая нуждается в восстановлении согласия относительно основ ее существования при соблюдении баланса интересов личности, общества, государства. Этот же автор отмечает, что восстановление в государстве порядка и дисциплины невозможно при расслоении населения на бедных и богатых. При этом защита государством личной и частной собственности не означает нерегулируемой свободы капитала, а рыночная экономика не означает рыночного общества [7].

В. В. Антонченко исследование посвятил анализу уголовной политики в РФ, ее эффективности и возможности оптимизации с целью устранения иллюзии того, что уголовными и уголовно-правовыми средствами можно разрешить социально-криминологические детерминанты преступности. По мнению автора, формирование оптимальной модели уголовной политики невозможно без проведения правовой реформы, построения рациональной модели криминализации, избавления от излишней репрессивности, а уголовного наказания — от многовековых иллюзий по поводу возможности достижения заявленной цели восстановления социальной справедливости [1].

С. А. Гримальская рассмотрела понятие, содержание и основные проблемы развития уголовно-правовой политики: любое направление уголовно-правовой политики должно быть, прежде всего, целесообразно и научно обосновано, с чем нельзя не согласиться [4].

Авторы-единомышленники (А. А. Даурбеков и А. С. Ужахов) дали трактовку и свое видение решения проблемы соотношения убийств по мотиву кровной мести и убийств на почве кровной мести: под убийством, совершенным по мотиву кровной мести, следует понимать умышленное противоправное причинение смерти другому человеку за причиненную виновному или его родственникам тяжкую кровную обиду (убийство, нанесение телесных повреждений,

причинение вреда здоровью, надругательство над женщиной, грубое оскорбление человека, рода), совершенное во исполнение обычая, сложившегося при родовом строе как средство защиты жизни, чести, достоинства рода [6].

М. В. Задворнов и А. А. Даурбеков предложили исключить мотив кровной мести из числа квалифицирующих признаков и квалифицировать убийство, совершенное по мотиву кровной мести, как простое убийство по ч. 1 ст. 105 УК РФ [8].

Д. Б. Лаптев и Я. В. Танасейчук обосновали несостоятельность доводов об определении специального субъекта данного вида убийства как лица, обязательно принадлежащего к группе населения, которая признает кровную месть. Для квалификации убийства по мотиву кровной мести необходимо установить именно мотив кровной мести. Национальные признаки лица, совершившего убийство, имеют лишь значение для установления мотива преступления и не имеют самостоятельного значения для уголовно-правовой квалификации убийства по мотиву кровной мести. Поэтому субъектом рассматриваемого преступления необходимо признавать физическое, вменяемое лицо, достигшее 14-летнего возраста [10].

И. Г. Ибрагимов исследовал истоки института кровной мести в XIX–XX вв. [9].

Аналогичное исследование осуществлено А. С. Гуковым: им рассмотрены основные положения одного из базовых элементов обычно-правовой системы адыгов (черкесов) конца XVIII — первой половины XIX в. — института кровной мести [5].

Многообразие суждений относительно исключительности правового регулирования кровной мести в Российской Федерации во многом предопределено и несовершенством законодательства РФ.

В первую очередь обращаемся к Конституции РФ от 12 декабря 1993 г. (с последующими изменениями и дополнениями) [11], в ч. 1 ст. 1 которой закреплено принципиально важное положение: «1. Российская Федерация — Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления». Иначе говоря, в нормативном правовом акте с наибольшей юридической силой в Российской Федерации речь идет об исключительности права в качестве регулятора общественных отношений. Однако, в РФ ныне, помимо права, используются и иные регуляторы общественных отношений, а именно: политика, религия, традиции [3].

Положения Конституции РФ детализированы в Уголовном кодексе РФ от 24 мая 1996 г. [12]. Термин

«кровная месть» использован в УК РФ лишь в ч. 2 ст. 105 УК РФ («2. Убийство: ..; 1) по мотиву кровной мести...»).

Представляет интерес и постановление ВЦИК, СНК РСФСР «О примирительном производстве по борьбе с обычаем кровной мести» от 5 ноября 1928 г. [13] («1. В целях ликвидации случаев кровной мести, возникающих на почве убийств и нанесения телесных повреждений, при окружных или районных и волостных исполнительных комитетах организуются примирительные комиссии, утверждаемые соответствующими исполнительными комитетами в составе: представителя соответствующего исполнительного комитета (председатель), народного судьи, двух представителей общественных организаций и представителя местной женской организации. В случае необходимости примирительным комиссиям предоставляется право привлекать с правом совещательного голоса и других лиц к участию в примирительном производстве, а также вызывать свидетелей» — п. 1).

Таким образом, исследования относительно исключительности правового регулирования кровной мести в РФ необходимо продолжать.

Во-первых, Конституция РФ от 12 декабря 1993 г. предполагает использование в качестве исключительного регулятора общественных отношений именно право.

Во-вторых, ныне в Российской Федерации фактически многообразие регуляторов общественных отношений: право, политика, религия, традиция.

В-третьих, использование в Уголовном кодексе РФ термина «кровная месть» означает использование именно традиции в качестве регулятора общественных отношений.

Список источников

1. Антонченко В. В. Оптимальная уголовная политика // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 1. С. 131–140.
2. Гаврилов Б. Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты. М., 2008.
3. Галузо В. Н., Эриашвили Н. Д. О безальтернативности права как регулятора общественных отношений в Российской Федерации // Социально-гуманитарное обозрение. 2023. № 1. С. 81–92.
4. Гримальская С. А. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации // Современное право. 2024. № 4. С. 106–110.
5. Гуков А. С. Институт кровной мести в обычном праве адыгов (черкесов) в конце XVIII — пер-

вой половине XIX в. // История государства и права. 2010. № 17.

6. Даурбеков А. А., Ужахов А. С. Дискуссионные вопросы понятия и квалификации убийств по мотиву кровной мести // Российский следователь. 2013. № 15.

7. Дорошков В. В. Уголовно-правовая политика Российского государства в современную эпоху // Мировой судья. 2024. № 5. С. 2–8.

8. Задворнов М. В., Даурбеков А. А. Кровная месть как мотив убийства // Российский судья. 2011. № 6.

9. Ибрагимов И. Г. Институт кровной мести в обычном праве агулов в XVIII–XIX вв. // История государства и права. 2011. № 18.

10. Лаптев Д. Б., Танасейчук Я. В. К вопросу о субъекте убийства по мотиву кровной мести // Уголовное право. 2017. № 3.

11. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек.; 2020. 4 июля.

12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 21 апреля 2025 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 2 мая 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954. 2025. № 9. Ст. 860.

13. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О примирительном производстве по борьбе с обычаем кровной мести» от 5 ноября 1928 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1928. № 141. Ст. 927.

References

1. Antonchenko V. V. Optimal criminal policy // Actual problems of Russian law. 2025. № 1. P. 131–140.

2. Gavrilov B. Ya. Modern criminal policy of Russia: figures and facts. M., 2008.

3. Galuzo V. N., Eriashvili N. D. On the lack of alternatives to law as a regulator of public relations in the

Russian Federation // Socio-humanitarian Review. 2023. № 1. P. 81–92.

4. Grimalskaya S. A. The concept of criminal law policy of the Russian Federation // Modern law. 2024. № 4. P. 106–110.

5. Gukov A. S. The institution of blood feud in the customary law of the Adygs (Circassians) at the end of the XVIII — first half of the XIX century // History of the State and law. 2010. № 17.

6. Daurbekov A. A., Uzhakhov A. S. Controversial issues of the concept and qualification of murders motivated by blood feud // Russian investigator. 2013. № 15.

7. Doroshkov V. V. Criminal law policy of the Russian state in the modern era // Justice of the Peace. 2024. № 5. P. 2–8.

8. Zadvornov M. V., Daurbekov A. A. Blood feud as a motive for murder // The Russian judge. 2011. № 6.

9. Ibragimov I. G. Institute of blood feud in the customary law of the Aguls in the XVIII–XIX centuries. // History of the state and law. 2011. № 18.

10. Laptev D. B., Tanaseychuk Ya. V. On the subject of murder motivated by blood feud // Criminal Law. 2017. № 3.

11. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // Rossiyskaya Gazeta. 1993. December 25, 2020. July 4th.

12. Criminal Code of the Russian Federation № 63-FZ of June 13, 1996 (as amended on April 21, 2025) (as amended and supplemented, intro. effective from May 2, 2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954. 2025. № 9. Art. 860.

13. Resolution of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR «On conciliation proceedings to combat the custom of blood feud» dated November 5, 1928 // Collection of Laws of the RSFSR. 1928. № 141. Art. 927.

Информация об авторе

Л. Х. Сагущиева — доцент кафедры конституционного и административного права Института права, экономики и финансов Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х.М. Бербекова, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

L. Kh. Satushieva — Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Institute of Law, Economics and Finance of the Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 24.04.2025; одобрена после рецензирования 13.05.2025; принята к публикации 04.06.2025. The article was submitted 24.04.2025; approved after reviewing 13.05.2025; accepted for publication 04.06.2025.

Научная статья
УДК 343.98
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-133-141>
EDN: <https://elibrary.ru/jelzbi>

ИИОН: 2003-0059-3/25-311
MOSURED: 77/27-003-2025-03-510

Цифровое правосудие: правовые и процессуальные вопросы применения видеотехнологий в следственных действиях и судопроизводстве

Андрей Александрович Сафонов

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, safonov_volga@mail.ru

Аннотация. Рассмотрено внедрение видео-конференц-связи (ВКС) и других видеотехнологий в правоохранительную практику, которые открывают новые возможности для повышения эффективности и оперативности следственных мероприятий, однако также ставят перед правоприменителями и законодателями ряд сложных вопросов, требующих комплексного и многоаспектного анализа. Проанализированы нормативные правовые основы применения видеотехнологий в контексте производства следственных действий; выявлены существующие проблемы; разработаны рекомендации по их решению. Особое внимание уделено аспектам обеспечения процессуальных гарантий прав участников уголовного процесса при использовании видеотехнологий, что является ключевым фактором для поддержания справедливости и законности в правоохранительной деятельности. Проведен всесторонний анализ текущего состояния и перспектив использования видеотехнологий в правоохранительной практике; дана формулировка рекомендаций по их оптимальному применению в условиях современных вызовов и требований.

Ключевые слова: видео-конференц-связь (ВКС), видеотехнологии, цифровизация, искусственный интеллект, передовые технологии, правоохранительные органы, следственные действия, трехмерное сканирование, судебный процесс, уголовно-процессуальное законодательство, судопроизводство

Для цитирования: Сафонов А. А. Цифровое правосудие: правовые и процессуальные вопросы применения видеотехнологий в следственных действиях и судопроизводстве // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 3. С. 133–141. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-133-141>. EDN: JELZBI.

Original article

Digital justice: legal and procedural issues of video technology application in investigative actions and proceedings

Andrey A. Safonov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, safonov_volga@mail.ru

Abstract. The introduction of video-conference communication (VCC) and other video technologies into law enforcement practice is considered, which open new opportunities for increasing the effectiveness and efficiency of investigative activities, but also put before law enforcers and legislators a number of complex issues that require a comprehensive and multidimensional analysis. The article analyzes the normative legal basis for the use of video technologies in the context of investigative actions; identifies existing problems; develops recommendations for their solution. Special attention is paid to the aspects of ensuring procedural guarantees of the rights of participants in criminal proceedings when using video technologies, which is a key factor in maintaining justice and legality in law enforcement. A comprehensive analysis of the current state and prospects for the use of video technologies in law enforcement practice is carried out; recommendations for their optimal use in the context of modern challenges and requirements are formulated.

Keywords: videoconferencing (VCC), video technology, digitalisation, artificial intelligence, advanced technologies, law enforcement, investigative actions, 3D scanning, judicial process, criminal procedural legislation, legal proceedings

For citation: Safonov A. A. Digital justice: legal and procedural issues of video technology application in investigative actions and proceedings. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(3):133–141. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-133-141>. EDN: JELZBI.

С момента начала первой промышленной революции в конце XVIII в. человечество стало свидетелем непрерывного технологического прогресса, который кардинально изменил все сферы жизни, включая правоохранительную деятельность. Каждая из промышленных революций — от механизации и паровой энергии до цифровизации и искусственного интеллекта — открывала новые горизонты и ставила

перед человечеством новые вызовы и возможности [1]. В условиях стремительного развития цифровых технологий и их все более активного внедрения в различные сферы человеческой деятельности, правоохранительные органы сталкиваются с необходимостью адаптации традиционных методов работы к новым технологическим реалиям [2; 3]. Одним из наиболее значимых и реализуемых аспектов этой транс-

© Сафонов А. А., 2025

формации является использование видеотехнологий в процессе производства следственных действий.

В современном мире, где цифровизация становится неотъемлемой частью повседневной жизни, правоохранительные органы должны быть готовы к использованию передовых технологий для повышения эффективности своей работы. Однако этот процесс должен сопровождаться тщательной правовой проработкой и с учетом всех возможных рисков и вызовов. Только при соблюдении этих условий можно будет говорить о полноценной интеграции видеотехнологий в систему уголовного судопроизводства, что, в конечном итоге, послужит укреплению правопорядка и защите прав и свобод граждан.

В этом контексте особое значение приобретает правовая регламентация применения видеотехнологий в процессе производства следственных действий. Рассматривая данный вопрос, в первую очередь необходимо обратиться к положению, закрепленному в ст. 11 ФЗ № 3 «О полиции».

Так, полиция при осуществлении своей деятельности обязана использовать современные научные и технические достижения. Нельзя не согласиться с И. С. Лукинским и Д. А. Ермошкиным, которые считают, что в целях интеграции инновационных технических средств в деятельность правоохранительных органов необходимо осуществлять комплексные исследования, направленные на анализ текущего состояния и перспектив развития различных научных и технических дисциплин, изучать потенциал применения передовых технологий в практической деятельности следственных и экспертно-криминалистических подразделений, которые ранее не использовались в контексте расследования уголовных дел. Кроме того, следует разрабатывать методические рекомендации по внедрению инновационных технико-криминалистических средств, обеспечивая их соответствие современным требованиям и стандартам. Также необходимо систематизировать и распространять примеры успешного опыта использования передовых технологий в деятельности органов внутренних дел, способствуя тем самым повышению эффективности и качества правоохранительных мероприятий [4].

На сегодняшний день наиболее развивающимся и меняющимся направлением является «визуализация» [5] информации как при досудебном, так и в судебном производстве. Так, ряд исследователей небезосновательно предлагают использование систем трехмерного сканирования [6; 7; 8; 9], в качестве технико-криминалистического средства фиксации криминалисти-

чески значимой информации, позволяющего формировать трехмерную модель отсканируемого объекта.

Следующими новшествами визуализации, которые выделяют ученые, являются виртуальная и дополненная реальности [10; 11; 12], а также использование систем видео-конференц-связи (ВКС) как возможность осуществления процессуально значимых действий при расследовании уголовных дел в случаях, когда это видится наиболее оптимальным хотя бы с точки зрения временного аспекта [13; 14; 15, с. 374–388; 16]. Эти технологии подчеркивают важность адаптации правоохранительной практики к современным условиям. Далее в исследовании мы остановимся на рассмотрении только систем ВКС.

Анализ существующего законодательства в сфере уголовного судопроизводства позволяет сделать вывод о том, что до определенного момента уголовно-процессуальное законодательство не предусматривало регламентацию аспектов, касающихся порядка производства следственных действий на стадии предварительного расследования с использованием ВКС. Законодательными актами было официально установлено полномочие лишь на применение технических средств при производстве следственных действий (ч. 6 ст. 164 УПК РФ), либо существовали нормы, регулирующие использование ВКС исключительно на судебных стадиях (ст. 35, 240, 241, 278.1, 293, 389.12, 389.13, 401.13).

Однако данное положение дел сохранялось до пандемии 2020 г., которая, как справедливо указывают исследователи М. М. Карелина и Н. В. Бузова, послужила катализатором для совершенствования законодательства и его адаптации к современным условиям [17]. В этом контексте на сегодняшний день значимой новеллой уголовно-процессуального законодательства является ст. 189.1 УПК РФ, введенная Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ, которая закрепляет полномочия органов предварительного расследования на осуществление производства допроса, очной ставки и опознания посредством ВКС.

Перед тем как перейти к рассмотрению регламента использования закрепленной законодателем цифровой технологии в процессе проведения следственных действий, вспомним высказывание Вольтера: «Прежде чем спорить, давайте договоримся о терминах» [18]. В данной работе рассматривается вопрос определения видео-конференц-связи с опорой на приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 28 декабря 2015 г. № 401,

поскольку ст. 189.1 УПК РФ лишь закрепляет предоставленное процессуальное полномочие. При анализе указанных норм особый интерес представляет написание дефиниции «видео-конференц-связь». В приказе и ст. 189.1 используется написание с двумя дефисами, тогда как в других нормативных актах, где упоминается ВКС, встречается альтернативное написание — «видеоконференц-связь». Это различие порождает разночтения и споры относительно правильности написания.

С лингвистической точки зрения, написание «видео-конференц-связь» с двумя дефисами подчеркивает сложную структуру словосочетания, где каждый компонент («видео», «конференц», «связь») выделяется как самостоятельная единица. Такое написание может быть оправдано в контексте подчеркивания многокомпонентности и сложности технологии. В то же время, написание «видеоконференц-связь» с одним дефисом акцентирует внимание на единстве понятия, объединяя «видеоконференц» как одно целое со «связью».

Чтобы разобраться в этом вопросе, обратимся к двум авторитетным орфографическим источникам: научно-информационному академическому орфографическому ресурсу ACADEMOS, разработанному Институтом русского языка имени В.В. Виноградова, который также используется на сайте Gramota.ru, и академическому орфографическому словарю русского языка под редакцией В. В. Лопатина и О. Е. Ивановой. Оба источника подтверждают единственно правильное написание слова как «видео-конференц-связь».

По данным Gramota.ru, правило использования двух дефисов таково: приставка «видео» объединяется с уже дефисным термином «конференц-связь». Обычно «видео» присоединяется ко второму элементу сложного слова через один дефис (например, видеоклип), но когда вторая часть сама по себе дефисирована, получается форма с двойным дефисом. Это объясняет появление формы «видео-конференц-связь».

Однако в нормативных правовых актах часто встречаются ошибки. Например, в Гражданском процессуальном кодексе РФ¹ и Кодексе административного судопроизводства РФ² используется написание «видеоконференц-связь», что противоречит лингвистическим нормам. В то же время, в некоторых региональных актах можно встретить различные варианты написания, включая «видеоконференцсвязь» [19].

Представляется логичным унифицировать данный термин в рассматриваемой части, преследуя

цель усовершенствования правового категориального аппарата. Унификация написания позволит избежать неоднозначностей и способствует более четкому и единообразному использованию термина в нормативных актах и практике.

Возвращаясь к анализу ст. 189.1 УПК РФ интересным является отсылочный характер этой нормы, что позволяет сделать вывод о том, что производство таких следственных действий, как допрос, очная ставка и опознание, осуществляется в отношении подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего, специалиста, эксперта, а также лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве.

Однако судебное производство, в сравнении с предварительным расследованием, обладает более обширной сферой применения видео-конференц-связи. Так, например, с помощью ВКС возможно обеспечить участие:

- ♦ обвиняемого (ч. 6 ст. 35);
- ♦ свидетеля и потерпевшего (ч. 4 ст. 240; ч. 1 и 2 ст. 278.1);
- ♦ подсудимого, содержащегося под стражей, в целях обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства (ч. 1 ст. 293);
- ♦ осужденного, содержащегося под стражей (ч. 2 ст. 389.12).

Данный перечень не является исчерпывающим, так как он может быть дополнен. Например, согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 7 апреля 2011 г. № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» [20], в суде апелляционной инстанции посредством ВКС может участвовать лицо, в отношении которого ведется производство о применении, продлении, изменении или прекращении принудительных мер медицинского характера, если его здоровье по медицинским показаниям позволяет ему участвовать в данном судебном заседании.

Кроме того, постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2012 г. № 11 «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания» [21] предусмотрена возможность участия

¹ ГПК РФ. Статья 155.1. Участие в судебном заседании путем использования систем видеоконференц-связи.

² КАС РФ. Статья 142. Участие в судебном заседании путем использования систем видеоконференц-связи.

при помощи ВКС лица, в отношении которого Генеральная прокуратура РФ дала дополнительное согласие на привлечение к уголовной ответственности в запрашивающем государстве ранее выданного лица за совершенное до его выдачи преступление, за что оно не было выдано.

Таким образом, можно сделать вывод, что привлечение указанных лиц с помощью систем ВКС может быть обеспечено не только для совершения отдельных процессуальных действий на судебных стадиях уголовного судопроизводства, но и для обеспечения их участия в заседаниях судов первой инстанции, а также апелляционных, кассационных и надзорных судов. Это становится возможным благодаря расширению технических возможностей ВКС на разных уровнях судебной системы.

Досудебный этап уголовного судопроизводства, в свою очередь, не может быть полностью охарактеризован как обеспеченный современным техническим оснащением. Тем не менее, первые шаги в данном направлении уже предприняты, и успешное внедрение и достижение положительных результатов в этой области могут предвосхитить появление современных электронных технологий, которые будут способствовать оптимизации деятельности по расследованию уголовных дел.

Перенос опыта и последующая апробация заимствованных положений могут способствовать расширению сферы использования ВКС на стадии предварительного расследования. Это может быть осуществлено по аналогии с созданием ст. 164.1 УПК РФ, когда законодателем были точно исключены некоторые нормативные положения, например, ч. 9.1 ст. 182 УПК РФ (обыск электронных носителей) или ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ (выемка электронных носителей). Это предоставило следователю право изымать (копировать) электронные носители в ходе производства иных следственных действий, в частности, при осмотре. Таким же образом можно не конкретизировать случаи использования ВКС на стадии предварительного расследования, а вывести данное положение как одно из общих условий предварительного расследования, что позволит более гибко и эффективно использовать данную технологию в правоприменительной практике.

Резюмируя обсуждение регламента использования ВКС в процессе проведения следственных действий, следует отметить, что ст. 189.1 является относительно новой в уголовно-процессуальном законодательстве, но вполне ожидаемой и закономерной.

В связи с этим объем правовой основы недостаточно обширен, и при определении порядка производства допроса, очной ставки и опознания следователю и дознавателю необходимо руководствоваться аналогией права. Это может привести к подмене следственных действий иными средствами доказывания, что упрощает судопроизводство и может нарушить права его участников, что является неприемлемым в конкретных ситуациях.

Таким образом, для обеспечения, надлежащего правоприменения и защиты прав участников процесса необходимо более четкое регламентирование использования видеотехнологий. При рассмотрении вопроса процессуального порядка применения видеотехнологий при производстве следственных действий необходимо, в первую очередь, осветить фундаментальные основы использования ВКС.

Таким образом, основанием для проведения следственных действий с использованием ВКС является необходимость получения следователем или дознавателем информации от лица, участие которого в конкретном следственном действии необходимо, но физическое присутствие которого невозможно по уважительным причинам. Процессуальным основанием для этого является специальное письменное поручение следователя или дознавателя, в производстве которого находится уголовное дело, о направлении следователя или органа дознания по месту нахождения соответствующего лица для обеспечения его участия в следственном действии.

Кроме того, важно отметить, что ч. 1 ст. 189.1 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) Российской Федерации отсылает к положениям ст. 164 УПК, а также гл. 26 УПК, касающимся проведения следственных действий в дистанционном формате. Анализ норм, изложенных в гл. 26 УПК, показывает, что ст. 194 регламентирует порядок проведения очной ставки. Однако данная статья не учитывает дистанционный формат проведения данного следственного действия, что приводит к определенным пробелам в правоприменении.

В связи с этим представляется целесообразным внести изменения в ст. 189.1 УПК РФ, конкретизировав ссылку на гл. 26 УПК РФ. В частности, следует указать на ст. 187–193 УПК РФ, чтобы более точно регламентировать порядок производства следственных действий с использованием дистанционных технологий. Это позволит обеспечить более четкое и последовательное применение видеотехнологий в правоохранительной практике, минимизируя риски

неоднозначного толкования норм и повышая эффективность следственных мероприятий.

Согласно положениям ст. 189.1 УПК РФ, производство следственного действия с применением ВКС поручается следователю, дознавателю или органу дознания, располагающимся по месту нахождения лиц, чье участие является обязательным. Следовательно, уполномоченные на организацию данного мероприятия должностные лица имеют своей обязанностью предупредить тех, кто в нем участвует, о применении технического оборудования, в частности, средств видеофиксации хода следственного действия, последнее при этом является обязательным согласно ч. 4 ст. 189.1 УПК РФ.

По завершении разъяснений о применении технических средств, следователю, дознавателю или органу дознания, в соответствии с положениями ч. 5 ст. 164 УПК РФ, необходимо провести идентификацию участников уголовного процесса. В этой связи представляется целесообразным дополнить ч. 5 ст. 164 УПК РФ и сформулировать ее следующим образом:

«При проведении следственного действия в режиме видео-конференц-связи (ВКС) дознаватель, орган дознания, следователь, находящийся по месту нахождения (дислокации) обязательных участников процесса, обязан в начале действия удостовериться в личности каждого участника на основании поручения следователя или дознавателя, в производстве которого находится уголовное дело».

Также остро стоит вопрос об обеспечении участия в следственных действиях некоторых лиц, таких как переводчики, педагоги, психологи, адвокаты, защитники. Логично, что инициатором приглашения психолога и (или) педагога является следователь или дознаватель, находящийся по месту нахождения допрашиваемого лица. Учитывая важную роль защитника в уголовном деле, его участие также должно быть обеспечено уполномоченными лицами, действующими от его имени. Тот же принцип применим и к защитнику свидетеля.

Протокол дистанционного следственного действия составляется следователем или дознавателем, осуществляющим предварительное расследование, хотя первая редакция проекта закона возлагала данную функцию на соответствующее лицо, которому поручено произвести допрос, очную ставку или опознание с применением ВКС. Мы считаем, что существующее распределение функций по заполнению протокола является достаточно логичным, так как не возникает вопроса о том, каким

способом впоследствии осуществить передачу процессуального документа.

Трактуя положения ст. 189.1 УПК РФ, мы можем прийти к выводу о том, что следователь, в производстве которого находится следственное действие, составляет протокол по правилам, предусмотренным ст. 166, 167 УПК РФ, но с некоторыми изъятиями. Так, например, в протоколе дистанционного следственного действия указываются время, дата, место производства следственного действия, осуществляющегося как по месту составления протокола, так и по месту фактического расположения участника следственного действия дистанционного формата.

Следователь, дознаватель, получившие специальное письменное поручение, обязаны взять с лиц дистанционного следственного действия подписку, в которой делается пометка о разъяснении им процессуальных прав и обязанностей, ответственности, а также порядка производства соответствующего следственного действия. Вместе с тем, замечания, возникающие в ходе следственного действия или же его окончании, также фиксируются в данной подписке. Проблематичным же является действие по проставлению подписи на каждой странице протокола, предусмотренное ч. 8 ст. 190 УПК РФ.

Осуществив необходимые процессуальные действия в части, касающейся непосредственно производства следственного действия посредством ВКС, следователь, дознаватель по месту нахождения участника дистанционного следственного действия обязаны в течение 24-х часов направить следователю, дознавателю, которые явились инициаторами подобных действий, подписку, приобщенные к ней документы, например, ордер адвоката, если таковой принимал участие в следственном действии.

Смеем предположить, что в данном случае также применяется аналогия в части документооборота. В соответствии с ч. 3 ст. 278.1 УПК РФ упомянутая подписка должна быть направлена в отсканированном виде посредством электронной почты, и впоследствии приобщена к протоколу соответствующего следственного действия, а затем уже следователю или дознавателю, осуществляющему предварительное расследование, отсылается конверт подлинных документов.

В целях визуализации предлагаем рассмотреть эффективное использование информационно-телекоммуникационных технологий на конкретном примере, проиллюстрированном исследователем М. Ю. Фисковым [22], где использование технологий в процессе

расследования изучалось следователями ГСУ ГУ МВД России по Ростовской области.

Так, Максим Юрьевич описывает уголовное дело с участием обвиняемого А., которому было предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 33 и ч. 2 ст. 208 УК РФ. В ходе расследования возникла необходимость в очной ставке между обвиняемым А. и свидетелем Б., который проживал в другом месте, в Республике Ингушетия, и физически не мог присутствовать в Ростове-на-Дону. В результате было принято решение о создании следственной группы, состоящей из следователей ГСУ ГУ МВД России по Ростовской области. Руководитель следственной группы остался в Ростове-на-Дону, в то время как другой, подчиненный ему следователь, отправился в Республику Ингушетия. Для проведения очной ставки А. был доставлен в помещение следственного органа, где находился руководитель следственной группы, в то время как свидетель Б. явился в местное отделение полиции. Протокол этого следственного действия был составлен сотрудником следственной группы, в ходе которого были сделаны видеозаписи.

По завершении этих разбирательств, свидетелю Б. через систему ВКС было отправлено электронное сообщение, содержащее версию протокола очной ставки. Затем этот распечатанный протокол был подписан обеими вовлеченными сторонами — свидетелем и сопровождающим следователем, а также другими соответствующими лицами, такими как следователи, ведущие протоколы, и адвокаты защиты, представляющие А.

В рамках процесса по этому уголовному делу две очные ставки были задокументированы в протоколах, которые точно отражали местонахождение всех участников, а также детали, касающиеся применяемых информационно-коммуникационных технологий. Этот пример служит для того, чтобы подчеркнуть, как проведение очных ставок с использованием ВКС может способствовать быстрым и качественным результатам расследования уголовных дел.

Подводя итог, можно отметить, что технологический прогресс, начавшийся с первой промышленной революции, продолжает оказывать значительное влияние на все сферы жизни, включая правоохранительную деятельность. В условиях цифровизации правоохранительные органы сталкиваются с необходимостью адаптации традиционных методов к новым технологическим реалиям [23]. Одним из ключевых аспектов этой трансформации является исполь-

зование видеотехнологий в процессе производства следственных действий.

Для успешной интеграции видеотехнологий в систему уголовного судопроизводства необходимо тщательное правовое регулирование и учет всех возможных рисков. Это позволит укрепить правопорядок и защитить права и свободы граждан.

Анализ существующего законодательства показывает, что до недавнего времени уголовно-процессуальное законодательство не регламентировало использование видео-конференц-связи (ВКС) на стадии предварительного расследования. Однако пандемия 2020 г. ускорила процесс совершенствования законодательства, что привело к введению нормы, закрепляющей использование ВКС для допросов, очных ставок и опознания.

Несмотря на это, правовая база по-прежнему требует доработки. Например, существуют разночтения в написании термина «видео-конференц-связь», что подчеркивает необходимость унификации терминологии с целью избежания неоднозначностей.

Судебное производство уже активно использует ВКС для обеспечения участия различных лиц, включая обвиняемых, свидетелей и потерпевших. Однако досудебный этап требует дальнейшего технического оснащения и правовой проработки. Первые шаги в этом направлении уже сделаны; успешное внедрение видеотехнологий может значительно оптимизировать расследование уголовных дел.

Для дальнейшего развития необходимо четко регламентировать использование ВКС, учитывая все аспекты и возможные риски. Это позволит более гибко и эффективно применять данные технологии в правоприменительной практике, обеспечивая надлежащую защиту прав участников процесса.

Список источников

1. Сумина А. В. Возможности искусственного интеллекта в раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности: региональные аспекты: мат. всерос. науч.-практ. конф. (Краснодар, 27 октября 2023 г.). Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2024. С. 179–181.

2. Сумина А. В. Внедрение информационных технологий в правоохранительную деятельность: возможности искусственного интеллекта в раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений // Информационные технологии в деятельности органов внутренних дел: сб. науч. тр. междунар.

науч.-практ. конф. (Москва, 18 апреля 2024 г.). М. : Московский университет МВД РФ имени В.Я. Кикотя, 2024. С. 266–268.

3. Васильева Ю. Д., Сумина А. В. Использование искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности: потенциальные возможности применения для раскрытия и расследования преступлений // Право, общество, государство: проблемы истории, теории и практики: сб. мат. всерос. науч.-практ. конф. (Старотеряево, 12 апреля 2024 г.). Старотеряево : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2024. С. 547–551.

4. Лукинский И. С., Ермошкин Д. А. Трехмерные лазерные сканеры и трехмерная фотограмметрия: сравнительный анализ // Судебная экспертиза и исследования. 2022. № 2. С. 55–58.

5. Хорошева А. Е. Визуальная информация и ее исследование в судебном разбирательстве уголовных дел // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17. № 2. С. 184–192.

6. Чулахов В. Н., Лукинский И. С. О месте криминалистического сканирования в системе криминалистической техники // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 280–283.

7. Лукинский И. С. Трехмерные сканеры как средства фиксации осмотра места происшествия // Вестник экономической безопасности. 2022. № 2. С. 111–114.

8. Беляев М. В. Возможности портативных триангуляционных 3Д-сканеров в трасологических исследованиях // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 41–45.

9. Несмиянова И. О. Современные методы фиксации и изъятия трасологических следов как эффективное средство идентификации личности // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 6. С. 239–242.

10. Лукинский И. С. Опыт зарубежных стран по использованию систем виртуальной реальности в раскрытии и расследовании преступлений // Международное уголовное право и международная юстиция. 2024. № 1. С. 28–31.

11. Смушкин А. Б. Использование компьютерно-опосредованной реальности в правоохранительной деятельности // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 454. С. 251–259.

12. Майлис Н. П. Использование информационных ресурсов при производстве судебных экспертиз // Вестник экономической безопасности. 2021. № 3. С. 167–168.

13. Юркевич М. А. Цифровое уголовное судопроизводство: какой процесс нас ждет в ближайшем будущем, и о чем нельзя забывать в погоне за всеобщей диджитализацией // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10. № 5-1. С. 54–61.

14. Юркевич М. А. Выбирать ли в уголовном судопроизводстве участие в судебном заседании посредством видеоконференцсвязи взамен личного участия? // Право и политика. 2021. № 1. С. 12–22.

15. Масленникова Л. Н., Юркевич М. А. Использование судом видеотехнологий при доказывании и принятия решений в состязательном уголовном судопроизводстве. 2-е изд. М., 2021.

16. Батуева А. Б. Апробация зарубежного опыта видеомоделирования в доказывании по уголовным делам // Безопасность личности, общества и государства: теоретико-правовые аспекты: сб. науч. ст. XVI междунар. науч. конф. обучающихся образовательных организаций высшего образования, проводимой в рамках III Санкт-Петербургского междунар. молодежного научного форума «Северная Пальмира: территория возможностей». СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 599–604.

17. Карелина М. М., Бузова Н. В. Пандемия как драйвер совершенствования законодательства и правоприменения в цифровой среде // Правосудие. 2021. Т. 3. № 4. С. 94–115.

18. Durant, Will, 1885–1981. The Story of Philosophy: the Lives and Opinions of the Great Philosophers of the Western World. New York : Simon and Schuster, 1961.

19. Распоряжение Губернатора Свердловской области от 26 февраля 2021 г. № 29-РГ «О внесении изменений в распоряжение Губернатора Свердловской области от 30 августа 2017 г. № 204-РГ «Об организации проведения на территории Свердловской области единых дней личного приема граждан в режиме видеоконференцсвязи» // URL: <https://docs.cntd.ru/document/574639891?ysclid=maicyac76d514384443>

20. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 апреля 2011 г. № 6 (ред. от 3 марта 2015 г.) «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113017/

21. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2012 г. № 11 (ред. от 3 марта 2015 г.) «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131317/

22. Фисаков М. Ю. Перспективы использования информационно-коммуникационных технологий в деятельности следователей // *Философия права*. 2020. № 4 (95). С. 109–112.

23. Сумина А. В., Белановский К. А. Технологии виртуальной реальности при осмотре места происшествия: особенности применения // *Химия и технология биологически активных веществ для медицины и фармации: IV Школа молодых ученых: тезисы докладов*. М., 2024. С. 139.

References

1. Sumina A. V. The possibilities of artificial intelligence in the detection, investigation and prevention of crimes // *Actual problems of law and law enforcement: regional aspects: mat. All-Russian scientific and practical conference (Krasnodar, October 27, 2023)*. Krasnodar : Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024. P. 179–181.

2. Sumina A. V. The introduction of information technologies into law enforcement: the possibilities of artificial intelligence in the detection, investigation and prevention of crimes // *Information technologies in the activities of law enforcement agencies: collection of scientific tr. international scientific and Practical Conference (Moscow, April 18, 2024)*. М. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', 2024. P. 266–268.

3. Vasilyeva Yu. D., Sumina A. V. The use of artificial intelligence in law enforcement: potential applications for the detection and investigation of crimes // *Law, society, state: problems of history, theory and practice: collection of mat. All-Russian Scientific and Practical Conference (Staroteryaev, April 12, 2024)*. Staroteryaev : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', 2024. P. 547–551.

4. Lukinsky I. S., Ermoshkin D. A. Three-dimensional laser scanners and three-dimensional photogrammetry: comparative analysis // *Forensic examination and research*. 2022. № 2. P. 55–58.

5. Khorosheva A. E. Visual information and its study in the judicial proceedings of criminal cases // *All-Russian Journal of Criminology*. 2023. Vol. 17. № 2. P. 184–192.

6. Chulakhov V. N., Lukinsky I. S. On the place of forensic scanning in the system of forensic technology // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022. № 4. P. 280–283.

7. Lukinsky I. S. Three-dimensional scanners as a means of recording the inspection of the scene // *Bulletin of Economic Security*. 2022. № 2. P. 111–114.

8. Belyaev M. V. The possibilities of portable 3D triangulation scanners in tracological research // *Bulletin of Economic Security*. 2022. № 3. P. 41–45.

9. Nesmiyanova I. O. Modern methods of fixation and removal of tracological traces as an effective means of identification // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019. № 6. P. 239–242.

10. Lukinsky I. S. The experience of foreign countries in using virtual reality systems in the detection and investigation of crimes // *International criminal law and international justice*. 2024. № 1. P. 28–31.

11. Smushkin A. B. The use of computer-mediated reality in law enforcement // *Bulletin of Tomsk State University*. 2020. № 454. P. 251–259.

12. Mailis N. P. The use of information resources in the production of forensic examinations // *Bulletin of Economic Security*. 2021. № 3. P. 167–168.

13. Yurkevich M. A. Digital criminal justice: what process awaits us in the near future, and what should not be forgotten in the pursuit of universal digitalization // *Issues of Russian and international law*. 2020. Vol. 10. № 5-1. P. 54–61.

14. Yurkevich M. A. In criminal proceedings, should one choose to participate in a court hearing via videoconference instead of personal participation? // *Law and politics*. 2021. № 1. P. 12–22.

15. Maslennikova L. N., Yurkevich M. A. The court's use of video technologies in evidence and decision-making in adversarial criminal proceedings. 2nd ed. М., 2021.

16. Batueva A. B. Approbation of the foreign experience of video modeling in proving criminal cases // *Security of the individual, society and the state: theoretical and legal aspects: collection of scientific articles of the XVI International scientific conference of students of educational organizations of higher education, held within the framework of the III St. Petersburg International Youth Scientific Forum «Northern Palmyra: Territory of Possibilities»*. St. Petersburg : St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. P. 599–604.

17. Karelina M. M., Buzova N. V. Pandemic as a driver of improving legislation and law enforcement in the digital environment // *Justice*. 2021. Vol. 3. № 4. P. 94–115.

18. Durant, Will, 1885–1981. *The Story of Philosophy: the Lives and Opinions of the Great Philosophers of the Western World*. New York : Simon and Schuster, 1961.

19. Decree of the Governor of the Sverdlovsk Region dated February 26, 2021 № 29-RG «On Amendments to the Decree of the Governor of the Sverdlovsk Region dated August 30, 2017 № 204-RG «On the organization

of unified days of personal reception of citizens in the Sverdlovsk Region via videoconference» // URL: <https://docs.cntd.ru/document/574639891?ysclid=maicyac76d514384443>

20. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 7, 2011 № 6 (as amended on March 3, 2015) «On the practice of applying compulsory medical measures by courts» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113017/

21. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 14, 2012 № 11 (as amended on March 3, 2015) «On the practice of consideration by courts of issues related to the extradition of persons for criminal prosecution or execution of a sentence, as well as the transfer of persons to serve their sentences» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131317/

22. Fisakov M. Y. Prospects of using information and communication technologies in the activities of investigators // *Philosophy of Law*. 2020. № 4 (95). P. 109–112.

23. Sumina A. V., Belanovsky K. A. Virtual reality technologies at the scene of an accident: application features // *Chemistry and technology of biologically active substances for medicine and pharmacy: IV School of Young Scientists: abstracts*. M., 2024. P. 139.

Библиографический список

1. Сумина А. В., Лукинский И. С. Осмотр места происшествия по делам о преступлениях, совершенных с применением метательного стрелкового оружия, с использованием цифровых технологий трехмерного сканирования // *Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: мат. IX междунар. науч.-практ. конф.* М., 2023. С. 331–333.

2. Фарафонова О. А. Видео-конференц-связь в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // *Научный вестник Омской академии МВД России*. 2023. № 3(90). С. 241–246.

3. Лукинский И. С., Сумина А. В. Лазерное сканирование и фотограмметрия: Сравнение погрешностей при измерении // *Государство и право России в современном мире: сб. докладов XII Московской юридической недели*. В 5 ч. Т. 4. М., 2023. С. 218–221.

4. Волченко А. В., Лакеева Е. В. Возможности использования видео-конференц-связи при производстве следственных действий // *Вестник Восточно-Сибирского института МВД России*. 2022. № 4. С. 123–133.

5. Плахота К.С. Использование следователем (дознавателем) видео-конференц-связи при производстве следственных действий // *Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки*. 2022. № 1. С. 98–105.

Bibliographic list

1. Sumina A. V., Lukinsky I. S. Inspection of the scene of an incident in cases of crimes committed with the use of small arms missiles using digital three-dimensional scanning technologies // *Theory and practice of forensic examination in modern conditions: mat. IX International Scientific and Practical Conference*. M., 2023. P. 331–333.

2. Farafonova O. A. Video conferencing in criminal proceedings of the Russian Federation // *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023. № 3(90). P. 241–246.

3. Lukinsky I. S., Sumina A.V. Laser scanning and photogrammetry: A comparison of measurement errors // *The state and law of Russia in the modern world: collection of reports of the XII Moscow Law Week*. At 5 p. Vol. 4. M., 2023. P. 218–221.

4. Volchenko A. V., Lakeeva E. V. Possibilities of using video conferencing during investigative actions // *Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022. № 4. P. 123–133.

5. Plakhota K. S. The investigator's (inquirer's) use of video conferencing during investigative actions // *News of TulSU. Economic and legal sciences*. 2022. № 1. P. 98–105.

Информация об авторе

А. А. Сафонов — доцент кафедры технико-криминалистического обеспечения экспертных исследований учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. A. Safonov — Associate Professor of the Department of Technical and Forensic Support for Expert Investigations of the Forensic Science Research Complex of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 23.04.2025; одобрена после рецензирования 13.05.2025; принята к публикации 04.06.2025.
The article was submitted 23.04.2025; approved after reviewing 13.05.2025; accepted for publication 04.06.2025.

Научная статья

УДК 347.427

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-142-147>

EDN: <https://elibrary.ru/jxugdг>

NIION: 2003-0059-3/25-312

MOSURED: 77/27-003-2025-03-511

Правовая неопределенность в институте субсидиарной ответственности контролирующего должника лица: анализ судебной практики и пути совершенствования законодательства

Алексей Павлович Соколов

Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Москва, Россия, srrpj@mail.ru

Аннотация. Институт субсидиарной ответственности контролирующего должника лиц (КДЛ) является одним из ключевых мер защиты прав кредиторов при банкротстве и противодействия корпоративным злоупотреблениям в России. Однако его применение на практике сопряжено со значительной правовой неопределенностью, касающейся критериев привлечения к ответственности, доказывания причинно-следственной связи, распределения бремени доказывания, темпорального действия норм и особенностей ответственности наследников КДЛ. Эта неопределенность снижает предсказуемость для участников оборота, негативно влияет на инвестиционный климат и может приводить к несправедливым судебным решениям.

Анализируются ключевые аспекты правовой неопределенности при применении судами норм о субсидиарной ответственности в России, включая проблемы определения статуса КДЛ, стандартов их поведения, установления причинно-следственной связи, оснований ответственности и распределения бремени доказывания, а также предложены возможные пути совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

Исследование основано на анализе положений Гражданского кодекса РФ, Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (ст. 61.10, 61.11, 61.16, 61.19 и др.), разъяснений высших судебных инстанций, материалов судебной практики арбитражных судов (включая анализ определений ВС РФ № 308-ЭС24-21242 и № 305-ЭС18-19945 (20)), статистических данных (Федресурс), а также доктринальных источников. Используются методы системного анализа, сравнительно-правовой метод, формально-юридический метод и анализ судебной практики.

Выявлены основные зоны правовой неопределенности: 1) отсутствие четких критериев оценки действий КДЛ и причинно-следственной связи (проиллюстрировано анализом определения ВС РФ № 305-ЭС18-19945 (20)); 2) проблемы распределения бремени доказывания, особенно при недобросовестном поведении КДЛ (проиллюстрировано анализом определения ВС РФ № 308-ЭС24-21242); 3) противоречивая практика применения норм во времени; 4) сложности, связанные с привлечением к ответственности наследников. Проведен сравнительный анализ позиций ВС РФ, выявлены общие подходы и нюансы.

Существующая правовая неопределенность требует системных решений. Предлагается разработка Верховным Судом РФ комплексных разъяснений по спорным вопросам (стандарты оценки действий КДЛ и причинно-следственной связи, правила применения презумпций, механизм перераспределения бремени доказывания, темпоральное применение норм, ответственность наследников), а также возможное уточнение законодательства.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность, контролирующее должника лицо, банкротство, правовая неопределенность, судебная практика, причинно-следственная связь, бремя доказывания, применение закона во времени, наследники, Гражданский кодекс РФ, Закон о банкротстве, определение ВС РФ № 308-ЭС24-21242, определение ВС РФ № 305-ЭС18-19945 (20), совершенствование законодательства

Для цитирования: Соколов А. П. Правовая неопределенность в институте субсидиарной ответственности контролирующего должника лица: анализ судебной практики и пути совершенствования законодательства // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 3. С. 142–147. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-142-147>. EDN: JXUGDG.

Original article

Legal uncertainty concerning subsidiary liability of controlling persons: an analysis of Russian judicial practice and paths for legislative improvement

Alexey P. Sokolov

Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia, srrpj@mail.ru

Abstract. The Institute of Subsidiary Liability of Persons Controlling the debtor (CDL) is one of the key measures to protect creditors' rights in bankruptcy and to counter corporate abuse in Russia. However, its application in practice is fraught with significant legal uncertainty regarding the criteria for bringing to justice, proving causation, burden of proof, temporal effect of norms, and the specifics of the responsibility of the heirs of the CDL. This uncertainty reduces predictability for turnover participants, negatively affects the investment climate and can lead to unfair court decisions.

The key aspects of legal uncertainty in the application by courts of rules on subsidiary liability in Russia are analyzed, including the problems of determining the status of CDL, standards of their behavior, establishing a causal relationship, grounds for liability and burden of proof distribution, as well as suggesting possible ways to improve legislation and law enforcement practice.

© Соколов А. П., 2025

The study is based on an analysis of the provisions of the Civil Code of the Russian Federation, the Federal Law «On Insolvency (Bankruptcy)» (Articles 61.10, 61.11, 61.16, 61.19, etc.), clarifications from higher courts, materials of judicial practice of arbitration courts (including an analysis of Definitions of the Supreme Court of the Russian Federation № 308-ES24-21242 and № 305-ES18-19945 (20)), statistical data (Fedresurs), as well as doctrinal sources. The methods of system analysis, the comparative legal method, the formal legal method and the analysis of judicial practice are used.

The main areas of legal uncertainty have been identified: 1) the lack of clear criteria for evaluating the actions of the KDL and the causal relationship (illustrated by the analysis of the Definition of the Supreme Court of the Russian Federation № 305-ES18-19945 (20)); 2) problems of burden-sharing, especially in the case of unfair conduct by the KDL (illustrated by the analysis of the Definition of the Supreme Court of the Russian Federation № 308-ES24-21242); 3) contradictory practice the application of norms over time; 4) difficulties associated with bringing heirs to justice. A comparative analysis of the positions of the Armed Forces of the Russian Federation has been carried out, common approaches and nuances have been identified.

The existing legal uncertainty requires systemic solutions. It is proposed that the Supreme Court of the Russian Federation develop comprehensive clarifications on controversial issues (standards for assessing the actions of KDL and causality, rules for the application of presumptions, a mechanism for redistributing the burden of proof, temporal application of norms, responsibility of heirs), as well as possible clarification of legislation.

Keywords: subsidiary liability, controlling person of the debtor, bankruptcy, legal uncertainty, judicial practice, causation, burden of proof, application of law in time, heirs, Civil Code of the RF, Bankruptcy Law, SC RF Ruling № 308-ES24-21242, SC RF Ruling № 305-ES18-19945 (20), improvement of legislation

For citation: Sokolov A. P. Legal uncertainty concerning subsidiary liability of controlling persons: an analysis of Russian judicial practice and paths for legislative improvement. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(3):142–147. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-142-147>. EDN: JXUGDG.

Институт субсидиарной ответственности контролирующего должника лиц (КДЛ) занимает одно из центральных мест в современном российском законодательстве о банкротстве. Закрепленный в гл. III.2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве), он выступает ключевым механизмом защиты прав кредиторов от недобросовестных действий лиц, имевших возможность определять действия компании-должника (ст. 61.10 Закона о банкротстве), и средством компенсации потерь кредиторов в условиях неэффективности стандартных процедур банкротства [1, с. 9].

Несмотря на значимость этого института и активное реформирование законодательства в данной сфере, его практическое применение характеризуется существенной правовой неопределенностью. Как отмечают практики, предприниматели сталкиваются с такой неопределенностью в части выявления критериев, которыми арбитражные суды должны руководствоваться при оценивании действий контролирующего должника лица [2, с. 57]. В статье рассматривается неопределенность, касающаяся оснований и условий привлечения к ответственности (ст. 61.11 Закона о банкротстве), вопросов применения соответствующих норм во времени [3, с. 64], специфики ответственности наследников в случае смерти КДЛ [4, с. 71] и распределения бремени доказывания между сторонами спора.

Такая ситуация порождает ряд негативных последствий: снижает предсказуемость для участников гражданского оборота, затрудняет оценку рисков при принятии управленческих и инвестиционных ре-

шений [2, с. 58], создает почву для противоречивых судебных актов и потенциально несправедливого возложения ответственности, увеличивает нагрузку на судебную систему. Целью настоящей статьи является анализ ключевых аспектов правовой неопределенности, возникающей при применении судами норм о субсидиарной ответственности КДЛ, на основе изучения актуальной судебной практики (включая последние позиции Верховного Суда РФ) и доктринальных подходов, а также выработка предложений по совершенствованию правового регулирования и правоприменения.

Исследование проведено на основе анализа норм Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), Закона о банкротстве (в частности, ст. 61.10, 61.11, 61.16, 61.19). Изучены разъяснения Пленума Верховного Суда РФ (в частности, постановление № 53 от 21 декабря 2017 г. [5]), обзоры судебной практики Верховного Суда РФ [6], а также постановления и определения арбитражных судов различных инстанций, иллюстрирующие проблемные аспекты применения субсидиарной ответственности (включая определения ВС РФ от 10 апреля 2025 г. № 308-ЭС24-21242 [9] и от 14 августа 2024 г. № 305-ЭС18-19945 (20) [10]). Важное место в исследовании занимает анализ доктринальных позиций, представленных в работах М. С. Лагоды [2], Е. А. Порсюрора и Е. П. Татариновой [3], С. В. Корабель и А. Б. Григорьевой [4], Е. Д. Суворова [7] и других авторов. Кроме того, использовались статистические данные Единого федерального реестра сведений о банкротстве (Федресурс) [8]. Основными методами исследования выступили системный анализ право-

вых норм, формально-юридический метод, а также метод анализа и обобщения судебной практики.

Анализ законодательства, доктрины и судебной практики позволил выявить следующие основные зоны правовой неопределенности в применении института субсидиарной ответственности.

1. *Неопределенность критериев оценки действий КДЛ и причинно-следственной связи.* Закон о банкротстве (ст. 61.11) устанавливает ответственность КДЛ, если полное погашение требований кредиторов невозможно вследствие его действий (бездействия), и содержит ряд опровержимых презумпций вины (п. 2 ст. 61.11). Однако на практике разграничение виновного поведения КДЛ и обычного предпринимательского риска (который не должен влечь ответственность согласно п. 10 ст. 61.11) вызывает значительные трудности. Суды оценивают доказательств и добросовестность КДЛ «по своему внутреннему убеждению» [2, с. 57; 6], что часто приводит к непредсказуемым результатам. Высокий процент удовлетворенных заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности (по данным Федресурса [8], стабильно превышающий 40–45 % [2, с. 57]) может свидетельствовать не только о распространенности злоупотреблений, но и о сложности для ответчиков опровергнуть презумпцию вины или доказать наличие объективных внешних факторов банкротства [5, п. 19]. Важной проблемой является доказывание причинно-следственной связи между действиями КДЛ и самим фактом невозможности полного погашения требований кредиторов (т. е. банкротством), а не просто причинением отдельных убытков. Как подчеркнул Верховный Суд РФ в определении от 14 августа 2024 г. № 305-ЭС18-19945 (20) по делу АКБ «Финпромбанк» [10], действия КДЛ должны быть необходимой причиной банкротства, без которых оно бы не наступило. Суд указал на необходимость исследования всех обстоятельств, включая контрдоводы ответчика о наличии объективных причин или о том, что его действия предотвратили бы ущерб, а не ограничиваться формальным установлением ущерба от отдельных сделок. Данный подход требует от судов более глубокого экономического анализа ситуации, что на практике реализуется не всегда последовательно. Также определение № 305-ЭС18-19945 (20) затронуло вопрос неопределенности при квалификации лица как КДЛ на основании извлечения выгоды (подп. 3 п. 4 ст. 61.10 Закона о банкротстве), указав на необходимость доказывания

именно существенной выгоды, полученной вследствие недобросовестных действий, а не любого косвенного положительного эффекта.

2. *Проблемы распределения бремени доказывания.* По общему правилу АПК РФ (ст. 65), бремя доказывания оснований для привлечения к субсидиарной ответственности лежит на заявителе (кредиторе или арбитражном управляющем). Однако Закон о банкротстве предусматривает возможность перераспределения бремени доказывания. Ст. 61.16 (п. 4) и ст. 61.19 (п. 2, ссылающийся на п. 4 ст. 61.16) допускают возложение бремени доказывания отсутствия оснований для ответственности на привлекаемое лицо в случае непредставления им отзыва или явной неполноты возражений. На практике применение этих норм и общих принципов доказывания вызывает споры, особенно в условиях «информационной асимметрии», когда КДЛ контролирует большую часть информации и документов о деятельности должника.

Ярким примером подхода Верховного Суда РФ к разрешению этой проблемы является определение от 10 апреля 2025 г. № 308-ЭС24-21242 [9]. В данном деле рассматривался иск кредитора к бывшему и текущему руководителям компании, производство по делу о банкротстве которой было прекращено из-за отсутствия финансирования. Нижестоящие суды отказали в иске, возложив на кредитора всю полноту доказывания виновных действий ответчиков. Верховный Суд РФ отменил эти акты, указав на неправильное распределение бремени доказывания. Суд подчеркнул, что если кредитор представил убедительные косвенные доказательства наличия у ответчика статуса КДЛ и невозможности погашения требований из-за его действий (бездействия), а ответчик уклоняется от дачи пояснений или представления документов, находящихся в его распоряжении, бремя опровержения утверждений кредитора переходит на КДЛ. Суд сформулировал критерии для ситуации с «брошенными» компаниями: кредитору достаточно доказать наличие долга, признаки «брошенного» юрлица у должника, статус КДЛ у ответчика и отсутствие содействия со стороны последнего в раскрытии информации. При наличии этих признаков предполагается недобросовестность КДЛ, и он должен доказать отсутствие оснований для своей ответственности. Данное определение демонстрирует тенденцию судебной практики к защите кредиторов в условиях недобросовестного поведения КДЛ, использующих информационную асимметрию.

3. *Противоречивая практика темпорального применения норм.* Введение Федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 266-ФЗ [11] новой гл. III.2 в Закон о банкротстве поставило вопрос о применении новых правил к правоотношениям, возникшим до их вступления в силу. П. 3 ст. 4 Закона № 266-ФЗ установил применение гл. III.2 к заявлениям, поданным после 1 июля 2017 г., что породило разночтения: должны ли применяться ретроактивно только процессуальные нормы или также и материальные? Судебная практика демонстрирует разные подходы [3, с. 64–66]. Например, в деле № А28-7150/2016-283 суд применил нормы гл. III.2 ретроактивно к событиям до 2017 г. [12], тогда как в деле № А29-10924/2019 апелляция подтвердила необходимость применения старой редакции ст. 10 Закона о банкротстве к отношениям 2013–2015 гг. [13]. Особую сложность вызывает квалификация презумпций (п. 2 ст. 61.11) как материальных или процессуальных. Преобладает подход, согласно которому презумпции вины КДЛ являются материально-правовыми и не должны применяться ретроактивно, если они ухудшают положение ответчика [3, с. 66–67; 7, с. 187], однако и здесь встречаются исключения, особенно если новая презумпция по содержанию близка к ранее действовавшей норме или сложившейся практике [3, с. 67; 14]. Эта нестабильность нарушает принцип правовой определенности и предсказуемости.

4. *Сложности привлечения к ответственности наследников КДЛ.* Судебная практика подтвердила принципиальную возможность привлечения наследников КДЛ к субсидиарной ответственности по долгам наследодателя в пределах стоимости унаследованного имущества [4, с. 71–72]. Верховный Суд РФ в определении от 16 декабря 2019 г. № 303-ЭС19-15056 по делу № А04-7886/2016 [15] указал, что такой долг входит в наследственную массу, а в п. 22 Обзора судебной практики № 1 (2020) [16] разъяснил возможность предъявления иска к наследникам (или наследственной массе) после смерти КДЛ. Однако на практике возникает ряд сложностей. Во-первых, на наследников переходит бремя опровержения презумпций вины наследодателя (ст. 61.11), при этом они зачастую не обладают необходимой информацией о его управленческих решениях [4, с. 72–73]. Хотя суды должны оказывать содействие в истребовании доказательств [5, п. 19], информационный дефицит ставит наследников в уязвимое положение. Во-вторых, не всегда очевидны пределы ответственности, особенно если нас-

ледник являлся выгодоприобретателем по сделкам, совершенным наследодателем в ущерб кредиторам — в этом случае ответственность может превысить стоимость наследства [4, с. 73–74; 5, п. 7]. Необходимость тщательной проверки активов и пассивов компании перед принятием наследства становится критически важной, но не всегда выполнимой [4, с. 73].

Выявленные аспекты правовой неопределенности в институте субсидиарной ответственности имеют серьезные негативные последствия. *Во-первых*, страдает правовая определенность как базовый принцип права. КДЛ и их потенциальные наследники лишены возможности четко прогнозировать риски привлечения к ответственности как заранее, так и в ситуации, когда КДЛ умерло и срок вступления в наследство истекает. Непредсказуемость оценки судом действий КДЛ, непоследовательность в установлении причинно-следственной связи и распределении бремени доказывания, а также темпорального применения норм усугубляют эту проблему. *Во-вторых*, подрывается предсказуемость ведения бизнеса и инвестиционная привлекательность. Непрогнозируемые риски субсидиарной ответственности могут удерживать добросовестных предпринимателей, включая иностранных из «дружественных» юрисдикций от рискованных, но потенциально выгодных проектов, а также от вложения средств в развитие бизнеса [2, с. 58]. *В-третьих*, возникают риски несправедливых судебных решений. Обозначенная нечеткость критериев, неверная оценка причинно-следственной связи и неверное распределение бремени доказывания могут привести как к необоснованному привлечению к ответственности лиц, действовавших в рамках допустимого предпринимательского риска, так и, наоборот, к уходу от ответственности реальных виновников банкротства. Игнорирование судами контекста сделок и доводов ответчиков о предотвращении большего ущерба (как в деле АКБ «Финпромбанк» [10]) также нарушает принцип справедливости. Ретроактивное применение ухудшающих норм или возложение на наследников непосильного бремени доказывания также вызывают вопросы. *В-четвертых*, противоречивая практика снижает эффективность правосудия, порождая многочисленные споры и необходимость пересмотра дел в вышестоящих инстанциях. Преодоление этих проблем требует комплексного подхода, направленного на поиск баланса между эффективной защитой интересов кредиторов и обеспечением справедливых условий для КДЛ и их правопреемников.

Для преодоления сложившейся ситуации представляется необходимым следующий комплекс мер.

1. Разработка Верховным Судом Российской Федерации комплексных разъяснений, направленных на унификацию судебной практики по следующим вопросам:

- ♦ конкретизация критериев оценки добросовестности и разумности действий (бездействия) КДЛ (п. 10 ст. 61.11 Закона о банкротстве), установление более четких границ между предпринимательским риском и противоправным поведением; определение подходов к оценке причинно-следственной связи, как в контексте доведения до банкротства (позиция по делу № 305-ЭС18-19945 (20)), так и в контексте невозможности погашения долга после фактического прекращения деятельности; разъяснение критериев применения подпп. 3 п. 4 ст. 61.10 (контроль через извлечение выгоды); оценка доводов КДЛ о предотвращении большего ущерба;

- ♦ четкое определение условий и порядка применения механизма перераспределения бремени доказывания (п. 4 ст. 61.16, п. 2 ст. 61.19 Закона о банкротстве), с учетом позиции, выработанной в определении № 308-ЭС24-21242, разграничивая ситуации в зависимости от процессуального поведения КДЛ (уклонение от сотрудничества или активная защита);

- ♦ формулирование единых правил применения норм гл. III.2 Закона о банкротстве во времени, с однозначным разграничением материальных и процессуальных норм (включая презумпции) и подтверждением недопустимости ретроактивного применения материальных норм, ухудшающих положение КДЛ;

- ♦ уточнение процессуальных аспектов рассмотрения дел о привлечении к ответственности наследников КДЛ, включая стандарты содействия суда в сборе доказательств и особенности оценки их доводов с учетом ограниченного доступа к информации.

2. Возможное точечное совершенствование законодательства:

- ♦ рассмотрение возможности внесения уточнений в п. 4 ст. 61.16 и п. 2 ст. 61.19 Закона о банкротстве для более четкого определения оснований и процедуры перераспределения бремени доказывания, возможно, кодифицируя критерии, выработанные судебной практикой;

- ♦ внесение большей ясности в переходные положения законов, реформирующих институт субсидиарной ответственности, для исключения неоднозначного толкования правил их действия во времени.

Реализация предложенных мер будет способствовать повышению уровня правовой определенности, предсказуемости и справедливости в применении института субсидиарной ответственности, что положительно скажется на стабильности гражданского оборота и деловом климате в Российской Федерации.

Список источников

1. Разумов И. В. Институт банкротства экономически неэффективен // Закон. 2020. № 9. С. 8–20.

2. Лагода М. С. Организация предпринимательской деятельности с учетом новых подходов судов к субсидиарной ответственности // Имущественные отношения в РФ. 2022. № 4(247). С. 57–60.

3. Порсюрюв Е. А., Татарина Е. П. Особенности темпорального применения норм о субсидиарной ответственности при банкротстве // Имущественные отношения в РФ. 2022. № 10(253). С. 64–70.

4. Корабель С. В., Григорьева А. Б. Привлечение наследников к субсидиарной ответственности за деятельность наследодателя // Имущественные отношения в РФ. 2023. № 8 (263). С. 71–74.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Российская газета. 2017. 29 дек.

6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 17 июля 2019 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 1.

7. Суворов Е. Д. Субсидиарная ответственность по обязательствам несостоятельного должника. М.: Статут, 2020.

8. URL: <https://fedresurs.ru>

9. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 10 апреля 2025 г. № 308-ЭС24-21242 по делу № А53-48051/2023 // URL: <https://kad.arbitr.ru/>

10. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 14 августа 2024 г. № 305-ЭС18-19945 (20) по делу № А40-196703/2016 // URL: <https://kad.arbitr.ru/>

11. Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4815.

12. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 11 июля 2018 г. по делу № А28-7150/2016-283 // URL: <https://kad.arbitr.ru/>

13. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 15 января 2021 г. по делу № А29-10924/2019 // URL: <https://kad.arbitr.ru/>

14. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 30 сентября 2019 г. № 305-ЭС19-10079 по делу № А41-87043/2015 // URL: <https://kad.arbitr.ru/>

15. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 16 декабря 2019 г. № 303-ЭС19-15056 по делу № А04-7886/2016 // URL: <https://kad.arbitr.ru/>

16. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10 июня 2020 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 10.

References

1. Razumov I. V. The institute of bankruptcy is economically inefficient // Law. 2020. № 9. P. 8–20.

2. Lagoda M. S. Organization of entrepreneurial activity taking into account new approaches of courts to subsidiary liability // Property relations in the Russian Federation. 2022. № 4(247). P. 57–60.

3. Porsiuurov E. A. Tatarinova E. P. Features of temporal application of rules on subsidiary liability in bankruptcy // Property relations in the Russian Federation. 2022. № 10(253). P. 64–70.

4. Korabel S. V., Grigorieva A. B. Bringing heirs to subsidiary responsibility for the activities of the testator // Property relations in the Russian Federation. 2023. № 8 (263). P. 71–74.

5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 21, 2017 № 53 «On some issues related to the involvement of persons controlling the debtor to be held accountable in case of bankruptcy» // Rossiyskaya Gazeta. 2017. 29 Dec.

6. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation № 2 (2019) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on July 17, 2019) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2020. № 1.

7. Suvorov E. D. Subsidiary liability for the obligations of an insolvent debtor. M. : Statute, 2020.

8. URL: <https://fedresurs.ru>

9. Ruling of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 10, 2025 № 308-ES24-21242 in case № А53-48051/2023 // URL: <https://kad.arbitr.ru/>

10. Definition Judicial Board on Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated August 14, 2024 № 305-ES18-19945 (20) in case № А40-196703/2016 // URL: <https://kad.arbitr.ru/>

11. Federal Law № 266-FZ of July 29, 2017 «On Amendments to the Federal Law «On Insolvency (Bankruptcy)» and the Code of Administrative Offences of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2017. № 31 (Part I). Art. 4815.12.

12. Resolution of the Second Arbitration Court of Appeal dated July 11, 2018 in case № А28-7150/2016-283 // URL: <https://kad.arbitr.ru/>

13. Resolution of the Second Arbitration Court of Appeal dated January 15, 2021 in case № А29-10924/2019 // URL: <https://kad.arbitr.ru/>

14. Ruling of the Judicial Board on Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 30, 2019 № 305-ES19-10079 in case № А41-87043/2015 // URL: <https://kad.arbitr.ru/>

15. Ruling of the Judicial Board on Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 16, 2019 № 303-ES19-15056 in case № А04-7886/2016 // URL: <https://kad.arbitr.ru/>

16. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation № 1 (2020) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on June 10, 2020) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2020. № 10.

Информация об авторе

А. П. Соколов — профессор кафедры цифровой экономики и предпринимательства Российской государственной академии интеллектуальной собственности, доктор экономических наук, профессор.

Information about the author

A. P. Sokolov — Professor of the Department of Digital Economy and Entrepreneurship of the Russian State Academy of Intellectual Property, Doctor of Economic Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 23.04.2025; одобрена после рецензирования 13.05.2025; принята к публикации 04.06.2025.
The article was submitted 23.04.2025; approved after reviewing 13.05.2025; accepted for publication 04.06.2025.

Научная статья
УДК 342.951:351.82
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-148-151>
EDN: <https://elibrary.ru/jzhulg>

НИОН: 2003-0059-3/25-313
MOSURED: 77/27-003-2025-03-512

Административно-правовые средства стимулирования IT-отрасли в Российской Федерации

Екатерина Александровна Соломатина

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, katesolo@yandex.ru

Аннотация. Влияние развития информационных технологий (ИТ) проникает во все сферы жизнедеятельности общества. Анализ государственных решений в области применения административно-правовых средств стимулирования ИТ-отрасли в Российской Федерации свидетельствует о смещении публичного интереса на заинтересованность в цифровом развитии страны как наиболее эффективном и прозрачном процессе, ориентированном на независимость Российской Федерации в технологическом суверенитете, информационную безопасность страны, устойчивость восприятия граждан по отношению к агитациям иностранной пропаганды и действию иностранных спецслужб, использование лучших разработок международной и отечественной продукции технологического преимущества.

Захватить мировое господство в рамках установления своего технологического суверенитета стремятся все мировые лидеры из стран, имеющих такие возможности. Отставание в указанном технологическом вопросе обеспечивает проигрыш не только на международной арене, но и внутри страны, в контексте развития отечественных сегментов экономики и безопасности критической информационной инфраструктуры.

Рассматриваются принятые административно-правовые меры в Российской Федерации для стимулирования ИТ-отрасли и причины на них повлиявшие.

Ключевые слова: стимулирование, административно-правовые средства, информационные технологии, ИТ-отрасль, технологический суверенитет, Российская Федерация

Для цитирования: Соломатина Е. А. Административно-правовые средства стимулирования ИТ-отрасли в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 3. С. 148–151. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-148-151>. EDN: JZHULG.

Original article

Administrative and legal means of stimulating the IT-industry in the Russian Federation

Ekaterina A. Solomatina

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, katesolo@yandex.ru

Abstract. The impact of information technology (IT) development penetrates into all spheres of society. The analysis of state decisions in the field of application of administrative and legal means of stimulating the IT-industry in the Russian Federation shows the shift of public interest to the interest in the digital development of the country as the most effective and transparent process, focused on the independence of the Russian Federation in technological sovereignty, information security of the country, the stability of citizens' perception in relation to the agitation of foreign propaganda and the action of foreign intelligence services, the use of the best developments in the field of IT-development in the Russian Federation.

All world leaders from the countries that have such capabilities strive to seize world domination within the framework of establishing their technological sovereignty. Lagging behind in this technological issue provides a loss not only in the international arena, but also within the country, in the context of the development of domestic segments of the economy and security of critical information infrastructure.

The administrative and legal measures taken in the Russian Federation to stimulate the IT-industry and the reasons that influenced them are considered.

Keywords: incentives, administrative and legal means, information technologies, IT-industry, technological sovereignty, Russian Federation

For citation: Solomatina E. A. Administrative and legal means of stimulating the IT-industry in the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(3):148–151. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-148-151>. EDN: JZHULG.

Государственное стимулирование ИТ-отрасли направлено на разработку комплекса мер, которые применяются для достижения определенных целей в экономике, связанных с созданием, внедрением и обслуживанием компьютерных систем, программного обеспечения, баз данных, облачных хранилищ и дру-

© Соломатина Е. А., 2025

гих IT-ресурсов, которые как отдельно, так и в своей взаимосвязи активно развиваются по всему миру, и особенно в «передовых» странах, сделавших национальный технологический скачок.

Представители аналитического центра Австралийского института стратегической политики (ASPI) опубликовали отчет *Critical Technology Tracker*, согласно которому Китайская Народная Республика лидирует в 89 % развиваемых в мире технологий. Исследование включало в себя оценку эффективности развития 64 стран по критически важным технологиям в сферах обороны, космоса, искусственного интеллекта, квантовых технологий, кибербезопасности, создания передовых материалов и робототехнике [1]. Ранее, начиная с 2003 г., 1-ое место в мире удерживали США; в пятерке лучших были названы Индия, Южная Корея и Япония.

В Российской Федерации, по данным Минцифры, с 2019 по 2023 гг. IT-отрасль среди всех отраслей экономики заняла 1-ое место по темпам своего роста [2].

Произошедший скачок развития IT-отрасли в Российской Федерации необходимо проанализировать с позиции разработки и внедрения административно-правовых средств ее стимулирования со стороны государственных институтов.

Первый этап введения стимулирующих административно-правовых мер поддержки IT-отрасли в России был осуществлен в 2020 г. Посредством изменения ряда статей в Налоговом кодексе были продуманы снижающие налоги механизмы: с тарифов страховых взносов, с налога на прибыль, с уплаты НДС при выполнении ряда условий [3]. Правительственные гранты составили 6,9 млрд руб. на конец 2020 г. для поддержки более 300 разработок, предусмотрено льготное кредитование на 34,7 млрд руб. [4].

Второй этап российского административно-правового стимулирования был осуществлен в 2021 г. и вводил общесистемные меры (выравнивал условия для международных интернет-корпораций и российских, позволял внедрять национальные IT-решения в деятельность отечественных предприятий, способствовал продвижению российских IT-продуктов за рубежом) и узкосегментные (для бизнеса, электронного образования, медицины, цифровых сервисов, облачных хранилищ, обработки данных и др.), а также снижал законодательные барьеры для российского IT-бизнеса, вводились отраслевые цифровые стандарты [5].

Последующие события как внутривнутриполитического, так и внешнеполитического характера оказали свое существенное воздействие на IT-отрасль. Из их общего объема необходимо выделить следующие: объявление Президентом Российской Федерации 24 февраля 2022 г. о проведении специальной военной операции и принятие в связи с этим блока нормативных правовых актов; санкционная политика США и Европейского союза в отношении российской экономики и предпринимателей, в том числе расширение перечня товаров, связанных с электроникой и информационными системами, военно-промышленным и оборонным комплексами, а также научной сферой; уход западных компаний и их высокотехнологических продуктов с российского рынка; необходимость импортозамещения и потребность стратегического изменения государственного управления в российской экономике; цифровая трансформация, затронувшая все сферы внутреннего развития страны и др.

Перечисленные события особенно остро коснулись развития всей экономики Российской Федерации в целом, однако именно в IT-отрасли мгновенно обозначился ряд проблем, а именно адаптация российских предпринимателей к новым условиям; необходимость государственной поддержки технических разработок; обеспечение безопасности критически важных систем и их защита; стремительная необходимость применения искусственного интеллекта в ключевых государственных и рыночных вопросах; повышение качества инновационных российских продуктов и их соответствие техническим регламентам на этапах апробирования и практического использования; создание отечественного литографического оборудования для производства дешевых чипов [6] и др.

Но самой ключевой проблемой оказался дефицит высокоспециализированных кадров в IT-отрасли, а также их подготовка. Ситуация с объявлением частичной мобилизации в Российской Федерации повлекла за собой выезд из страны большого количества специалистов в рассматриваемой области. Так, по оценке Российской ассоциации электротехнических компаний страну покинули 50–70 тыс. человек, готовились к выезду в дальнейшем за пределы Российской Федерации до 100 тыс. IT-специалистов. Для обмена информации по выезду за границу создавались закрытые группы в Telegram-канале, некоторые IT-компании, например, «МегаФон», «МТС», «Яндекс», «HeadHunter» предусматривали и планировали вы-

воз своих специалистов [7]. Отток кадров из страны никогда не был столь масштабным и обозначил острый кризис в отрасли.

На фоне этих обстоятельств были приняты особо стимулирующие меры государственной поддержки ИТ-отрасли. Таким образом, третий этап государственного стимулирования можно обозначить с марта 2022 г., с момента издания корректирующего ситуацию президентского указа [8].

Он включал в себя: ежегодное бюджетное ассигнование на грантовую поддержку ИТ-разработок; выделение средств аккредитованным ИТ-организациям, в том числе с целью повышения заработной платы и улучшения жилищных условий посредством льготной ипотеки для ИТ-специалистов, предоставление льгот по кредитам и рекламе. Положительно решался вопрос об ограничении контрольных (надзорных) мероприятий в виде введения временного моратория до трех лет в качестве существенной меры, упрощался механизм государственных закупок в ИТ-области. Трудоустройство привлекаемых в эту сферу иностранных граждан также претерпело ряд послаблений. Самое главное — ИТ-специалисты аккредитованных ИТ-организаций не призывались на военную службу до 27 лет.

Была изменена ставка по налогу на прибыль для ИТ-компаний с 2025 до 2030 гг., предусмотрены льготные тарифы по страховым взносам. В федеральный бюджет Правительство РФ включало и продолжает учитывать финансирование перспективных разработок отечественных ИТ-решений, предоставляя субсидии на обеспечение льготного кредитования проектов по цифровой трансформации при импортозамещении. Включены меры грантовой поддержки, задействована деятельность нескольких фондов [9]. В настоящее время приняты разнообразные акты [10], составляющие основу новейшего законодательства в рамках развития ИТ-отрасли.

Таким образом, ИТ-отрасль в Российской Федерации становится перспективным сектором российской экономики и оказывает свое влияние на трансформацию государственного управления. Административный сектор заинтересован в увеличении возможностей в новых формах обмена информацией, росте мобильных технологий, цифровизации, анализе больших данных, создании инновационных продуктов, развитии информационных услуг, использовании искусственного интеллекта, но в осо-

бенности, — в своевременном стимулировании этого направления посредством принятия административно-правовых норм, в своем непосредственном участии как регуляторе.

Развитие информационных технологий автоматически влечет за собой цифровизацию администрирования, документооборота и хранения большого объема данных, улучшает доступность государственных услуг через использование электронных порталов в режиме он-лайн, увеличивает прозрачность государственного сектора и стимулирует бизнес-сообщество, повышает персональную ответственность ИТ-субъектов, развивает навыки кибербезопасности и др.

Необходимость административно-правового регулирования ИТ-отрасли с точки зрения ее более эффективного стимулирования раскрывает возможность развития административного законодательства посредством его адаптации к новым условиям и вызовам времени, а также последующей систематизации; направляет государственный интерес в первоочередные потребности экономики и общества в контексте цифровой трансформации. Однако, современная юриспруденция в этой связи вынуждена приспособливаться и активизироваться для поиска ответов на проблемные вопросы по цифровизации, решать новые возникающие угрозы для цифровой безопасности, прежде всего, личности, человека, граждан страны.

Научный мониторинг отдельных практик административно-правового стимулирования ИТ-отрасли в Российской Федерации необходимо соотносить с подобной практикой в ряде зарубежных государств. Сравнительное исследование административно-правового стимулирования ИТ-отрасли может предоставить необходимые способы решения тех проблем, которые в Российской Федерации пока еще находятся в стадии оформления.

Следовательно, для развития инноваций, оказывающих свое влияние на успешность государства в борьбе за технологическое лидерство или многополярность государств в этой области, необходимы обновление научно-правовой мысли, адаптация технологических процессов посредством разработки правового инструментария в юриспруденции, создание гибких правовых форм реагирования на быстро меняющиеся процессы с области развития информационных технологий, а также понимания стимулирующей государственной роли в перечисленных процессах.

Список источников

1. ASPI's two-decade Critical Technology Tracker: The rewards of long-term research investment // Australian Strategic Policy Institute. 28 Aug 2024.
2. Анализ ИТ-рынка за 4 года // URL: <https://t.me/mintsify/2224>
3. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 265-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Победителями грантовых программ в 2020 г. стали 278 проектов в сфере ИТ на сумму 4,5 млрд руб. // URL: <https://tass.ru/ekonomika/10784485>
5. Правительство утвердило второй пакет мер поддержки ИТ-отрасли // URL: <http://government.ru/docs/43255/>
6. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р «Концепция технологического развития на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс».
7. РАЭК спрогнозировала отъезд до 100 тыс. ИТ-специалистов в апреле 2022 // URL: <https://www.rbc.ru/politics/22/03/2022/6239c48b9a7947da733b01fd>
8. Указ Президента Российской Федерации от 2 марта 2022 г. № 83 «О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Меры поддержки для ИТ-компаний: обзор перечня антикризисных мер // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411198/d47d63c1bd09b4f09b07d6278860e9673ca0f14f/
10. Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Информация об авторе

Е. А. Соломатина — доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

E. A. Solomatina — Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 24.02.2025; одобрена после рецензирования 28.03.2025; принята к публикации 28.04.2025.

The article was submitted 24.02.2025; approved after reviewing 28.03.2025; accepted for publication 28.04.2025.

Научная статья

УДК 341.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-152-159>

EDN: <https://elibrary.ru/jisbih>

НИОН: 2003-0059-3/25-314

MOSURED: 77/27-003-2025-03-513

Проблемы и перспективы частноправового регулирования отношений, связанных с государственной собственностью Союзного государства России и Беларуси

Дина Павловна Стригунова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Москва, Россия, strigunova-dp@ranepa.ru

Аннотация. Интеграционное объединение Российской Федерации и Республики Беларусь обуславливает необходимость разработки и совершенствования нормативной правовой базы, регулирующей вопросы государственной собственности Союзного государства, эффективное управление которой призвано служить развитию экономики наших государств и еще большему их сближению. До настоящего времени очень многие вопросы, касающиеся частноправовых отношений, связанных с государственной собственностью Союза, не решены. Целью исследования является выявление проблем и внесение некоторых предложений по их разрешению в рамках создания соответствующей нормативной правовой базы Союзного государства России и Беларуси.

Ключевые слова: Союзное государство России и Беларуси, собственность Союзного государства, право собственности, государственно-частное партнерство, коллизийное регулирование в Союзном государстве

Для цитирования: Стригунова Д. П. Проблемы и перспективы частноправового регулирования отношений, связанных с государственной собственностью Союзного государства России и Беларуси // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 3. С. 152–159. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-152-159>. EDN: JISBIH.

Original article

Problems and prospects for private law regulation of relations related to the state property of the Union State of Russia and Belarus

Dina P. Strigunova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia,
strigunova-dp@ranepa.ru

Abstract. The integration union of the Russian Federation and the Republic of Belarus necessitates the development and improvement of the normative legal framework regulating the issues of state property of the Union State, the effective management of which is designed to serve the development of the economy of our states and even greater rapprochement between them. So far, very many issues concerning private legal relations related to state property of the Union have not been resolved. The aim of the study is to identify the problems and make some proposals for their resolution within the framework of the creation of an appropriate regulatory legal framework of the Union State of Russia and Belarus.

Keywords: Union State of Russia and Belarus, property of the Union State, ownership, public-private partnership, conflict of laws regulation in the Union State

For citation: Strigunova D. P. Problems and prospects for private law regulation of relations related to the state property of the Union State of Russia and Belarus. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(3):152–159. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-152-159>. EDN: JISBIH.

8 декабря 1999 г. Российская Федерация и Республика Беларусь подписали Договор «О создании Союзного государства» (далее — Договор). Среди главных целей Союзного государства (далее — СГ, Союз) были названы «создание единого экономического пространства для обеспечения социально-экономического развития на основе объединений материального и интеллектуального потенциалов государств–участников и использования рыночных механизмов

функционирования экономики», а также «формирование единой правовой системы демократического государства» [12]. При этом, в силу ст. 6 Договора, каждое государство–участник сохраняет с учетом добровольно переданных СГ полномочий суверенитет, независимость.

В ст. 9 Договора закреплено, что «владение, пользование и распоряжение движимым и недвижимым имуществом Союзного государства осуществляется

© Стригунова Д. П., 2025

на основании нормативно-правовых актов Союзного государства». Согласно ст. 17 Договора управление собственностью Союзного государства входит в исключительное ведение Союзного государства.

Государства – участники Союзного государства создают единое экономическое пространство. В соответствии со ст. 20 Договора в Союзном государстве действует унифицированное законодательство, а впоследствии и единое законодательство, регулирующее хозяйственную деятельность, в том числе гражданское и налоговое законодательство (ст. 20 Договора).

24 января 2006 г. в развитие Договора и ввиду признания необходимости законодательного регулирования вопросов создания и управления собственностью Союзного государства между Российской Федерацией и Республикой Беларусь в г. Санкт-Петербурге было заключено Соглашение «О регулировании вопросов собственности Союзного государства» (далее — Соглашение о ГССГ) [13].

Соглашение состоит из 14 статей и содержит важные, но довольно краткие положения, касающиеся государственной собственности Союзного государства (далее — ГССГ). Тем не менее, в настоящее время видится объективная необходимость в дополнении существующих положений Соглашения о ГССГ, а также принятии новых документов, с помощью которых удастся обеспечить надежную правовую базу с точки зрения частноправового регулирования статичности (вещные права) и динамики (обязательственные права), а также коллизионного регулирования (международное частное право) возникающих в данной сфере отношений, так или иначе связанных с ГССГ.

Таким образом, необходимо определиться с тремя основными направлениями частноправового регулирования отношений в сфере ГССГ: 1) правом собственности и ограниченными вещными правами на объекты ГССГ; 2) договорными конструкциями хозяйствующих субъектов как минимум из России и Беларуси, а также иных дружественных государств, по поводу объектов ГССГ и управления ими; 3) вопросами определения применимого права к частноправовым отношениям, осложненным иностранным элементом и так либо иначе связанными с ГССГ. Параллельно с данными вопросами возникает вопрос правового статуса хозяйствующих субъектов, которые будут владеть, пользоваться, распоряжаться и управлять ГССГ.

В соответствии со ст. 1 Соглашения о ГССГ в нем должны определяться основания возникновения и прекращения права собственности СГ, имущества, которое может находиться в его собственности, основные положения, касающиеся управления собственностью Союза, включая отношения, связанные с владением, пользованием и распоряжением его имуществом, а также имущественные отношения между Союзом и Сторонами. Отношения, касающиеся собственности Союза, регулируются Соглашением и актами СГ. Отношения, касающиеся собственности Союза, не урегулированные Соглашением и актами Союза, регулируются законодательством каждой из Сторон. Таким образом, основную нормативную правовую базу в данной сфере должны составлять акты Союза и лишь subsidiarily подлежат применению законодательные акты России и Беларуси.

Прежде всего, необходимо определиться с объектами права собственности и иных вещных прав на имущество Союза. В ст. 4 Соглашения о ГССГ содержится положение о том, что «в собственности Союзного государства может находиться имущество, необходимое для осуществления функций органов управления Союзного государства». Таким образом, просматривается узкоцелевое назначение имущества, находящегося в ГССГ. Однако представляется, что в собственность Союза необходимо включать имущество, не только необходимое для осуществления функций органов управления Союза, но рассматривать его назначение шире, в том числе в целях эффективного и прибыльного управления и в конечном счете в целях роста благосостояния граждан Союза.

Следуя ст. 4 Соглашения о ГССГ, «Союзному государству принадлежит право собственности на: средства бюджета Союзного государства; имущество, созданное или приобретенное Союзным государством, в том числе за счет бюджета Союзного государства, включая имущество, созданное в результате реализации совместных программ Сторон; имущество, переданное Сторонами в собственность Союзного государства; иное имущество, поступившее в собственность Союзного государства. Средства, полученные от использования имущества Союзного государства, подлежат зачислению в бюджет Союзного государства».

В то же время, из текста приведенной статьи Соглашения не следует четко, какие именно объекты гражданских прав могут составлять объекты ГССГ.

В иных актах Союза найти перечень соответствующих объектов вещных, да и в целом гражданских прав, также не представляется возможным. Понятно, что моделью Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) [10] и Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее — ГК РБ) [9] служит Модельный ГК СНГ [11], однако перечни объектов гражданских прав в наших странах не совпадают.

В этой связи возникает целый ряд вопросов, например: могут ли объекты, ограниченные в обороте на территориях РФ и РБ, являться объектами права ГССГ (в частности, объекты военного назначения и оборонно-промышленного комплекса)? Могут ли являться объектами ГССГ самолеты и космические объекты, подлежащие государственной регистрации? Это только неполный перечень вопросов, возникающих в данной связи.

Как следует из ст. 5 Соглашения о ГССГ «Совет министров Союзного государства и органы управления Союзного государства от своего имени приобретают и осуществляют имущественные и личные неимущественные права и обязанности, выступают в суде в пределах компетенции, установленной международными договорами, заключаемыми Сторонами, или актами Союзного государства». Соответствующий международный договор также нуждается в разработке.

Для эффективного управления объектами ГССГ необходимо обращение к вопросу, касающемуся правового статуса хозяйствующих субъектов, которые могут быть наделены правом владеть, пользоваться и распоряжаться, а также управлять имуществом, находящимся в ГССГ. Необходимо и возможно ли для управления ГССГ создание самостоятельных юридических лиц на базе ГССГ в целях ее эффективного управления и в каких организационно-правовых формах такие субъекты должны быть созданы? Каким будет личный закон таких субъектов? Возможна ли передача на ограниченном вещном праве имущества, находящегося в ГССГ, уже существующим хозяйствующим субъектам РФ и РБ либо третьих стран? Если при создании хозяйствующих субъектов для управления собственностью Союза ориентироваться на внутреннее законодательство РФ и РБ, то виды хозяйствующих субъектов и их правовой статус в рассматриваемых странах различаются.

В ст. 4 Соглашения сказано, что «Союзному государству принадлежит право собственности на:

средства бюджета Союзного государства; имущество, созданное или приобретенное Союзным государством, в том числе за счет бюджета Союзного государства, включая имущество, созданное в результате реализации совместных программ Сторон; имущество, переданное Сторонами в собственность Союзного государства; иное имущество, поступившее в собственность Союзного государства. Средства, полученные от использования имущества Союзного государства, подлежат зачислению в бюджет Союзного государства». В силу ст. 7 Соглашения о ГССГ возникновение права собственности Союзного государства на имущество определяется законодательством Стороны, на территории которой это имущество находилось в момент, когда имело место действие или иное обстоятельство, послужившее основанием для возникновения права собственности. Однако следует учитывать, что движимое имущество не имеет своего стабильного местонахождения, а складывающиеся частноправовые отношения осложнены иностранным элементом.

Допустим, что перечни оснований возникновения права собственности в ГК РФ и ГК РБ, в общем-то, совпадают. Однако содержание конкретных оснований права собственности в наших странах различается; например, положения статей о возникновении права собственности на вновь создаваемое недвижимое имущество (ст. 219 ГК РФ и ст. 220 ГК РБ). Представляется, что основания возникновения права ГССГ собственности на имущество также необходимо закреплять в соответствующем наднациональном акте СГ в дополнение к Соглашению о ГССГ, а не использовать коллизионную отсылку к национальному законодательству.

Вместе с вопросом о праве собственности на объекты ГССГ, возникает вопрос и об ограниченных вещных правах на указанные объекты. Перечни ограниченных вещных прав в РФ и РБ не совпадают. Не являются одинаковыми положения гл. 17 ГК РФ и ГК РБ касательно права собственности на земельные участки, а также ограниченных вещных прав на них. Не являются одинаковыми положения ГК РФ и ГК РБ относительно ограниченных вещных прав в целом (в последнем, например, многие решения касательно права хозяйственного ведения принимаются Президентом РБ). В частности, не совпадают в РФ и РБ положения ГК касательно содержания права оперативного управления.

Таким образом, возникают вопросы: на каких вещных правах может быть передано имущество хозяйствующим субъектам для его владения, пользования и управления? В каком нормативном правовом акте будут содержаться соответствующие положения? И будет ли право у таких хозяйствующих субъектов распоряжения указанным имуществом в зависимости от вида вещного права, на котором он владеет имуществом? Т. е. в данном случае возникает вопрос о возможности предоставления объектов, находящихся в ГССГ на ограниченных вещных правах, определенным субъектам (хозяйствующим субъектам РФ, РБ и третьих стран, гражданам РФ, РБ и третьих стран, или же созданным субъектам СГ со специальным «наднациональным» статусом). Этот вопрос шире, нежели определение вещного права, на котором хозяйствующие субъекты могут владеть, пользоваться и управлять имуществом, находящимся в ГССГ. Понятно, что сейчас таких объектов немного, но с учетом взаимной интеграции РФ и РБ и одновременно сохранения ими своих суверенитетов, в будущем таких объектов будет становиться больше, многие из этих объектов будут вновь возводимыми и эти вопросы необходимо решать.

Известно, что перечни ограниченных вещных прав устанавливает каждое государство самостоятельно. И эти перечни даже в очень близких правовых системах и национальных правовых актах не совпадают. Но поскольку мы говорим о Союзном государстве, возможно в его рамках следует разработать соответствующие наднациональные нормативные положения в отношении не только права собственности, но и ограниченных вещных прав Союза.

В соответствии со ст. 12 Соглашения о ГССГ «Союзное государство отвечает по своим обязательствам, принадлежащим ему на праве собственности имуществом, за исключением имущества, на которое в соответствии с законом Союзного государства не может быть обращено взыскание, а до принятия указанного закона, — в соответствии с законами Стороны, на территории которой находится имущество». Необходимо принятие соответствующего наднационального акта Союзного государства и определение в нем имущества, на которое не может быть обращено взыскание по обязательствам как Союзного государства, так и Сторон (т. е. России и Беларуси).

Немаловажным является вопрос о защите права собственности и других вещных прав. Согласно ст. 2

Соглашения о ГССГ «защита права собственности Союзного государства осуществляется в соответствии с законодательством Стороны, на территории которой находится его имущество». В этой связи немаловажным является вопрос о том, какими способами будут защищаться ограниченные вещные права субъектов на объекты ГССГ.

Далее необходимо обратиться к динамике хозяйственных правоотношений, определив, с помощью каких договорных конструкций возможно пользование и управление объектами ГССГ. В первую очередь необходимо определить, какие хозяйствующие субъекты будут наделены правом заключения соответствующих договоров (будут ли здесь какие-либо ограничения), необходимо ли выполнение каких-либо условий для заключения подобных договоров (конкурс) и т. п.

Для эффективного управления государственной собственностью в последние годы широко используется инструмент государственно-частного партнерства. В настоящее время государственно-частное партнерство (далее — ГЧП) «является эффективным и весьма перспективным инструментом взаимодействия публичной власти и предпринимателей и вызывает большой научный и практический интерес» [2; 4; 5].

В российской цивилистической науке выделяются принципы, на основе которых выстраиваются гражданско-правовые отношения в сфере ГЧП: это «равенство, возмездность, информационная прозрачность, автономное функционирование, диспозитивное договорное регулирование, сочетающее, с одной стороны, стабильность условий соглашения, с другой, — необходимость оговорки условий внесения изменения в контракты, стимулирование» [1, с. 13–14]. В то же время, специалисты обращают внимание на «множество препятствий для реализации механизмов ГЧП, вызванных законодательными недочетами, отсутствием надлежащих правовых гарантий, недостаточным стимулированием частных инициатив, неопределенностью гражданско-правовой ответственности партнеров» [1, с. 13–14].

Как отмечается в доктрине, «соглашение о ГЧП является комплексным межотраслевым договором, может включать в себя элементы многих имущественных договоров. При этом договорная конструкция ГЧП имеет признаки организационного договора, поскольку права и обязанности партнеров направ-

лены, в том числе, на упорядочение их будущего взаимодействия на протяжении длительного срока» [6].

С учетом сказанного, необходимо с позиции Союзного государства оценить перспективы государственно-частного партнерства Союза, его недостатки и риски как с точки зрения экономики, так и права, как публичного, так и частного и, по возможности, внедрить эту форму взаимодействия государства (читай — Союзного государства) и бизнеса в качестве инструмента эффективного управления собственностью Союзного государства.

В РФ и РБ в 2015 г. были приняты Законы о государственно-частном партнерстве (ГЧП) [15; 14], которые могли бы быть положены в основу аналогичного (с учетом адаптации) Закона СГ «О Союзном ГЧП — СГЧП». При этом следует определить, в каких областях возможно создание СГЧП, а в каких областях оно не может быть создано и необходимо функционирование наднациональных государственных предприятий на праве хозяйственного ведения либо оперативного управления. Так, например, может ли ГЧП использоваться при самолетостроении и в космической отрасли, оборонно-промышленном и военном комплексах?

Как отмечается в литературе, «уникальность договорных конструкций в рамках ГЧП выражена в том, что частный инвестор выступает как активная сторона правоотношений, на которой лежит много обязанностей (проектирование, реконструкция, строительство; содержание, текущее обслуживание, капремонт; финансирование проектных и строительных работ за счет собственного капитала и др.)» [8]. При этом в науке обращается внимание на «принципиальные различия функциональной и технической эксплуатации объекта, что непременно должно найти свое отражение в содержании договоров» [3].

Необходимо четко определить договорные конструкции СГЧП и раскрыть их содержание в отдельном нормативном правовом акте Союза. Понятно, что основополагающими принципами частного права является дозволительная направленность регулирования, равенство и свобода усмотрения, в том числе свобода договора, но с учетом того, что гражданское законодательство Союза пока не создано, требуемые договорные конструкции до принятия соответствующего гражданского законодательства Союза необходимо разработать, а впоследствии включить их в качестве составной части в гражданское за-

конодательство Союза. В качестве альтернативы сказанному можно пойти по пути разработки типовых договорных конструкций, подлежащих заключению в рамках СГЧП.

Договорными конструкциями СГЧП могут выступать известные национальному законодательству и практике РФ и Беларуси: концессионные соглашения; контракты жизненного цикла; договоры аренды, в том числе лизинга; корпоративные договоры; различные девелоперские соглашения; договоры строительного подряда и т. д.; неоднозначным является вопрос о возможности заключения на данном этапе соглашений о разделе продукции; иные договоры, в том числе смешанные конструкции (перечень не является исчерпывающим). При этом возникают вопросы: могут ли заключаться лицензионные договоры СГЧП; договоры СГЧП в сфере создаваемых в СГ информационных систем; договоры об отчуждении прав на результаты интеллектуальной деятельности?

Заключение договоров СГЧП может играть важную роль и с точки зрения обеспечения общественных интересов, связанных с охраной окружающей среды. «По этой причине содержание договоров СГЧП должно отражать дополнительные стимулирующие условия по:

1) внедрению энергосберегающих и наиболее безопасных технологий строительства, применению инноваций, минимизирующих вред природным ресурсам;

2) поддержанию экологических требований на протяжении строительства;

3) «экологической» ликвидации последствий строительства. На уровне же государственной поддержки необходимы, в частности:

1) дифференциация налоговых режимов;

2) снижение административных барьеров;

3) льготное кредитование со стороны банков с государственным участием;

4) предоставление государственных беспроцентных займов» [7, с. 6].

Заключение договоров на объекты собственности Союза очевидно должно сопровождаться конкурсной процедурой. Это еще одна немаловажная задача, которую необходимо решить. В этой связи в наднациональном законодательстве СГ о СГЧП необходимо предусмотреть положения об их организации и организаторах самих конкурсов, условиях и сроках их

проведения, собственно процедуре проведения подобных конкурсов, порядке заключения соглашений о СГЧП с победителем соответствующего конкурса.

При заключении договоров в сфере СГЧП возникает вопрос о применимом к таким договорам праве. Уполномоченные органы Союза действуют в гражданско-правовых отношениях наравне с гражданами и юридическими лицами и к ним применяются положения о юридических лицах. Однако такие органы будут заключать гражданско-правовые договоры с национальными лицами РФ, РБ и возможно иных государств (преимущественно дружественных) и в этой связи возникает вопрос о применимом к подобным договорам праве, а также о форме таких договоров.

Автономия воли является основополагающим принципом частного права, и сторонам соглашений о СГЧП, очевидно, необходимо предоставлять возможность выбора применимого к их договорам права. Однако возникает вопрос о том, каким образом можно реализовать автономию воли и есть ли ограничения на выбор применимого права? Будет ли это право конкретного государства (государств) или необходимо уходить от национального правового регулирования подобных договоров? Право какого государства будет регулировать подобные договоры в отсутствие выбора его сторонами? В какой орган обращаться за разрешением спора? В этой связи очень важно разработать детальный закон о СГЧП, который урегулировал бы основные договорные конструкции, в том числе в части определения применимого к ним права.

Немаловажным является также вопрос о форме договоров СГЧП. В п. 2 ст. 1116 ГК РБ установлено правило об обязательности письменной формы ВЭС с участием лица РБ. В п. 3 ст. 163 ГК РБ до настоящего времени содержится правило о том, что несоблюдение простой письменной формы внешнеэкономической сделки влечет ее недействительность. В то же время, к письменной форме, в силу ст. 161 ГК РБ, отнесена электронная форма сделки в различных ее разновидностях.

Будут ли подобные сделки, заключенные между Союзом в лице органа и частным партнером, отнесены к внешнеэкономическим в понимании белорусского законодателя? Должны ли такие сделки в обязательном порядке заключаться в письменной форме? Должны ли, а если да, то где будут регистрироваться подобные сделки? Наверное, это целесооб-

разно — и письменная форма таких договоров, и их соответствующий учет (реестр) уполномоченными органами Союза.

Важным также является вопрос о том, кто может выступать контрагентом по договору СГЧП со стороны частного партнерства. Это должны быть только хозяйствующие субъекты Союза, РФ и Беларуси, либо частные партнеры из третьих стран также могут быть наделены правом заключения, например, концессионных и иных СГЧП соглашений?

В связи с заключением договоров о СГЧП возникает и ряд других вопросов. Какая валюта будет использоваться в договорах по СГЧП? Могут ли в отношении ГССГ заключаться договоры залога, а имущество, находящееся в ГССГ, может являться предметом залога? Могут ли быть уступлены права со стороны частного партнера в договорах о СГЧП? Какая ответственность и на каком основании будет предусмотрена за нарушение договорных обязательств в сфере СГЧП в отношении объекта права ГССГ? При создании объектов недвижимости на территории СГ на основании договоров о СГЧП будут ли указанные объекты (равно как и договоры) регистрироваться? Кем и как будет вестись учет движения таких объектов? Могут ли совершаться сделки дарения и мены на объекты права ГССГ? Какому праву будут подчинены договоры строительного подряда на возведение объектов права ГССГ? Договоры возмездного оказания услуг? Факторинга? Лизинга? Франчайзинга? Простого товарищества? Можно ли выбирать право, применимое к договору, если одной из сторон будет специально созданный хозяйствующий субъект, статус которого будет определяться наднациональным правом СГ? И какое право будет применяться к такому договору в отсутствие выбора его сторонами договора?

Безусловно, важным является также обеспечение правового регулирования обязательств вследствие причинения вреда и неосновательного обогащения, возникшие в связи с использованием и управлением объектов права ГССГ, в том числе вследствие недостатков товаров, работ или услуг.

Таким образом, принятие гражданского законодательства Союзного государства, содержащего положения о вещных и обязательственных правах, правовом статусе хозяйствующих субъектов и коллизионные нормы, выглядит в настоящее время и целесообразным, и своевременным.

Список источников

1. Белицкая А. В. Государственно-частное партнерство: понятие, содержание, правовое регулирование: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
2. Громова Е. А. Государственно-частное партнерство и его правовые формы: учеб. пособие. М. : Юстицинформ, 2019.
3. Дятлова Н. А. Объекты соглашения о государственно-частном партнерстве как фактор формирования конкурентной среды // Конкурентное право. 2017. № 3. С. 25–28.
4. Елкибаева Л. Г. Особенности субъектного состава государственно-частного партнерства в Китае: сравнительный анализ с российским законодательством // Юрист. 2018. № 10. С. 41–46.
5. Неведова С. А. К вопросу о гражданско-правовом статусе участников государственно-частного партнерства // Право и экономика. 2019. № 4. С. 67–69.
6. Пономарев Б. А. Соглашение о государственно-частном партнерстве в гражданском праве России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2019.
7. Шохин С. О. Государственно-частное партнерство: проблемы правового обеспечения // Юрист. 2018. № 2.
8. Ялилов А. Д. Договорные конструкции в сфере строительства: дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2023.
9. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-З // URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=НК9800218>
10. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 8 августа 2024 г. № 237-ФЗ) // СПС «Консультант-Плюс».
11. Модельный Гражданский кодекс для государств – участников СНГ (часть первая) (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 29 октября 1994 г.) // Приложение к Информационному бюллетеню Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. 1995. № 6.
12. Договор между РФ и Республикой Беларусь от 8 декабря 1999 г. «О создании Союзного государства» // СПС «КонсультантПлюс».
13. Соглашение между РФ и Республикой Беларусь от 24 января 2006 г. «О регулировании вопросов собственности Союзного государства» // СПС «КонсультантПлюс».
14. Закон Республики Беларусь от 30 декабря 2015 г. № 345-ФЗ (в ред. от 18 июля 2022 г. № 194-З) «О государственно-частном партнерстве» // URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=h11500345>
15. Федеральный закон РФ от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ (в ред. от 30 ноября 2024 г. № 444) «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в РФ и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Belitskaya A. V. Public-private partnership: concept, content, legal regulation: abstract. diss. ... candidate of legal sciences. M., 2010.
2. Gromova E. A. Public-private partnership and its legal forms: textbook. manual. M. : Justicinform, 2019.
3. Dyatlova N. A. Objects of public-private partnership agreements as a factor in the formation of a competitive environment // Competition law. 2017. № 3. P. 25–28.
4. Elkibayeva L. G. Features of the subject composition of public-private partnership in China: a comparative analysis with Russian legislation // Lawyer. 2018. № 10. P. 41–46.
5. Nefedova S. A. On the issue of the civil status of participants in public-private partnership // Law and economics. 2019. № 4. P. 67–69.
6. Ponomarev B. A. Agreement on public-private partnership in Russian civil law: the abstract. diss. ... candidate of legal sciences. Kazan, 2019.
7. Shokhin S. O. Public-private partnership: problems of legal support // Lawyer. 2018. № 2.
8. Yalilov A. D. Contractual structures in the field of construction: diss. ... candidate of legal sciences. Kazan, 2023.
9. Civil Code of the Republic of Belarus № 218-Z dated December 7, 1998 // URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=НК9800218>
10. The Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994, № 51-FZ (as amended dated August 8, 2024, № 237-FZ) // LRS «Consultant-Plus».
11. Model Civil Code for the CIS Member States (Part One) (adopted by Resolution of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States dated October 29, 1994) // Appendix to the Information Bulletin

of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States. 1995. № 6.

12. Agreement between the Russian Federation and the Republic of Belarus dated December 8, 1999 «On the creation of the Union State» // LRS «ConsultantPlus».

13. Agreement between the Russian Federation and the Republic of Belarus dated January 24, 2006 «On the regulation of property issues of the Union State» // LRS «ConsultantPlus».

14. Law of the Republic of Belarus № 345-FZ dated December 30, 2015 (as amended dated July 18, 2022, № 194-H) «On Public-Private Partnership» // URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=h11500345>

15. Federal Law of the Russian Federation № 224-FZ of July 13, 2015 (as amended dated November 30, 2024, № 444) «On Public-private partnership, municipal-private Partnership in the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

Информация об авторе

Д. П. Стригунова — профессор кафедры международного и интеграционного права Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

D. P. Strigunova — Professor of the Department of International and Integration Law of the Institute of Law and National Security of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 28.04.2025; одобрена после рецензирования 16.05.2025; принята к публикации 06.06.2025.

The article was submitted 28.04.2025; approved after reviewing 16.05.2025; accepted for publication 06.06.2025.

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

9-е изд., перераб. и доп. Учебник. 687 с.

Гриф МО РФ

Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник»

Гриф НИИ образования и науки

Под ред. Л. В. Тумановой, Н. Д. Амаглобели

На основе современного законодательства системно и комплексно раскрыты основные темы курса: цели, задачи, принципы гражданского судопроизводства, сущность и источники гражданского процессуального права, гражданские процессуальные правоотношения, понятие доказательств и доказывания, участники и сроки судопроизводства, порядок и особенности его ведения. Рассмотрены основные положения арбитражного процесса, нотариата, третейского суда, а также порядок обращения российских граждан в Европейский суд по правам человека.

Особое внимание уделено порядку пересмотра судебных постановлений в судах апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, особенностям производства по делам, связанным с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов, а также пересмотру по новым или вновь открывшимся обстоятельствам судебных постановлений, вступивших в законную силу.

Для студентов, аспирантов и преподавателей высших и средних специальных учебных заведений юридического профиля, а также для всех интересующихся вопросами гражданского процесса.

Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя

Гражданский процесс

Учебник

Девятое издание

Научная статья
УДК 343.326:343.98
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-160-165>
EDN: <https://elibrary.ru/giupa>
НИОН: 2003-0059-3/25-315
MOSURED: 77/27-003-2025-03-514

Расследование преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: актуальные вопросы правового обеспечения

Инна Валериевна Тишутина

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, inna_tishutina@mail.ru

Аннотация. Характеризуются актуальные проблемы правового обеспечения раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Обращается внимание на изменение традиционной структуры криминалистически значимой информации за счет появления цифровой информации и постоянного увеличения ее доли в общем объеме информации, значимой для целей расследования. Предлагается ее классификация и отмечается приоритетность отдельных групп для формирования системного подхода к ее собиранию, обработке и накоплению. Подчеркивается особое значение правового обеспечения для расширения перечня методов и средств выявления, раскрытия и расследования таких преступлений. Аргументируется важность унификации информационных систем и баз данных, содержащих сведения, характеризующие элементы состава преступления, а также целесообразность расширения перечня и характеристик учитываемой информации. Рассматриваются основные положения действующего законодательства, регулирующие создание и функционирование таких систем, а также перспективы повышения эффективности получения и использования цифровой криминалистически значимой информации в свете законодательных новелл.

Ключевые слова: цифровая криминалистически значимая информация, преступление, цифровая среда, расследование, информационно-телекоммуникационные технологии, правовое обеспечение, накопление, использование

Для цитирования: Тишутина И. В. Расследование преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: актуальные вопросы правового обеспечения // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 3. С. 160–165. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-160-165>. EDN: GIUPA.

Original article

Investigation of crimes committed with the use of information and telecommunication technologies: current issues of legal support

Inna V. Tishutina

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,
inna_tishutina@mail.ru

Abstract. Current problems of legal support of disclosure and investigation of crimes committed with the use of information and telecommunication technologies are characterized. Attention is drawn to the change in the traditional structure of criminally significant information due to the emergence of digital information and the constant increase in its share in the total volume of information significant for the purposes of investigation. Its classification is proposed and the priority of certain groups for the formation of a systematic approach to its collection, processing and accumulation is noted. The special importance of legal support for expanding the list of methods and means of detection, disclosure and investigation of such crimes is emphasized. The importance of unification of information systems and databases containing information characterizing the elements of a crime is argued, as well as the expediency of expanding the list and characteristics of the information taken into account. The main provisions of the current legislation regulating the creation and functioning of such systems are considered, as well as the prospects for increasing the efficiency of obtaining and using digital forensically significant information in the light of legislative novelties.

Keywords: digital forensically significant information, crime, digital environment, investigation, information and telecommunication technologies, legal support, accumulation, use

For citation: Tishutina I. V. Investigation of crimes committed with the use of information and telecommunication technologies: current issues of legal support. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(3):160–165. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-160-165>. EDN: GIUPA.

На протяжении первой четверти текущего века ежегодно расширяется число сфер жизни и деятельности граждан и областей функционирования государственных институтов, охватываемых цифровизацией. С одной стороны, это предоставляет новые возможности, повышает скорость и качество оказываемых

© Тишутина И. В., 2025

мых услуг, а с другой, — увеличивает вероятность стать объектом преступлений, подготавливаемых и совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Не случайно расширяется и перечень статей уголовного закона, в которых в качестве квалифицирующего признака фигурирует «использование средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет. Только за последние пять лет в два с половиной раза увеличилось количество зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (с 294,4 тыс. в 2019 г. до 765,4 тыс. в 2024 г.), а их доля в общем массиве выросла с 15 до 40 % и продолжает расти. Практически половина таких преступлений (48 %) относится к категории тяжких и особо тяжких. [1; 2]. Не осталось ни одной сферы преступной деятельности, в которой не использовались бы возможности информационно-телекоммуникационных технологий. Особую обеспокоенность здесь вызывает преступная деятельность в отношении несовершеннолетних, в рамках которой использование технологий ориентировано на: сбор сведений о них и составление баз данных по определенным критериям на основе изучения информации открытого доступа в сети Интернет; вовлечение в преступную деятельность и т. п. [3, с. 27–28].

Видоизменение форм и способов «традиционных» преступных деяний, появление новых направлений преступной деятельности закономерно влияет на модификацию криминалистически значимой информации о таких деяниях и ее источниках. С каждым годом все большую долю в общей массе значимой для расследования информации занимают данные, сосредоточенные в цифровом пространстве и выраженные в цифровой форме. Это может быть информация, образующаяся при совершении как правомерных, так и преступных действий — цифровой след, а также сведения, накапливаемые в информационных базах. В частности, это данные различных государственных органов, учреждений и организаций, а также результаты использования гражданами возможностей цифровой коммуникации.

Результаты изучения практики позволяют дифференцировать цифровую информацию на группы по ряду оснований:

◆ форме накопления: систематизированная информация, сосредоточенная в различных информа-

ционных системах и базах данных, и несистематизированная информация, расположенная в информационном пространстве сети Интернет;

◆ форме передачи ее содержания: аудио, видео, фото, текст, рисунок, реакция-эмоджи;

◆ способу доступа: частного (закрытого), общего (открытого);

◆ содержанию в криминалистическом аспекте: о личности преступника, потерпевшего, о способе преступления, орудиях и средствах, обстановке, механизме следообразования.

Предлагаемая классификация способствует формированию системного и целенаправленного подхода к обработке и накоплению цифровой информации, в том числе той, которая может представлять интерес для правоохранительных органов в рамках расследования преступной деятельности. Такой подход обеспечивает надлежащую организацию информационного обеспечения предварительного расследования и в перспективе может существенно повысить эффективность выявления, раскрытия и расследования преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Результаты изучения практики приводят к закономерному выводу о важности трансформации системы криминалистического обеспечения раскрытия и расследования как новых видов и групп преступлений, так и традиционных преступлений, совершаемых с использованием новейших технологий. Данная потребность обусловлена необходимостью эффективного использования новых возможностей по сбору, накоплению и анализу криминалистически значимой информации в условиях цифровой трансформации преступной деятельности. Именно надлежащий уровень криминалистического обеспечения, охватывая все принципиально важные стороны расследования, позволяет обеспечивать повышение его эффективности и соответствие потребностям правоохранительных органов в реалиях времени.

В последнее время вполне обоснованно внимание ученых привлекают вопросы криминалистического обеспечения получения и использования в расследовании преступлений цифровой информации открытого доступа. К источникам таковой, в частности, относятся: сайты, телеграмм-каналы, группы в мессенджерах, аккаунты в социальных сетях, цифровые платформы агрегаторов каршеринга и кикшеринга и т. п. В международной прак-

тике эти действия получили наименование OSINT-разведки [4; 5].

Одним из важнейших элементов криминалистического обеспечения выступает правовое обеспечение, особое значение которого обуславливается тем, что без надлежащего нормативного закрепления невозможно применение в практике раскрытия и расследования преступлений никаких современных методов и средств. В настоящее время содержание правового обеспечения в системе криминалистического сопровождения раскрытия и расследования преступлений рассматривается не только сквозь призму нормативного регулирования использования научно-технических средств и методов, но и в значительно более широком контексте. Такой подход представляется вполне обоснованным: с одной стороны, он отражает комплексный и междисциплинарный характер самой категории криминалистического обеспечения, с другой, — является следствием тенденции к укрупнению научных знаний.

Очевидно, что в сложившихся условиях повышенной востребованности для целей раскрытия и расследования преступлений цифровой криминалистически значимой информации принципиально важное значение приобретает правовая регламентация методов и средств ее получения и использования. Представляется, что для характеристики основных проблемных аспектов правового обеспечения вовлечения цифровой информации в процесс доказывания, первостепенное значение будет иметь место сосредоточения информации и ее содержание. В криминалистическом аспекте, целесообразно, на наш взгляд, вести речь о двух основных группах: информация о личности и информация о способах и средствах действий.

Бесспорно, что использование для целей расследования преступлений информации, сосредоточенной в различных базах данных и информационных системах, связано с дополнительными временными и организационными затратами. В случае унификации таких систем и объединения их информационных массивов в рамках единой универсальной системы, существенным образом упрощается обращение информации. При этом объем накапливаемой информации предопределяет эффективность системы. Аккумуляция информации, связанной исключительно с фактами ранее совершенных преступлений, искусственно ограничивает возможности таких си-

стем. Представляется целесообразным, чтобы принцип всеобщего учета лег в основу формирования соответствующих баз данных и автоматизированных систем поиска информации. В контексте современных вызовов, связанных с необходимостью обеспечения безопасности и эффективности расследования преступлений, очевидно, что сегодня, в условиях тотального охвата цифровыми технологиями разрозненных систем хранения информации о гражданах, доступ к ней лиц, осуществляющих преступную деятельность, порой гораздо легче и проще, чем у сотрудников правоохранительных органов, остро в этом нуждающихся.

В целях создания единой универсальной системы, объединяющей базы данных, накапливающей информацию о личности физических лиц, в 2020 г. был принят Федеральный закон № 168-ФЗ, регламентирующий формирование единого федерального информационного регистра, содержащего сведения о населении Российской Федерации. В соответствии с его положениями с 31 декабря 2025 г. в России должна полноценно функционировать единая база данных о физических лицах: гражданах Российской Федерации, иностранных гражданах и лицах без гражданства, а также иностранных гражданах, временно прибывающих для осуществления трудовой деятельности. В регистре накапливаются две группы сведений, включающих информацию различных государственных органов и учреждений: Министерства внутренних дел, Министерства обороны, Федеральной налоговой службы, Пенсионного фонда, Фонда обязательного медицинского страхования и других через систему межведомственного электронного взаимодействия [8].

Однако, до последнего времени существующие базы данных, информационные системы накапливали сведения об идентификаторах персональных данных пользователя, а не об устройстве и действиях, связанных с его использованием. В то же время, давно очевидно, что высока вероятность идентификации любого устройства по определенному набору признаков [6]. В этом контексте важным этапом стало налаживание и внедрение в практическую деятельность правоохранительных органов подсистемы «Дистанционное мошенничество», обеспечивающей накопление и систематизацию информации по широкому перечню параметров, что, в свою очередь, способствует формированию практически значимого

массива сведений о средствах совершения преступления и механизме слеодообразования [7, с. 25].

При этом совершенно очевидно, что ограниченность объема сведений в рамках такой системы снижает ее эффективность на фоне того, что лица, совершающие преступление с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий, применяют средства сокрытия идентификационной информации, поддельные аккаунты, сим-карты, зарегистрированные на подставных лиц, а также серверы и ресурсы, находящиеся вне юрисдикции Российской Федерации. Указанные обстоятельства объективно затрудняют процесс идентификации лиц, причастных к совершению преступления в цифровой среде, и существенно снижают эффективность оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности. Все это затрудняет не только расследование, но и последующее судебное разбирательство.

На совершенствование правового обеспечения расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, направлено принятие федерального закона от 1 апреля 2025 г. № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [9]. В нем констатируется ее создание, однако остается не определенным механизм формирования и отдельные вопросы ее функционирования. Поэтапность введения в действие положений данного закона (с 1 июня 2025 г. по 1 марта 2027 г.) должна обеспечить возможность проработки соответствующего механизма. К компетенции Правительства Российской Федерации отнесено создание Положения о данной системе, а также определение перечня обрабатываемой информации и лиц, ее предоставляющих; порядка включения, исключения информации и предоставления доступа к ней. Предполагается, что система межведомственного электронного взаимодействия будет обеспечивать доступ к информации, предоставляемой: кредитными организациями, владельцами агрегаторов, операторами связи, провайдером хостинга.

Принятие данного закона, безусловно, важный шаг на пути объединения в общий массив данных информации, рассредоточенной по различным базам и системам разных организаций и учреждений, и упро-

щения доступа к ним и скорости их получения правоохранительными органами. В то же время, ознакомление с текстом закона показывает, что, прежде всего, в рамках данной системы будет накапливаться информация о лицах, совершивших противоправные действия с использованием сети связи общего пользования, и абонентских номерах, используемых в целях совершения противоправных действий. На наш взгляд, такой подход будет ограничивать возможности системы. Кроме того, нуждаются в серьезной проработке и регламентации вопросы надлежащей защиты данных, обеспечения конфиденциальности сведений, накапливаемых в системе, доступ к которым предоставляется. Не отражены и права граждан в отношении своих данных. Не представлена четкая дорожная карта внедрения системы, что может привести к несогласованности действий участников и затруднить реализацию положений закона.

На расширение перечня сведений, накапливаемых обо всех пользователях определенного вида услуг, могут быть направлены ведомственные акты. Так, в настоящее время на операторов связи возложена обязанность по передаче в Роскомнадзор сведений, включающих информацию о:

- ◆ сетевых адресах, используемых средствами связи и пользовательским оборудованием;
- ◆ местах использования соответствующих сетевых адресов;
- ◆ уникальных идентификаторов технических средств, предназначенных для противодействия угрозам функционированию сети Интернет и сети связи общего пользования на территории Российской Федерации [10].

В условиях стремительной цифровизации общественных отношений и роста преступности, совершаемой с использованием средств связи и информационно-коммуникационных технологий, особую значимость приобретает нормативное обеспечение процедур учета и контроля за техническими средствами, используемыми операторами связи. Предполагается, что соблюдение установленных требований в сфере регистрации и идентификации телекоммуникационного оборудования позволит создать централизованную базу данных, содержащую исчерпывающую информацию о параметрах средств связи, находящихся в эксплуатации на территории РФ.

Реализация указанных мер направлена, прежде всего, на обеспечение возможности оперативной

идентификации коммуникационного оборудования, что имеет ключевое значение для своевременного и эффективного расследования преступлений, совершаемых с использованием технических средств скрытой передачи данных, а также для выявления каналов несанкционированной коммуникации.

Создание и функционирование такой базы данных позволит органам предварительного расследования и оперативным подразделениям получать достоверную информацию о характеристиках и параметрах использования конкретных средств связи, что существенно расширяет возможности криминалистического анализа. В частности, речь идет об установлении владельцев устройств, трассировании трафика, выявлении связей между субъектами противоправной деятельности и восстановлении цепочек коммуникации в рамках расследуемых уголовных дел. Соответственно, внедрение системы централизованного учета телекоммуникационного оборудования следует рассматривать не только как элемент технической регламентации деятельности операторов связи, но и как важное средство повышения эффективности правоприменительной практики в сфере расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Таким образом, на фоне экспоненциального роста преступлений, совершаемых с использованием средств связи и информационно-телекоммуникационных технологий, с которым столкнулась сегодня правоохранительная практика, серьезной проблемой стало отставание законодательства от темпов технологического развития. При выявлении и расследовании преступлений большую роль играют вопросы правового обеспечения использования возможностей современных технологий правоохранительными органами и особенно — получения и использования цифровой криминалистически значимой информации. Несмотря на предпринимаемые меры, правовое обеспечение получения и использования для целей расследования цифровой криминалистически значимой информации в этой области сталкивается с рядом серьезных трудностей, от скорости решения которых зависит эффективность борьбы с преступностью.

Список источников

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2019 г. // URL: <https://мвд.рф/reports/item/19412450/>
2. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2024 г. // URL: https://portal.tpu.ru/Sbornik_UOS_2024.pdf
3. Головин А. Ю., Акиев А. Р., Головина Е. В. Дистанционное вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность как объект криминалистического исследования // *Правовое государство: теория и практика*. 2024. № 2(76). С. 24–30.
4. Болвачев М. А. Использование социальных сетей при расследовании преступлений экстремистской направленности: дисс. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2022.
5. Головин А. Ю., Головина Е. В. К вопросу собирания криминалистически значимой информации по открытым цифровым данным // *Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы: сб. мат. междунар. науч.-практ. конф.* Иркутск, 2023. С. 29–32.
6. Сидоренко Е. По цифровым следам: в РФ раскрывается лишь четверть киберпреступлений // URL: <https://iz.ru/962966/elena-sidorenko/po-tcifrovym-sledam-v-rf-raskryvaetsia-lish-chetvert-kiberprestuplenii>
7. Давыдов В. О., Тишутина И. В. Цифровые следы в расследовании дистанционного мошенничества // *Известия Тульского государственного университета. Серия: Юридические науки*. 2020. Вып. 3. С. 20–27.
8. Федеральный закон от 8 июня 2020 г. № 168-ФЗ (ред. от 28 декабря 2024 г.) «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_354474/6e484612bd84209dff27d63c34699eae510c7ad7/
9. Федеральный закон от 1 апреля 2025 г. № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1805918/#review>
10. Приказ Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 28 февраля 2025 г. № 51 «Об утверждении порядка, сроков, состава и формата предоставления оператором связи в федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере средств массовой ин-

формации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи, информации, позволяющей идентифицировать средства связи и пользовательское оборудование (оконечное оборудование) в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации, территории субъекта Российской Федерации или части территории субъекта Российской Федерации в электронной форме» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411683761/>

References

1. Brief description of the state of crime in the Russian Federation in January–December 2019 // URL: <https://mia.rf/reports/item/19412450/>
2. The state of crime in Russia in January–December 2024 // URL: https://portal.tpu.ru/Sbornik_UOS_2024.pdf
3. Golovin A. Yu., Akiev A. R., Golovina E. V. Remote involvement of minors in criminal activity as an object of forensic research // *The rule of law: theory and practice*. 2024. № 2(76). P. 24–30.
4. Bolvachev M. A. The use of social networks in the investigation of extremist crimes: diss. ... candidate of legal sciences. Kaliningrad, 2022.
5. Golovin A. Yu., Golovina E. V. On the issue of collecting criminalistically significant information on open digital data // *Actual problems of criminalistics and forensic examination: collection of mathematical international scientific and practical conference*. Irkutsk, 2023. P. 29–32.
6. Sidorenko E. In digital footsteps: only a quarter of cybercrimes are disclosed in the Russian Federation // URL: <https://iz.ru/962966/elena-sidorenko/po-tcifrovym-sledam-v-rf-raskryvaetsia-lish-chetvert-kiberprestuplenii>
7. Davydov V. O., Tishutina I. V. Digital traces in the investigation of remote fraud // *Proceedings of Tula State University. Series: Legal Sciences*. 2020. Issue 3. P. 20–27.
8. Federal Law № 168-FZ of June 8, 2020 (as amended on December 28, 2024) «On the Unified Federal Information Register containing Information about the Population of the Russian Federation» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_354474/6e484612bd84209dff27d63c34699eae510c7ad7/
9. Federal Law № 41-FZ of April 1, 2025 «On the Creation of a State information system for Countering Offenses Committed using Information and Communication Technologies and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1805918/#review>
10. Order of the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications dated February 28, 2025 № 51 «On Approval of the Procedure, Terms, Composition and Format for the provision by a telecom operator to the federal executive Governmental body responsible for Control and Supervision in the Field of mass media, mass Communications, Information technology and Communications, Information allowing identification of communication facilities and user equipment (terminal equipment) in the information and telecommunications network Internet on the territory of the Russian Federation, the territory of the subject of the Russian Federation or part of the territory of the subject of the Russian Federation in electronic form» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411683761/>

Информация об авторе

И. В. Тишутина — профессор кафедры криминалистики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

I. V. Tishutina — Professor of the Department of Criminalistics of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 02.03.2025; одобрена после рецензирования 31.03.2025; принята к публикации 25.04.2025.

The article was submitted 02.03.2025; approved after reviewing 31.03.2025; accepted for publication 25.04.2025.

Научная статья

УДК 347.1

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-166-171>

EDN: <https://elibrary.ru/gnqjwn>

НИОН: 2003-0059-3/25-316

MOSURED: 77/27-003-2025-03-515

Теоретико-правовой анализ категории усмотрения в гражданском праве

Мохаммад-Бастани Рамзанович Юсупов

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, seven.55@mail.ru

Аннотация. Невозможность законодательной регламентации всех потенциально возможных общественных отношений и их вариативность предопределяют наличие различных юридических механизмов, призванных осуществлять гибкое правовое регулирование. Одним из таких механизмов выступает категория усмотрения в гражданском праве. Проведен теоретический анализ трудов ученых, рассматривавших указанную проблематику как в рамках гражданского права, так и отраслевых юридических наук. Указано на отсутствие официально закрепленной дефиниции усмотрения в гражданском законодательстве. Сформулировано определение понятия усмотрения в гражданском праве и обозначены его основные признаки.

Ключевые слова: усмотрение, гражданское право, выбор, законный интерес, воля

Для цитирования: Юсупов М.-Б. Р. Теоретико-правовой анализ категории усмотрения в гражданском праве // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 3. С. 166–171. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-166-171>. EDN: GNQJWN.

Original article

Theoretical and legal analysis of the category of discretion in civil law

Mokhammad-B. R. Yusupov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, seven.55@mail.ru

Abstract. The impossibility of legislative regulation of all potentially possible social relations and their variability predetermine the existence of various legal mechanisms designed to implement flexible legal regulation. One of such mechanisms is the category of discretion in civil law. Theoretical analysis of the works of scientists who considered the mentioned problematic, both in the framework of civil law and branch legal sciences has been carried out. It is pointed out that there is no officially fixed definition of discretion in the civil legislation. The definition of the concept of discretion in civil law is formulated, as well as its main features are outlined.

Keywords: discretion, civil law, choice, legal interest, will

For citation: Yusupov M.-B. R. Theoretical and legal analysis of the category of discretion in civil law. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(3):166–171. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-166-171>. EDN: GNQJWN.

Актуальность темы исследования обусловлена целым рядом теоретико-правовых противоречий, возникающих при использовании категории усмотрения в гражданском праве. Одним из таких противоречий является несоответствие между необходимостью гибкого регулирования индивидуальных гражданско-правовых ситуаций и отсутствием у законодателя возможности заранее предусмотреть все случаи и обстоятельства реализации прав субъектами. Указанная ситуация порождает проблему поиска оптимального баланса между свободой выбора субъектов правоотношений и необходимостью обеспечения юридической определенности, минимизации рисков произвола и злоупотреблений.

Следующее значимое противоречие связано с неоднозначностью трактовки категории усмотрения как в научной литературе, так и в нормативно-пра-

вовых актах. Законодатель, несмотря на систематическое использование понятия усмотрения в Гражданском кодексе Российской Федерации, не формулирует его единой дефиниции, что влечет разночтения при применении норм права и, соответственно, снижает эффективность правоприменительной деятельности. Особенно это проявляется в условиях вариативности диспозитивных норм, допускающих различные варианты поведения субъектов гражданского права.

Третьим важным противоречием является соотношение свободы усмотрения и его правовых границ. Законодатель ограничивает осуществление гражданских прав рядом императивных запретов (ст. 10 ГК РФ), однако эти ограничения не всегда обладают достаточной степенью конкретизации. Данная ситуация порождает риск неоднозначного толкования

© Юсупов М.-Б. Р., 2025

границ правомерного поведения и, следовательно, сложностей в судебной практике.

Анализ существующего уровня научной разработанности вопроса показывает, что категория усмотрения получила достаточно широкое освещение в трудах отечественных исследователей, однако единства во взглядах на ее сущность и юридическое содержание по-прежнему не достигнуто. В рамках гражданского права, проблему усмотрения активно исследовали такие ученые, как Р. И. Хасаншин, определяющий усмотрение через призму субъективного права и реализации самостоятельной воли субъекта в рамках закона. Сходную позицию занимает В. П. Камышанский, акцентирующий внимание на интеллектуально-волевом аспекте усмотрения собственника в контексте защиты имущественных интересов с учетом общественных интересов. Несколько иной подход к пониманию усмотрения демонстрирует Т. В. Дерюгина, подчеркивая важность волевого и целенаправленного аспекта в реализации правомочий.

В то же время, несмотря на разнообразие научных позиций, в литературе сохраняется необходимость более глубокого теоретического осмысления сущности категории усмотрения, определения ее признаков и пределов в гражданско-правовых отношениях. На этом основании может быть сформулирована научная проблема, заключающаяся в необходимости выработки единой концептуальной основы понимания усмотрения как правовой категории в гражданском праве, уточнения ее признаков и четкого разграничения от смежных юридических явлений.

Научно-технический прогресс, характерный для современного этапа развития общественных отношений, способствует появлению новых сфер и направлений деятельности, требующих своевременного нормативного правового урегулирования. При этом, зачастую, процесс развития общественных отношений является опережающим по сравнению с динамикой их легальной регламентации. Следует указать, что законодатель не в состоянии наполнить юридическим содержанием все потенциально возможные правовые ситуации в силу их многообразия и перманентного изменения. Кроме того, каждая правовая ситуация требует индивидуального учета всех обстоятельств и условий. Отсутствие исчерпывающих правовых основ конкретной деятельности и вариативность поведения для участников правоотношений предопределяет необходимость наличия иных субсидиарных

юридических механизмов, используемых субъектами правоотношений.

Наличие обозначенных обстоятельств влечет внедрение различных юридических категорий, которые предоставляют возможность для гибкого правового регулирования отдельных правовых ситуаций, не являющихся аналогичными и требующих анализа всех сопутствующих факторов. В качестве такой правовой категории, несомненно, выступает усмотрение. Анализ рассматриваемого правового явления имеет особо значимую роль для сферы гражданского права, учитывая диспозитивно-вариативный характер многих норм, закрепленных в Гражданском кодексе Российской Федерации (ГК РФ) [22]. Несмотря на отсутствие дефиниции усмотрения, законодатель в нормах ГК РФ периодически обращается к указанной категории. При этом как следует из п. 1 ст. 9 ГК РФ осуществление гражданами и юридическими лицами своих гражданских прав поставлено в непосредственную зависимость от элемента усмотрения.

В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова понятие усмотрения понимается как решение, заключение, мнение. В качестве примера использования данной категории приводятся следующие случаи: «Представить на усмотрение начальства. Действовать по своему усмотрению» [16, с. 1254]. Аналогичная трактовка представлена в Толковом словаре современного русского языка Д. Н. Ушакова: «Заключение, мнение, решение». Однако, далее указывается на «действие, решение или склонность действовать, решать по собственному желанию, а не по закону, произвол (неодобрит.)» [17, с. 711]. Таким образом, понятие усмотрения трактуется в формате мнения, заключения и решения. Немаловажным в указанном определении является апеллирование к процессу принятия решения или осуществлению каких-либо действий исключительно по собственному желанию. Тем самым можно заключить, что субъект правоотношения осуществляет усмотрение применительно к конкретной правовой ситуации своей волей и по своему желанию.

Отметим, что проблема усмотрения явилась предметом пристального внимания и изучения со стороны исследователей в рамках многих отраслей права, что способствовало наличию неоднородных подходов к определению его понятия.

Применительно к уголовно-правовой сфере Д. А. Пархоменко определяет усмотрение, как деятельность компетентного органа, которая заключа-

ется «...в оценке обстоятельств дела в контексте их уголовно-правового урегулирования, имеющая своим итогом принятие решения в рамках дозволенного законом в отношении лица, совершившего деяние, содержащего признаки конкретного состава преступления, с соответствующим его уголовно-процессуальным оформлением» [18, с. 22]. Вряд ли обозначенная дефиниция, как представляется, раскрывает сущность усмотрения применительно к уголовно-правовой сфере. Анализ представленного определения скорее позволяет проводить определенные ассоциации с формализованной деятельностью уполномоченных органов и должностных лиц в обозначенной сфере.

Достаточно содержательное определение понятия усмотрения субъекта в уголовном судопроизводстве представлено О. Я. Баевым, как «...результат выбора им варианта поведения и действий в проблемных ситуациях из альтернатив, предоставляемых ему уголовно-процессуальным законом или не противоречащих уголовно-процессуальному закону, выраженный в форме надлежащего процессуального акта, реализация которого обеспечена властными полномочиями субъекта усмотрения» [3, с. 449]. Автор небезосновательно подчеркивает, что основным признаком усмотрения является выбор из законных альтернатив [3, с. 443].

В контексте конституционного права Л. А. Шарнина, раскрывая понятие усмотрения, привносит в него административно-властный элемент, определяя в форме повелевающего упорядочивающего воздействия органов власти и должностных лиц на общественные отношения «...на основе реализации ими дискреционных полномочий, предусмотренных неопределенными нормами и принципами права либо вытекающих из дефекта правового регулирования в виде пробела в праве или правовой коллизии, либо на основании их игнорирования, исходя из политической целесообразности, при условии получения санкции народным правосознанием» [21, с. 20].

Обобщая категорию усмотрения относительно процесса реализации права, А. С. Скударнов и В. М. Шафиров в своей монографии обращают внимание на свободу выбора «...при решении конкретного юридического дела (вопроса) в рамках индивидуального правового регулирования в целях эффективной и благоприятной для личности организации и непосредственного осуществления прав, свобод, исполнения и соблюдения обязанностей» [14, с. 53].

Значительное внимание авторами также было уделено и проблеме усмотрения суда. Среди исследователей, занимавшихся указанной проблематикой, можно отметить Д. Б. Абушенко [1], Л. Н. Берг [4], К. П. Ермакову [5], П. В. Маркова [8], О. А. Папкову [19], В. Д. Подмосковского [10] и др.

Кроме того, проблема усмотрения явилась предметом исследования в трудах ученых-цивилистов.

Так, Р. И. Хасаншин в своем диссертационном исследовании, посвященном категории усмотрения в гражданском праве РФ, определяет усмотрение «...как этап (элемент) осуществления субъективного права и процесс реализации самостоятельно сформированной воли субъекта гражданского права, основанной на собственном законном интересе субъекта и ограниченной исключительно императивными нормами законодательства» [20, с. 9].

Рассуждая об усмотрении собственника, В. П. Камышанский предлагает рассматривать обозначенную категорию, как «...правомерную, властную, интеллектуально-волевою деятельность по выбору наиболее оптимального варианта реализации предоставленных правомочий в отношении имущественных благ, соответствующего интересам собственника, с учетом прав и законных интересов третьих лиц и общества в целом» [6, с. 31].

Как отмечает Т. В. Дерюгина, «усмотрение — это способность субъекта свободно, своей волей и в своих интересах совершать определенные действия или воздерживаться от них, направленные на осуществление своих правомочий в определенных пределах» [11, с. 82].

Несмотря на то, что исследователи по-разному подходят к формулированию дефиниции усмотрения, все же допустимо выделение ряда признаков, характеризующих указанную категорию применительно к сфере гражданского права.

1. Усмотрение реализуется субъектом гражданского правоотношения своей волей, т. е. путем сознательного регулирования «...личностью своих действий, поступков, проявляющееся в умении преодолевать трудности при достижении цели» [13, с. 133]. Как указывается в литературе по психологии волевой акт «...всегда связан с приложением усилий, принятием решений и их реализацией. Воля предполагает борьбу мотивов» [12, с. 425]. Волевая направленность усмотрения, во многом, связана с принятием решения по юридическому вопросу, влекущему конкретные

юридические последствия для участников гражданского правоотношения.

2. Без сомнений, реализация усмотрения представляет собой интеллектуальный процесс, в рамках которого осуществляется активная мыслительная деятельность. Усмотрение представляет собой результат мыслительной деятельности [7, с. 114]. Осуществление усмотрения не должно сводиться к формализованному набору действий, так как, зачастую, возникает необходимость творчески подходить к возникшей правовой ситуации. В силу отсутствия детальной формальной регламентации конкретной деятельности или ввиду ее вариативности как раз и требуется апеллирование к категории усмотрения.

3. Субъект, реализуя усмотрение в рамках определенной деятельности, как правило, действует в своем интересе. Законный интерес определяется в общей теории права, как «...отраженное в объективном праве либо вытекающее из его общего смысла и в определенной степени гарантированное государством простое юридическое дозволение, обеспечивающее стремление субъекта пользоваться конкретным социальным благом, а также в некоторых случаях обращаться за защитой к компетентным органам в целях удовлетворения своих потребностей, не противоречащих общественным» [15, с. 351]. Законному интересу не корреспондирует юридическая обязанность другой стороны в силу отсутствия законодательно установленной возможности требовать определенного поведения от иных лиц [2, с. 47].

4. В качестве еще одного признака усмотрения можно отметить то, что в процессе его реализации субъект гражданского правоотношения осуществляет выбор из ряда представленных альтернатив. В качестве примера можно указать нормативные положения п. 1 ст. 466, п. 2 ст. 468, п. 1, 2 ст. 475, п. 1, 2 ст. 480 ГК РФ и др. Любой вариант поведения, из представленных, будет являться правомерным. Отдельными авторами указывается на возможность проявления усмотрения в праве не только в правомерном поведении, но и противоправном. Для обоснования приводится ситуация с злоупотреблением правом, сопровождающемся противоправным деянием [9, с. 38–39]. ГК РФ, как уже было обозначено, обуславливает осуществление гражданами и юридическими лицами своих гражданских прав реализацией усмотрения (п. 1 ст. 9). В связи с чем, можно убедиться, что законодатель коррелирует усмотрение с областью правомерного осуществ-

ления гражданских прав. При этом, несомненно, результатом реализации усмотрения может быть выход за пределы осуществления гражданских прав вследствие их недобросовестного осуществления. Однако, такое поведение не позволяет утверждать о легальной возможности реализации усмотрения в рамках недобросовестного осуществления гражданских прав.

5. Осуществление по своему усмотрению гражданами и юридическими лицами, принадлежащих им гражданских прав, должно происходить в строго определенных пределах, закрепленных в нормах ГК РФ. В частности, ст. 10 содержит пределы осуществления гражданских прав. В п. 1 законодатель перечисляет следующие действия, в рамках которых не допускается осуществление гражданских прав:

- ◆ с намерением причинить вред другому лицу;
- ◆ действия в обход закона с противоправной целью;
- ◆ иное заведомо недобросовестное их осуществление (злоупотребление правом);
- ◆ в целях ограничения конкуренции;
- ◆ злоупотребление доминирующим положением на рынке.

Рассмотрение категории усмотрения в гражданском праве позволило установить ее ключевую роль в обеспечении гибкости и эффективности правового регулирования в условиях развивающихся общественных отношений. На основании проведенного теоретико-правового анализа можно утверждать, что усмотрение представляет собой механизм, обеспечивающий субъектам гражданских правоотношений возможность осуществления свободно-волевого выбора правомерных альтернатив поведения в рамках установленных законодательных ограничений.

Изучение научных позиций продемонстрировало наличие различных подходов к пониманию природы усмотрения в различных отраслях права. Так, в уголовно-правовой сфере, как следует из работ О. Я. Баева и Д. А. Пархоменко, акцент сделан на выборе между альтернативами, предусмотренными законом, с необходимостью строгого соблюдения уголовно-процессуальных норм. В свою очередь, в конституционном праве, по мнению Л. А. Шарниной, усмотрение трактуется как проявление дискреционных полномочий органов власти, нередко заполняющих пробелы правового регулирования.

Отдельное внимание уделено исследованиям Р. И. Хасаншина, В. П. Камышанского и Т. В. Дерю-

гиной, которые подчеркивают волевую и интеллектуальную природу усмотрения. Исходя из их позиций, усмотрение обуславливается свободой субъекта действовать в пределах, установленных императивными нормами, с целью реализации собственных законных интересов. Эта позиция находит развитие и в трудах А. С. Скударнова и В. М. Шафирова, где усмотрение рассматривается как неотъемлемый элемент индивидуального правового регулирования.

Выявленные в исследовании характерные признаки усмотрения, такие как волевой характер действий, интеллектуальная составляющая выбора, реализация субъектом собственных интересов в рамках законных альтернатив, а также соблюдение пределов, установленных ГК РФ, позволяют глубже понять сущность данного правового явления. Указанные признаки, в частности, получили отражение в исследованиях С. В. Корнаковой и А. А. Никитина.

Следует отметить, что усмотрение в гражданском праве неразрывно связано с принципом свободы, лежащим в основе диспозитивного метода правового регулирования. В этой связи проявление усмотрения обуславливает не только наличие субъекта выбора наиболее благоприятного варианта поведения, но и ответственность за его последствия в пределах правотности и добросовестности.

Системный анализ позволил обобщить понятийную характеристику усмотрения и предложить следующее определение: усмотрение в гражданском праве представляет собой возможность субъекта осуществлять свободно-волевой выбор наиболее оптимального и законного варианта реализации предоставленных ему правомочий, направленного на удовлетворение его законных интересов и осуществляемого в установленных законодательством пределах.

Рассматриваемая категория демонстрирует высокую степень важности для правоприменительной практики, поскольку именно наличие усмотрения позволяет эффективно адаптировать нормы гражданского законодательства к особенностям конкретных правоотношений. Следовательно, дальнейшее исследование проблемы усмотрения, а также разработка критериев его допустимости и пределов реализации, безусловно, сохраняет актуальность и представляет собой перспективное направление научных изысканий в сфере гражданского права.

Проведенный в рамках настоящей статьи анализ категории усмотрения позволяет сформулировать

следующую дефиницию. Усмотрение представляет собой возможность для субъекта гражданского правоотношения осуществлять свободно-волевой выбор наиболее оптимального и законного варианта реализации предоставленных ему правомочий, обеспечивающий удовлетворение его интересов и ограниченный определенными пределами.

Список источников

1. Абушенко Д. Б. Судебное усмотрение в гражданском процессе: дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1998.
2. Андреев Ю. Н. Интересы в современном российском праве: теория и практика: моногр. М., 2023.
3. Баев О. Я. Усмотрение в уголовном судопроизводстве // Вестник ВГУ. 2010. № 1. С. 438–450.
4. Берг Л. Н. Судебное усмотрение и его пределы: общетеоретический аспект: дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008.
5. Ермакова К. П. Пределы судебного усмотрения: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
6. Камышанский В. П. Пределы и ограничения права собственности: моногр. Волгоград, 2000.
7. Корнакова С. В. Усмотрение как результат формирования внутреннего убеждения судьи // Lex russica. 2022. Т. 75. № 5. С. 107–116.
8. Марков П. В. Правовая природа и условия осуществления судебного усмотрения: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2012.
9. Никитин А. А. Усмотрение в праве и его признаки // Вестник Саратовской государственной юридической академии // 2012. № 6 (89). С. 34–41.
10. Подмосковный В. Д. Правовая основа судебного усмотрения по российскому законодательству: Вопросы теории и практики: дисс. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004.
11. Дерюгина Т. В. Принципы осуществления гражданских прав: моногр. М. : Книгодел, 2010.
12. Немов Р. С. Психология. В 3 кн. Кн. 1. Общие основы психологии. М., 2023.
13. Макарова К. В., Таллина О. А. Психология человека: учеб. пособие. 2-е изд., стер. М. : Прометей, 2023.
14. Скударнов А. С., Шафиров В. М. Усмотрение в процессе реализации прав, свобод и обязанностей граждан: моногр. М. : Проспект, 2017.
15. Теория государства и права: курс лекций / под ред. В. В. Гриба, В. Ю. Панченко. М., 2023.

16. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. Около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. М. : Мир и Образование, 2019.

17. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М. : Аделант, 2013.

18. Пархоменко Д. А. Усмотрение в уголовном праве: моногр. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017.

19. Папкина О. А. Усмотрение суда. М., 2005.

20. Хасаншин Р. И. Категория «усмотрение» в гражданском праве Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2017.

21. Шарнина Л. А. Категория усмотрения в конституционном праве: моногр. М. : Проспект, 2017.

22. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. (в ред. от 8 августа 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

References

1. Abushenko D. V. Judicial discretion in civil proceedings: diss. ... candidate of legal sciences. Yekaterinburg, 1998.

2. Andreev Yu. N. Interests in modern Russian law: theory and practice: monograph. M., 2023.

3. Baev O. Ya. Discretion in criminal proceedings // Bulletin of the VSU. 2010. № 1. P. 438–450.

4. Berg L. N. Judicial discretion and its limits: a general theoretical aspect: diss. ... candidate of legal sciences. Yekaterinburg, 2008.

5. Ermakova K. P. The limits of judicial discretion: diss. ... candidate of legal sciences. M., 2010.

6. Kamyshansky V. P. Limits and limitations of property rights: monograph. Volgograd, 2000.

7. Kornakova S. V. Discretion as a result of the formation of the judge's inner conviction // Lex russica. 2022. Vol. 75. № 5. P. 107–116.

8. Markov P. V. The legal nature and conditions of judicial discretion: diss. ... candidate of legal sciences. M., 2012.

9. Nikitin A. A. Discretion in law and its signs // Bulletin of the Saratov State Law Academy // 2012. № 6 (89). P. 34–41.

10. Podmoskovny V. D. The legal basis of judicial discretion under Russian law: Questions of theory and practice: diss. ... candidate of legal sciences. Volgograd, 2004.

11. Deryugina T. V. Principles of the exercise of civil rights: monographs. M. : Knigodel, 2010.

12. Nemov R. S. Psychology. In 3 books. Book 1. General fundamentals of psychology. M., 2023.

13. Makarova K. V., Tallina O. A. Human psychology: textbook. stipend. 2nd ed., ster. M. : Prometheus, 2023.

14. Skudarnov A. S., Shafirov V. M. Discretion in the process of realizing the rights, freedoms and duties of citizens: monogr. M. : Prospekt, 2017.

15. Theory of the state and law: a course of lectures / edited by V. V. Grib, V. Y. Panchenko. M., 2023.

16. Ozhegov S. I. Explanatory Dictionary of the Russian language. About 100,000 words, terms and phraseological expressions. M., 2019.

17. Ushakov D. N. Explanatory Dictionary of the modern Russian language. M. : Adellant, 2013.

18. Parkhomenko D. A. Discretion in criminal law: monograph. M. : UNITY-DANA, 2017.

19. Papkova O. A. Discretion of the court. M., 2005.

20. Khasanshin R. I. The category of «discretion» in the civil law of the Russian Federation: diss. ... candidate of legal sciences. Kazan, 2017.

21. Sharnina L. A. The category of discretion in constitutional law: monogr. M. : Prospekt, 2017.

22. The Civil Code of the Russian Federation (Part one) of November 30, 1994 (as amended dated August 8, 2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301.

Информация об авторе

М.-Б. Р. Юсупов — доцент кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

M.-B. R. Yusupov — Associate Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 21.04.2025; одобрена после рецензирования 16.05.2025; принята к публикации 06.06.2025.
The article was submitted 21.04.2025; approved after reviewing 16.05.2025; accepted for publication 06.06.2025.

Научная статья
УДК 351.74
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-172-175>
EDN: <https://elibrary.ru/evjknr>

NIJON: 2003-0059-3/25-317
MOSURED: 77/27-003-2025-03-516

Правовые основы деятельности правоохранительных органов Российской Федерации по противодействию киберпреступности

Андрей Бориславович Янишевский

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена стремительным развитием информационных технологий, что влечет за собой рост киберпреступности. В последние годы в России наблюдается увеличение количества преступлений, совершаемых в цифровой среде, включая мошенничество, кражу персональных данных, атаки на критическую инфраструктуру и распространение вредоносного программного обеспечения. Анализируются правовые основы деятельности правоохранительных органов РФ в сфере противодействия киберпреступности. Выявляются проблемы правоприменения; предлагаются пути совершенствования законодательства.

Ключевые слова: киберпреступность, правоохранительные органы, МВД России, киберпреступления, информационные технологии, цифровизация, защита информации

Для цитирования: Янишевский А. Б. Правовые основы деятельности правоохранительных органов Российской Федерации по противодействию киберпреступности // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 3. С. 172–175. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-172-175>. EDN: EVJKNR.

Original article

Legal basis for the activities of law enforcement agencies of the Russian Federation to counter cybercrime

Andrey B. Yanishevsky

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia

Abstract. The relevance of the study is due to the rapid development of information technology, which entails an increase in cybercrime. In recent years, Russia has witnessed an increase in the number of crimes committed in the digital environment, including fraud, identity theft, attacks on critical infrastructure and malware distribution. The paper analyzes the legal basis for the activities of law enforcement agencies of the Russian Federation in the field of combating cybercrime. Problems of law enforcement are identified; ways to improve legislation are suggested.

Keywords: cybercrime, law enforcement agencies, the Ministry of Internal Affairs of Russia, cybercrimes, information technology, digitalization, information protection

For citation: Yanishevsky A. B. Legal basis for the activities of law enforcement agencies of the Russian Federation to counter cybercrime. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(3):172–175. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-172-175>. EDN: EVJKNR.

С развитием информационных технологий в Российской Федерации и в мире преступная деятельность все чаще перемещается в цифровую среду, что порождает новые вызовы для правоохранительных систем. Киберпреступность становится одной из наиболее серьезных угроз национальной безопасности, экономике и частной жизни граждан. Как верно пишет Б. Э. Шавалеев, совершенствуются способы преступной деятельности, злоумышленниками активно используются новейшие достижения науки и техники в противоправных целях, что позволяет оказывать эффективное противодействие правоохранительным органам [6]. Киберпреступность — это совокупность преступлений, совершаемых с использованием ин-

формационно-телекоммуникационных технологий, где компьютер либо является объектом посягательства, либо средством совершения преступления.

Различным аспектам и проблематике преступности в сфере информационных технологий посвящено множество работ отечественных ученых-правоведов: Р. Р. Гайфутдинова [1], М. А. Простосердова [4], А. А. Рудых [5], И. Б. Колчевского, Г. Э. Бицадзе [2], В. С. Овчинского [3] и других авторов. В юридической науке выделяют два основных подхода к определению киберпреступности:

1) *узкий (компьютерно-ориентированный)* — это преступления, направленные непосредственно на компьютеры и сети (взломы, вирусы);

© Янишевский А. Б., 2025

2) *широкий (компьютерно-зависимый)* — любые преступления, совершаемые с использованием цифровых технологий (мошенничество, терроризм).

Правовое определение киберпреступлений дается в международных правовых документах, в частности, в международных стандартах: Будапештская конвенция (2001 г.) — первый международный договор, закрепивший понятие киберпреступлений (ст. 2–10), Директива ЕС 2013/40 — классификация киберпреступлений в Европейском Союзе. В Уголовном кодексе РФ (далее — УК РФ) нет единого термина «киберпреступление», но выделены определенные составы: ст. 272 УК РФ — неправомерный доступ к компьютерной информации, ст. 273 УК РФ — создание и распространение вредоносных программ, ст. 274 УК РФ — нарушение правил эксплуатации компьютерных систем, а также ст. 159.6 УК РФ — мошенничество в сфере компьютерной информации.

Киберпреступность — это противоправная деятельность, совершаемая с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Основные виды киберпреступлений:

- ◆ компьютерное мошенничество (ст. 159.6 УК РФ);
- ◆ неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ);
- ◆ создание и распространение вредоносных программ (ст. 273 УК РФ);
- ◆ нарушение правил эксплуатации средств хранения информации (ст. 274 УК РФ);
- ◆ фишинг, кардинг, DDoS-атаки.

Киберпреступления можно условно классифицировать по трем типам (в зависимости от объекта посягательства), согласно табл. 1.

По методу совершения обычно киберпреступления классифицируют на: киберпреступления, совершаемые с использованием социальной инженерии (фишинг, вишинг), технические атаки (эксплойты, брутфорс) и киберпреступления, совершаемые гибридными методами (таргетированные атаки на организации).

Отличительными признаками киберпреступлений являются, во-первых, трансграничность (когда пре-

ступник и жертва могут находиться в разных юрисдикциях), во-вторых, анонимность (использование VPN, криптовалют и т. д.), в-третьих, высокая латентность (к сожалению, многие преступления так и остаются нераскрытыми), в-четвертых, динамичность — быстрое изменение методов атак. Важно понимать, что киберпреступность представляет собой сложное, динамично развивающееся явление, требующее постоянного совершенствования законодательства и следственных методик. Проблемами квалификации (и раскрытия) киберпреступлений в судебной практике являются: сложность доказывания (например, установление личности хакера), конфликт юрисдикций при международных расследованиях, недостаточная техническая экспертиза в регионах. Примером из практики является дело о взломе банковской системы (2023 г.), когда суд столкнулся с проблемой отсутствия прямых доказательств причастности обвиняемого.

Россия участвует в ряде международных соглашений, таких как: Конвенция Совета Европы о киберпреступности (Будапештская конвенция, 2001), хотя РФ не является участником, некоторые нормы имплементированы в национальное законодательство; Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (2001) — включает положения о кибертерроризме. Сотрудничество в рамках ОДКБ и СНГ выражено в соглашениях о совместном противодействии киберугрозам. Национальное законодательство РФ в сфере кибербезопасности состоит из: Федерального закона № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных», Федерального закона № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры».

В 2021 г. был принят Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [7], согласно подп. 4 п. 5 которого обеспечение национальной безопасности — реализация органами публичной власти во взаимодействии с институтами гражданского общества и организациями политических, правовых, во-

Таблица 1

Классификации киберпреступлений по объекту посягательства

№	Тип	Примеры
1.	Преступления против конфиденциальности данных	Хищение персональных данных, промышленный шпионаж
2.	Преступления против целостности данных	Вирусные атаки, удаление информации
3.	Преступления против доступности данных	DDoS-атаки, блокировка систем

енных, социально-экономических, информационных, организационных и иных мер, направленных на противодействие угрозам национальной безопасности. В соответствии с п. 25 Стратегии национальной безопасности РФ, с учетом долгосрочных тенденций развития ситуации в РФ и в мире, ее национальными интересами на современном этапе являются, в том числе, развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия. Одним из важнейших национальных приоритетов обеспечения и защиты национальных интересов России является информационная безопасность.

Ключевыми ведомствами в системе правоохранительных органов, осуществляющих борьбу с киберпреступностью в России, являются:

- ♦ МВД РФ (Главное управление по противодействию экстремизму и «К» — управление «К» специализируется на киберпреступлениях). МВД России обладает полномочиями по оперативно-розыскной деятельности, блокировке мошеннических сайтов;

- ♦ ФСБ РФ (Центр информационной безопасности). ФСБ России осуществляет защиту государственной тайны, а также противодействие кибершпионажу;

- ♦ Следственный комитет РФ (расследование тяжких киберпреступлений). СК РФ имеет полномочия по возбуждению уголовных дел по ст. 272–274 УК РФ;

- ♦ Роскомнадзор (контроль за соблюдением законодательства в Интернете);

- ♦ Центральный банк РФ (противодействие финансовым киберпреступлениям).

Важно особо отметить существующие (и нерешенные до сих пор) проблемы правоприменительной практики, такие как: анонимность преступников — сложность идентификации злоумышленников; недостаточная техническая оснащенность правоохранительных органов; пробелы в законодательстве — необходимость криминализации новых видов киберпреступлений.

Проведем краткий анализ судебной практики деятельности правоохранительных органов РФ по противодействию киберпреступности. Судебная практика по делам о киберпреступлениях в РФ активно развивается в последние годы, отражая новые вызовы цифровой эпохи. Рассмотрим несколько ключевых кейсов, иллюстрирующих подходы правоохранительных органов и судов к квалификации и расследованию преступлений в сфере информационных технологий.

1. *Дела о компьютерном мошенничестве (ст. 159.6 УК РФ).*

Кейс 1. Финансовое мошенничество через поддельные сайты банков. Фабула дела состоит в том, что группа лиц создала фишинговые сайты, имитирующие онлайн-банкинг крупных кредитных организаций. Жертвы вводили свои реквизиты, после чего злоумышленники похищали деньги со счетов. Место преступления было установлено через анализ IP-адресов и взаимодействие с хостинг-провайдерами. В рамках ОРД получены логи SMS-рассылок и данные электронных кошельков. Приговор: ст. 159.6 УК РФ (мошенничество в сфере компьютерной информации). Виновные получили от трех до семи лет лишения свободы.

Кейс 2. Взлом корпоративных e-mail и переводы средств. Злоумышленники, используя социнженерию, получили доступ к почте финансового директора компании и инициировали перевод 28 млн руб. на подконтрольные счета. Правоохранительными органами был установлен маршрут движения денег через цепочку обменников. Привлечены эксперты по компьютерной криминалистике. Приговор: по совокупности ст. 159.6 и ст. 272 УК РФ (неправомерный доступ). Организатор осужден на восемь лет.

2. *Дела о неправомерном доступе (ст. 272 УК РФ).*

Кейс 3. Хакерская атака на государственный портал. Фабула дела состояла в том, что группа хакеров взломала сайт регионального правительства, похитив персональные данные чиновников. ФСБ России выявила следы использования эксплойтов. Были установлены VPN-сервера, использовавшиеся для атаки. Приговор: ст. 272 УК РФ. Пять лет колонии и штраф 500 тыс. руб.

3. *Распространение вредоносного ПО (ст. 273 УК РФ).*

Кейс 4. Создание и продажа ботнетов. Суть дела состояла в том, что программист разработал троян, заразивший 40 тыс. устройств, и сдавал ботнет в аренду для DDoS-атак. Правоохранительными органами был проведен анализ кода программы, который показал связь с обвиняемым, была доказана монетизация через криптовалюты. Приговор: ст. 273 УК РФ. Шесть лет лишения свободы.

Отдельно следует отметить проблемы правоприменения, которые выражаются в: сложности сбора доказательств (необходимость привлечения ИТ-экспертов); международном характере преступлений (за-

просы к иностранным провайдерам затягивают процессы); неоднозначности квалификации (разграничение составов ст. 272 и 273 УК РФ). Анализ приведенной выше судебной практики показывает следующее: успешность расследований зависит от технической оснащенности правоохранительных органов, суды ужесточают наказания за киберпреступления, требуется дальнейшее совершенствование методик расследования киберпреступлений. В этом аспекте, на наш взгляд, важно создание специализированных кибер-судов, развитие международного сотрудничества, углубленное обучение сотрудников МВД и ФСБ современным методам киберследствия.

По нашему мнению, перспективными направлениями развития российского уголовного законодательства в сфере борьбы и превенции киберпреступлений, являются: ужесточение наказаний за киберпреступления, развитие системы биометрической идентификации в России, а также усиление международного сотрудничества. Борьба с киберпреступностью требует комплексного подхода, включающего совершенствование национального законодательства, техническое оснащение правоохранительных органов и международное взаимодействие.

Список источников

1. Гайфутдинов Р. Р. Понятие и квалификация преступлений против компьютерной информации: дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2017.
2. Колчевский И. Б., Бицадзе Г. Э. Преступления в сфере информационных технологий: понятие, структура // Научный портал МВД России. 2021. № 2 (54). С. 40–47.
3. Овчинский В. С. Основы борьбы с киберпреступностью и кибертерроризмом. М., 2017.
4. Простосердов М. А. Экономические преступления, совершаемые в киберпространстве, и меры противодействия им: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2016.

Информация об авторе

А. Б. Янишевский — профессор Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук.

Information about the author

A. B. Yanishevsky — Professor of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 28.04.2025; одобрена после рецензирования 16.05.2025; принята к публикации 06.06.2025.
The article was submitted 28.04.2025; approved after reviewing 16.05.2025; accepted for publication 06.06.2025.

5. Рудых А. А. Информационно-технологическое обеспечение криминалистической деятельности по расследованию преступлений в сфере информационных технологий: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов на/Д., 2020.

6. Шавалеев Б. Э. Классификация киберпреступлений // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13. № 3 (49). С. 94.

7. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

References

1. Gaifutdinov R. R. The concept and qualification of crimes against computer information: diss. ... candidate of legal sciences. Kazan, 2017.
2. Kolchevsky I. B., Bitsadze G. E. Crimes in the field of information technology: concept, structure // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 2 (54). P. 40–47.
3. Ovchinsky V. S. Fundamentals of combating cybercrime and cyberterrorism. M., 2017.
4. Prostoserdov M. A. Economic crimes committed in cyberspace and measures to counter them: diss. ... candidate of legal sciences. M., 2016.
5. Rudykh A. A. Information technology support for criminalistic activities in the investigation of crimes in the field of information technology: abstract. diss. ... candidate of legal sciences. Rostov on/D., 2020.
6. Shavaleev B. E. Classification of cybercrimes // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Vol. 13. № 3 (49). P. 94.
7. Decree of the President of the Russian Federation dated July 2, 2021 № 400 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2021. № 27 (Part II). Art. 5351.

Научная статья

УДК 338

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-176-181>

EDN: <https://elibrary.ru/btxyni>

НИОН: 2003-0059-3/25-318

MOSURED: 77/27-003-2025-03-517

Новеллы налогового и бюджетного законодательства в Российской Федерации в современных условиях

Владимир Иванович Бобошко

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, V.boboshko@mail.ru

Аннотация. Анализируются действующие изменения в налоговом и бюджетном законодательстве Российской Федерации, которые являются частью мероприятий, направленных на реализацию национальных целей и ориентированы на повышение эффективности и справедливости налоговой политики Российской Федерации. Рассмотренные нововведения позволят повысить доходную часть в структуре государственного бюджета, что, в свою очередь, предоставит возможность расширить направления развития в социальной сфере общества посредством реализации национальных проектов.

Ключевые слова: бюджетная политика, налоговое законодательство, экономическая безопасность, бюджет, национальные проекты

Для цитирования: Бобошко В. И. Новеллы налогового и бюджетного законодательства в Российской Федерации в современных условиях // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 3. С. 176–181. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-176-181>. EDN: BТХYNI.

Original article

Innovations in tax and budget legislation in the Russian Federation in modern conditions

Vladimir I. Boboshko

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, V.boboshko@mail.ru

Abstract. Analyzed the current changes in the tax and budget legislation of the Russian Federation, which are part of the measures aimed at the implementation of national goals and focused on improving the efficiency and fairness of tax policy of the Russian Federation. The considered innovations will allow increasing the revenue part in the structure of the state budget, which in turn will provide an opportunity to expand the directions of development in the social sphere of society through the implementation of national projects.

Keywords: budget policy, tax legislation, economic security, budget, national projects

For citation: Boboshko V. I. Innovations in tax and budget legislation in the Russian Federation in modern conditions. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(3):176–181. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-176-181>. EDN: BТХYNI.

Введение. В современных реалиях состояние налоговой и бюджетной политики, реализуемой в Российской Федерации, играет одну из ключевых ролей в поддержании экономической безопасности страны на должном уровне. Налоговая политика, проводимая государством, влияет на структуру его бюджета, так как, с одной стороны, налоговые поступления являются основной статьей доходной части государственного бюджета, а с другой стороны, служат одним из инструментов регулирования экономической и социальной политики государства.

Анализ ключевых положений федерального бюджета на 2025 г. и плановый период 2026 и 2027 гг. В настоящее время налоговые поступления в бюджет являются ключевым инструментарием и наиболее эф-

фективным рычагом воздействия государства на деятельность хозяйствующих субъектов, для аккумуляции ресурсов в целях обеспечения функционирования страны. Следовательно, именно налоговая политика позволяет обеспечивать интересы государства и налогоплательщиков.

Постоянное развитие общества, а также расширение направлений развития социальной политики государства является одним из ключевых факторов непрерывного изменения и внесения дополнений в налоговое законодательство. Стоит отметить, что большинство нововведений, затронувших бюджетную политику России, связаны с тем, что именно поступления от налогов и сборов составляют большую часть в структуре доходов бюджета (рис. 1).

© Бобошко В. И., 2025

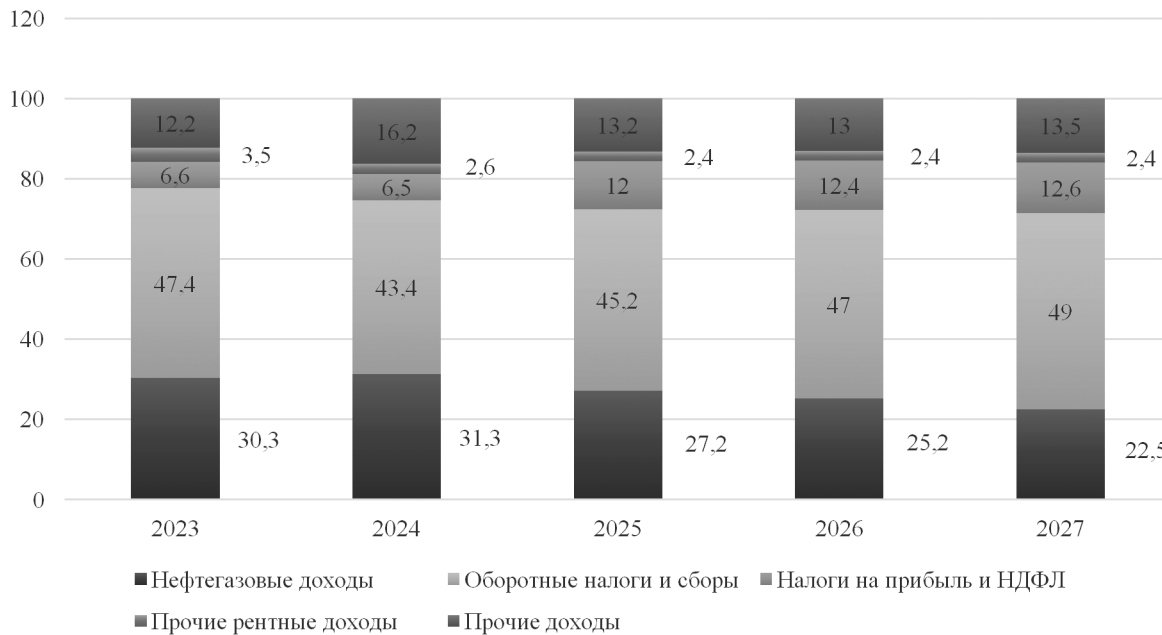

Рис. 1. Прогноз состояния структуры доходной части бюджета на 2025–2027 гг., %

Анализируя данные диаграммы, можно сказать, что нефтегазовые поступления предположительно в 2025 г. составят порядка 27,1 % доходной части бюджета и, исходя из прогнозов специалистов в последующие два плановых года, данная статья поступлений в бюджет будет иметь тенденцию к снижению.

Поступления от налогов и сборов с каждым годом будут только увеличивать свою долю в структуре доходной части бюджета (с 57,2 % в 2025 г. до 61,6 % в 2027 г.). Рост данного показателя напрямую

связан с изменениями налогового законодательства Российской Федерации, которые вступили в силу с 1 января 2025 г. на основании Федерального закона № 176 [1], опубликованного 12 июля 2024 г.

Стоит обратить внимание и проанализировать расходную часть бюджета, для того чтобы определить приоритетные направления развития Российской Федерации в ближайшей перспективе (рис. 2).

Рассмотрев направления использования бюджетных средств в 2025 г., можно сказать о том, что

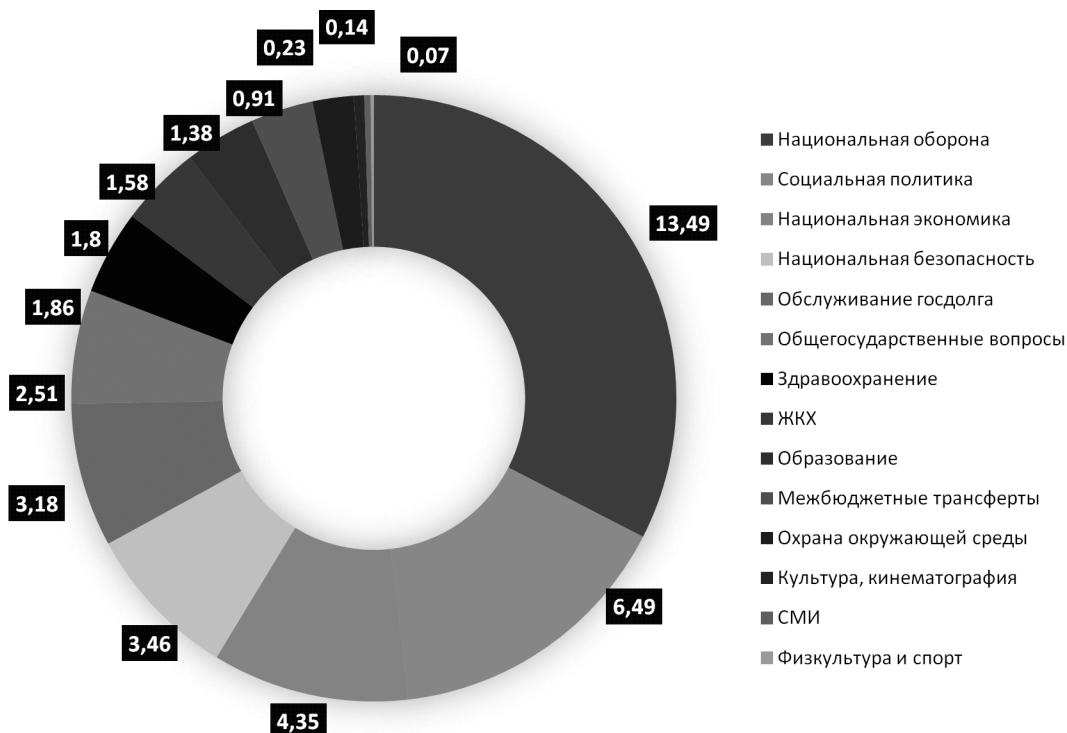

Рис. 2. Прогноз состояния структуры расходной части бюджета на 2025 г., трлн руб.

Рис. 3. Национальные цели развития в общественной сфере России

приоритетными в современных условиях считаются следующие направления государственной политики:

- ◆ обеспечение обороны и безопасности страны;
- ◆ обеспечение улучшения социальной политики;
- ◆ достижение технологического суверенитета, что

также в условиях санкционного давления на Россию является одним из ключевых направлений развития.

Также стоит обратить внимание на то, что еще в 2024 г. и прогнозируемом периоде 2025–2026 гг. специалисты считали, что расходы на национальную оборону будут постепенно снижаться, однако в этом году прогнозные значения свидетельствуют о росте данной статьи расходов бюджета к 2027 г.

Ключевые задачи, определяемые бюджетной политикой на период с 2025 по 2027 гг. Президентом России были определены ключевые направления развития Российской Федерации во всех сферах общественной жизни на текущий период 2025 г. и на плановый период 2026–2027 гг. (рис. 3).

Именно на реализацию указанных направлений были ориентированы инструменты бюджетной и на-

логовой политики Российской Федерации. Реализация национальных интересов по развитию государства является приоритетной задачей бюджетной политики. Для достижения данной цели необходимо реализовать изменения в расходной части государственного бюджета. Для этого на законодательном уровне были разработаны особенности исполнения бюджетов бюджетной системы в Российской Федерации в 2025 г. — Президентом РФ 29 октября 2024 г. был подписан Федеральный закон № 367 [2], устанавливающий следующие изменения (рис. 4).

Бюджетная политика страны является важнейшим инструментом в обеспечении эффективного и устойчивого достижения экономического роста государства за счет оптимизации структуры государственного бюджета. Также не стоит забывать о том, что бюджетная политика является элементом финансовой политики государства и обеспечивает осуществление развития социальной и экономической политики государства посредством реализации национальных проектов.

Рис. 4. Особенности исполнения бюджетов бюджетной системы РФ в 2025 г.

Ключевые положения налоговой реформы в Российской Федерации, реализуемой с 2025 г. Рассмотрим основные изменения налогового законодательства Российской Федерации. Одно из наиболее обсуждаемых нововведений коснулось налога на доходы физических лиц. Согласно указанному выше Федеральному закону в нашей стране введена пятиступенчатая прогрессивная шкала налогообложения. Соответственно для налоговых резидентов с 1 января 2025 г. доходы облагаются по вновь введенным ставкам, которые варьируются в зависимости от величины полученного ими годового дохода (рис. 5).

Важно отметить, что при начислении налога на доходы физических лиц по обновленной шкале налогообложения, не учитываются нетрудовые доходы (дивиденды, проценты по вкладам, доходы от продажи имущества или в случае получения его по договору дарения — к данной категории доходов физических лиц по-прежнему применяется двухступенчатая шкала НДФЛ со ставкой 13 % в пределах 2,4 млн руб. и со ставкой 18 % в случае получения дохода свыше 2,4 млн руб.). Исходя из этого, у сотрудников Федеральной налоговой службы возникает повышенный интерес к проверке акционерных обществ, так как, если акционеры компании работают в ней же, то часть трудовых выплат они могут незаконно перекалфицировать в дивиденды, чтобы платить налог по наименьшей ставке.

Следующее нововведение коснулось налога на прибыль организации. В связи с этим, ставка по данному налогу увеличилась на 5 проц. п. и составляет в настоящее время 25 % (8 % направляется в федеральный бюджет и 17 % поступает в региональный бюджет). Хозяйствующие субъекты, которые являются участниками региональных инвестиционных проектов, получают бессрочное право освобождения от уплаты 8 % части налога, поступающей в федеральный бюджет, независимо от их объема инвестиций (до 2025 г. действовал ограниченный срок получения данной льготы — десять лет, а также установлен объем инвестиций в размере 25 млрд руб.). Также были введены и дополнительные льготы по налогу на прибыль организации:

1) установлены специальные ставки для малых технологических предприятий (субъекты РФ могут самостоятельно вводить пониженные ставки по данному налогу, что позволяет снизить ставку величины налога, поступающего в региональный бюджет ниже 17 %);

Рис. 5. Обновленные ставки по НДФЛ

2) введен в действие новый федеральный инвестиционный налоговый вычет (он помогает налогоплательщикам уменьшать расходы по основным средствам и нематериальным активам, денежные средства от которых поступают в федеральный бюджет; предел для уменьшения составляет до 3 % в период с 2025 по 2030 гг.).

С 1 января 2025 г. появился туристический налог (он заменяет курортный сбор), который устанавливается на уровне муниципалитетов, регламентирует данный налог гл. 33.1 НК РФ. Следовательно, необходимость введения данного налога субъекты РФ регулируют самостоятельно. Данный налог подлежит уплате компаниями и индивидуальными предпринимателями, занятыми в сфере гостеприимства. Налог платят с каждого гостиничного номера или места в хостеле. При этом ставка по данному налогу в 2025 г. не превышает 1 % (далее ставки будут увеличиваться и составят: 2 % — в 2026 г., 3 % — в 2027 г., 4 % — в 2028 г., 5 % — с 2029 г.). Минимальная сумма налога равна 100 руб. Данный налог должен быть уплачен не позднее 28 числа месяца, следующего за окончанием квартала, налоговая декларация по налогу подается до 25 числа месяца, следующего за окончанием квартала.

Изменения налоговой политики в области применения хозяйствующими субъектами упрощенной системы налогообложения. Изменения налогового законодательства затронуло и специальные налоговые режимы. Так, например, существенные изменения коснулись хозяйствующих субъектов, применяю-

щих упрощенную систему налогообложения (далее — УСН). При применении данного специального налогового режима были отменены повышенные ставки за пограничные значения условий перехода на УСН — 8 и 20 %. Сохранились только базовые ставки — 6 и 15 %. В то же время, регионы оставляют за собой право понижать указанные базовые ставки. Лимиты для использования упрощенной системы налогообложения не изменились, они были проиндексированы следующим образом:

1) годовой доход в 2025 г. должен будет составлять 450 млн руб.;

2) для получения права перехода на УСН доход за девять месяцев со следующего года должен составлять 337,5 млн руб.;

3) остаточная стоимость основных средств — 200 млн руб.;

4) среднесписочная численность сотрудников — 130 человек.

Основополагающее изменение для хозяйствующих субъектов — появление обязанности у налогоплательщика, применяющего УСН, уплаты налога на добавленную стоимость в случае превышения суммы годового дохода величины равной 60 млн руб. Данные нормы распространены на всей территории Российской Федерации без исключений.

Важно отметить, что при применении пониженных ставок хозяйствующими субъектами, находящимися на УСН, налоговых вычетов по НДС не предусмотрено:

1) 5 % — при доходе за прошлый и текущий налоговые периоды до 250 млн руб.;

2) 7 % — при доходе за прошлый и текущий налоговые периоды свыше 250 млн руб.

Все рассмотренные выше изменения налоговой и бюджетной политики Российской Федерации были направлены на увеличение поступлений в федеральный, региональный и местный бюджеты, что позволит обеспечить в будущем реализацию национальных проектов, а также программ регионального и муниципального уровней, гарантировать выполнение общенациональных задач [3]. В свою очередь, экономическим субъектам необходимо своевременно адаптироваться под новые условия и разрабатывать бизнес-стратегии для минимизации налоговых рисков.

Заключение. Подводя итоги исследования, хотелось бы отметить, что изменения в бюджетном и налоговом законодательстве нашей страны происходят

ежегодно, в зависимости от положения Российской Федерации на геополитической арене, а также в связи с изменениями внутренней политики государства, определяющей национальные интересы и приоритеты развития.

Изменения законодательства направлены не только на повышения собираемости налогов и сборов в бюджеты всех уровней бюджетной системы нашей страны, но и для обеспечения условий, побуждающих налогоплательщиков добросовестно исполнять требования налогового законодательства.

Так, например, курс на либерализацию уголовной ответственности за совершение налоговых преступлений, связанных с уклонением от уплаты налогов и иных обязательных платежей, был принят в России еще в 2023 г.

В связи с принятием Федерального закона № 78-ФЗ были уменьшены максимальные сроки наказания в виде лишения свободы за совершение налоговых преступлений, предусмотренных ст. 199, 199.1, 199.2, 199.4 УК РФ. Соответственно, налоговые преступления, которые до принятия указанного нормативно-правового акта считались тяжкими, на сегодняшний день переклассифицированы в категорию преступлений средней тяжести.

Говоря о нововведениях, нельзя не упомянуть и о появлении такого инструмента, как «налоговая амнистия», благодаря которому налогоплательщики могут быть освобождены от уплаты налоговых долгов при условии добровольного отказа от дробления бизнеса при применении специальных налоговых режимов.

Таким образом, государственные органы настроены на то, чтобы предоставить условия как физическим, так и юридическим лицам для ведения предпринимательской деятельности в рамках соблюдения налогового и бюджетного законодательства Российской Федерации.

Список источников

1. Федеральный закон от 12 июля 2024 г. № 176-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон от 29 октября 2024 г. № 367-ФЗ «О внесении изменений в отдельные зако-

нодательные акты Российской Федерации, приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации, признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации и об установлении особенностей исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации в 2025 году» (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2025 г. и на плановый период 2026 и 2027 гг. // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Federal Law № 176-FZ of July 12, 2024 «On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation, Certain Legislative Acts of the Russian Federation and Invalidation of Certain Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation» (latest edition) // LRS «ConsultantPlus».

2. Federal Law № 367-FZ of October 29, 2024 «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation, Suspension of Certain Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation, Invalidation of Certain Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation and on the Establishment of Specifics of Budget Execution of the Budgetary System of the Russian Federation in 2025» (latest edition) // LRS «ConsultantPlus».

3. The main directions of budget, tax and customs tariff policy for 2025 and for the planning period of 2026 and 2027 // LRS «ConsultantPlus».

Библиографический список

1. Миронова О. А., Поздеев В. Л., Бобошко В. И. и др. Экономическая безопасность в новой реальности. Теория и методология. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2024.

Информация об авторе

В. И. Бобошко — профессор кафедры экономики и бухгалтерского учета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук.

Information about the author

V. I. Boboshko — Professor of the Department of Economics and Accounting of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Doctor of Economic Sciences.

2. Новоселов К. В. Экономическая безопасность: теория и методология обеспечения в сфере бюджетно-налоговых отношений в России. Йошкар-Ола, 2020.

3. Налоговый кодекс Российской Федерации (ч. 2) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (ред. от 29 ноября 2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Федеральный закон от 18 марта 2023 г. № 78-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Письмо Федеральной налоговой службы России от 16 июля 2024 г. № БВ-4-7/8051@ «О правовых позициях, сформированных судебной практикой и применяемых арбитражными судами при разрешении споров, связанных с установлением в действиях налогоплательщиков признаков дробления бизнеса» // СПС «КонсультантПлюс».

Bibliographic list

1. Mironova O. A., Pozdееv V. L., Boboshko V. I. and others. Economic security in the new reality. Theory and methodology. M. : UNITY-DANA, 2024.

2. Novoselov K. V. Economic security: theory and methodology of ensuring budgetary and tax relations in Russia. Yoshkar-Ola, 2020.

3. The Tax Code of the Russian Federation (Part 2) dated August 5, 2000 № 117-FZ (as amended on November 29, 2024) // LRS «ConsultantPlus».

4. Federal Law № 78-FZ of March 18, 2023 «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

5. Letter of the Federal Tax Service of Russia dated July 16, 2024 № BV-4-7/8051@ «On the legal positions formed by judicial practice and applied by arbitration courts in resolving disputes related to the establishment of signs of business fragmentation in taxpayers' actions» // LRS «ConsultantPlus».

Статья поступила в редакцию 02.03.2025; одобрена после рецензирования 31.03.2025; принята к публикации 25.04.2025.
The article was submitted 02.03.2025; approved after reviewing 31.03.2025; accepted for publication 25.04.2025.

Научная статья
УДК 336.2
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-182-189>
EDN: <https://elibrary.ru/byhkpj>

НИОН: 2003-0059-3/25-319
MOSURED: 77/27-003-2025-03-518

Оценка эффективности и направления совершенствования специальных налоговых режимов для субъектов малого предпринимательства в Российской Федерации

Наталья Михайловна Бобошко¹, Светлана Алексеевна Веселкина²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ natmb@list.ru

² veselkinasveta@bk.ru

Аннотация. Анализируется эффективность специальных налоговых режимов для малого предпринимательства в России в условиях современных экономических вызовов. Исследуются упрощенная система налогообложения (УСН), патентная система налогообложения (ПСН) и налог на профессиональный доход (НПД), их роль в поддержке малого бизнеса и обеспечении фискальной устойчивости государства. На основе статистических данных Федеральной налоговой службы за 2018–2024 гг. выявлены тенденции роста, проблемы и перспективы модернизации режимов. Особое внимание уделено теоретическим аспектам налоговой политики, вопросам взаимодействия с системой НДС, цифровизации администрирования и повышения налоговой грамотности предпринимателей с учетом глобальных и национальных экономических трендов.

Ключевые слова: специальные налоговые режимы, малое предпринимательство, упрощенная система налогообложения, патентная система налогообложения, налог на профессиональный доход

Для цитирования: Бобошко Н. М., Веселкина С. А. Оценка эффективности и направления совершенствования специальных налоговых режимов для субъектов малого предпринимательства в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 3. С. 182–189. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-182-189>. EDN: ВУНКРП.

Original article

Assessment of the effectiveness and directions for improving special tax regimes for small businesses in the Russian Federation

Natalia M. Boboshko¹, Svetlana A. Veselkina²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ natmb@list.ru

² veselkinasveta@bk.ru

Abstract. The effectiveness of special tax regimes for small businesses in Russia in the context of modern economic challenges is analyzed. The article examines the simplified taxation system (STS), the patent taxation system (PSN) and the professional income tax (NAP), their role in supporting small businesses and ensuring fiscal sustainability of the state. Based on statistical data from the Federal Tax Service for 2018–2024, growth trends, problems and prospects for regime modernization have been identified. Special attention is paid to the theoretical aspects of tax policy, issues of interaction with the VAT system, digitalization of administration and improvement of tax literacy of entrepreneurs, taking into account global and national economic trends.

Keywords: special tax regimes, small business, simplified taxation system, patent taxation system, professional income tax

For citation: Boboshko N. M., Veselkina S. A. Assessment of the effectiveness and directions for improving special tax regimes for small businesses in the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(3):182–189. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-182-189>. EDN: ВУНКРП.

Введение. Специальные налоговые режимы для субъектов малого предпринимательства представляют собой фундаментальный элемент экономической политики Российской Федерации, направленной на стимулирование предпринимательской активности и обеспечение устойчивого экономического роста. Данный подход приобретает особую актуальность, поскольку малые и средние предприятия (МСП) играют ключевую роль в национальной экономике, формируя, по данным 2023 г., около 20,8 % ВВП России и обеспечивая занятость более 24,6 млн человек [12]. С теоретической точки зрения, налоговые преференции способствуют снижению транзакционных издержек и повышению конкурентоспособности малого бизнеса, что согласуется с концепциями Р. Коуза о минимизации транзакционных затрат и положениями теории А. Лаффера о влиянии налоговой нагрузки на экономическую активность [6; 8]. Эти концепции подчерки-

© Бобошко Н. М., Веселкина С. А., 2025

вают необходимость баланса между налоговыми льготами и фискальной устойчивостью государства. В условиях постпандемийного восстановления, осложненного инфляционными процессами и внешними экономическими ограничениями, поддержка МСП приобретает особую значимость [12; 13]. Специальные налоговые режимы, такие как упрощенная система налогообложения, патентная система налогообложения и налог на профессиональный доход, закрепленные в Налоговом кодексе РФ [1], выступают ключевыми инструментами государственной политики, направленной на упрощение налогового администрирования, снижение фискальной нагрузки и стимулирование формализации предпринимательской деятельности.

Научная и практическая значимость исследования обусловлена необходимостью оценки эффективности действующих режимов в контексте современных трендов налоговой политики, включая цифровизацию администрирования и гармонизацию налоговых систем. Существующие проблемы, такие как низкая налоговая грамотность предпринимателей и административные барьеры при переходе между режимами, требуют междисциплинарного анализа, объединяющего экономику, право и государственное управление.

Анализ специальных налоговых режимов: характеристики и динамика применения

Для оценки эффективности специальных налоговых режимов целесообразно рассмотреть их струк-

турные характеристики и динамику применения, что позволяет выявить их влияние на развитие малого бизнеса и формирование государственных доходов.

Структурный анализ специальных налоговых режимов позволяет определить их ключевые параметры и потенциал применения для различных категорий налогоплательщиков (табл. 1).

Упрощенная система налогообложения характеризуется вариативностью объекта налогообложения и относительно высокими лимитами дохода, что делает ее применимой для широкого круга субъектов малого и среднего бизнеса, однако требует ведения бухгалтерского учета. Патентная система налогообложения отличает фиксированный налоговый платеж и простота администрирования, ориентированная на индивидуальных предпринимателей, осуществляющих определенные виды деятельности. Налог на профессиональный доход представляет собой наиболее гибкий режим с низкими ставками и полностью цифровым взаимодействием, предназначенный для физических лиц и ИП с незначительным объемом дохода [1].

Анализ практического применения специальных налоговых режимов подтверждает их фундаментальную роль в стимулировании и поддержке малого предпринимательства в РФ, являясь ключевым инструментом государственной экономической политики [5]. Об этом свидетельствуют и статистические данные: согласно отчетности за 2023 г., абсолютное большинство — 80 % субъектов малого и среднего предпринимательства — использовали данные ре-

Таблица 1

Сравнительные характеристики специальных налоговых режимов [1]

Параметр	Упрощенная система налогообложения	Патентная система налогообложения	Налог на профессиональный доход
Допустимые субъекты	Индивидуальные предприниматели, юридические лица	Только индивидуальные предприниматели, занимающиеся определенными видами деятельности	Частные лица и ИП (при условии отсутствия работников)
Налоговая ставка	6 % (доходы) или 15 % (доходы минус расходы)	6 % от фиксированной стоимости патента (зависит от региона/вида деятельности)	4 % (с доходов от частных клиентов), 6 % (с доходов от компаний и ИП)
Лимит дохода	2024 г. — 200 млн руб. с 2025 г. — 450 млн руб.	60 млн руб./год	2,4 млн руб./год
Обязанность по НДС	Освобождены (с 2025 г. обязанность уплаты при превышении порога 60 млн руб.)	Освобождены	Освобождены
Отчетность	Годовая декларация по УСН	Без отчетности, получение патента	Ежемесячно через мобильное приложение («Мой налог»)
Административная сложность	Средняя (требуется ведение учета)	Низкая (без учета)	Очень низкая (автоматизировано)

жимы (табл. 2), что подтверждает их высокую востребованность и стратегическую значимость для ведения бизнеса в современных экономических условиях [12].

Оценка результатов применения каждого из режимов выявляет следующие тенденции и эффекты:

- ♦ упрощенная система налогообложения является одним из наиболее распространенных специальных налоговых режимов, что обусловлено ее относительной простотой и сниженной налоговой нагрузкой по сравнению с общей системой налогообложения [1]. За период с 2018 по 2024 гг. число налогоплательщиков УСН выросло с 3,242 до 4,483 млн, а налоговые поступления увеличились с 422,19 до 1,316,42 млрд руб., что составляет рост на 211,8 %. Устойчивая положительная динамика характерна и для фискального вклада специальных налоговых режимов в целом. Так, за период 2018–2024 гг. общие налоговые доходы от специальных режимов выросли на 235,2 %, а поступления от УСН — на впечатляющие 211,8 %, что подчеркивает его доминирующую роль в формировании бюджетных доходов от малого бизнеса и обеспечении фискальной устойчивости государства в этом сегменте [14];

- ♦ патентная система налогообложения также демонстрирует существенный рост популярности. Количество плательщиков ПСН за период с 2018 по 2024 гг. увеличилось более чем в четыре раза, при этом наибольший прирост наблюдался в 2021 г., что может быть связано с адаптацией бизнеса к изменяющимся экономическим условиям и поиском оптимальных налоговых решений [14]. ПСН привлекает индивидуальных предпринимателей прежде всего простотой администрирования и возможностью прогнозировать свои налоговые обязательства, что является критически важным фактором для финансового планирования и устойчивости малого бизнеса [1];

- ♦ налог на профессиональный доход, введенный в качестве эксперимента в 2019 г. [1], показал высокую эффективность в плане формализации самозанятости и генерации налоговых поступлений. Число зарегистрированных самозанятых в России к 2024 г. превысило 12 млн человек, а общая сумма начисленных налогов составила 94,90 млрд руб., демонстрируя рост на 8224,6 % с 2019 г. [14]. Важно отметить, что значительная часть самозанятых (по экспертным оценкам, около 40 %) ранее находилась вне правового поля и не декларировала свои доходы, что свидетельствует об успешности НПД в выводе из тени значительного сегмента экономики [3]. Низкие налоговые ставки (4 или 6 %) и минимальные административные барьеры, реализуемые через цифровые сервисы, делают этот режим весьма привлекательным для физических лиц, осуществляющих профессиональную деятельность без регистрации в качестве ИП или юридического лица.

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о значительной востребованности специальных налоговых режимов среди субъектов малого предпринимательства и их возрастающей роли в формировании бюджетных доходов. Выявленные структурные особенности и тенденции динамики применения данных режимов формируют основу для понимания их воздействия на экономическую среду и позволяют определить ключевые результаты и вызовы, с которыми сталкивается малый бизнес в условиях их применения.

Эффекты и вызовы применения специальных налоговых режимов

Несмотря на неоспоримые положительные аспекты, применение специальных налоговых режимов сопряжено с рядом проблем, требующих системного ре-

Таблица 2
Динамика применения и фискальный вклад специальных налоговых режимов, 2018–2023 гг. [14]

Год	Плательщики УСН, тыс.	Плательщики ПСН, тыс.	Плательщики НПД, тыс.	Доходы УСН, млрд руб.	Доходы ПСН, млрд руб.	Доходы НПД, млрд руб.
2018	3242	325	—	422,19	12,47	—
2019	3102	340	260	492,88	13,92	1,14
2020	3536	359	1603	502,14	13,30	3,31
2021	4057	2060	3862	715,93	36,77	21,32
2022	4268	1283	9279	884,96	43,77	37,45
2023	4483	1452	12 172	951,89	19,31	59,18
2024	Данные публикуются в отчете 2025 г.			1316,42	45,70	94,90

шения. Одной из ключевых проблем является ограниченное участие плательщиков некоторых специальных режимов в системе налога на добавленную стоимость. Большинство субъектов, применяющих УСН (до определенного порога) и ПСН, освобождены от обязанности по уплате НДС, хотя и обладают правом осуществлять ее добровольно [1]. Данная особенность создает значимые транзакционные издержки и препятствия для взаимодействия с контрагентами, применяющими общую систему налогообложения, которые заинтересованы в получении налоговых вычетов по НДС. Это может ограничивать возможности сбыта продукции и услуг малого бизнеса, ориентированного на работу с крупными предприятиями, формируя конкурентные диспропорции на рынке [4]. Введение обязанности по уплате НДС для части плательщиков УСН с 2025 г. является шагом в направлении частичного устранения этой проблемы, однако не охватывает всех субъектов, применяющих специальные режимы.

Другой существенной проблемой выступает сложность перехода между различными налоговыми режимами. По мере роста бизнеса субъекты малого предпринимательства могут столкнуться с необходимостью перехода с льготного специального режима на общую систему налогообложения. Этот процесс зачастую сопряжен с высокими административными барьерами, необходимостью кардинальной перестройки бухгалтерского учета и налогового планирования, что может повлечь за собой значительные финансовые и временные затраты, а также потенциально дестабилизировать деятельность предприятия [2].

Не менее важной проблемой является сложность выбора оптимального специального налогового режима, особенно на этапе становления бизнеса. Многообразие доступных режимов, каждый из которых обладает своими специфическими условиями применения и налоговыми последствиями, может создавать когнитивную перегрузку и приводить к принятию неоптимальных решений [2; 5; 9]. Недостаток информированности и специализированной поддержки в данном вопросе может обусловить излишнюю налоговую нагрузку или упущенные возможности для оптимизации налоговых обязательств, что негативно сказывается на финансовой устойчивости малого бизнеса.

Наконец, следует отметить проблему «эффекта порога». Установленные предельные значения доходов и численности работников для применения спе-

циальных налоговых режимов могут стимулировать предприятия к искусственному сдерживанию своего роста, опасаясь превысить данные лимиты и столкнуться с резким увеличением налоговой нагрузки и административной сложности при переходе на общую систему налогообложения. Это препятствует реализации полного экономического потенциала малого бизнеса и может сдерживать общее экономическое развитие страны [2; 10].

В целом, специальные налоговые режимы оказывают неопределимое положительное влияние на развитие малого предпринимательства в России, способствуя снижению налоговой нагрузки, упрощению налогового администрирования и формализации предпринимательской деятельности, что является важным фактором для стимулирования экономического роста и повышения уровня занятости населения.

Перспективы развития специальных налоговых режимов

Перспективы развития специальных налоговых режимов для субъектов малого предпринимательства в России связаны с дальнейшим совершенствованием существующих режимов, расширением сферы их применения и адаптацией к меняющимся экономическим условиям.

Одним из направлений развития является расширение возможностей применения существующих режимов. Например, обсуждается возможность дальнейшего увеличения предельных значений доходов и численности работников для применения УСН. Также рассматривается вопрос о предоставлении регионам большей свободы в установлении налоговых ставок по УСН и ПСН для отдельных категорий налогоплательщиков и видов деятельности, в том числе для вновь зарегистрированных предпринимателей в стратегически важных отраслях, например, туризм [2; 11].

Что касается налога на профессиональный доход, то, учитывая его успешное внедрение и широкое распространение, можно ожидать дальнейшего развития этого режима [3]. Рассматриваются предложения по увеличению предельного размера дохода для применения НПД, а также по предоставлению самозанятым возможности добровольного участия в системе обязательного социального страхования.

Эксперты также отмечают необходимость дальнейшего упрощения процедур перехода между различными налоговыми режимами и их совмещения, а

также повышения налоговой грамотности предпринимателей для обеспечения правильного применения налогового законодательства [2; 5; 9; 11].

Опираясь на выявленные тенденции и вызовы, связанные с применением специальных налоговых режимов и общих проблем налогового администрирования, становится очевидной необходимость комплексного подхода к их совершенствованию. Это включает как оптимизацию процедур налогового контроля, так и дальнейшую адаптацию самих налоговых режимов к меняющимся условиям и потребностям малого бизнеса. Предлагаемые меры направлены на повышение эффективности взаимодействия между государством и предпринимателями, снижение административной нагрузки и стимулирование легальной экономической деятельности, что, в конечном итоге, способствует укреплению экономической безопасности государства.

Совершенствование процессов проведения налоговых проверок

Эффективность налогового контроля напрямую влияет на фискальную устойчивость и доверие бизнеса к налоговой системе. В контексте малого предпринимательства, подверженного риску избыточного давления, особую важность приобретает оптимизация процедур налоговых проверок.

Во-первых, дальнейшее развитие риск-ориентированного подхода при отборе налогоплательщиков для выездных налоговых проверок является стратегически важным. Как показано в предыдущих разделах, рост числа плательщиков специальных налоговых режимов, особенно НПД, требует более точечного и менее обременительного контроля. Для этого крайне необходимо совершенствовать методики анализа налоговой информации, используя передовые аналитические системы, включая искусственный интеллект и машинное обучение. Эти технологии позволяют выявлять неявные признаки налоговых нарушений среди больших объемов данных, минимизируя при этом контрольную нагрузку на добросовестный бизнес. Кроме того, повышение прозрачности критериев отбора для налогоплательщиков позволит им самостоятельно оценивать свои налоговые риски и принимать меры по их снижению, что соответствует принципам превентивного контроля.

Во-вторых, повышение прозрачности процедур налогового контроля в целом критически важно для

формирования доверительных отношений между налоговыми органами и предпринимателями. Разработка и внедрение более четких регламентов проведения проверок, а также предоставление налогоплательщикам полной информации об их правах и обязанностях, особенно через подробные методические рекомендации и электронные каналы связи, поможет снизить число споров и ошибок, а также упростит взаимодействие.

В-третьих, развитие института досудебного урегулирования налоговых споров является неотъемлемым элементом эффективной системы. Учитывая выявленные административные барьеры и потребность в упрощении процессов, создание более действенных механизмов разрешения разногласий на досудебной стадии, например, через расширение полномочий апелляционных комиссий и внедрение медиации, позволит снизить нагрузку на судебную систему и минимизировать временные и финансовые издержки для бизнеса.

В-четвертых, активизация работы по повышению налоговой грамотности налогоплательщиков имеет прямое отношение к снижению числа непреднамеренных ошибок, о чем уже говорилось в контексте сложности выбора оптимального режима. Комплексные образовательные программы, включающие семинары, вебинары и онлайн-курсы, разработанные совместно с бизнес-сообществами и образовательными учреждениями, помогут предпринимателям лучше ориентироваться в налоговом законодательстве, особенно при применении специальных налоговых режимов.

Наконец, дальнейшее внедрение цифровых технологий в процессы налогового контроля должно стать приоритетом. Автоматизация рутинных процедур, повышение эффективности анализа данных и возможность проведения дистанционных проверок с использованием современных информационных систем, таких как автоматизированный анализ отчетности и онлайн-контроль кассовой техники, не только повысят эффективность фискальных органов, но и значительно упростят взаимодействие с налогоплательщиками. При этом необходимо обеспечить высокий уровень кибербезопасности и защиты персональных данных.

Развитие специальных налоговых режимов для субъектов малого предпринимательства

Анализ динамики применения специальных налоговых режимов выявил их ключевую роль в под-

держке малого бизнеса. Однако, для дальнейшего стимулирования предпринимательской активности и обеспечения их гибкости, необходимы адресные меры по развитию и адаптации этих режимов.

Во-первых, поэтапное увеличение предельного размера дохода для применения налога на профессиональный доход является логичным шагом, учитывая феноменальный успех НПД в формализации самозанятости. Как было отмечено, этот режим вывел из тени значительный сегмент экономики. Постепенное повышение годового лимита дохода позволит большему числу самозанятых, чьи доходы растут, оставаться в рамках этого упрощенного режима. При этом важно провести тщательный анализ влияния такого изменения на другие налоговые режимы и бюджетные поступления, а также рассмотреть возможность дифференциации лимитов в зависимости от вида деятельности, что обеспечит сбалансированность налоговой системы.

Во-вторых, предоставление субъектам Российской Федерации большей свободы в установлении налоговых ставок по УСН и ПСН может значительно усилить региональную поддержку малого бизнеса. Региональные власти, обладая более глубоким пониманием особенностей местной экономики, смогут гибче регулировать налоговую нагрузку на малый бизнес, стимулируя развитие стратегически важных отраслей

или вновь зарегистрированных предпринимателей, например, в сфере туризма, как было упомянуто ранее. Однако, для предотвращения нежелательной межрегиональной налоговой конкуренции, необходимо разработать федеральные методические рекомендации с четкими критериями и ограничениями для применения таких ставок, учитывая социально-экономические показатели и уровень развития малого бизнеса в регионах.

В-третьих, разработка механизмов, облегчающих взаимодействие плательщиков специальных налоговых режимов с плательщиками НДС, является одной из ключевых задач. Как было подчеркнуто, отсутствие НДС у большинства субъектов на спецрежимах создает «эффект порога» и ограничивает их возможности работы с крупными предприятиями. Введение добровольной уплаты НДС для плательщиков ПСН или создание альтернативных механизмов, позволяющих компенсировать НДС, например, через специальные платформы или фонды поддержки, позволит малому бизнесу полноценно интегрироваться в цепочки поставок, не теряя конкурентоспособности. Такой подход позволит смягчить упомянутые ранее транзакционные издержки и устранить конкурентные диспропорции.

Эти меры, будучи реализованными системно, позволят не только повысить эффективность налогового

Таблица 3

Предложения по совершенствованию специальных налоговых режимов

Направление совершенствования	Предлагаемые меры	Обоснование и ожидаемый эффект
Совершенствование налогового контроля	1. Развитие риск-ориентированного подхода с ИИ/машинным обучением	Повышение эффективности проверок, снижение нагрузки на добросовестный бизнес, точечное выявление нарушений
	2. Повышение прозрачности процедур контроля	Увеличение доверия бизнеса, снижение числа ошибок и споров, упрощение взаимодействия
	3. Развитие досудебного урегулирования споров	Снижение нагрузки на судебную систему, минимизация временных/финансовых издержек для бизнеса
	4. Активизация повышения налоговой грамотности	Снижение непреднамеренных ошибок, улучшение понимания налогового законодательства предпринимателями
	5. Дальнейшее внедрение цифровых технологий в контроль	Автоматизация рутинных процедур, повышение эффективности анализа данных, упрощение взаимодействия
Развитие специальных налоговых режимов	1. Поэтапное увеличение лимита дохода для НПД	Стимулирование дальнейшей формализации самозанятости, адаптация к росту доходов
	2. Расширение полномочий регионов по УСН/ПСН	Гибкое регулирование налоговой нагрузки, поддержка приоритетных отраслей на местах
	3. Облегчение взаимодействия с плательщиками НДС	Интеграция малого бизнеса в цепочки поставок, устранение «эффекта порога» и конкурентных диспропорций

администрирования, но и создать более благоприятные условия для развития малого предпринимательства в России, что является залогом устойчивого экономического роста и повышения экономической безопасности (табл. 3).

Подведем итог. В России сформирована достаточно развитая система налогового контроля и поддержки малого предпринимательства посредством специальных налоговых режимов. Налоговые органы демонстрируют тенденцию к повышению эффективности контрольных мероприятий, а специальные налоговые режимы пользуются высокой популярностью среди субъектов малого бизнеса и способствуют снижению их налоговой нагрузки.

Вместе с тем, существуют и определенные проблемы, требующие дальнейшего внимания и решения. К ним относятся: высокая доля нарушений, связанных с НДС, необходимость повышения налоговой грамотности налогоплательщиков, а также некоторые ограничения, связанные с применением специальных налоговых режимов, такие как отсутствие обязанности по уплате НДС у большинства плательщиков УСН и ПСН (хотя право на добровольную уплату предусмотрено), что может создавать сложности при работе с плательщиками НДС, сложность перехода между режимами, трудности с выбором оптимального режима и «эффект порога», сдерживающий рост бизнеса.

Предложенные меры по совершенствованию процессов проведения налоговых проверок и развитию специальных налоговых режимов направлены на устранение выявленных проблем и дальнейшее развитие позитивных тенденций. Реализация этих предложений позволит повысить эффективность налогового администрирования, снизить административную нагрузку на малый бизнес, создать равные условия конкуренции и стимулировать предпринимательскую активность в России, что, в конечном итоге, будет способствовать устойчивому экономическому развитию страны.

Список источников

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (ч. 2) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (ред. от 1 января 2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Байкалова Н. А. Специальные налоговые режимы: обновления и преобразования // Актуальные проблемы и перспективы развития экономики: российский и зарубежный опыт. 2024. № 1(48). С. 66–68.
3. Балобасов Р. Д., Александрова М. Г. Итоги использования и перспективы развития налога на профессиональный доход // Вестник молодых ученых Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. 2024. № 1. С. 591–600.
4. Голова Е. Е. Уплата и учет НДС при упрощенной системе налогообложения с 2025 г. // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. № 8 (114).
5. Дикаева Л. Х. Специальные налоговые режимы их преимущество и недостатки // Школа Науки. 2021. № 1 (38). С. 45–48.
6. Коуз Р. Природа фирмы // Природа фирмы. М.: Дело, 2001.
7. Калабекова Л. И., Калабеков А. М. Налоговое администрирование в условиях цифровизации экономики // Вестник СКФО: право и экономика. 2023. № 2(26). С. 18–23.
8. Лаффер А., Сеймуром Дж. Экономическая теория уклонения от налогов // The Economics of the Tax Revolt, 1979.
9. Молотков Р. В., Калашников А. А. Оценка эффективности использования специальных налоговых режимов в регионах России // Актуальные проблемы правоприменения и управления на современном этапе развития общества: сб. науч. ст. по мат. VI национальной заоч. науч.-практ. конф. Ставрополь, 2024. С. 72–73.
10. Тарабакина Ю. А., Ионов В. А. Проблемы применения специальных налоговых режимов субъектами малого и среднего предпринимательства // Актуальные проблемы и перспективы реализации национальных проектов в Российской Федерации: сб. тр. всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Павлово, 2024. С. 48–51.
11. Краковецкая И. В., Воробьева Е. С., Вотякова И. В. и др. Тенденции развития малого и среднего бизнеса в Российской Федерации в кризисных условиях: вызовы и перспективы // Экономика, предпринимательство и право. 2023. Т. 13. № 1. С. 113–124.
12. Доклад о состоянии малого и среднего предпринимательства в 2023 г. // URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/f1c2180f1319ea2480ac174fa780a37b/doklad_o_sostoyanii_msp_v_rf_i_merah_po_eg_o_razvitiyu_za_2019_2023_gg.pdf
13. Малый и средний бизнес в новых условиях: проблемы и меры, необходимые для развития // URL: [https://icss.ru/images/macro/20240205_ИКСИ%20МСП%20\(6\).pdf](https://icss.ru/images/macro/20240205_ИКСИ%20МСП%20(6).pdf)

14. Итоги деятельности ФНС России // URL: https://data.nalog.ru/html/sites/www.new.nalog.ru/files/related_activities/statistics_and_analytics/effectiveness/itog23.pdf

References

1. The Tax Code of the Russian Federation (Part 2) of August 5, 2000 № 117-FZ (as amended on January 1, 2023) // LRS «ConsultantPlus».
2. Baykalova N. A. Special tax regimes: updates and transformations // Actual problems and prospects of economic development: Russian and foreign experience. 2024. № 1(48). P. 66–68.
3. Balobasov R. D., Alexandrova M. G. Results of the use and prospects for the development of the tax on professional income // Bulletin of Young Scientists of the St. Petersburg State University of Technology and Design. 2024. № 1. P. 591–600.
4. Golova E. E. Payment and accounting of VAT under the simplified taxation system from 2025 // Economics and Business: theory and practice. 2024. № 8 (114).
5. Dikaeva L. H. Special tax regimes, their advantages and disadvantages // School of Science. 2021. № 1 (38). P. 45–48.
6. Kose R. The nature of the firm // The nature of the firm. M. : Delo, 2001.
7. Kalabekova L. I., Kalabekov A. M. Tax administration in the context of the digitalization of the economy // Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2023. № 2(26). P. 18–23.
8. Laffer A., Seymour J. The Economic theory of tax evasion // The Economics of the Tax Revolt, 1979.
9. Molotkov R. V., Kalashnikov A. A. Evaluation of the effectiveness of using special tax regimes in the regions of Russia // Actual problems of law enforcement and management at the present stage of society development: collection of scientific articles on mat. VI National Correspondence Scientific and Practical Conference. Stavropol, 2024. P. 72–73.
10. Tarabakina Yu. A., Ionov V. A. Problems of applying special tax regimes by small and medium-sized businesses // Actual problems and prospects for the implementation of national projects in the Russian Federation: collection of tr. all-Russian scientific and practical conference with international. Pavlovo, 2024. P. 48–51.
11. Krakovetskaya I. V., Vorobyeva E. S., Votyakova I. V. and others. Trends in the development of small and medium-sized businesses in the Russian Federation in crisis conditions: challenges and prospects // Economics, entrepreneurship and law. 2023. Vol. 13. № 1. P. 113–124.
12. Report on the state of small and medium-sized enterprises in 2023 // URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/f1c2180f1319ea2480ac174fa780a37b/doklad_o_sostoyanii_msp_v_rf_i_merach_po_ego_razvitiyu_zh_2019_2023_gg.pdf
13. Small and medium-sized businesses in new conditions: problems and measures necessary for development // URL: [https://icss.ru/images/macro/20240205_ИКСИ%20МСП%20\(6\).pdf](https://icss.ru/images/macro/20240205_ИКСИ%20МСП%20(6).pdf)
14. Results of the activities of the Federal Tax Service of Russia // URL: https://data.nalog.ru/html/sites/www.new.nalog.ru/files/related_activities/statistics_and_analytics/effectiveness/itog23.pdf

Информация об авторах

Н. М. Бобошко — профессор кафедры экономической безопасности, финансов и экономического анализа Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, профессор;

С. А. Веселкина — преподаватель кафедры экономики и бухгалтерского учета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат экономических наук.

Information about the authors

N. M. Boboshko — Professor of the Department of Economic Security, Finance and Economic Analysis of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Doctor of Economic Sciences;

S. A. Veselkina — Lecturer of the Department of Economics and Accounting of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Economic Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.04.2025; одобрена после рецензирования 16.05.2025; принята к публикации 06.06.2025. The article was submitted 28.04.2025; approved after reviewing 16.05.2025; accepted for publication 06.06.2025.

Научная статья

УДК 338.242

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-190-199>

EDN: <https://elibrary.ru/cetwfx>

ИПОН: 2003-0059-3/25-320

MOSURED: 77/27-003-2025-03-519

Бюджетная политика Российской Федерации: сущность, эффективность, роль в обеспечении экономической безопасности

Юлия Викторовна Быковская^{1,2}

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, zima7327@yandex.ru

² Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия

Аннотация. Раскрыта сущность бюджетной политики государства, определена роль бюджетной сферы и бюджетной политики в обеспечении экономической безопасности Российской Федерации. Проведен анализ статистических данных, на основании расчетных показателей дана оценка эффективности проводимой бюджетной политики в Российской Федерации за 2019–2024 гг. Сделан вывод об отсутствии критической ситуации в экономике России и о довольно высокой степени эффективности реализуемой бюджетной политики в Российской Федерации в последние пять лет, когда наша страна столкнулась с двумя беспрецедентными угрозами не только для российской экономики и ее экономической безопасности, но, прежде всего, для целостного и суверенного существования нашего государства в будущем. Систематизированы приоритеты и направления бюджетной политики Российской Федерации на перспективу до 2027 г. Отмечено, что от эффективности и продуманности бюджетной политики зависят успешность Российской Федерации в достижении намеченных планов и уровень экономической безопасности нашего государства.

Ключевые слова: бюджетная политика, экономическая безопасность, эффективность, задачи бюджетной политики, доходы, расходы, дефицит

Для цитирования: Быковская Ю. В. Бюджетная политика Российской Федерации: сущность, эффективность, роль в обеспечении экономической безопасности // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 3. С. 190–199. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-190-199>. EDN: CETWFX.

Original article

Budget policy of the Russian Federation: essence, efficiency, role in ensuring economic security

Yulia V. Bykovskaya^{1,2}

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, zima7327@yandex.ru

² Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. The essence of the state budget policy is revealed, the role of the budget sphere and budget policy in ensuring economic security of the Russian Federation is defined. The statistical data are analyzed, the efficiency of the budget policy in the Russian Federation for 2019–2024 is assessed on the basis of calculated indicators. The conclusion is made about the absence of a critical situation in the Russian economy and about a fairly high degree of effectiveness of the implemented budget policy in the Russian Federation in the last five years, when our country faced two unprecedented threats not only to the Russian economy and its economic security of the economy, but above all, to the integral and sovereign existence of our state in the future. The priorities and directions of the budget policy of the Russian Federation for the perspective up to 2027 are systematized. It is noted that the success of the Russian Federation in achieving its plans and the level of economic security of our state depend on the effectiveness and thoughtfulness of the budget policy.

Keywords: budget policy, economic security, efficiency, objectives of budget policy, revenues, expenses, deficit

For citation: Bykovskaya Yu. V. Budget policy of the Russian Federation: essence, efficiency, role in ensuring economic security. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(3):190–199. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-190-199>. EDN: CETWFX.

Введение. В последние годы все с большей уверенностью можно говорить о том, что мир переживает эпоху глубоких трансформаций и перемен, которые зачастую проходят «болезненно», ломая старые устои, правила, порядок хозяйствования и взаимо-

действия. В этот период Российская Федерация сталкивается с новыми вызовами и угрозами как внутренними, так и внешними, которые носят беспрецедентный характер и оказывают серьезное влияние на текущую ситуацию в России, вектор, планы и про-

© Быковская Ю. В., 2025

граммы развития нашего государства в долгосрочной перспективе. Более того, эти угрозы и вызовы затрагивают национальные интересы нашей страны, ее суверенное существование как целостного и самостоятельного государства. Количество и масштабы этих вызовов и угроз резко повышают роль и значение экономической безопасности в нашей стране, а также требуют ее обеспечения в соответствии со складывающейся ситуацией, обстоятельствами, целями, задачами и приоритетами дальнейшего развития Российской Федерации.

Одним из важнейших направлений экономической безопасности в Российской Федерации является экономическая безопасность в бюджетной сфере, а инструментом ее обеспечения — бюджетная политика, проводимая в нашем государстве. Сегодня от эффективности ее реализации во многом зависит устойчивость и стабильность российской экономики, способность России «удержаться на плаву» и строить планы на будущее, выполнять различного рода обязательства перед своими гражданами, партнерами и другими государствами, и, в целом, сохранение независимости нашего государства в перспективе.

Сущность бюджетной политики

Российской Федерации и ее роль в обеспечении экономической безопасности

Роль экономической безопасности в бюджетной сфере в системе обеспечения экономической безопасности России действительно велика. Это связано с тем, что:

- ◆ с одной стороны, состояние бюджетной сферы России напрямую зависит от ситуации в нашей стране и мире;

- ◆ с другой стороны, именно от состояния бюджетной сферы РФ, во-многом, зависит успешность России в достижении намеченных планов и уровень экономической безопасности нашего государства [2].

Особую остроту проблемы обеспечения экономической безопасности в бюджетной сфере Российской Федерации приобрели в последние пять лет, начиная с 2020 г. В ходе событий этого пятилетнего периода, имея ввиду COVID-19 и СВО, бюджетная сфера несет на себе колоссальную нагрузку, и в непростой для нашего государства период столкнулась с:

- ◆ объективным недополучением нефтегазовых и налоговых доходов в бюджеты всех уровней, особенно в период пандемического кризиса;

- ◆ существенным, но в тоже время обоснованным увеличением бюджетных расходов;

- ◆ значительным перераспределением средств расходной части бюджета в течение года и сокращением бюджетного финансирования по отдельным статьям расходов;

- ◆ наличием дефицита бюджета;

- ◆ сокращением объема Фонда национального благосостояния;

- ◆ высоким уровнем государственного долга;

- ◆ наличием колебаний инфляции, ее увеличением.

Нейтрализовать и локализовать эти угрозы, а также снизить степень их воздействия призвана бюджетная политика, проводимая в России.

Здесь стоит сказать о том, что бюджетная политика служит для достижения важнейших целей развития государства. Она представляет собой направление экономической политики государства, связанное с разработкой и использованием бюджетов всех уровней (федерального, регионального, местного). Бюджетная политика включает в себя набор экономических, юридических и политических методов государства, направленных на сбор средств в доходную часть бюджета и последующее использование средств, составляющих расходную часть бюджета [5]. Она выступает инструментом перераспределения ресурсов, регулирования, стимулирования и развития экономики, инвестиционной активности, повышения эффективности производства, реализации социальной политики, обеспечения обороноспособности страны и ее национальной безопасности. С помощью бюджетной политики определяются вектор, приоритеты и направления экономического развития государства.

Ключевая цель бюджетной политики РФ — обеспечение устойчивости и стабильности бюджетной системы и безусловное исполнение принятых государством обязательств наиболее эффективным способом.

К основным задачам бюджетной политики нашего государства относятся:

- ◆ выработка целевой направленности, приоритетов и задач развития бюджетной сферы в стране;

- ◆ обеспечение финансовыми ресурсами обороноспособности государства, его национальной безопасности, социальной, экономической, политической стабильности в государстве;

- ◆ создание благоприятных условий для динамичного развития и модернизации экономики, экономического роста;

- ♦ повышение и качества жизни населения посредством удовлетворения потребностей граждан в качественных государственных услугах;

- ♦ формирование благоприятной среды для импортозамещения, роста производительности труда, реализации инвестиционных проектов, достижения независимости энергетической инфраструктуры, повышения конкурентоспособности отечественных производителей;

- ♦ поддержание сбалансированности бюджетной системы для безусловного исполнения действующих расходных обязательств государства;

- ♦ повышение собираемости налогов;

- ♦ оптимальное и рациональное расходование бюджетных ресурсов;

- ♦ сбалансированное управление государственным долгом, проведение взвешенной долговой политики;

- ♦ повышение эффективности и целевой направленности бюджетных расходов и прозрачности государственного управления;

- ♦ предупреждение, оперативное выявление, устранение и пресечение нарушений бюджетного законодательства, а также нецелевого, неэкономного и неэффективного расходования бюджетных ресурсов.

Цель и задачи бюджетной политики РФ взаимосвязаны между собой и находятся во взаимозависимости. В них отражаются государственные интересы, система приоритетов развития экономики и социальной сферы России. Реализация этих целей и задач показывает особое значение бюджетной политики для экономики РФ и определяет ее важнейшее место в системе обеспечения экономической безопасности.

В связи с этим важно рассмотреть вопросы, касающиеся эффективности проводимой бюджетной политики в России, в течение последних нескольких лет. Оценка эффективности бюджетной политики мы проведем на основе данных официальной статистики и расчетных показателей.

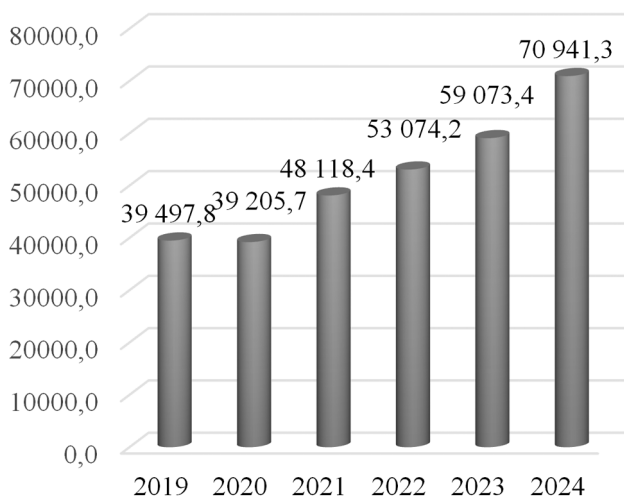
Анализ состояния бюджетной сферы и эффективности бюджетной политики в Российской Федерации за 2019–2024 гг.

Показателей для анализа и оценки состояния бюджетной сферы и тенденций ее развития, наличия системных проблем или успешных решений по отдельным направлениям деятельности государства, устойчивости и сбалансированности бюджетной системы, результатов проводимой бюджетной политики как положительных, так и отрицательных, много. Между тем, основными показателями, которые дают возможность наиболее наглядно, объективно и точно дать оценку ситуации в бюджетной сфере, являются:

- ♦ доходы и расходы бюджета, их структура, динамика и соотношение;

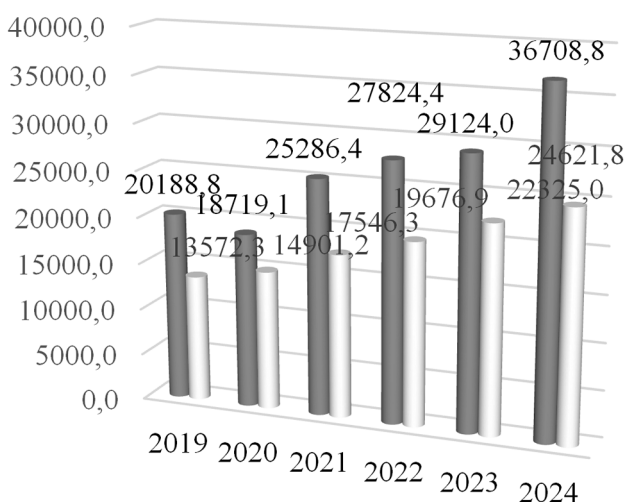
- ♦ дефицит бюджета и его динамика.

Анализ показывает [4], что объемы доходов консолидированного, федерального бюджета и доходов бюджетов субъектов РФ за 2019–2024 гг. в целом, за исключением отдельных периодов (2020 г.) и показателей, демонстрируют положительную динамику, а именно плавный ежегодный рост (рис. 1, 2, 3).

■ доходы консолидированного бюджета

Рис. 1. Динамика объема доходов консолидированного бюджета РФ за 2019–2024 гг., млрд руб.

■ доходы федерального бюджета

■ доходы субъектов Российской Федерации

Рис. 2. Динамика объема доходов федерального бюджета и бюджетов субъектов РФ за 2019–2024 гг., млрд руб.

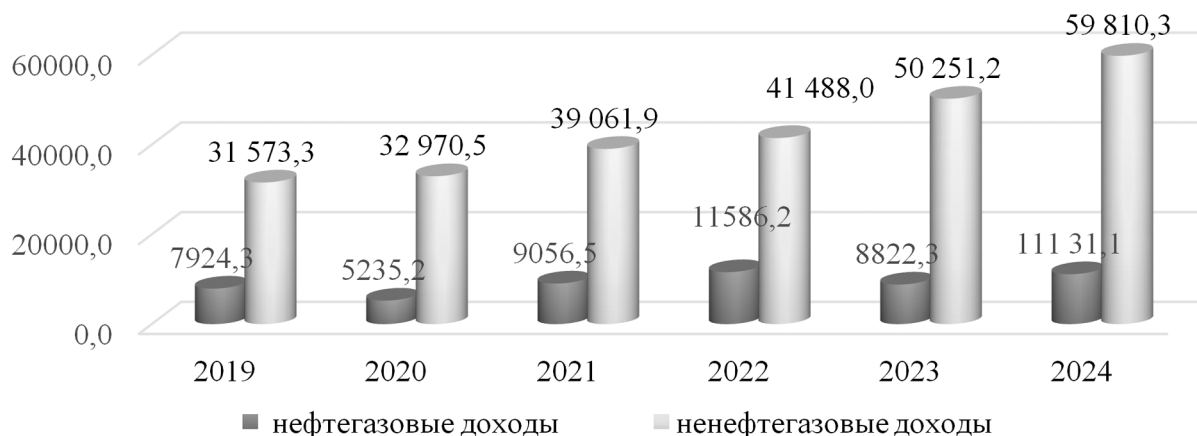

Рис. 3. Динамика объема нефтегазовых и нефтегазовых доходов РФ за 2019–2024 гг., млрд руб.

Структура доходов за анализируемый период времени не претерпела существенных колебаний и изменений. На протяжении рассматриваемого периода доходы бюджета состояли из нефтегазовых, а также нефтегазовых доходов, к которым относятся налоговые поступления в бюджеты всех уровней (рис. 3).

Соотношение доходов федерального бюджета и доходов субъектов Российской Федерации в общем объеме доходов консолидированного бюджета, а также удельный вес нефтегазовых и нефтегазовых доходов в общем объеме консолидированного бюджета кардинально не поменялись (рис. 4, 5).

В непростой для России период пандемии 2020 г., когда большинство организаций и предприятий, в соответствии с решениями органов государственной власти, приостановили свою деятельность и получили отсрочку по уплате налогов, а также в период начала Специальной военной операции (СВО) на Украине в 2022 г., когда многие иностранные компании ушли с Российского рынка, ряд зарубежных государств отказался от сотрудничества с Россией и, прежде всего, в части покупки российских нефти и газа, существенного сокращения нефтегазовых доходов на фоне сохранения тенденции роста доходной части бюджета не произошло.

В итоге, можно утверждать о стабильности и высокой степени устойчивости проводимой бюджетной политики в анализируемом периоде 2019–2024 гг. в части формирования доходной части бюджетов и об отсутствии серьезной угрозы экономической безопасности России в бюджетной сфере [1; 3].

Переходя к динамике расходов консолидированного, федерального бюджетов и бюджетов субъектов Российской Федерации за 2019–2024 гг. [4], можно сказать о том, что мы видим картину схожую с кар-

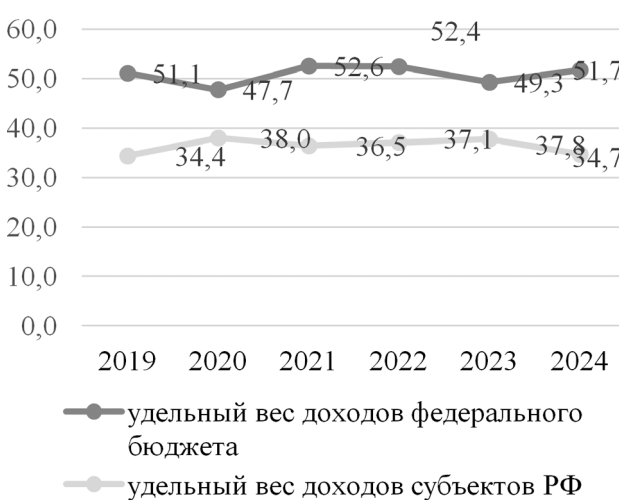

Рис. 4. Динамика удельного веса доходов федерального бюджета и доходов бюджетов субъектов РФ в общем объеме доходов консолидированного бюджета за 2019–2024 гг., %

Рис. 5. Динамика удельного веса нефтегазовых и нефтегазовых доходов в общем объеме консолидированного бюджета РФ за 2019–2024 гг., %

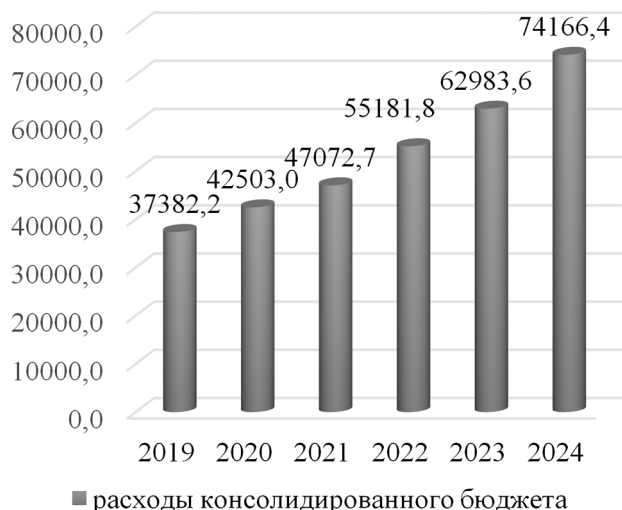

Рис. 6. Динамика объема расходов консолидированного бюджета РФ за 2019–2024 гг., млрд руб.

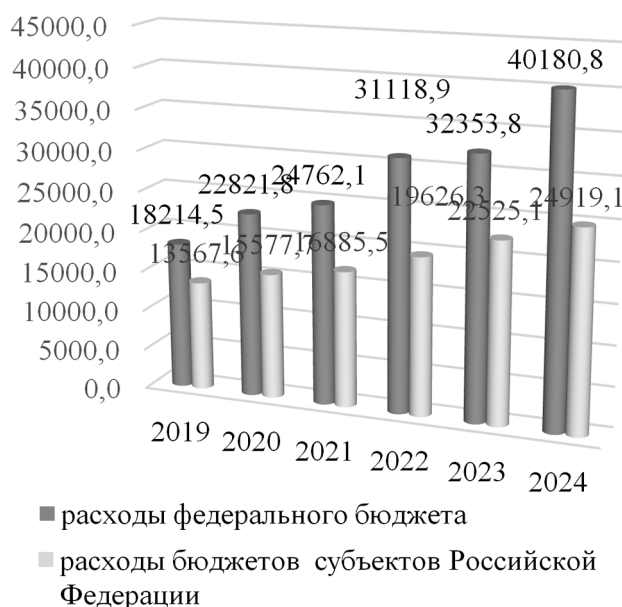

Рис. 7. Динамика объема расходов федерального бюджета и бюджетов субъектов РФ за 2019–2024 гг., млрд руб.

Рис. 8. Динамика удельного веса расходов федерального бюджета и расходов бюджетов субъектов РФ в общем объеме расходов консолидированного бюджета за 2019–2024 гг., %

тиной, связанной с доходами бюджетов, — ежегодный плавный рост расходов, без резких скачков и сокращений (рис. 6, 7).

Соотношение расходов федерального бюджета и бюджетов субъектов Российской Федерации фактически неизменно, что также показывает стабильность проводимой бюджетной политики в России, ее планомерный характер (рис. 8), следование намеченному ранее курсу, а также выполнение взятых на себя государством обязательств.

Также не меняется структура расходов бюджетов.

Следует обратить внимание на то, что, начиная с 2022 г. информация об исполнении бюджетов по направлениям деятельности Российской Федерации не подлежит открытому опубликованию. Однако, данные законов о федеральном бюджете и законодательства о бюджетах субъектов Российской Федерации в разрезе ведомственной структуры позволяют сделать вывод о том, что кардинальных изменений в объемах расходов в разрезе направлений деятельности и в удельном весе направлений расходования бюджетного финансирования при исполнении бюджета не происходит. Все направления деятельности Российской Федерации ежегодно обеспечиваются бюджетными средствами. Имеются колебания в удельном весе отдельных направлений расходов, но они незначительны и не меняют общую картину и структуру расходов.

Давая оценку проводимой бюджетной политики в России, следует отметить, что на протяжении ряда последних лет бюджет зачастую принимается и исполняется с дефицитом [4]. Причем величина дефицита бюджета ежегодно увеличивается (рис. 9, 10).

Это предсказуемая, объективная, вынужденная и, в то же время, негативная ситуация и тенденция,

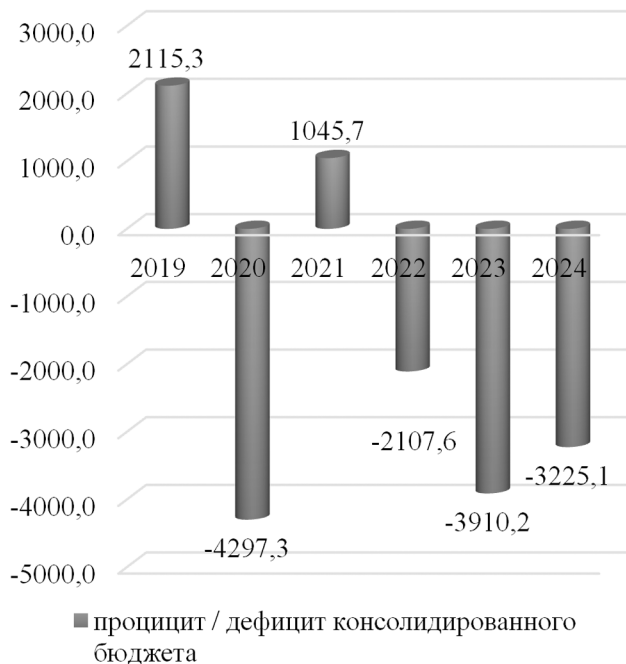

Рис. 9. Динамика объема профицита/дефицита консолидированного бюджета РФ за 2019–2024 гг., млрд руб.

безусловно, требующая принятия соответствующих решений и изменения ситуации.

Если говорить о количественном выражении при оценке реализуемой бюджетной политики в Российской Федерации, то о ее эффективности может свидетельствовать огромный набор расчетных показателей, в том числе соотношение доходов или расходов бюджета и ВВП, уровень дефицитности бюджета по отношению к расходам бюджета и ряд других показателей.

Вместе с этим, важнейшими расчетными показателями, характеризующими эффективность реализуемой бюджетной политики, прежде всего, являются соотношение доходов или расходов бюджета и ВВП (рис. 11, 12).

Анализ демонстрирует, что в течение рассматриваемого периода времени соотношение доходов консолидированного бюджета Российской Федерации и ВВП «лежит» в интервале «оптимальности» (считается, что этот интервал находится в диапазоне 25–40 % ВВП). Более того, варьирование находится в диапазоне, не превышающем 3 %. Это свидетельствует о довольно высокой степени эффективности реализуемой бюджетной и налоговой политики в Российской Федерации:

- ♦ с одной стороны, позволяющей обеспечить собираемость налогов, и, как следствие, пополняемость бюджета;

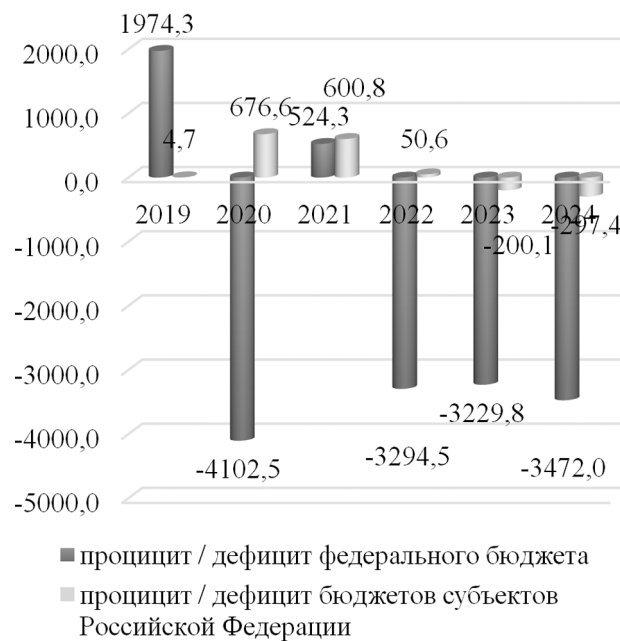

Рис. 10. Динамика объема профицита/дефицита федерального бюджета и бюджетов субъектов Российской Федерации за 2019–2024 гг., млрд руб.

- ♦ с другой стороны, говорящей о приемлемом уровне налоговой нагрузки для российских граждан и организаций.

Выводы в отношении соотношения расходов консолидированного бюджета и ВВП аналогичны выводам, касающимся соотношения объемов доходов консолидированного бюджета и ВВП. Российская экономика не перегружена бюджетными расходами. Соотношение расходов бюджета и ВВП не является критически высоким. Скачков и ежегодных существенных колебаний показателя в течение 2019–

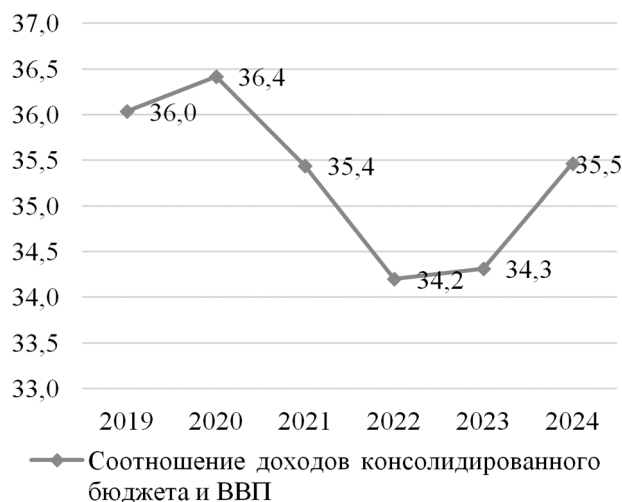

Рис. 11. Соотношение объема доходов консолидированного бюджета РФ и ВВП за 2019–2024 гг., %

Рис. 12. Соотношение объема расходов консолидированного бюджета РФ и ВВП за 2019–2024 гг., %

2024 гг. не наблюдается. Рост и снижение показателя не скачкообразные и не существенные, не превышающие пяти пунктов. В результате, можно говорить о приемлемом уровне эффективности проводимой бюджетной политики в Российской Федерации.

Соотношение доходов и расходов консолидированного бюджета дает возможность судить о сбалансированности бюджета (рис. 13).

Мы видим, что в течение ряда последних лет консолидированный бюджет принимается и исполняется с дефицитом. Причем на графике видны периоды, когда данное соотношение имело минимальные значения — 2020 и 2022–2024 гг. Это объяснимая картина. Это периоды распространения пандемии и проведения СВО. Между тем, при анализе соотношения доходов и расходов бюджета важно сказать о том,

что в течение всего рассматриваемого периода соотношение доходов и расходов бюджета находится на отметке более 90 %, что не позволяет сделать вывод о критичности положения.

И последние два показателя, которые мы рассмотрим в ходе оценки эффективности бюджетной политики в России, и которые взаимосвязаны с предыдущим показателем, — это показатели, характеризующие уровень дефицитности/профицитности консолидированного бюджета по отношению к расходам консолидированного бюджета, а также к ВВП (рис. 14, 15).

Ранее мы увидели, что в последние годы бюджет принимается с дефицитом. Однако здесь стоит обратить внимание на величину дефицитности бюджета.

Пороговых значений в отношении показателя, демонстрирующего соотношение дефицита бюджета и расходов бюджета, превышение которых может быть однозначно расценено как кризисная ситуация в проведении бюджетной политики или как угроза для дальнейшего стабильного социально-экономического развития страны, нет. В целом наличие любого значения дефицита бюджета показывает негативную картину при реализации бюджетной политики. Однако принятие и исполнение бюджета с дефицитом для России не является редкостью. Наша страна сталкивалась и сталкивается с дефицитом бюджета не один раз. При этом в научной литературе имеются исследования, в соответствии с которыми ситуация, в которой дефицит превышает 6 % расходов бюджета, рассматривается как критичная ситуация, демонстрирующая отсутствие сбалансированности бюджета. Рассматриваемый показатель, как мы видим на рисунке, показывает нам критиче-

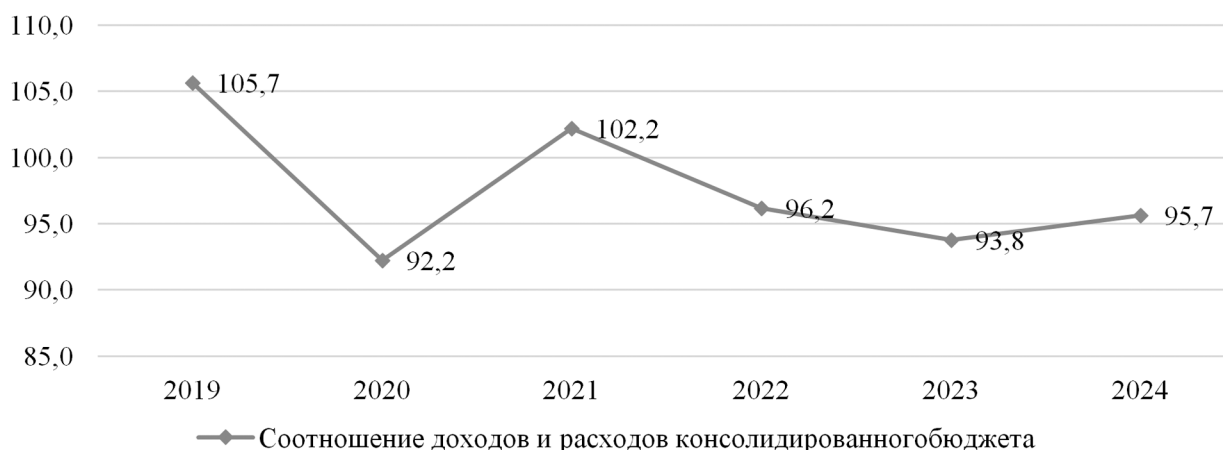

Рис. 13. Соотношение объема доходов и расходов консолидированного бюджета РФ за 2019–2024 гг., %

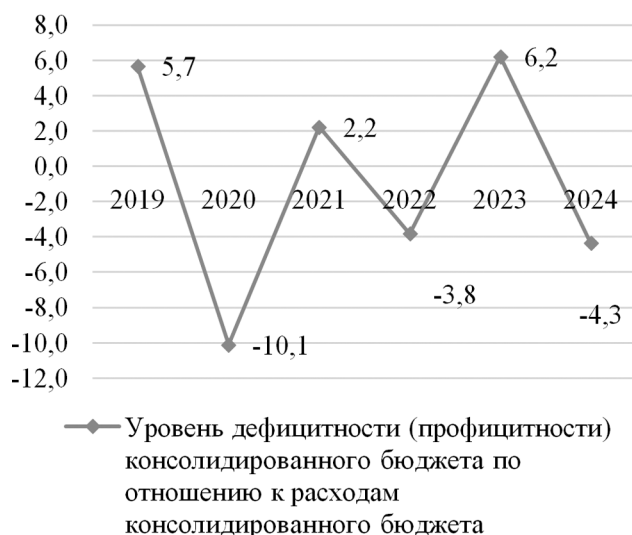

Рис. 14. Уровень дефицитности (профицитности) консолидированного бюджета по отношению к расходам консолидированного бюджета РФ за 2019–2024 гг., %

ские точки в проведении бюджетной политики в России. Это периоды, когда соотношение дефицита и расходов бюджета было максимальным. Это опять же 2020 и 2024 гг. Но данную ситуацию нельзя рассматривать как кризис, как провал в экономике, это объективная и объяснимая ситуация. Более того, в 2024 г. величина данного показателя меньше порогового значения.

Уровень дефицитности/профицитности бюджета, а также эффективности проводимой государственной политики в бюджетной сфере, также характеризует показатель, демонстрирующий соотношение объемов дефицита бюджета и ВВП (рис. 15). Считается, что финансовое положение страны является нормальным, если это соотношение не превышает 4 %.

Данные, представленные на рис. 15, показывают, что в течение анализируемого периода при наличии дефицита бюджета соотношение объемов дефицита федерального бюджета и ВВП не превышало порогового значения в 4,0% и Россия не находилась в зоне кризиса и риска.

Подводя итоги важно обратить внимание на то, что в сравнительно небольшой отрезок времени с 2019 по 2024 гг. проведение бюджетной политики в Российской Федерации происходило в разных экономических и политических условиях и обстоятельствах, ставились и выполнялись разные задачи, связанные с обеспечением финансирования из средств бюджетов всех уровней бюджетной системы и различных отраслей и сфер деятельности нашего государства.

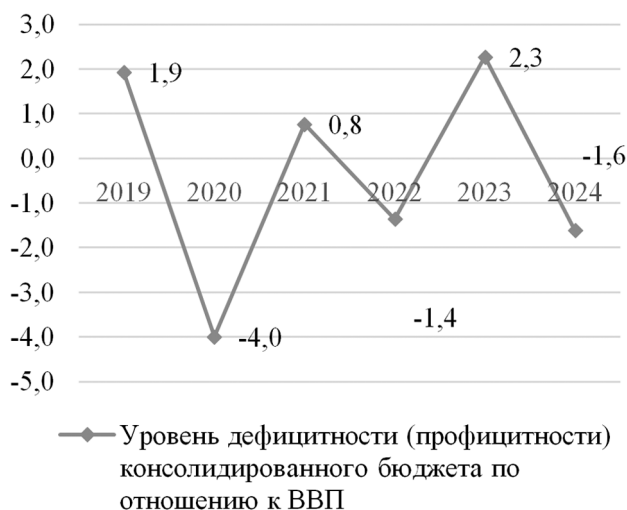

Рис. 15. Уровень дефицитности (профицитности) консолидированного бюджета РФ по отношению к ВВП за 2019–2024 гг., %

Проведенный анализ свидетельствует о довольно высокой эффективности бюджетной политики, проводимой Россией в 2019–2024 гг. и, следовательно, об отсутствии кризиса в экономике и критичной ситуации, связанной с экономической безопасностью в стране. Вместе с этим, жизнь не стоит на месте. Россия ставит перед собой новые цели и задачи долгосрочного развития. И бюджетная политика занимает в выполнении этих задач особое место.

Систематизация приоритетов бюджетной политики Российской Федерации на перспективу

Как уже было показано, роль бюджетной политики Российской Федерации в обеспечении ее экономической безопасности, очевидна и велика. В этой связи важным является определение и систематизация приоритетов проведения бюджетной политики в России на перспективу.

На сегодняшний день одним из ключевых программных документов в отношении проведения бюджетной политики в России являются «Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики». Так, в «Основных направлениях бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2025 год и плановый период 2026 и 2027 годов» отмечено, что в среднесрочной перспективе курс и основные тенденции реализации бюджетной политики последних нескольких лет будут сохранены.

Здесь нужно отметить, что в течение двух последних лет (2023–2024 гг.) сохранение тенденций обеспечивалось за счет:

1. Экспансивной направленности бюджетной политики, в частности путем увеличения финансирования программ содействия трансформации экономики и направления бюджетных ресурсов на новые приоритеты.

2. Приоритизации финансовых ресурсов государства с акцентом на:

2.1) социальную поддержку нуждающихся граждан;

2.2) укрепление обороноспособности страны;

2.3) интеграцию новых регионов в российские условия хозяйствования;

2.4) технологическое развитие и расширение инфраструктуры.

В 2025–2027 гг. работа по этим направлениям будет продолжена.

Однако планируется, что акцент постепенно будет смещаться с антикризисной повестки дня к задачам, направленным на достижение национальных целей и приоритетов развития нашей страны посредством обеспечения долгосрочных стабильных и устойчивых темпов роста российской экономики и расширения потенциала сбалансированного развития. Полноценное достижение этих приоритетов и национальных целей позволит России выйти на траекторию успешного и устойчивого развития в долгосрочной перспективе. В проведении налоговой политики, от эффективности реализации которой непосредственно зависит проведение бюджетной политики в России, фокус будет нацелен на:

♦ повышение справедливости распределения налоговой нагрузки на граждан и организации;

Таблица 1

Приоритеты и меры по реализации бюджетной политики в Российской Федерации в 2025–2027 гг.

№ п/п	Приоритеты бюджетной политики	Меры по реализации бюджетной политики
1.	Устойчивая и динамичная экономика	Повышение инвестиционной активности
		Поддержка субъектов малого и среднего бизнеса
		Поддержка конкурентоспособности и экспорта
		Повышение производительности труда
2.	Технологическое лидерство	Налоговое стимулирование
		Внедрение технологических продуктов
3.	Цифровая трансформация	Налоговое стимулирование
		Внедрение новых цифровых технологий
4.	Сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи	Повышение рождаемости
		Повышение благополучия населения
		Повышение продолжительности жизни граждан, укрепление их здоровья
5.	Увеличение возможностей для самореализации и развития талантов	Совершенствование деятельности и поддержка образовательных организаций
		Развитие талантливой молодежи
6.	Комфортная и безопасная среда для жизни граждан	Повышение эффективности строительного сектора, развитие инфраструктуры
		Формирование эффективной транспортной системы

◆ повышение эффективности стимулирующей функции налоговой системы;

◆ улучшение качества налогового администрирования с облегчением административной нагрузки на налогоплательщиков;

◆ повышение уровня собираемости налогов.

В части расходования бюджетного финансирования основной акцент будет сделан на реализации приоритетов и мер, представленных в табл. 1.

Заключение. В заключение важно сказать о том, что планов и мероприятий, заявленных в рамках реализации бюджетной политики в Российской Федерации в среднесрочной перспективе, множество. Все они нацелены на долгосрочное планомерное и устойчивое социально-экономическое развитие нашей страны, защиту национальных интересов России и полноценное обеспечение экономической безопасности нашего государства. И бюджетная политика здесь занимает центральное место.

Список источников

1. Горбунов М. А. Бюджетная устойчивость и бюджетная политика Российской Федерации в условиях санкционного давления // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2023. № 3. С. 30–40.

2. Городецкий А. Е., Караваева И. В., Коломиец А. Г., Быковская Ю. В. и др. Экономическая безопасность России: теоретическое обоснование и методы регулирования: моногр. М. : Институт экономики РАН, 2023.

3. Клепач А. Н. Бюджетная политика 2020–2026 годов: в условиях турбулентности // Научные труды Вольного экономического общества России. 2024. Т. 245. № 1. С. 122–135.

4. Официальная статистика Минфина России // URL: <https://minfin.gov.ru/ru/statistics/>

5. Староверова О. В. Современные тенденции в бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политике Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 281–286.

References

1. Gorbunov M. A. Budget sustainability and budget policy of the Russian Federation under sanctions pressure // Bulletin of the Buryat State University. Economics and Management. 2023. № 3. P. 30–40.

2. Gorodetsky A. E., Karavaeva I. V., Kolomiets A. G., Bykovskaya Yu. V. et al. Economic security of Russia: theoretical justification and regulation methods: monograph. M. : Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2023.

3. Klepach A. N. Budget policy 2020–2026: in conditions of turbulence // Scientific works of the Free Economic Society of Russia. 2024. Vol. 245. № 1. P. 122–135.

4. Official statistics of the Ministry of Finance of Russia. // URL: <https://minfin.gov.ru/ru/statistics/>

5. Staroverova O. V. Current trends in the budget, tax and customs-tariff policy of the Russian Federation // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 6. P. 281–286.

Информация об авторе

Ю. В. Быковская — профессор кафедры экономики и бухгалтерского учета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, ведущий научный сотрудник сектора экономической безопасности Института экономики Российской академии наук, доктор экономических наук, доцент.

Information about the author

Yu. V. Bykovskaya — Professor of the Department of Economics and Accounting of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Leading Researcher of the Economic Security Sector of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 28.04.2025; одобрена после рецензирования 16.05.2025; принята к публикации 06.06.2025.

The article was submitted 28.04.2025; approved after reviewing 16.05.2025; accepted for publication 06.06.2025.

Научная статья

УДК 336.14

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-200-214>

EDN: <https://elibrary.ru/bqjaea>

НИОН: 2003-0059-3/25-321

MOSURED: 77/27-003-2025-03-520

Направления оптимизации бюджетного процесса в условиях экономической нестабильности

Ксения Валерьевна Екимова¹, Константин Васильевич Ордов²

^{1,2} Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия

¹ Ekimova.KV@rea.ru, ORCID:0000-0002-2445-134

² Ordov.KV@rea.ru, ORCID: 0000-0002-8294-5205

Аннотация. Рассматривается бюджетная система Российской Федерации, которая в условиях меняющейся экономической среды сталкивается с рядом вызовов, требующих тщательного анализа и поиска эффективных решений. Применяются графический и логический методы, статистико-экономический метод. Анализируются современные тенденции развития бюджетной системы страны; ключевые проблемы, которые препятствуют ее устойчивому функционированию; выявляются пути их преодоления. На основе комплексного подхода исследуются такие аспекты, как дефицит бюджета, неэффективное использование бюджетных средств, рост государственного долга и зависимость от внешнеэкономической конъюнктуры. Особое внимание уделено вопросам оптимизации расходов, повышения доходов бюджета и совершенствованию межбюджетных отношений. Акцентируется внимание на необходимости внедрения новых финансовых инструментов и технологий для обеспечения прозрачности и подотчетности бюджетного процесса. Рассматриваются возможности использования цифровых платформ и искусственного интеллекта для управления государственными финансами. В заключение предлагаются конкретные рекомендации по реформированию бюджетной системы, направленные на повышение ее устойчивости и эффективности, что будет способствовать стабильному экономическому развитию страны в долгосрочной перспективе. Полученные результаты могут быть использованы представителями государственных органов власти для оптимизации бюджетного процесса в Российской Федерации.

Ключевые слова: бюджетная система, оптимизация расходов бюджета, тенденции развития, экономическое развитие России, финансовые технологии, пенсионный фонд, финансовая политика

Для цитирования: Екимова К. В., Ордов К. В. Направления оптимизации бюджетного процесса в условиях экономической нестабильности // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 3. С. 200–214. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-200-214>. EDN: BQJAEA.

Original article

Directions for optimization of the budget process in conditions of economic instability

Ksenia V. Ekimova¹, Konstantin V. Ordov²

^{1,2} Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

¹ Ekimova.KV@rea.ru, ORCID:0000-0002-2445-134

² Ordov.KV@rea.ru, ORCID:0000-0002-8294-5205

Abstract. The article considers the budget system of the Russian Federation, which, in a changing economic environment, is facing a number of challenges that require careful analysis and the search for effective solutions. Graphical and logical methods, statistical and economic method are used. The article analyzes current trends in the development of the country's budget system; key problems that hinder its sustainable functioning; and identifies ways to overcome them. Based on an integrated approach, such aspects as budget deficit, inefficient use of budget funds, growth of public debt and dependence on foreign economic conditions are investigated. Special attention is paid to the issues of optimizing expenditures, increasing budget revenues and improving inter-budgetary relations. Attention is focused on the need to introduce new financial instruments and technologies to ensure transparency and accountability of the budget process. The possibilities of using digital platforms and artificial intelligence to manage public finances are being considered. In conclusion, specific recommendations are proposed for reforming the budget system aimed at increasing its sustainability and efficiency, which will contribute to the stable economic development of the country in the long term. The results obtained can be used by representatives of state authorities to optimize the budget process in the Russian Federation.

Keywords: budget system, optimisation of budget expenditures, development trends, economic development of Russia, financial technologies, pension fund, financial policy

For citation: Ekimova K. V., Ordov K. V. Directions for optimization of the budget process in conditions of economic instability. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(3):200–214. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-200-214>. EDN: BQJAEA.

© Екимова К. В., Ордов К. В., 2025

Исследование тенденций развития бюджетной системы в Российской Федерации в 2024 г. является не только актуальным, но и необходимым для выработки эффективных мер государственной финансовой политики, которые необходимы для обеспечения устойчивого экономического развития, социальной стабильности и адаптации к новым вызовам и условиям внешней и внутренней среды.

При проведении всестороннего анализа текущих проблем и перспектив развития отечественной бюджетной системы, а также при выявлении основных вызовов и направлений ее совершенствования первоначально необходимо рассмотреть структуру бюджетной системы Российской Федерации. Во-вторых, следует проанализировать принципы построения бюджетной системы и изучить специфику формирования и развития бюджетной системы Российской Федерации. На основе полученных результатов выявляются проблемы, перспективы и пути совершенствования бюджетной системы Российской Федерации.

Сущность бюджетной системы в России

В отечественной научной литературе неоднократно поднимался вопрос, исследуемый в данной работе. Н. Г. Иванов, М. И. Канкулов и Т. А. Вассель считают, что бюджетная система Российской Федерации представляет собой совокупность законодательных, организационных и иных нормативных

документов, определяющих порядок формирования, исполнения и контроля за исполнением бюджетов всех уровней — федерального, регионального и местного, а также бюджетов государственных внебюджетных фондов [9, с. 74]. Вопросам бюджетной политики и бюджетной системы посвятили свои исследования такие ученые, как С. М. Каратаев, Н. Д. Шимширт, Т. В. Доронина.

Бюджетная система включает федеральный бюджет, бюджеты субъектов Российской Федерации и местные бюджеты, что позволяет адаптировать финансовую политику к условиям и нуждам на разных уровнях, будучи направленной на финансирование социальных программ, обеспечение национальной безопасности, поддержку экономического развития, инвестиций в научные исследования и развитие инфраструктуры. Система налоговых и неналоговых доходов, поступающих в бюджет, регулируется законодательными актами, что способствует упорядоченному и предсказуемому финансовому управлению [14] (табл. 1).

Ключевыми функциями бюджетной системы России является распределение финансовых ресурсов, социальная поддержка населения, обеспечение устойчивости государственного управления и экономического развития. Исходя из функций, можно сформулировать и направления расходов бюджетной системы, которые заключаются в социальной за-

Таблица 1

Экономическая сущность бюджетной системы Российской Федерации

Аспекты	Описание
Цели и функции	Распределение финансовых ресурсов, регулирование экономики, социальная поддержка населения, обеспечение устойчивости государственного управления и экономического развития
Структура бюджетной системы	Включает федеральный бюджет, бюджеты субъектов Федерации и местные бюджеты
Принципы формирования и исполнения бюджета	Прозрачность, эффективность, целевое использование ресурсов, сбалансированность и устойчивость
Финансовые источники	Налоговые и неналоговые доходы, государственные внешние и внутренние займы, доходы от государственного имущества, международная финансовая помощь
Расходы	Социальная защита и обеспечение, образование, здравоохранение, национальная безопасность, жилищно-коммунальное хозяйство, наука и культура
Регулирование и контроль	Федеральное Собрание РФ, Министерство финансов РФ, Счетная палата РФ и другие органы власти осуществляют нормативное регулирование, контроль и аудит бюджетных средств
Социальное воздействие	Бюджет направлен на улучшение качества жизни граждан, снижение социального неравенства, поддержку уязвимых слоев населения
Инвестиционные аспекты	Вложение ресурсов в стратегически важные отрасли экономики для стимулирования роста и развития; инфраструктурные проекты
Кризисные меры	Разработка антикризисных программ, оказание поддержки ключевым отраслям экономики, при необходимости реализация мер фискального стимулирования

щите и обеспечении функций государства, таких как здравоохранение, образование, национальная безопасность, жилищно-коммунальное хозяйство. В рамках бюджетной системы финансовыми источниками выступают налоговые и неналоговые доходы, государственные внешние и внутренние займы, доходы от государственного имущества.

Данные, представленные в табл. 1, затрагивают вопрос вмешательства государства в процесс регулирования и надзора за эффективным использованием бюджетных ресурсов.

Региональные бюджеты, в свою очередь, формируются на основе собственных доходов и трансфертов из федерального бюджета. Подходы к разработке региональной политики тесно связаны с удовлетворением конкретных потребностей разных территорий, что включает в себя улучшение инфраструктуры, образовательной сферы, здравоохранения и культурной жизни, чтобы регионы могли гибко реагировать на экономические изменения и инвестировать в проекты, которые помогут стимулировать их развитие. К тому же местные бюджеты нацелены на удовлетворение непосредственных потребностей жителей региона, включая обеспечение функционирования общественного транспорта, благоустройство городских пространств и поддержку муниципальных организаций. Они наиболее близки к населению и отражают специфические требования и ожидания жителей той или иной местности [15].

Социально-экономическая роль бюджетной системы особенно значима в контексте обеспечения стабильности и предсказуемости экономического развития. Бюджетная система Российской Федерации действительно играет значительную роль в управлении национальной экономикой и обеспечении социальной защиты граждан. Разработка и реализация бюджетной системы включает в себя не только распределение финансовых ресурсов среди различных отраслей и регионов, но и анализ потенциальных рисков и возможностей для устойчивого развития государства [7].

Основные направления бюджетной политики Российской Федерации следующие:

1) стимулирование экономического роста представляет собой инвестиции в инфраструктуру (транспорт, связь, энергетика), что создает предпосылки для развития предпринимательства и улучшения качества жизни; поддержка высокотехнологичных и инновационных отраслей промышленности, науч-

ных исследований; развитие малого и среднего бизнеса путем налоговых льгот и предоставления грантов и субсидий;

2) снижение социального неравенства формируется за счет увеличения бюджетных ассигнований на социальную поддержку: пенсии, пособия, помощь малоимущим; развитие системы образования и здравоохранения, расширение доступности и качества этих услуг на всей территории РФ; реализация региональных программ, направленных на сокращение экономического и социального разрыва;

3) повышение качества жизни формируется благодаря: обеспечению жилищными программами, строительством доступного жилья; развитию культуры, спорта и туризма как факторов улучшения качества жизни и досуга; стратегическому планированию экологически устойчивого развития для сохранения природы и здоровья граждан.

Бюджетная политика РФ регулярно корректируется и основывается на многолетних планах и прогнозах, указывает М. И. Канкулова. Комплексные подходы, такие как создание федеральных и региональных программ, позволяют не только реагировать на текущие вызовы, но и системно готовиться к будущим изменениям в экономике и обществе.

Итак, бюджетная политика РФ ориентирована на долгосрочное и устойчивое развитие страны, при этом неизбежно сталкиваясь с различными экономическими и социальными вызовами [16].

Многоуровневость бюджетной системы представляет собой разделение бюджетов на федеральный, региональный и муниципальный, что, в свою очередь, влияет на разделение бюджетов на федеральный, региональный и муниципальный, а также распределение финансовых ресурсов в зависимости от региональных нужд.

Различные законодательные документы влияют на управление бюджетными процессами. Среди таких документов выделяются Конституция и Уставы субъектов Российской Федерации, а также Уставы муниципальных образований, которые устанавливают основные принципы и правила в этой области. К ним также относятся законы и решения, касающиеся бюджетного процесса в конкретном субъекте РФ или муниципальном образовании. Например, в числе таких законов можно указать закон Тамбовской области от 28 октября 2005 г. № 369-З [2]. Рассматриваемый закон устанавливает круг лиц, участ-

вующих в управлении бюджетными средствами, и их права, и обязанности. Также он описывает процедуры проведения бюджетных операций, детализирует статьи доходов и направления расходования средств в рамках субъектов Российской Федерации и обсуждает множество других аспектов, которые оказывают влияние на устройство и работу финансовой системы страны.

Формирование бюджета (федерального, региональных, муниципальных, а также бюджетов государственных внебюджетных фондов) происходит посредством принятия соответствующих правовых актов в форме закона (или решения) о бюджете. В качестве примера можно привести федеральный закон от 27 ноября 2023 г. № 540-ФЗ [3]. Помимо этого, основными нормативными документами, регулирующими бюджетные процессы, являются Налоговый кодекс Российской Федерации, Указы Президента Российской Федерации (например, Указ Президента РФ от 14 мая 1998 г. № 554 [4]), постановления Правительства Российской Федерации (например, постановление Правительства РФ от 24 декабря 2019 г. № 1803 [5]) и прочие законодательные акты.

Также следует назвать Европейскую хартию местного самоуправления от 15 октября 1985 г. Положения хартии требуют установления принципа местного самоуправления, закрепленного в Конституции соответствующего государства, подписавшего Хартию. Хартией устанавливается административная, финансовая, политическая самостоятельность местного самоуправления [1].

Балансировка государственного бюджета

Укрепление контроля общественности над распределением средств из федерального бюджета значительно повышает их использование и способствует достижению стратегических задач национального развития. Улучшение прозрачности управления бюджетными расходами подразумевает активное участие в обсуждении усовершенствований этого процесса со стороны экспертов, аналитиков и представителей финансовых структур на всех уровнях государственной власти. Важным аспектом также является доступность и качество информации о расходах по различным направлениям, в частности в рамках национальных проектов, осуществляемых в соответствии с указом президента. Эффективное информирование требует, чтобы данные были не только опубликованы, но и представлены в форматах, понятных и доступных для разных групп населения, что обеспечивает многоаспектный подход к предоставлению информации.

Необходимо четко определить механизмы ответственности в контексте управления финансами из федерального бюджета Российской Федерации, включая случаи, когда не достигнуты цели национального развития до 2030 г. Это позволит гарантировать не только наказание за нарушения, но и стимулирование за превышение целевых показателей. Необходимо, чтобы система поощрения активно включала в себя не только денежные вознаграждения, но и различные нематериальные поощрения, такие как грамоты и благодарственные письма от высшего руководства. В настоящий момент их применение ограничено и недоста-

Рис. 1. Бюджетная система Российской Федерации
Источник: разработано автором.

точно прозрачно, что требует изменений для повышения мотивации. Эффективное применение этих мотивационных инструментов будет способствовать лучшему управлению бюджетом и достижению ключевых экономических результатов в условиях переменчивой экономической среды и ограниченности ресурсов [8].

Важно акцентировать внимание не только на планировании расходов, которое уже получило широкое освещение в научной литературе, но и на усилении прогнозирования, особенно в части увеличения его долгосрочности для обеспечения стратегического развития России в меняющихся условиях.

Отмечается, что надежные прогнозы играют ключевую роль в формировании эффективного бюджетного планирования, и потому должны находиться в фокусе внимания. По мнению авторов, приоритетной задачей бюджетной политики РФ на ближайшее время должен стать прозрачный менеджмент в сфере управления государственными финансами [12].

Для повышения прозрачности в использовании федерального бюджета важно сосредоточить усилия на нескольких ключевых направлениях. Прежде все-

го, следует обеспечить наличие более объемной и качественной информации, делая ее доступной и легко понятной для широкой аудитории. Кроме того, необходимо совершенствовать функциональные возможности интернет-портала, который должен стать удобным и интуитивно понятным инструментом для пользователей. Немаловажным является и активное участие в социальных сетях, через которые можно эффективно информировать общественность и обеспечивать обратную связь. Важно, чтобы предоставляемая информация была максимально содержательной, чтобы она помогала формировать полное представление о расходах бюджета, и излагалась языком, понятным для широкой аудитории. Также предлагается развивать и улучшать единый портал бюджетной системы РФ, интегрируя его с другими государственными сайтами на федеральном и региональном уровнях, а также с ресурсами муниципальных органов.

Бюджетно-правовой институт регулирования сбалансированности бюджетной системы состоит из четырех взаимосвязанных элементов: институт собственных доходов, институт бюджетного риск-менеджмента, институт межбюджетного взаимодействия, институт долговых взаимодействий.

Стоит отметить, что на основе ранее перечисленных институтов формируются инструменты обеспечения сбалансированности бюджетной системы, охватывающие: оптимизацию управления доходами и расходами бюджета; разработку и построение действенной системы бюджетного регулирования и межбюджетных отношений; проведение действенной политики заимствований и управления государственным (муниципальным) долгом; формирование и активное использование бюджетных резервов [17, с. 106].

Рис. 2 демонстрирует принципиальную схему формирования дефицита или профицита государственного бюджета.

Из анализа представленной информации следует, что чтобы справиться с бюджетным дефицитом, необходимо применить ряд финансовых стратегий, которые включают в себя печать дополнительных денег, выпуск государственных ценных бумаг для покрытия долгов на внутреннем уровне, а также осуществление финансовых и кредитных операций с другими государствами для решения проблем внешнего долга. Регулирование проблем государственного бюджета должно быть ориентировано на его снижение. Исследования показывают, что для высших финансовых

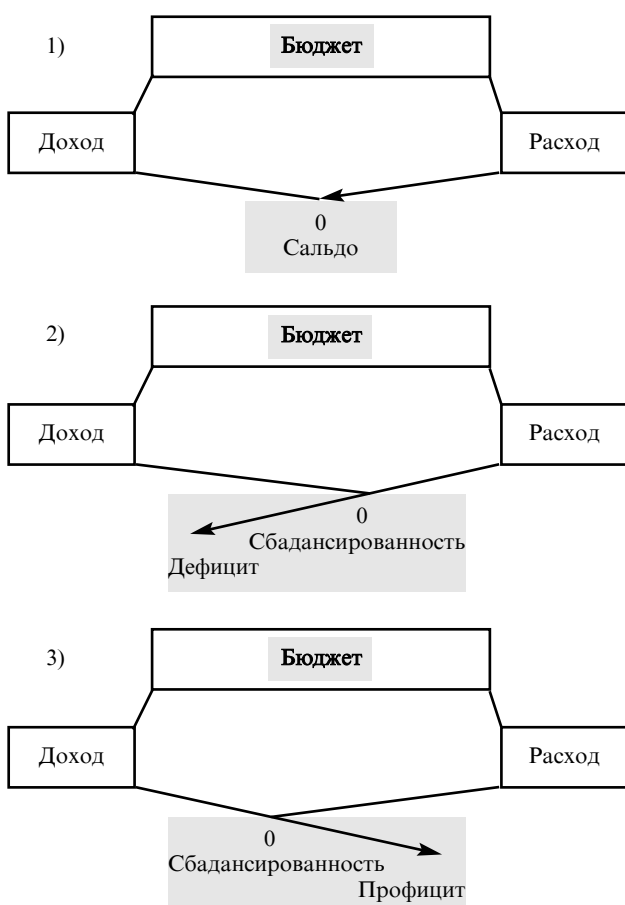

Рис. 2. Принципиальная схема механизма балансировки государственного бюджета [18]

органов Российской Федерации приоритетное значение имеет активное использование инструментов, способствующих балансировке бюджетной системы. Эти инструменты позволяют эффективно управлять финансами, включая минимизацию издержек и максимизацию доходов, создание и распределение финансовых резервов, контроль за государственным долгом, а также регулируют взаимоотношения между различными уровнями бюджетов. Эффективные технологии исполнения бюджетов играют важную роль в достижении их сбалансированности.

Помимо других аспектов, мы также обратим внимание на стабильность бюджета России в предстоящем трехлетнем периоде с 2024 по 2026 гг., основываясь на анализе предложенных направлений в финансовой, налоговой и таможенной политике, которые изложены в официальном документе, касающемся этих годов [19]. Анализируемые по основным характеристикам бюджета показатели представлены на рис. 3.

Основные статьи расходов:

- ◆ национальная оборона (значительное увеличение в 2024 г., спадовые тенденции в последующие два года);
- ◆ социальная политика;
- ◆ образование, здравоохранение.

Нефтегазовый дефицит и общий дефицит бюджета показывают следующую динамику:

- ◆ 2024 г.: нефтегазовый дефицит — 13 099,7 млрд руб., общий дефицит — 1595,4 млрд руб.;
- ◆ 2025 г.: нефтегазовый дефицит — 12 590,2 млрд руб., общий дефицит — 830,5 млрд руб.;

- ◆ 2026 г.: нефтегазовый дефицит — 12 951,1 млрд руб., общий дефицит — 1536,4 млрд руб.

Дефицит бюджета покрывается за счет привлечения внутреннего и внешнего долга, а также использования средств из Фонда национального благосостояния (далее — ФНБ) и иных источников.

Имеет значительное влияние обновление данных на официальных порталах федеральных властных структур Российской Федерации, которые управляют распределением федерального бюджета, особенно в части межбюджетных переводов, поскольку они составляют порядка 40 % всех его расходов. Важность этого процесса заключается в предоставлении актуальной и всесторонней информации заинтересованным сторонам в рамках действующих норм о конфиденциальности. Особое внимание следует уделить оглашению текстов отчетов о проведенных контрольных проверках не конфиденциального характера расходов, доступных для общего просмотра. В этих документах должны быть четко изложены обнаруженные проблемы и рекомендации по их решению, подчеркивая роль контролирующих органов как советников и помощников, а не только как надзорных инспекторов.

Ключевым аспектом является введение понятия структурного первичного баланса, что предполагает учет не только традиционных, но и квази-бюджетных операций. Это говорит о более глубоком анализе финансовых потоков, который захватывает различные виды государственных расходов и доходов, подчеркивая стремление к повышению прозрачности и управляемости бюджетных средств.

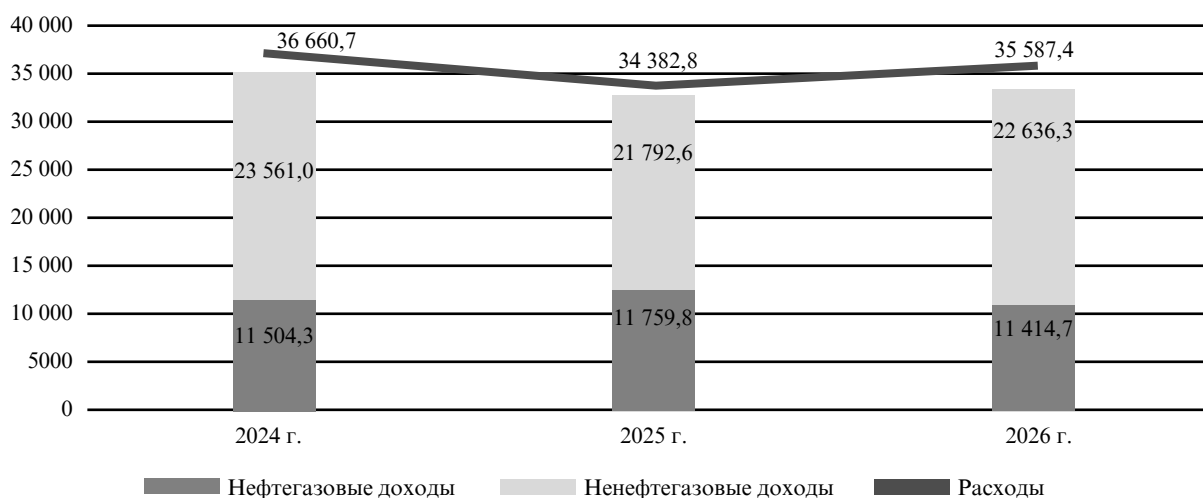

Рис. 3. Планируемые показатели бюджетной системы Российской Федерации на 2024–2026 гг., млрд руб.

Источник: составлено автором.

Разрешение временных превышений расходов — 2,9 трлн руб. в 2023 г. и 1,6 трлн руб. в 2024 г. — также является значительным изменением, которое предоставляет гибкость в управлении бюджетом в условиях экономической неопределенности [6]. Эти временные меры могут быть направлены на поддержку экономики в периоды снижения доходной базы либо для финансирования неотложных государственных или социальных программ. Они будут способствовать эффективности и целесообразности бюджетной политики, что особенно важно в контексте долгосрочной экономической стратегии и стабилизации государственных финансов. Введение обновленного бюджетного правила должно также способствовать укреплению инвестиционной привлекательности страны, создавая более предсказуемую финансовую среду для деловых и иностранных инвесторов.

В 2024 г. сохранялась активная бюджетная политика, переходящая к постепенной нормализации в 2025 г. В период с 2023 по 2025 гг. предполагается увеличение бюджетных ассигнований в четырех основных категориях: медицина, экономическое развитие страны, межбюджетные трансферты и обслуживание государственного долга. Кроме того, ожидается рост затрат на три основные статьи бюджета: заработные платы персонала государственных учреждений для обеспечения их функционирования, обслуживание государственного долга и другие бюджетные выплаты [13].

К 2025 г. планируется, что общий объем расходов федерального бюджета вырастет на 60,55 % по сравнению с показателями 2024 г., что в абсолютных значениях составит прирост в 11,03 трлн руб. Однако, несмотря на общий рост финансирования, объемы межбюджетных трансфертов, которые занимают важное место в структуре расходов, показывают тенденцию к снижению: если в 2023 г. они составляют 8,70 трлн руб., то к 2025 г. сократятся до 8,37 трлн руб.

Экономическая стратегия государства будет изменена коренным образом. Ранее основной упор делался на меры по преодолению кризиса, но теперь акценты смещаются. В приоритете оказывается реализация национальных программ, ориентированных на устойчивый экономический рост и развитие гармоничного потенциала страны. Это будет способствовать не только постепенному возвращению

к стандартным параметрам бюджетной политики, но также структурным изменениям в налоговой системе и государственных расходах, с особым уклоном в укрепление социальной поддержки населения, обеспечение оборонной мощи, развитие новых регионов, научно-технический прогресс и инфраструктурную поддержку. Такая политика поможет не только стабилизировать экономику в период ее адаптации и перестроения, но и укрепит доверие к экономической программе страны, обеспечит стабильность финансовой системы и расширит доступность кредитов как фундаментального инструмента для развития экономики.

В современной экономике ключевую роль играют структурные преобразования, поддерживаемые через активное использование инструментов бюджетной политики. Эти инструменты направлены на оптимизацию налоговой системы и повышение эффективности государственных расходов. Важной составляющей является обеспечение справедливого распределения доходов от природных ресурсов, особенно в высокодоходных отраслях. В газовой отрасли реализованы инициативы введения новых налогов на добычу природного газа и на налогообложение прибыли от экспорта сжиженного газа. В нефтяной сфере обсуждается предложение о введении лимита цен для налоговых целей, а в горнодобывающей промышленности увеличен налог на добычу угля и введены экспортные пошлины на удобрения. Введение налоговых льгот в нефтегазовой сфере, как отмечено, способствует развитию инфраструктуры и производственных мощностей, что, в свою очередь, должно привести к увеличению эффективности отрасли и увеличению доходов бюджета. Эти меры важны для поддержания высокого уровня занятости в регионах, где доминирует данный сектор экономики, а также для целевого инвестирования в иные критически важные проекты. Помимо этого, расширение налога на дополнительный доход на новые месторождения помогает уравновесить экономические интересы государства и инвесторов, создавая стимул для разработки новых участков. Также налоговые послабления для тяжело добываемых запасов газа могут сыграть ключевую роль в обеспечении энергетической безопасности страны, способствуя использованию ресурсов, которые ранее считались экономически нецелесообразными [1].

Стратегия акцентирует внимание на продуманной фискальной политике, предназначенной для стабилизации и развития экономики в долгосрочной перспективе. Однако, важно также учитывать потенциальные риски, связанные с зависимостью от ресурсных секторов и необходимость диверсификации экономики. В этом контексте важным будет балансирование между секторальными льготами и общим потенциалом развития других секторов, критически важных для устойчивого развития страны. В ответ на экономические вызовы предоставлены отсрочки по уплате страховых взносов для компаний и предпринимателей, чья деятельность была наиболее затронута пандемией, что позволило отложить выплаты на общую сумму более 772 млрд руб. Эти меры были призваны облегчить финансовое давление и поддерживать экономическую стабильность в стране.

Согласно мнению С. Г. Алмазова, необходимо учитывать, что устойчивость бюджета — режим функционирования бюджета, который обеспечивает сбалансированность доходов и расходов бюджета, способность противостоять деструктивным колебаниям под воздействием изменений, происходящих как во внутренней, так и во внешней среде, ориентирован на позитивную динамику параметров социально-экономического развития территории на основе обеспечения эффективности и экономности использования бюджетных средств.

Перспективы оптимизации бюджетного процесса

Анализ перспектив развития бюджетной стратегии России, особенно в свете слияния крупных фондов, предполагает не только изменения в финансировании, но и потенциальные корректировки в распределении и использовании средств. Слияние Пенсионного фонда Российской Федерации (ПФР) и Фонда социального страхования Российской Федерации (ФСС) в единый Социальный фонд Российской Федерации (СФР) является значимым шагом в направлении централизации и оптимизации управления социальными ресурсами.

1. Структура доходов нового Социального фонда России.

В основе доходов СФР предположительно будут лежать следующие источники.

1.1. Страховые взносы от работодателей и самозанятых граждан, которые ранее направлялись в ПФР и ФСС. Изменение структуры взносов может

потребовать пересмотра нормативов в зависимости от экономической конъюнктуры и демографических изменений.

1.2. Трансферты из федерального бюджета, которые направляются на реализацию определенных социальных обязательств государства, включая пенсионные выплаты и пособия по временной нетрудоспособности.

1.3. Целевые средства от международных организаций и других источников в рамках специальных программ.

2. Структура расходов.

2.1. Расходы СФР будут ориентированы, прежде всего, на:

2.2. пенсионные выплаты, которые составляют значительную часть обязательств фонда;

2.3. расходы на социальное страхование, включая выплаты пособий по беременности и родам, по временной нетрудоспособности, а также другие социальные выплаты;

2.4. проведение программ по социальной адаптации и поддержке населения, особенно в условиях кризиса или экономических изменений;

2.5. инвестиции в инфраструктуру социального обеспечения, например, в систему здравоохранения и образования.

3. Воздействие на экономику и население.

3.1. Слияние фондов и изменение их структуры может способствовать большей эффективности расходования ресурсов по следующим направлениям:

3.2. уменьшение административных расходов за счет упразднения дублирующих структур и процессов;

3.3. улучшение управления финансами за счет централизации и стандартизации процедур;

3.4. повышение прозрачности финансовых потоков, что может улучшить контроль за расходованием средств и поднять доверие населения [11].

В заключение, слияние ПФР и ФСС в единый Социальный Фонд России предполагает не просто структурные, но и стратегические изменения, ориентированные на улучшение качества и доступности социальных услуг для граждан России. Это изменение потребует детального планирования и постоянного анализа реальных финансовых и социальных результатов.

Т. В. Доронина подчеркивает, что текущая устойчивость бюджета — движение денежных потоков, которые позволят обеспечить населению ре-

гиона достойный уровень жизни, соответствующий общегосударственным стандартам, а перспективная устойчивость выступает важнейшим признаком бюджета, ориентированного на развитие, и предполагает длительность сохранения его характеристик в режиме сбалансированности.

Таким образом, развитие бюджетной системы Российской Федерации проходит в условиях значительной неопределенности, что требует интеграции разнообразных сценариев социально-экономического развития страны и оценки их воздействия на планирование и трату средств госбюджета в течение этого и стратегического периодов. В данных условиях основными перспективами финансовой системы в Российской Федерации являются следующие:

1) структурная перестройка экономики: усиление финансовой поддержки для адаптации экономики к новым условиям после наложения санкций; ресурсы перераспределены для повышения оборонной готовности и интеграции новых территорий;

2) одним из ключевых направлений в экономической политике является устойчивость финансовой системы. Особое внимание уделяется не только повышению уровня жизни самых уязвимых слоев общества, но и обеспечению общей экономической стабильности через ответственное управление и сбалансированную финансовую политику;

3) контрциклическая бюджетная политика: реализация контрциклической бюджетной политики для стабилизации экономики при внешних вызовах; экспансивная бюджетная политика для смягчения последствий структурных изменений в экономике;

4) бюджетный импульс и его финансирование: бюджетный импульс составил около 10% от годового ВВП; финансирование за счет увеличения доходов от нефтегазовой отрасли и использования средств Фонда национального благосостояния;

5) возобновление действия «бюджетного правила»: возобновление с 2023 г. действия «бюджетного правила» с модификацией его параметров; временное превышение предельного размера расходов в 2023 и 2024 гг. для адаптации экономики;

6) активная бюджетная политика в 2024 г. и нормализация в 2025 г.: поддержка четырех основных категорий: медицина, экономическое развитие, межбюджетные трансферты, госдолг; общее увеличение федеральных бюджетных расходов на 60,55 % к 2025 г.;

7) снижение межбюджетных трансфертов: сокращение объемов межбюджетных трансфертов с 8,70 трлн руб. в 2023 г. до 8,37 трлн руб. к 2025 г.;

8) переориентация экономической стратегии: сдвиг фокуса на национальные развивающие инициативы для устойчивого экономического роста; структурные преобразования в налоговой системе и бюджетных планах с акцентом на социальную поддержку;

9) стимулирующие меры в различных секторах: поддержка газового, нефтяного секторов и сектора ГМК через налоги и экспортные пошлины; меры по деофшоризации экономики и международному налогообложению;

10) оптимизация управления бюджетными расходами: гибкость и быстрая адаптация финансовых ресурсов между различными категориями расходов; тщательное обоснование решений для стимулирования социально-экономического прогресса;

11) финансирование социально-экономического развития: поддержка социально уязвимых слоев населения для стимулирования потребительской активности и экономического роста; гармоничное управление расходами, избегание чрезмерных и недостаточных вложений;

12) прозрачность и доступность информации: обеспечение прозрачности и доступности данных о федеральных расходах для общественного контроля и повышения доверия.

Изложенные перспективные подходы должны лечь в основу разработки планов и стратегий, направленных на поддержание финансовой стабильности и устойчивого экономического роста России в новых экономических и политических условиях.

Бюджетная система Российской Федерации представляет собой комплекс взаимосвязанных бюджетов, функционирующих на различных уровнях управления — федеральном, региональном и муниципальном. Каждый из этих уровней играет свою специфическую роль в обеспечении финансовой стабильности и социально-экономического развития страны.

На федеральном уровне бюджет выполняет ключевую функцию в определении общегосударственной финансовой политики. Государственный бюджет формируется на основе макроэкономических показателей и несет ответственность за финансирование приоритетных направлений, таких

как национальная безопасность, социальное обеспечение, здравоохранение, образование и инфраструктурные проекты. Федеральный бюджет также осуществляет перераспределение ресурсов между регионами через систему дотаций и субсидий, что позволяет сокращать территориальные диспропорции и обеспечивать базовый уровень жизни для всех граждан.

Региональный уровень бюджета представлен бюджетами субъектов федерации, которые занимаются финансированием местных социальных программ образования, здравоохранения и инфраструктуры. Региональные бюджеты формируются с учетом специфики экономического и социального положения каждого региона. Они играют важную роль в реализации государственной политики на местах, а также в адаптации национальных решений к местным условиям. Однако финансирование на этом уровне часто зависит от федеральных дотаций, что может ограничивать финансовую самостоятельность регионов.

Муниципальный уровень бюджетной системы охватывает бюджеты городов и районов, которые отвечают за решение наиболее актуальных задач, касающихся жизнедеятельности местных сообществ. Муниципальные бюджеты направлены на финансирование таких сфер, как местное самоуправление, жилищное строительство, транспорт, культура и благоустройство. Они отражают интересы и потребности населения, обеспечивая более оперативное реагирование на местные вызовы.

Таким образом, бюджетная система России функционирует как многоуровневая структура, где каждый уровень — федеральный, региональный и муниципальный — играет свою непреложную роль в обеспечении эффективного управления финансовыми ресурсами, реализации государственной политики и поддержании социально-экономической стабильности. Взаимодействие между этими уровнями является важным условием для гармоничного развития всей бюджетной системы страны.

Отечественная бюджетная система представляет собой сложный механизм, обладающий как преимуществами, так и недостатками, определяющими его эффективность и устойчивость.

Среди положительных аспектов выделяется централизованное управление финансами, которое позволяет осуществлять более рациональное рас-

пределение ресурсов, особенно в условиях экономических кризисов. Система дотаций из федерального бюджета на региональные уровни обеспечивает возможность сглаживания территориальных диспропорций и поддержания равномерного развития различных субъектов федерации. Прозрачность бюджетных процессов и установленные механизмы контроля способствуют повышению доверия граждан к системе, а также улучшают подотчетность властей. В условиях кризисной экономики гибкость в перераспределении бюджетных средств предоставляет возможность оперативно реагировать на актуальные социальные потребности населения, что подчеркивает социальную направленность бюджетной политики.

Однако существуют и серьезные недостатки. Во-первых, неравномерность финансирования приводит к тому, что некоторые регионы получают значительно больше дотаций, чем другие, что создает дополнительную напряженность и несоответствия в развитии. Во-вторых, зависимость бюджета от доходов нефтегазового сектора создает риски нестабильности, поскольку изменения цен на мировом рынке напрямую влияют на финансовые возможности государства. Кроме того, коррупционные риски остаются актуальными, снижая общую эффективность расходования бюджетных средств и подрывая доверие общества к государственным институтам. Недостаточная финансовая автономия регионов ограничивает их способность к самостоятельному управлению и принятию решений, что сказывается на эффективности выполнения местных обязательств. Наконец, зачастую наблюдается отставание в планировании бюджета, что не допускает своевременного реагирования на возникающие вызовы и приводит к неэффективному использованию ресурсов.

Таким образом, отечественная бюджетная система обладает рядом значительных преимуществ, однако требует постоянного анализа и совершенствования для повышения своей результативности и устойчивости в современных условиях.

Можно считать, что цель и задачи исследования были достигнуты в результате чего были сформулированы следующие выводы.

1. Бюджетная система устанавливает правовые основы финансовых отношений в стране и регулирует распределение государственных финансовых

ресурсов. Структура бюджетной системы организована по нескольким уровням: начиная от федерального бюджета, охватывая бюджеты отдельных регионов и заканчивая местными бюджетами, включая также внебюджетные государственные фонды. Эта структура направлена на создание условий для финансовой стабильности страны, эффективную поддержку государственных и национальных проектов, а также на способствование стабильному социально-экономическому развитию всех регионов России.

2. Финансовая система России строится на трех ключевых элементах: федеральном бюджете, бюджетах регионов и муниципальных бюджетах. Каждый из этих уровней обладает своей спецификой и вносит вклад в общую финансовую устойчивость страны, решая задачи на соответствующем уровне. Местные бюджеты, в частности, фундаментально важны для поддержки самоуправления населенных пунктов. Консолидированные бюджеты, объединяющие в себе различные уровни бюджетов, выполняют информационную роль и являются инструментом для анализа и прогнозирования экономических показателей в зависимости от уровня управления.

3. Современная бюджетная система России основывается на рыночных принципах и стремится к прозрачности и эффективности. В период 2023–2025 гг. ключевыми задачами являются оптимизация расходов, улучшение налоговой политики и борьба с коррупцией. Особое внимание следует уделить управлению инфляционными рисками и стимулированию предпринимательской инициативы. Важно продолжать активно работать над источниками финансирования бюджетного дефицита, включая государственные заимствования, и повышать прозрачность в управлении публичными финансами.

4. Для достижения сбалансированности бюджетной системы Российской Федерации необходимы структурные реформы, общественная поддержка и тесная координация фискальной и денежно-кредитной политики. Важно также оптимизировать расходы, повысить собираемость налогов и контролировать уровень государственного долга. Механизм секвестирования расходов следует вернуть и усовершенствовать.

5. Разработка финансовой политики проходит в условиях значительной неопределенности, что требует интеграции разнообразных сценариев соци-

ально-экономического развития страны и оценки их воздействия на планирование и трату средств государственного бюджета в течение этого и стратегического периодов. В данных условиях основными перспективами финансовой системы в Российской Федерации являются следующие [10]:

- ◆ структурная перестройка экономики;
- ◆ финансовая стабилизация и поддержка доходности;
- ◆ контрциклическая бюджетная политика;
- ◆ бюджетный импульс и его финансирование;
- ◆ возобновление действия «бюджетного пра-вила»;
- ◆ активная бюджетная политика в 2024 г. и нормализация в 2025 г.;
- ◆ снижение межбюджетных трансфертов;
- ◆ переориентация экономической стратегии;
- ◆ стимулирующие меры в различных секторах;
- ◆ оптимизация управления бюджетными расходами;
- ◆ финансирование социально-экономического развития;
- ◆ прозрачность и доступность информации.

Изложенные перспективные подходы должны лечь в основу разработки планов и стратегий, направленных на поддержание финансовой стабильности и устойчивого экономического роста России в новых экономических и политических условиях.

Список источников

1. Европейская хартия местного самоуправления EST № 122 (Страсбург, 15 октября 1985 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 36. Ст. 4466.
2. Закон Тамбовской области от 28 октября 2005 г. № 369-З (ред. от 31 мая 2023 г. № 330-З) «О бюджетном устройстве и бюджетном процессе в Тамбовской области» // Тамбовская жизнь. 2005. 11 нояб.
3. Федеральный закон от 27 ноября 2023 г. № 540-ФЗ «О федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 49 (ч. I). Ст. 8657.
4. Указ Президента РФ от 14 мая 1998 г. № 554 «О мерах по укреплению финансовой дисциплины и исполнению бюджетного законодательства Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 20. Ст. 2145.

5. Постановление Правительства РФ от 30 декабря 2022 г. № 2549 (ред. от 30 июня 2023 г. № 1091) «Об особенностях реализации Федерального закона «О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов»» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 1 (ч. II). Ст. 340.

6. Антипова Д. Д. Особенности формирования системы показателей бюджетной системы РФ // Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник: мат. XX нац. науч. конф. с междунар. участием (Москва, 14–15 декабря 2020 г.). Вып. 16. Ч. 1. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2021. С. 40–42.

7. Баева Е. А., Позднякова С. В. Проблема сбалансированности государственного бюджета и пути ее решения // Ученые записки Тамбовского отделения РСОМУ. 2016. № 6. С. 44–48.

8. Бобошохзода Ш. М., Салимов М. С. Оценка эффективности расходования бюджетных средств на всех уровнях бюджетной // Государственное управление. 2023. № 4-2 (64). С. 92–100.

9. Бюджетная система Российской Федерации: учебник и практикум / Н. Г. Иванова, М. И. Канкулова, Т. А. Вассель и др. 3-е изд., пер. и доп. М.: Юрайт, 2024.

10. Латышев Н. И. Система администрирования доходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации в МВД России: цифровая трансформация // Формирование эффективной системы экономической безопасности России. М., 2023.

11. Слепухина А. А. Анализ бюджетной системы Российской Федерации // Синергия Наук. 2020. № 53. С. 494–498.

12. Сулейманов М. М. Налог на прибыль организаций и его роль в доходах бюджетов бюджетной системы РФ // Актуальные вопросы современной экономики. 2020. № 9. С. 374–378.

13. Phedotov D. A. Interbudgetary Transfers in the system of budgetary provision of local government in Russia: political and economic aspects // Маркетинг МВА. Маркетинговое управление предприятием. 2021. Vol. 12. № 4. P. 82–93.

14. Головкова Е. А., Загребина А. А. Значение бюджетной системы в обеспечении экономической безопасности Российской Федерации // Вектор экономики. 2023. № 12 (90). С. 117–121.

15. Исмаилов А. А. Понятие бюджетной организации и место финансов бюджетных организаций в

финансовой системе // Поколение будущего: Взгляд молодых ученых-2023: сб. науч. ст. 12-й междунар. науч. конф. В 4 т. (Курск, 9–10 ноября 2023 г.). Курск: Университетская книга, 2023. С. 138–141.

16. Канкулова М. И. Понятие и основные факторы устойчивости бюджетной системы // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2020. № 11 (491). С. 12–21.

17. Финансовые и денежно-кредитные методы регулирования экономики. Теория и практика: учебник для вузов / под ред. М. А. Абрамовой, Л. И. Гончаренко, Е. В. Маркиной. 3-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2024.

18. Дефицит и профицит бюджета // URL: <http://www.grandars.ru/student/finansy/deficit-byudzheta.html>

19. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2024 г. и на плановый период 2025 и 2026 гг. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2023/09/main/ONBNiTTP__2024-2026.pdf

References

1. European Charter of Local Self-Government EST № 122 (Strasbourg, October 15, 1685) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. № 36. Art. 4466.

2. The Law of the Tambov region dated October 28, 2005 № 369-Z (as amended on May 31, 2023 № 330-3) «On budget structure and budget process in the Tambov region» // Tambov Life. 2005. November 11.

3. Federal Law № 540-FZ of November 27, 2023 «On the Federal Budget for 2024 and for the Planning Period of 2025 and 2026» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2023. № 49 (p. I). Art. 8657.

4. Decree of the President of the Russian Federation of May 14, 1998 № 554 «On measures to strengthen financial discipline and the implementation of budget legislation of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. № 20. Art. 2145.

5. Decree of the Government of the Russian Federation dated December 30, 2022 № 2549 (as amended on June 30, 2023 № 1091) «On the specifics of the implementation of the Federal Law «On the Federal Budget for 2023 and for the planning period of 2024 and 2025»» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2023. № 1 (p. II). Art. 340.

6. Antipova D. D. Features of the formation of the system of indicators of the budget system of the Russian Federation // Russia: trends and prospects of development: yearbook: mat. XX National Scientific Conference with international with participation (Moscow, December 14–15, 2020). Vol. 16. P. 1. M. : Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 2021. P. 40–42.
7. Baeva E. A., Pozdnyakova S. V. The problem of balancing the state budget and ways to solve it // Scientific notes of the Tambov Branch of RoSMU. 2016. № 6. P. 44–48.
8. Boboshokhzoda Sh. M., Salimov M. S. Assessment of the effectiveness of budget spending at all levels of the budgetary system // Public administration. 2023. № 4-2 (64). P. 92–100.
9. The budgetary system of the Russian Federation: textbook and workshop / N. G. Ivanova, M. I. Kankulova, T. A. Vassel et al. 3rd ed., translated and supplemented by. M. : Yurayt, 2024.
10. Latyshev N. I. Revenue administration system budgets of the budgetary system of the Russian Federation in the Ministry of Internal Affairs of Russia: Digital transformation // Formation of an effective system of economic security in Russia. M., 2023.
11. Slepukhina A. A. Analysis of the budget system of the Russian Federation // Synergy of Sciences. 2020. № 53. P. 494–498.
12. Suleymanov M. M. Corporate income tax and its role in budget revenues of the budgetary system of the Russian Federation // Actual issues of modern economics. 2020. № 9. P. 374–378.
13. Phedotov D. A. Interbudgetary Transfers in the system of budgetary provision of local government in Russia: political and economic aspects // Marketing MBA. Marketing enterprise management. 2021. Vol. 12. № 4. P. 82–93.
14. Golovkova E. A., Zagrebina A. A. The importance of the budget system in ensuring the economic security of the Russian Federation // Vector of Economics. 2023. № 12 (90). P. 117–121.
15. Ismailov A. A. The concept of budgetary organization and the place of finances of budgetary organizations in the financial system // Generation of the future: The view of young scientists-2023: collection of scientific articles of the 12th International Scientific Conference. In 4 volumes (Kursk, November 9–10, 2023). Kursk : University Book, 2023. P. 138–141.
16. Kankulova M. I. The concept and main factors of stability of the budgetary system // Accounting in budgetary and non-profit organizations. 2020. № 11 (491). P. 12–21.
17. Financial and monetary methods of economic regulation. Theory and practice: a textbook for universities / edited by M. A. Abramova, L. I. Goncharenko, E. V. Markina. 3rd ed., ispr. and add. M. : Yurait, 2024.
18. Budget deficit and surplus URL: <http://www.grandars.ru/student/finansy/deficit-byudzheta.html>
19. The main directions of budget, tax, and customs tariff policy for 2024 and for the planning period of 2025 and 2026 // URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2023/09/main/ONBNiTTP__2024-2026.pdf

Библиографический список

1. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с доп. и изм. от 6 октября 2022 г.) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>
2. Бюджетный кодекс РФ от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 г. № 628-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3823.
3. Налоговый кодекс (ч. I) от 31 июля 1998 г. № 147-ФЗ (ред. от 23 марта 2024 г. № 58-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3824.
4. Федеральный закон от 5 декабря 2022 г. № 466-ФЗ «О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 50 (ч. I, II, III). Ст. 8760.
5. Акоюн Э. А., Лукьянова З. А. Эффективность применения системы «Электронный бюджет» в анализе бюджетной системы Российской Федерации // Актуальные вопросы современной экономики. 2020. № 4. С. 325–330.
6. Бальнин И. В., Терехова Т. Б. О приоритетах бюджетной политики Российской Федерации в области расходов федерального бюджета на 2023–2025 гг. // Экономика, предпринимательство и право. 2023. Т. 13. № 5. С. 1631–1650.
7. Белостоцкий А. А. Устойчивость бюджетной системы в изменяющихся финансово-экономических условиях // Экономические науки. 2023. № 229. С. 26–28.
8. Гайрабекова М. Х., Арсаханова З. А. Оптимизация бюджетного процесса: совершенствование си-

стемы управления доходами и расходами бюджетной системы и внебюджетных фондов // Московский экономический журнал. 2020. № 4. С. 61.

9. Глотова И. И., Томилина Е. П., Бурнашева Н. Р. Межбюджетные отношения как основной инструмент управления бюджетной системой: принципы, новации // Экономическая среда. 2022. № 3 (41). С. 80–88.

10. Глушаков М. А. НДС в системе налоговых сборов бюджетной системы России // Молодой ученый. 2023. № 50 (497). С. 376–379.

11. Лев М. Ю., Колпакова И. А. Бюджетные факторы реализации государственных программ и национальных проектов в системе экономической и социальной безопасности России // Экономика, предпринимательство и право. 2020. Т. 10. № 5. С. 1521–1534.

12. Леонов А. Н. Соотношение системы бюджетного права и системы бюджетного законодательства // Право и государство: теория и практика. 2022. № 7 (211). С. 129–132.

13. Лукашов А. И. Формирование системы оценки эффективности государственного финансового контроля и бюджетного мониторинга в Российской Федерации // Финансы: теория и практика. 2024. Т. 28. № 1. С. 52–63.

14. Малкина М. Ю., Балакин Р. В. Оценка риска и эффективности налоговых систем российских регионов на разных уровнях бюджетной системы // Международный бухгалтерский учет. 2020. Т. 23. № 2 (464). С. 206–223.

15. Манжула Т. Ю. Теоретические аспекты бюджетного менеджмента в системе государственного регулирования // Сибирский экономический журнал. 2020. № 7 (15). С. 6–8.

16. Ператинская Д. А. Доходы бюджетной системы Российской Федерации: оценка нефтегазовой зависимости в 2012–2021 гг. // Экономика и предпринимательство. 2022. № 6 (143). С. 185–189.

17. Сидоркин В. А., Сайфиева С. Н. Анализ динамики сбора основных налогов в бюджетную систему РФ // Вестник Академии управления и производства. 2024. № 1. С. 185–196.

18. Стукалова Г. Ю. Система сбалансированных показателей бюджетного учреждения // Вестник Российского университета кооперации. 2021. № 3 (45). С. 58–63.

19. Ханова Л. М., Гайфуллин А. В. Влияние нефтегазовых доходов на установление курса рубля и

устойчивость бюджетной системы Российской Федерации // Самоуправление. 2023. № 2 (135). С. 1243–1248.

20. Эльбиева Л. Р. Отдельные вопросы по казначейскому сопровождению бюджетных средств и изменениям в законе о контрактной системе // СПС «КонсультантПлюс».

21. Abduragimova A. M., Gadzhieva K. A. Budget structure and budget system of the Russian Federation under reform // Аллея науки. 2020. Vol. 1. № 5 (44). P. 3–6.

Bibliographic list

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (with amendments and edit. dated October 6, 2022) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>

2. Budget Code of the Russian Federation № 145-FZ dated July 31, 1998 (as amended on December 25, 2023 № 628-FZ) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. № 31. Art. 3823.

3. Tax Code (Part I) of July 31, 1998, № 147-FROM (as amended on March 23, 2024, № 58-FROM) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1998. № 31. Art. 3824.

4. Federal Law № 466-FZ of December 5, 2022 «On the Federal Budget for 2023 and for the Planning Period of 2024 and 2025» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2022. № 50 (parts I, II, III). Art. 8760.

5. Akoyan E. A., Lukyanova Z. A. The effectiveness of the «Electronic Budget» system in the analysis of the budget system of the Russian Federation // Actual issues of modern economics. 2020. № 4. P. 325–330.

6. Balyinin I. V., Terekhova T. B. On the priorities of the budget policy of the Russian Federation in the field of federal budget expenditures for 2023–2025 // Economics, entrepreneurship and law. 2023. Vol. 13. № 5. P. 1631–1650.

7. Belostotsky A. A. Stability of the budget system in changing financial and economic conditions // Economic sciences. 2023. № 229. P. 26–28.

8. Gayrabekova M. H., Arsakhanova Z. A. Optimization of the budget process: improving the revenue and expenditure management system of the budgetary system and extra-budgetary funds // Moscow Economic Journal. 2020. № 4. P. 61.

9. Glotova I. I., Tomilina E. P., Burnasheva N. R. Inter-budgetary relations as the main instrument of bud-

get system management: principles, innovations // The economic environment. 2022. № 3 (41). P. 80–88.

10. Glushakov M. A. VAT in the system of tax collections of the budgetary system of Russia // Young Scientist. 2023. № 50 (497). P. 376–379.

11. Lev M. Yu., Kolpakova I. A. Budgetary factors of the implementation of state programs and national projects in the system of economic and social security of Russia // Economics, entrepreneurship and law. 2020. Vol. 10. № 5. P. 1521–1534.

12. Leonov A. N. Correlation of the budget law system and the budget legislation system // Law and the State: theory and practice. 2022. № 7 (211). P. 129–132.

13. Lukashov A. I. Formation of a system for evaluating the effectiveness of state financial control and budget monitoring in the Russian Federation // Finance: theory and practice. 2024. Vol. 28. № 1. P. 52–63.

14. Malkina M. Yu., Balakin R. V. Assessment of the risk and effectiveness of tax systems of Russian regions at different levels of the budgetary system // International Accounting. 2020. Vol. 23. № 2 (464). P. 206–223.

15. Manzhula T. Y. Theoretical aspects of budget management in the system of state regulation // Siberian Economic Journal. 2020. № 7 (15). P. 6–8.

16. Peratinskaya D. A. Revenues of the budget system of the Russian Federation: assessment of oil and gas dependence in 2012–2021 // Economics and Entrepreneurship. 2022. № 6 (143). P. 185–189.

17. Sidorkin V. A., Saifieva S. N. Analysis of the dynamics of the collection of basic taxes in the budget system of the Russian Federation // Bulletin of the Academy of Management and Production. 2024. № 1. P. 185–196.

18. Stukalova G. Y. The system of balanced indicators of a budgetary institution // Bulletin of the Russian University of Cooperation. 2021. № 3 (45). P. 58–63.

19. Khanova L. M., Gaifullin A. V. The influence of oil and gas revenues on the establishment of the ruble exchange rate and the stability of the budget system of the Russian Federation // Self-government. 2023. № 2 (135). P. 1243–1248.

20. Elbieva L. R. Selected issues on treasury support of budget funds and amendments to the law on the contract system // LRS «ConsultantPlus».

21. Abduragimova A.M., Gadzhieva K. A. Budget structure and budget system of the Russian Federation in the context of reform. Alleys of Science. 2020. Vol. 1. № 5 (44). P. 3–6.

Информация об авторах

К. В. Екимова — проректор, профессор кафедры финансов устойчивого развития Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, доктор экономических наук;

К. В. Ордов — заведующий кафедрой финансов устойчивого развития Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, доктор экономических наук.

Information about the authors

K. V. Ekimova — Vice-Rector, Professor of the Department of Sustainable Development Finance of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economic Sciences;

K. V. Ordov — Head of the Department of Sustainable Development Finance of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economic Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.02.2025; одобрена после рецензирования 11.03.2025; принята к публикации 28.04.2025.

The article was submitted 10.02.2025; approved after reviewing 11.03.2025; accepted for publication 28.04.2025.

Научная статья

УДК 331.1

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-215-221>

EDN: <https://elibrary.ru/asetja>

НИОН: 2003-0059-3/25-322
MOSURED: 77/27-003-2025-03-521

AI-регулирование преодоления разрыва между рынком высшего образования и рынком труда в «умных» регионах России

Агнесса Олеговна Иншакова¹, Денис Евгеньевич Матыцин²

^{1,2} Волжский институт экономики, педагогики и права, Волгоград, Россия

^{1,2} Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

¹ Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия

¹ ainshakova@list.ru

² dmatytsin@ya.ru

Аннотация. Рассматривается проблема внедрения концепции «умных» регионов в России с особым акцентом на возможности преодоления в таких цифровых системах разрыва рынка труда и рынка высшего образования. Особое исследовательское внимание уделено возможности использования передового опыта таких систем на другие регионы России, а также на использование потенциала искусственного интеллекта для решения наиболее актуальных проблем. Методологически работа имеет междисциплинарный характер, в пределах которого раскрывается теория четвертой промышленной революции. Исследуются вопросы развития цифровой экономики и концепции «умных» регионов с учетом проблемы разрыва между рынком труда и рынком высшего образования. В исследовании используются системный и процессный подходы и методы анализа, синтеза, обобщения и наблюдения, позволившие обосновать его результаты. Рассмотрены теоретические особенности развития концепции «умных» регионов; проведен анализ уровня их развития в Российской Федерации; раскрыты особенности их развития с акцентом на возможности преодоления разрыва между рынком труда и рынком высшего образования и потенциал использования их передового опыта в других регионах. Авторское внимание сосредоточено на разработке главных блоков системы согласования параметров рынка высшего образования и рынка труда в пределах программ «умного» города и «умного» региона с использованием AI-регулирования. Основная ценность работы состоит в обобщении результатов развития «умных» регионов России с точки зрения решения проблемы разрыва между рынком труда и рынком высшего образования, а также в обосновании потенциала и разработке направлений использования AI-регулирования.

Ключевые слова: цифровая экономика, четвертая промышленная революция, искусственный интеллект, AI-регулирование, регионы России, «умный» регион, рынок труда, рынок высшего образования

Для цитирования: Иншакова А. О., Матыцин Д. Е. AI-регулирование преодоления разрыва между рынком высшего образования и рынком труда в «умных» регионах России // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 3. С. 215–221. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-215-221>. EDN: ASETJA.

Original article

AI-regulation of bridging the gap between the higher education market and the labor market in «smart» regions of Russia

Agnessa O. Inshakova¹, Denis E. Matytsin²

^{1,2} Volga Institute of Economics, Pedagogy and Law, Volgograd, Russia

^{1,2} Kuban State University, Krasnodar, Russia

¹ Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russia

¹ ainshakova@list.ru

² dmatytsin@ya.ru

Abstract. The problem of introducing the concept of «smart» regions in Russia is being solved, with a special focus on the possibility of overcoming the gap between the labor market and the higher education market in such digital systems. Special research attention is paid to the possibility of using the best practices of such systems in other regions of Russia, as well as using the potential of artificial intelligence to solve the most pressing problems. Methodologically, the work has an interdisciplinary character, within which the theory of the fourth industrial revolution is revealed. The issues of the development of the digital economy and the concept of «smart» regions are studied, taking into account the problem of the gap between the labor market and the higher education market. The study uses systematic and process approaches and methods of analysis, synthesis, generalization and observation, which allowed substantiating its results. The theoretical features of the development of the concept of «smart» regions are considered; the analysis of the level of their development in the Russian Federation is carried out.; the features of their development are revealed, with a special emphasis on the possibilities of bridging the gap between the labor market and the higher education market and the potential for using their best practices in other regions. The author's attention is focused on the development of the main blocks of the system for coordinating the parameters of the higher education market and the labor market within the framework of the smart city and smart region

© Иншакова А. О., Матыцин Д. Е., 2025

programs using AI regulation. The main value of the work is to summarize the results of the development of «smart» regions of Russia in terms of solving the problem of the gap between the labor market and the higher education market, as well as to substantiate the potential and develop directions for the use of AI regulation.

Keywords: digital economy, fourth industrial revolution, artificial intelligence, AI-regulation, Russian regions, smart region, labor market, higher education market

For citation: Inshakova A. O., Matytsin D. E. AI-regulation of bridging the gap between the higher education market and the labor market in «smart» regions of Russia. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(3):215–221. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-215-221>. EDN: ASETJA.

Введение. Проблема разрыва между рынком высшего образования и рынком труда является одной из наиболее актуальных институциональных проблем, ограничивающих рост человеческого капитала и инновационный потенциал развития экономических систем. Отсутствие у выпускников вузов навыков и трудовых качеств, необходимых для рынка труда, указывает на значительные потери, касающиеся низкой эффективности инвестиций в систему высшего образования, а также низкого качества рабочей силы, присутствующей на рынке труда. С развитием цифровых технологий и внедрением четвертой промышленной революции, характер взаимодействия рынка труда и рынка высшего образования будет меняться [1].

При этом потребность в кадрах высокой квалификации будет возрастать, одновременно с тем, как отдельные профессии, не требующие высокого уровня образования, будут терять свою актуальность и постепенно замещаться роботизированными механизмами. В таких условиях к системе высшего образования выдвигаются дополнительные требования, в соответствии с которыми она должна обеспечивать постоянное обновление образовательных программ, поддержание их в актуальном состоянии и быть согласованной с рынком труда.

Развитие цифровизации не имеет линейного характера и происходит в рамках разных концепций и теорий [2]. Одной из таких теорий является концепция, объединяющая «умное» техническое устройство, «умный» дом, «умную» фабрику, «умный» город или «умный» регион. Сегодня теория «умных» городов и регионов рассматривается как локомотив цифровой экономики и отдельный наиболее динамичный сегмент мирового цифрового рынка. Согласно прогнозам, уже к 2025 г. объем рынка «умных» городских систем возрастет до 2,5 трлн долл. США, а его доля в мировом ВВП достигнет 15 % [12].

В Российской Федерации эта теория набирает свою популярность, начиная с 2010–2015 гг., когда были приняты первые концепции «умных» городов и «умных» регионов. Важно учесть, что первоначально предложенные концепции не помогли обеспечить достаточный уровень цифровизации и решения актуаль-

ных проблем. В этом контексте, ограничения, связанные с пандемией COVID-19, выступили стимулом развития и внедрения цифровых технологий во все сферы жизни, включая образование, трудовую деятельность, муниципальные услуги и другие сферы. Исходя из этого, сегодня изучение передового опыта «умных» городов и регионов в качестве инструментов для решения широкого спектра институциональных проблем приобретает все большую актуальность.

Методологическая основа исследования является достаточно сложной и имеет междисциплинарный характер. Она объединяет концепции четвертой промышленной революции и цифровой экономики, которые раскрываются через теорию «умных» городов и «умных» регионов и накладываются на проблему разрыва между рынком высшего образования и рынком труда, выступая действенными инструментами, позволяющими преодолеть этот разрыв за счет эффективного использования цифровых технологий, включая искусственный интеллект. Основные методы, позволяющие раскрыть возможности этой методологии, принадлежат к категории общенаучных и включают методы анализа и синтеза, обобщения, наблюдения и сравнения, которые согласовываются в пределах системного и процессного подхода.

Рассмотрение проблемы использования передового опыта «умных» регионов России для преодоления разрыва между рынком высшего образования и рынком труда с опорой на искусственный интеллект является довольно новым направлением в науке и практике. Поэтому, его комплексное рассмотрение в пределах отдельного исследования до этого времени не было представлено в научных и экспертных источниках. В таких условиях интерес составляют разработки ученых и практиков, изучающие отдельные направления исследуемой проблемы, посвященные определению сущности и анализу развития «умных» городов и регионов [3; 5; 8; 9; 10]; развитию концепции четвертой промышленной революции, что предопределяет использование цифровых технологий в пределах цепочки «умное» техническое устройство, «умный» дом, «умная» фабрика, «умный» город или «умный» регион [4; 12; 13]; исследо-

ванию инструментов преодоления разрыва между рынком высшего образования и рынком труда [7], в том числе за счет цифровых технологий, включая искусственный интеллект [11]; определению проблем использования передового опыта для дальнейшей экстраполяции [6].

Основная цель исследования направлена на обобщение успехов и передового опыта «смарт» городов и «смарт» регионов России в пределах концепции преодоления разрыва между рынком высшего образования и рынком труда с особенным акцентом на потенциале технологии искусственного интеллекта относительно определения сфер и возможностей использования этой технологии. Для достижения указанной цели в пределах работы поставлен и решен ряд научных задач, среди которых теоретическое обоснование концепции «умных» городов и «умных» регионов, характеристика их взаимосвязи с четвертой промышленной революцией и цифровой экономикой, определение направлений и механизмов решения проблемы разрыва между рынком высшего образования и рынком труда за счет «смарт» концепции с учетом возможности использования цифровых технологий и формирования отдельного взгляда на место искусственного интеллекта в этой системе.

Результаты исследования. Одним из главных драйверов современного развития экономики и общества сегодня является Четвертая промышленная революция. Она основана на глубокой автоматизации всех процессов и широкой цифровой вовлеченности населения за счет использования цифровых технологий, таких как искусственный интеллект, продвинутая робототехника, анализ больших данных, интернет вещей и т. д. Четвертая промышленная революция проявляет себя на четырех уровнях — индивидуальные «умные» устройства, «умные» бытовые системы, «умные» фабрики и, наконец, «умные» города [12]. С опорой на настоящее исследование эта цепочка может быть дополнена за счет «умных» регионов.

Такая цепочка, в случае ее построения, позволяет решать комплексные задачи, связанные с обеспечением высокого качества жизни, конкурентоспособностью города или региона, а также согласованностью между собой целого ряда процессов, включающих высшее образование и найм работников. Главное преимущество такой системы состоит в интеграции разнонаправленных процессов в пределах единого целого. При этом информация о заказе покупок или занятий спортом поступает в ту же базу данных, что и заказ на муниципальную услугу по вы-

даче документов или оплате счетов. Аккумулирование и обработка таких данных, в свою очередь, позволяет согласовывать разные процессы, происходящие в городе или регионе между собой.

С позиции управления процессами речь идет об использовании информации, получаемой благодаря сенсорам, применению алгоритмов анализа больших данных и инструментов обратной связи для принятия решений о функционировании инфраструктуры и систем города или региона. Результатом использования таких механизмов становится лучшее распределение ресурсов, меньшие транзакционные издержки, достигаемые благодаря взаимосвязанности и контролируемости процессов, а также интеграции инфраструктуры и комплексному подходу к развитию городского или регионального хозяйства [5].

Кроме решения типичных задач, связанных с работой транспортной системы, цифровых муниципальных услуг, безопасности, потреблении воды и энергии, сегодня перед «умными» технологиями ставятся значительно более острые вызовы, такие как структурная трансформация рынка труда, цифровой разрыв, утрата внутреннего социального единства, обеспечение надлежащего уровня сохранности личных данных, гендерное неравенство, распространение ложной информации и т. п. [12].

Важными составляющими концепции «умного» города и «умного» региона (англ. — smart city & smart region) являются рейтинги, соотносящие между собой разные города и регионы по уровню smart развития. При этом английская аббревиатура SMART указывает на главные параметры оценки:

S — science policy (характеризует уровень научного лидерства);

M — media policy (использование медиаресурсов);

A — anti-crisis policy;

R — regional policy/resilience;

T — technological policy (эффективность технологической политики) [3].

Согласно рейтингу наиболее развитыми «умными» регионами России являются Москва, Санкт-Петербург, Республика Татарстан, Томская, и Нижегородская области, Красноярский край, Новосибирская, Самарская и Тюменская области [3].

Важно учесть, что далеко не все регионы России имеют развитый опыт реализации «smart» концепции. Более того, даже в наиболее «умных» регионах направление цифровизации, связанное с преодолением разрыва между рынком труда и рынком выс-

шего образования не выделено в отдельное направление. Среди примеров реализации концепции «умного» региона России (табл. 1) такие решения присущи практически всем регионам. Они реализуются в Москве (разработка и использование платформ общегородских данных), Казани (создание цифровой платформы, объединяющей максимальное число технических средств в регионе), Краснодарском крае (создание территории «умной» экономики, позволяющей реализовать потенциал молодых талантов и предпринимателей и достигать цифрового лидерства), Республике Татарстан (создание «умной» среды работы, проживания и производства), Ульяновской области (создание цифровой инфраструктуры региона и обеспечение потребности региона в работниках с соответствующими цифровыми компетенциями).

При этом, разработанные решения не могут в полном понимании этого слова быть представлены как «передовой опыт» преодоления разрыва между рынком труда и рынком высшего образования. В первую очередь это связано с тем, что сама дефиниция «передовой опыт» является дискуссионной. Передовой опыт преимущественно указывает на высокое качество какого-либо процесса, связанного с об-

учением, работой, научными разработками, управлением и т. д. Иногда этот термин применяется в процессе разработки политики и в этом случае он используется в качестве повышения ответственности или конкуренции, рационализации, снижения затрат или реструктуризации управления [6]. В таком понимании использование передового опыта «умных» регионов России в преодолении разрыва между рынком высшего образования и рынком труда требует четкого определения методик и механизмов, способных решить указанную проблему с возможностью их экстраполяции на другие регионы РФ. Среди программ концепции «умного» региона таких четких решений пока нет. Несмотря на это, в целом, полученный в «умных» регионах опыт преодоления разрыва между результатами образования и требованиями рынка труда может быть использован и в других регионах.

Главным направлением усовершенствования использованных решений сегодня является регулирование разрыва между рынком труда и рынком высшего образования с использованием искусственного интеллекта. Активное использование искусственного интеллекта в создании «умных» регионов содержит значительный потенциал, позволяющий

Таблица 1

Примеры реализации концепции «умного» региона в России

Город, регион	Цели и результаты внедрения концепции
Москва	<ul style="list-style-type: none"> предоставление государственных услуг в электронном формате и повышение эффективности муниципального управления; создание открытой городской среды; формирование цифровой экосистемы г. Москвы; разработка и использование платформ общегородских данных г. Москвы; создание высокоинтеллектуальной системы управления транспортным хозяйством и дорожной инфраструктурой г. Москвы
Казань (Инно-полис)	<ul style="list-style-type: none"> открытие института искусственного интеллекта; использование искусственного интеллекта в сфере доставки; использование системы «умных» счетчиков; интеграция системы безналичной оплаты; разработка комплексной системы анализа, направленная на повышение эффективности муниципального управления; создание цифровой платформы, объединяющей максимальное число технических средств в регионе
Краснодарский край	<ul style="list-style-type: none"> создание территории «умной» экономики, позволяющей реализовать потенциал молодых талантов и предпринимателей и достигать цифрового лидерства; система муниципального управления
Республика Татарстан	<ul style="list-style-type: none"> формирование «умной» экономики региона за счет развития экологически чистых технологий, создание «умной» среды работы и проживания, системы «умного» производства, которые включают транспортную систему, энергоснабжение, фабрики и заводы, жилые дома, торговые центры и города
Свердловская область	<ul style="list-style-type: none"> комплексное внедрение цифровых платформ и решений, позволяющих решать наиболее актуальные проблемы жителей региона на принципиально новом уровне; повышение уровня человеческого капитала, уровня жизни и конкурентоспособности региона
Ульяновская область	<ul style="list-style-type: none"> активное внедрение ИКТ во все сферы жизнедеятельности региона; развитие региональной специализации в сфере интеллектуальных решений; создание цифровой инфраструктуры региона и обеспечение потребности региона в работниках с соответствующими цифровыми компетенциями

Источник: сформировано на основе [4; 8; 9; 10].

выделять среди больших данных информацию, пригодную для проектирования параметров рынков труда и высшего образования. Такая информация может отображать спрос на товары и услуги в разрезе отраслей, периодов времени, требуемых компетенций и т. д. Через систему отзывов, такая система может улучшать качество работы, товаров и услуг, повышать уровень сервиса. В целом, характеристики рынка труда, полученные благодаря системе сенсоров, датчиков и цифровых платформ, при правильной обработке информации, могут служить наиболее полными и актуальными запросами на образовательные услуги.

Таким образом, основные блоки системы согласования параметров рынка высшего образования и рынка труда в пределах программ «умного» города и «умного» региона должны решать следующие задачи:

- ◆ анализ рынка труда через оценку отзывов о работе, обработке и прогнозировании вакансий с дальнейшим внедрением полученной информации в учебные программы;
- ◆ использование личного подхода к обучению благодаря созданию персонализированных программ обучения, созданных на основе собранной информации об обучаемом;
- ◆ мотивация и контроль успешности, разработка рекомендаций по улучшению процесса обучения;
- ◆ внедрение автоматизированной системы подбора кандидата на работу с корректировкой программы обучения;
- ◆ интеллектуальную поддержку работника, созданную на основе внедрения алгоритма искусственного интеллекта в систему планирования и контроля работы;
- ◆ прогнозирование развития рынка труда и рынка высшего образования на основе использования элементов машинного обучения;
- ◆ усовершенствование и создание новых инструментов для преодоления разрыва между рынком труда и рынком высшего образования путем согласования их запросов и возможностей.

Предложенные в исследовании выводы и предположения составляют промежуточные результаты в изучении возможностей использования передового опыта «умных» регионов для преодоления разрыва между рынком труда и рынком высшего образования с опорой на AI-регулирование. Наиболее актуальной задачей на данном эволюционном этапе является разработка методики идентификации и

анализа передового опыта преодоления несоответствия между результатами образования и запросами рынка труда в «умных» регионах. Суть в том, что решение указанной проблемы часто сопряжено с другими задачами «умного» региона и поэтому не может быть четко идентифицировано и выделено.

Актуальным дискуссионным аспектом исследуемой темы является также комплексная оценка цифровизации экономики и внедрения концепции «умного» региона с точки зрения возможного негативного влияния на состояние рынка труда. Решение этой проблемы требует более глубокого изучения понятия технологической безработицы и оценки профессий с высоким риском исчезновения для разработки соответствующих действий по стабилизации ситуации на рынке труда и трансформации системы высшего образования для удовлетворения новых актуальных запросов рынка.

Другим важным аспектом использования опыта «умных» регионов для преодоления разрыва между рынком труда и высшего образования является оценка роли человеческого потенциала в исследуемых процессах. В данном случае человеческий капитал должен рассматриваться как активная составляющая процесса создания «умных» регионов, разработки решений по преодолению разрыва между требованиями рынка труда и возможностями высшего образования, а также использованию AI-регулирования для выявления такого опыта и его экстраполяции на всю страну. В таком случае, подготовка соответствующего интеллектуального обеспечения должна рассматриваться в качестве первичного действия, своего рода триггера, запускающего все дальнейшие процессы.

Заключение. Таким образом, в условиях ускорения цифровизации экономики и общества, а также перехода к четвертой промышленной революции, концепция «умных» городов и регионов обретает статус локомотива цифровых преобразований. Преимущество концепции состоит в возможности объединения индивидуальных, бытовых и производственных технических устройств в единую систему, способную благодаря сенсорам, датчикам, специальным платформам и системе обратной связи аккумулировать огромный массив информации, структурировать его и использовать для решения актуальных задач функционирования города или региона.

В Российской Федерации концепции «умных» городов и «умных» регионов имеют государственную поддержку. К их развитию привлекаются также круп-

ные промышленные предприятия и международные фонды. Благодаря этому ряд регионов демонстрирует довольно высокий уровень внедрения «умных» технологий в работу муниципальных служб, предприятий и развитие человеческого капитала. Отдельным направлением концепции является преодоление разрыва между рынком труда и рынком высшего образования. Анализ разработки и реализации таких программ показал наличие некоторых успехов, экстраполяция которых на другие регионы ограничивается сложностью четкого определения границ этих программ и их отделения от других направлений цифрового развития.

На этом фоне, в работе предложено более полно использовать возможности искусственного интеллекта, направленные на анализ рынка труда и согласование системы высшего образования с его запросами, использование личного подхода к обучению, разработку рекомендаций по улучшению процесса обучения, внедрение автоматизированной системы подбора кандидатов на работу и т. д. В совокупности предложенные решения позволят достигнуть большей четкости и успеха в преодолении разрыва между рынком труда и рынком высшего образования с возможностью дальнейшей экстраполяции этого опыта на другие регионы России.

Список источников

1. Иншакова А. О., Матыцин Д. Е. Технология блокчейн как механизм защиты прав граждан в дистанционных инвестиционных сделках: рынок высшего образования vs рынок труда // Право и управление. XXI век. 2024. Т. 20. № 1(70). С. 66–74.
2. Иншакова А. О., Матыцин Д. Е., Балтутите И. В. Дистанционное инвестиционное предпринимательство в условиях цифровой трансформации: правовое регулирование и рынок высшего образования // Информационное общество. 2024. № 3. С. 21–29.
3. АИРР (Ассоциация Инновационных Регионов России). Рейтинг регионов SMART версии 2022 г. // URL: <https://i-regions.org/reiting/rejting-regionov-smart/>
4. Буракова А. А., Банных Г. А. Концепция «Умный город» и цифровизация городского управления: перспективы Екатеринбурга // URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/77066/1/978-5-7996-2729-4_1_28.pdf
5. Ерохина О. В. «Умная Москва» новая концепция развития столицы // Вестник Финансового университета. Гуманитарные науки. 2018. Т. 8. № 3. С. 6–10.

6. ETF (Европейский Фонд Образования, 2021). Центры передового опыта в профессиональном образовании и обучении. Движущая сила для развития профессионального образования и обучения // URL: https://www.etf.europa.eu/sites/default/files/2021-03/centres_of_vocational_excellence_ru.pdf

7. Галеева Р. Б. Взаимодействие системы высшего образования с рынком труда. Исследование состояния рынка труда в регионах Приволжского федерального округа // Региональная экономика: теория и практика. 2018. Т. 16. Вып. 1. С. 101–122.

8. Городнова Н. В., Соколов С. А. Практическая реализация концепции Smart City в Российской Федерации: анализ современного состояния и перспектив // Экономика, предпринимательство и право. 2021. Т. 11. № 6. С. 1439–1456.

9. ИТ.Фонд73. Концепция внедрения интеллектуальных цифровых технологий в Ульяновской области «Умный Регион» на 2017–2030 гг. // URL: <https://itfund73.ru/ulsmartregion/Koncept>

10. Лыщикова Ю. В., Германова О. В., Кочергин М. А. внедрение концепции «Умный регион»: управленческие практики в России и за рубежом // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 12-1. С. 146–150.

11. Мотгаева А. Б., Кашинцева В. Л., Покровский О. Ю. Влияние искусственного интеллекта на рынок труда // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Экономика. 2020. № 4. С. 82–88.

12. Пак С. Глобальный мегатренд Четвертой промышленной революции в цифровой экономике: как реализовать на практике потенциал «умных» городов? // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 2. С. 135–163.

13. Ризванова А. Я. Формирование концепции Smart-Региона в условиях цифровизации // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-kontseptsii-smart-regiona-v-usloviyah-tsifrovizatsii>

References

1. Inshakova A. O., Matytsin D. E. Blockchain technology as a mechanism for protecting citizens' rights in remote investment transactions: higher education market vs labor market // Law and Management. XXI century. 2024. Vol. 20. № 1(70). P. 66–74.
2. Inshakova A. O., Matytsin D. E., Baltutite I. V. Remote investment entrepreneurship in the context of digital transformation: legal regulation and the market of higher education // Information Society. 2024. № 3. P. 21–29.

3. AIRR (Association of Innovative Regions of Russia). The rating of the regions of the SMART version 2022 // URL: <https://i-regions.org/reiting/reiting-regionov-smart/>

4. Burakova A. A., Bannykh G. A. The concept of «Smart city» and digitalization of urban management: prospects of Yekaterinburg // URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/77066/1/978-5-7996-2729-4_1_28.pdf

5. Erokhina O. V. «Smart Moscow» a new concept for the development of the capital // Bulletin of the Financial University. Humanities. 2018. Vol. 8. № 3. P. 6–10.

6. ETF (European Education Fund, 2021). Centers of excellence in professional education and training. The driving force for the development of vocational education and training // URL: https://www.etf.europa.eu/sites/default/files/2021-03/centres_of_vocational_excellence_ru.pdf

7. Galeeva R. B. Interaction of the higher education system with the labor market. Study of the state of the labor market in the regions of the Volga Federal District // Regional economics: theory and practice. 2018. Vol. 16. Issue 1. P. 101–122.

8. Gorodnova N. V., Sokolov S. A. Practical implementation of the Smart City concept in the Russian Fed-

eration: analysis of the current state and prospects // Economics, entrepreneurship and law. 2021. Vol. 11. № 6. P. 1439–1456.

9. IT.Fund73. The concept of introducing intelligent digital technologies in the Ulyanovsk region «Smart Region» for 2017–2030 // URL: <https://itfund73.ru/ulsmartregion/Koncept>

10. Lyschikova Yu. V., Germanova O. V., Kochergin M. A. Introduction of the «Smart Region» concept: management practices in Russia and abroad // Humanities, socio-economic and social sciences. 2020. № 12-1. P. 146–150.

11. Mottaeva A. B., Kashintseva V. L., Pokrovsky O. Y. The impact of artificial intelligence on the labor market // Bulletin of the State University of Education. Series: Economics. 2020. № 4. P. 82–88.

12. Pak S. The global megatrend of the Fourth Industrial Revolution in the digital economy: how to put into practice the potential of «smart» cities? // Bulletin of International Organizations. 2022. Vol. 17. № 2. P. 135–163.

13. Rizvanova A. Ya. Formation of the concept of a Smart Region in the context of digitalization // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-kontseptsii-smart-regiona-v-usloviyah-tsifrovizatsii>

Информация об авторах

А. О. Иншакова — доктор юридических наук, профессор, почетный работник сферы образования РФ, почетный работник науки и высоких технологий РФ, эксперт РАН;

Д. Е. Матыцин — доктор юридических наук, кандидат экономических наук.

Information about the authors

A. O. Inshakova — Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Science and High Technologies of the Russian Federation, Expert of the Russian Academy of Sciences;

D. E. Matytsin — Doctor of Legal Sciences, Candidate of Economic Sciences.

Вклад авторов

А. О. Иншакова — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; участие в сборе статистических данных и их анализа; написание исходного текста; итоговые выводы;

Д. Е. Матыцин — научное руководство; участие в сборе статистических данных и их анализа; написание исходного текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors

A. O. Inshakova — Scientific Management; Research Concept; Methodology Development; Participation in Statistical Data Collection and Analytics; Source Writing; Final Conclusions;

D. E. Matytsin — Research Supervision; Participation in Statistical Data Collection and Analysis; Source Writing; Final Conclusions.

Статья поступила в редакцию 28.04.2025; одобрена после рецензирования 16.05.2025; принята к публикации 06.06.2025.
The article was submitted 28.04.2025; approved after reviewing 16.05.2025; accepted for publication 06.06.2025.

Научная статья

УДК 657.633.5

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-222-225>

EDN: <https://elibrary.ru/ahrrdn>

НИОН: 2003-0059-3/25-323

MOSURED: 77/27-003-2025-03-522

Комплаенс-контроль в системе внутреннего контроля организации

Лана Магометовна Кубатиева

Владикавказский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
Владикавказ, Россия, lane6941333@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы применения комплаенс-контроля как одного из ключевых корпоративных инструментов и составляющих элементов системы внутреннего контроля организации, который дает возможность оценить ее функционирование с точки зрения соблюдения требований и правил нормативных документов внешнего и внутреннего характера. Отмечается, что механизмы контроля, используемые по отношению к системе информационного обеспечения, в первую очередь, должны быть ориентированы на учетное обеспечение.

Ключевые слова: комплаенс-контроль, соблюдение законодательства, система внутреннего контроля, учетное обеспечение, контрольные процедуры, управленческие решения

Для цитирования: Кубатиева Л. М. COMPLIANCE-CONTROL IN THE ORGANIZATION'S INTERNAL CONTROL SYSTEM // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 3. С. 222–225. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-222-225>. EDN: AHRRDN.

Original article

Compliance control in the organization's internal control system

Lana M. Kubatieva

Vladikavkaz Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation,
Vladikavkaz, Russia, lane6941333@yandex.ru

Abstract. The issues of compliance control application are considered as one of the key corporate tools and constituent elements of the organization's internal control system, which makes it possible to assess its functioning in terms of compliance with the requirements and rules of regulatory documents of an external and internal nature. It is noted that the control mechanisms used in relation to the information support system should primarily be focused on accounting support.

Keywords: compliance control, compliance with legislation, internal control system, accounting support, control procedures, management decisions

For citation: Kubatieva L. M. Compliance control in the organization's internal control system. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(3):222–225. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-222-225>. EDN: AHRRDN.

Актуальность темы исследования обусловлена рядом противоречий, которые выявляются в процессе практической реализации системы внутреннего контроля и, в частности, комплаенс-контроля в российских организациях. Во-первых, несмотря на признанную значимость комплаенс-контроля, направленного на обеспечение соответствия деятельности предприятия требованиям законодательства и внутренним регламентам, в условиях постоянного изменения нормативно-правовой базы эффективность такого контроля остается неоднозначной. Во-вторых, существует противоречие между возрастающей потребностью организаций в оперативной и точной информации для принятия управленческих решений и реальными ограничениями, обусловленными возможными злоупотреблениями сотрудников, техническими ошибками и недостаточной прозрачностью учетного процесса. В-третьих, хотя современные си-

стемы внутреннего контроля предусматривают широкий спектр контрольных процедур, практическое их применение зачастую не соответствует заявленным целям из-за недостаточной методической проработанности и фрагментарного подхода к организации контроля.

Проблема исследования заключается в выявлении эффективных подходов к организации и реализации комплаенс-контроля как ключевого элемента системы внутреннего контроля, позволяющих минимизировать риски несоответствий и обеспечить оперативность и точность учетной информации.

Степень научной разработанности данной темы характеризуется значительным вниманием со стороны ученых и экспертов. На сегодняшний день в отечественной и зарубежной литературе представлены разнообразные подходы к трактовке и организации комплаенс-контроля. Например, В. Ю. Абрамов в

© Кубатиева Л. М., 2025

своих работах подчеркивает практическую значимость комплаенс-контроля как механизма снижения риска нарушения законодательства и повышения качества корпоративного управления. Другой позиции придерживается Л. М. Кубатиева, которая акцентирует внимание на необходимости интеграции комплаенс-контроля в систему риск-ориентированного управления организацией, обращая особое внимание на аналитические процедуры и учетное обеспечение.

Отдельное направление исследований представляют работы зарубежных экспертов, таких как специалисты международной организации COSO, которые акцентируют внимание на интегрированном подходе к внутреннему контролю, выделяя важность информационного обеспечения и регламентированных контрольных действий для достижения устойчивости и прозрачности управления.

Несмотря на глубокую проработку отдельных аспектов проблемы, в литературе до сих пор отсутствуют универсальные методические рекомендации по комплексной реализации комплаенс-контроля, учитывающие специфику российского нормативно-правового поля и организационно-экономических условий хозяйственной деятельности. Именно это обстоятельство и определяет необходимость дальнейших научных исследований, направленных на совершенствование методических подходов и практических рекомендаций по внедрению комплаенс-контроля в отечественных организациях.

На сегодняшний день практика применения системы внутреннего контроля, которая отлично зарекомендовала себя, включает такой вид контроля, как комплаенс-контроль. Комплаенс — это принцип осуществления деятельности, обеспечивающий ее соответствие требованиям, определениям, стандартам, установленным органами законодательной власти, профессиональными объединениями и внутренней организационно-распорядительной документацией субъекта хозяйствования. В современных условиях деятельности, когда регламентирующая ее законодательная и нормативная база претерпевают постоянные изменения, ни одна организация не может эффективно существовать без комплаенс-контроля.

Материал и методы исследований. Исследование основывается на материалах научной литературы и мнениях различных ученых по вопросам практики применения комплаенс-контроля. Методической основой исследования явились общенаучные приемы и методы осуществления изысканий: абстрактно-логический, монографический, анализа, синтеза и др.

Результаты исследований. По нашему мнению, развитие контроля технологически всегда совпадало с потребностями управления.

В современных условиях комплаенс-контроль дает возможность оценить функционирование организации с точки зрения соблюдения требований и правил. Основной целью комплаенс-контроля является снижение рисков нарушения законодательства и повышение эффективности управления организацией. Задачи, которые стоят перед комплаенс-контролем, заключаются в следующем:

- 1) проверка фактов экономической деятельности, оценка их рациональности, легитимности и пр.;
- 2) проверка обязательств, их состояния и изменений;
- 3) проверка использования производственных ресурсов и их соответствия принципу целесообразности, закрепленным нормам и бюджету организации;
- 4) проверка наличия и движения имущества организации;
- 5) анализ системы внутреннего контроля, реализация которого помогает выявлять эффективность и результативность этой системы.

На основании установленных в настоящем исследовании задач системы внутреннего комплаенс-контроля предлагается применять ряд определенных групп контрольных действия.

Первая группа включает в себя следующие действия:

- ♦ контроль реализации должностных инструкций и должностных обязанностей работниками каждого подразделения организации;
- ♦ оценка соответствия функционирования организации законодательным требованиям.

Вторая группа подразумевает такие действия, как:

- ♦ осуществление налогового планирования и анализа;
- ♦ проведение управленческого анализа;
- ♦ осуществление анализа исполнения бюджетов;
- ♦ проведение всестороннего экономического анализа функционирования организации.

В рамках третьей группы необходимо:

- ♦ проверять сведения, генерируемые в рамках управленческого учета;
- ♦ контролировать корректность расчета, оперативности осуществления налоговых выплат; формировать налоговую отчетность;
- ♦ проверять правдивость, полноту и обоснованность сведений, отражаемых бухгалтерской (финансовой) отчетностью;

- ◆ проводить инвентаризацию обязательств и имущества;

- ◆ контролировать корректность формирования итоговой информации по счетам бухучета в аспекте аналитического и синтетического учета;

- ◆ проверять корректность формирования и регистрации внешних и внутренних данных.

Четвертая группа действий включает в себя осуществление контроля за следующими фактами деятельности:

- ◆ повторяющиеся нарушения;

- ◆ распределение обязанностей;

- ◆ доступ к базам данных и информационным системам;

- ◆ сохранность баз данных и документации, в которой содержатся внешние и внутренние данные.

В соответствии с п. 4 ПЗ-11/2013, эффективность системы внутреннего контроля ограничивается некоторыми факторами:

- а) меняющаяся конъюнктура рынка, либо законодательства;

- б) превышение должностных полномочий со стороны руководителя или работников предприятия, в том числе сговор работников;

- в) появление ошибок при принятии решений, реализации фактов экономической деятельности, ведении бухгалтерского учета, в том числе формировании бухгалтерской (финансовой) отчетности.

Контрольные процедуры в отношении каждого направления контроля за рассматриваемой системой могут быть установлены в соответствии с задачами, стоящими перед системой внутреннего контроля организации.

В табл. 1 приводятся направления контроля и контрольные процедуры, способствующие корректной работе системы учетного обеспечения организации, являющейся самым уязвимым и одновременно стратегически значимым звеном информационного обеспечения.

Если сосредоточить контроль по указанным показателям, в организации будет работать безрисковая и достоверная система учетного обеспечения.

Таблица 1

Контрольные процедуры, применяемые для контроля функционирования системы учетного обеспечения

Направления контроля за системой учетного обеспечения	Контрольные процедуры
1. Контроль за достоверностью, четкостью и обоснованностью фиксируемых фактов экономической деятельности	<ol style="list-style-type: none"> 1. Осуществление контроля за оперативностью фиксации фактов экономической деятельности. 2. Осуществление контроля за функционированием программ автоматизации бухучета. 3. Осуществление контроля, направленного на то, чтобы исключить арифметические ошибки. 4. Осуществление контроля за наличием документальных доказательств фактов экономической деятельности. 5. Осуществление контроля за полнотой и правильностью отображения фактов экономической деятельности, указанных в первичной учетной документации. 6. Осуществление контроля за взаимосвязанными процедурами, фактами экономической деятельности. 7. Введение ограничений на доступ к базам данных бухгалтерского управленческого, налогового, финансового учета.
2. Контроль за отражением фактов экономической деятельности на счетах бухучета	<ol style="list-style-type: none"> 1. Проведение сверки с контрагентами с целью подтвердить остатки по счетам бухучета. 2. Осуществление контроля за регистрами аналитического учета. 3. Осуществление контроля за регистрами синтетического учета. 4. Осуществление контроля за корректностью формирования бухгалтерских проводок.
3. Контроль за обеспечением сохранности первичной учетной документации, баз данных и регистров	<ol style="list-style-type: none"> 1. Деятельность, направленная на то, чтобы обеспечить конфиденциальность. 2. Введение ограничений на доступ к базам данных бухгалтерского учета. 3. Формирование копий баз данных и документации.
4. Предоставление менеджменту полезных сведений	<ol style="list-style-type: none"> 1. Осуществление контроля за обеспечением обмена данными между заинтересованными лицами в самой организации и за ее пределами. 2. Осуществление контроля за осведомленностью руководства о работе системы информационного обеспечения.
5. Взаимодействие между внутренним контролером и сотрудниками системы учетного обеспечения	<ol style="list-style-type: none"> 1. Исследование появляющихся отклонений. 2. Плановые и внезапные инвентаризации.

Прим.: сост. авт.

Кроме того, важно, чтобы внутренний контролер наладил активное сотрудничество с работниками организации. Это будет способствовать реализации мероприятий, направленных на установление причин имеющихся несоответствий.

Отчет по итогам реализации внутреннего комплаенс-контроля формируется для представления менеджменту достоверных и актуальных сведений о состоянии системы внутреннего контроля и ее соответствия всем регламентируемым условиям деятельности. Информация, представленная в отчете позволит оперативно реагировать на обнаруженные недостатки и принимать своевременные управленческие решения.

Заключение. Комплаенс-контроль дает возможность оценить функционирование организации с точки зрения соблюдения законодательства и положений локальных нормативных актов. При этом, механизмы контроля, используемые по отношению к системе информационного обеспечения, в первую очередь, должны быть ориентированы на учетное обеспечение. Это обусловлено тем, что на предприятиях система учетного обеспечения представляет собой самое уязвимое и одновременно стратегически значимое звено, так как в рамках данной системы проводятся формирование, фиксация и анализ сведений относительно капитала, расходов и доходов предприятия, его активов.

Рекомендуемые контрольные процедуры для проверки функционирования системы бухгалтерского учета, а также предложенные этапы организации системы внутреннего контроля будут способствовать оперативному реагированию в отношении принятия управленческих решений.

Библиографический список

1. Информация Минфина России № ПЗ-11/2013 «Организация и осуществление экономическим субъектом внутреннего контроля совершаемых фактов хозяйственной жизни, ведения бухгалтерского учета и составления бухгалтерской (финансовой) отчетности» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Кубатиева Л. М. Учетно-аналитическое обеспечение и контроль в системе риск-ориентированного управления организацией // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 231–234.

3. Развитие методологического инструментария внутреннего контроля в различных отраслях национальной экономики России: моногр. М., 2016.

4. Абрамов В. Ю. Руководство по применению комплаенс-контроля в различных сферах хозяйственной деятельности: практ. пособие. М., 2020.

5. Internal Control — Integrated Framework (1992) // URL: <https://www.coso.org/Pages/guidance.aspx>

6. Poster of Internal Control — Integrated Framework Principles // URL: <https://www.coso.org/Documents/COSO-ICIF-11x17-Cube-Graphic.pdf>

7. What is compliance? // URL: <https://www.int-comp.org/careers/your-career-in-compliance/>

Bibliographic list

1. Information of the Ministry of Finance of the Russian Federation № ПЗ-11/2013 «Organization and implementation by an economic entity of internal control of the facts of economic life, accounting and preparation of accounting (financial) statements» // LRS «ConsultantPlus».

2. Kubatieva L. M. Accounting and analytical support and control in the risk-based management system of the organization // Bulletin of Economic Security. 2023. № 1. P. 231–234.

3. Development of methodological tools for internal control in various sectors of the Russian national economy: monograph. M., 2016.

4. Abramov V. Yu. Guidelines for the application of compliance control in various spheres of economic activity: practical. manual. M., 2020.

5. Internal Control — Integrated Framework (1992) // URL: <https://www.coso.org/Pages/guidance.aspx>

6. Poster of Internal Control — Integrated Framework Principles // URL: <https://www.coso.org/Documents/COSO-ICIF-11x17-Cube-Graphic.pdf>

7. What is compliance? // URL: <https://www.int-comp.org/careers/your-career-in-compliance/>

Информация об авторе

Л. М. Кубатиева — доцент кафедры «Налогов. Бухгалтерский учет» Владикавказского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

L. M. Kubatieva — Associate Professor of the Department of «Taxes. Accounting» of the Vladikavkaz Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 17.02.2025; одобрена после рецензирования 13.03.2025; принята к публикации 28.04.2025. The article was submitted 17.02.2025; approved after reviewing 13.03.2025; accepted for publication 28.04.2025.

Научная статья

УДК 159.9.07

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-226-231>

EDN: <https://elibrary.ru/ahuhqv>

НИОН: 2003-0059-3/25-324

MOSURED: 77/27-003-2025-03-523

Сравнительный анализ дистресса и профессиональной деформации у сотрудников МВД, работающих в разных подразделениях

Дарья Борисовна Белинская

Российский государственный социальный университет, Москва, Россия, docent.abrosimova@mail.ru,

ORCID: 0000-0001-7836-0629

Аннотация. В современном динамично развивающемся обществе, характеризующемся возрастанием социальной напряженности и усложнением профессиональных задач, особую актуальность приобретает изучение психоэмоционального состояния сотрудников правоохранительных органов, чья деятельность сопряжена с повышенными психофизиологическими нагрузками и постоянным воздействием стрессогенных факторов.

Изучается дистресс и профессиональная деформация у сотрудников МВД, работающих в разных подразделениях. Методология исследования основана на применении методики: «Шкала оценки уровня ситуативной и личностной тревожности Ч. Д. Спилберга, Ю. Л. Ханина» для измерения уровня тревожности и 16-факторный личностный опросник Р. Б. Кеттелла (16-PF-105-C) для исследования индивидуально-психологических особенностей. Статистическая обработка полученных данных осуществлялась с применением методов статистики и корреляционного анализа Пирсона.

В результате проведенного эмпирического исследования выявлено, что сотрудники экспертно-криминалистического центра и центра кинологической службы УВД по CAO ГУ МВД России по г. Москве демонстрируют статистически значимые различия в уровне тревожности, а также в ряде личностных характеристик.

На основании полученных результатов сделан вывод о наличии выраженных различий в психоэмоциональном состоянии сотрудников экспертно-криминалистического центра и центра кинологической службы УВД по CAO ГУ МВД России по г. Москве, что подтверждает гипотезу о влиянии специфики профессиональной деятельности на уровень стресса и тревожности сотрудников МВД.

Ключевые слова: дистресс, профессиональная деформация, сотрудники МВД, подразделения, сравнительный анализ, психологическое здоровье, рабочая среда

Для цитирования: Белинская Д. Б. Сравнительный анализ дистресса и профессиональной деформации у сотрудников МВД, работающих в разных подразделениях // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 3. С. 226–231. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-226-231>. EDN: АНУQHВ.

Original article

Comparative analysis of distress and professional deformation among employees of the Ministry of Internal Affairs working in different departments

Darya B. Belinskaya

Russian State Social University, Moscow, Russia, docent.abrosimova@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7836-0629

Abstract. In today's dynamically developing society, characterized by increasing social tension and increasing complexity of professional tasks, the study of the psycho-emotional state of law enforcement officers, whose activities are associated with increased psychophysiological stress and constant exposure to stressful factors, is of particular relevance.

The study examines the distress and professional deformity of employees of the Ministry of Internal Affairs working in different departments. The research methodology is based on the application of the methods: «The scale for assessing the level of situational and personal anxiety by C. D. Spielberg, Y. L. Khanin» to measure the level of anxiety and the 16-factor personality questionnaire by R. B. Kettell (16-PF-105-C) to study individual psychological characteristics. Statistical processing of the obtained data was carried out using the methods of statistics and Pearson correlation analysis.

As a result of an empirical study, it was revealed that employees of the forensic expert center and the center of the cynological service of the Department of Internal Affairs of the CAO GU of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Moscow demonstrate statistically significant differences in the level of anxiety, as well as in a number of personal characteristics.

Based on the results obtained, it is concluded that there are pronounced differences in the psycho-emotional state of the staff of the forensic expert center and the center of the cynological service of the Department of Internal Affairs of the CAO GU of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Moscow, which confirms the hypothesis about the influence of the specifics of professional activity on the level of stress and anxiety of employees of the Ministry of Internal Affairs.

Keywords: distress, occupational deformation, employees of the Ministry of Internal Affairs, divisions, comparative analysis, psychological health, working environment

© Белинская Д. Б. 2025

For citation: Belinskaya D. B. Comparative analysis of distress and professional deformation among employees of the Ministry of Internal Affairs working in different departments. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2025;(3):226–231. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-226-231>. EDN: ANUQHV.

Введение. В психологической науке все большее внимание уделяется изучению взаимосвязи между профессиональной деятельностью и личностными особенностями специалистов, работающих в условиях повышенного риска. В частности, актуальным является вопрос о профессиональных деструкциях, возникающих у сотрудников экстремальных профессий [2]. Особое значение в исследовании причин профессиональных деформаций имеет анализ специфики работы личного состава подразделений, деятельность которых связана с повышенным риском. Профессиональная деформация сотрудников, работающих в экстремальных условиях, является одной из проблем в психологии труда, инженерной психологии, юридической и военной психологии, а также в психологии деятельности в особых условиях [3].

С. М. Струганов, А. В. Зверева, А. Д. Гаврилова считают, что профессиональная деформация представляет собой процесс постепенного накопления негативных изменений в личностных качествах и свойствах индивида, обусловленный длительным выполнением им профессиональных обязанностей, что, в свою очередь, приводит к устойчивым деструктивным изменениям в его психологической структуре [4].

Исследования показывают, что сотрудники, особенно те, кто работает в подразделениях, связанных с повышенным риском и эмоциональным напряжением (например, уголовный розыск, патрульно-постовая служба), подвержены высокому уровню дистресса [1].

Развитие дистресса у сотрудников Министерства внутренних дел (МВД) обусловлено комплексом взаимосвязанных факторов. Во-первых, экстремальные условия работы, характеризующиеся частым столкновением с ситуациями, несущими угрозу жизни и здоровью, являются мощным стрессогенным фактором, вызывающим интенсивное эмоциональное напряжение, которое, при длительном воздействии, может привести к истощению адаптационных ресурсов организма и развитию хронического дистресса. Во-вторых, высокая степень ответственности, связанная с необходимостью принятия решений, от которых зависят жизни и судьбы граждан, создает постоянное чувство психологического давления, усиливающееся

в условиях дефицита времени и информации, что, в свою очередь, способствует формированию тревожности и эмоционального выгорания.

В-третьих, ненормированный рабочий график, включающий работу в ночное время, сверхурочную деятельность и непредсказуемость расписания, нарушает естественные биоритмы организма, что приводит к хроническому недостатку сна и отдыха, истощению энергетических ресурсов и снижению устойчивости к стрессовым воздействиям. В-четвертых, конфликтные ситуации, возникающие в результате частого взаимодействия с гражданами, проявляющимися агрессивное поведение, создают дополнительный источник эмоционального дискомфорта, который, при отсутствии эффективных стратегий совладания, может способствовать развитию раздражительности, цинизма и других негативных личностных изменений.

Таким образом, актуальность данного исследования обусловлена необходимостью определения особенностей профессиональной деформации у сотрудников МВД с учетом специфики их деятельности, а также разработкой механизмов ее профилактики и коррекции.

Материалы и методы. В соответствии с поставленной целью, исследование было структурировано в два последовательных этапа. На первом, организационном, этапе исследования основной задачей являлось формирование репрезентативной выборки респондентов, отвечающей критериям, заданным целью исследования. В качестве выборки исследования были определены сотрудники УВД по САО ГУ МВД России по г. Москве, а именно, специалисты экспертно-криминалистического центра и центра кинологической службы. Общее количество респондентов составило 200 человек, включая мужчин и женщин в возрастной категории от 25 до 45 лет. Для обеспечения комплексности и глубины анализа эмпирических данных, вся совокупность респондентов была подвергнута классификации по признаку стажа служебной деятельности. Данная процедура была реализована посредством стратификации выборки на пять групп, в каждой из которых сотрудники объединены на основании диапазона их рабочего стажа, от «до 1 года и до 10–15 лет». Такое раз-

Таблица 1

Распределение респондентов в зависимости от стажа служебной деятельности в УВД по САО ГУ МВД России по г. Москве

Группа	Экспертно-криминалистический центр		Центр кинологической службы	
	Стаж работы	Количество человек	Стаж работы	Количество человек
I	До 1 года	10	До 1 года	5
II	1–3 года	20	1–3 года	27
III	3–5 лет	29	3–5 лет	33
IV	5–10 лет	21	5–10 лет	18
V	10–15 лет	20	10–15 лет	17

деление помогло выявить и проанализировать динамику психоэмоциональных и личностных изменений сотрудников в зависимости от накопленного профессионального опыта.

Второй этап исследования носил психодиагностический характер и направлен на эмпирическое изучение психоэмоционального состояния и индивидуально-личностных характеристик сотрудников исследуемых подразделений, для этого была применена «Шкала оценки уровня ситуативной и личностной тревожности Ч. Д. Спилберга, Ю. Л. Ханина». Для всестороннего изучения индивидуально-психологических особенностей сотрудников, использован «16-факторный личностный опросник Р. Б. Кеттелла (16-PF-105-C)». Применение опросника Р. Б. Кеттелла помогло получить профили личностных особенностей сотрудников экспертно-криминалистического центра и центра кинологической службы.

На завершающем этапе исследования был проведен статистический анализ полученных эмпирических данных. Для выявления взаимосвязей между уровнем тревожности и личностными характеристиками сотрудников использован корреляционный анализ Пирсона. Корреляционный анализ проведен отдельно для сотрудников экспертно-криминалистического

центра и центра кинологической службы, а также в разрезе стажевых групп и гендерной принадлежности, что обеспечило возможность дифференцированного анализа и выявления специфических закономерностей для различных категорий сотрудников.

Результаты. В эмпирическом исследовании приняли участие 200 человек (мужчин и женщин) в возрасте от 25 до 45 лет, имеющие высшее юридическое образование и работающие в экспертно-криминалистическом центре и центре кинологической службы УВД по САО ГУ МВД России по г. Москве. С целью обеспечения комплексного анализа данных, полученных в ходе исследования, респонденты были классифицированы на пять групп в соответствии с их стажем служебной деятельности, что наглядно представлено в табл. 1.

В обоих центрах наибольшая группа сотрудников приходится на категорию III (3–5 лет), где в экспертно-криминалистическом центре работает 29 человек, а в центре кинологической службы — 33 человека. Определено, что большинство участников исследования имеют средний стаж работы в пределах 3–5 лет.

В табл. 2 результаты тревожности сотрудников УВД по САО ГУ МВД России по г. Москве, полу-

Таблица 2

Результаты тревожности сотрудников УВД по САО ГУ МВД России по г. Москве

Подразделение	Пол	Количество респондентов	Ситуативная тревожность, баллы	Уровень ситуативной тревожности	Личностная тревожность, баллы	Уровень личностной тревожности
Экспертно-криминалистический центр	Мужчины	40	45,06	Высокий	42,55	Повышенный
	Женщины	60	53,47	Высокий	38,47	Средний
Центр кинологической службы	Мужчины	90	27,18	Низкий	39,82	Средний
	Женщины	10	28,80	Низкий	39,55	Средний

ченные с помощью методики Ч. Д. Спилберга и Ю. Л. Ханина («Шкала оценки уровня ситуативной и личностной тревожности»).

Гендерные различия проявляются в уровне ситуативной тревожности. Однако в отношении личностной тревожности различия между мужчинами и женщинами в каждом из подразделений незначительны, что указывает на общий характер воздействия рабочих условий, независимо от пола.

Сравнивая результаты подразделений, определено, что экспертно-криминалистический центр характеризуется высокими показателями как ситуативной, так и личностной тревожности, что свидетельствует о значительной нагрузке на сотрудников и риске развития профессиональной деформации. Причинами является сложная работа, частые контакты с криминальными случаями и высокие требования к точности и скорости выполнения задач. Центр кинологической службы отличается существенно низким уровнем тревожности, что обусловлено предсказуемым характером работы, взаимодействием с животными, снижающим уровень стресса, и меньшей интенсивностью внешних требований.

Обсуждение. Анализируя данные, можно констатировать различие в уровне тревожности между сотрудниками экспертно-криминалистического центра и центра кинологической службы. Сотрудники экспертно-криминалистического центра демонстрируют существенно высокие показатели как ситуативной, так и личностной тревожности по сравнению с сотрудниками центра кинологической службы. Этот факт подтверждает гипотезу о том, что характер профессиональной деятельности оказывает значительное влияние на психоэмоциональное состояние сотрудников.

Исследование выявило гендерные различия, преимущественно в уровне ситуативной тревожности, и именно в экспертно-криминалистическом центре. Женщины экспертно-криминалистического центра испытывают высокую ситуативную тревожность, чем мужчины, а острые стрессовые реакции (ситуативная тревожность) могут проявляться по-разному.

Результаты 16-факторного опросника Р. Б. Кеттелла демонстрируют ряд гендерных и межведомственных различий в личностных характеристиках сотрудников. Женщины в обоих подразделениях общительны, что может способствовать лучшему взаимодействию в коллективе и адаптации. Высокие бал-

лы по фактору интеллекта у женщин указывают на их склонность к аналитической работе и когнитивным задачам, что особенно ценно в экспертно-криминалистической деятельности. Также, высокая эмоциональная стабильность у женщин является важным ресурсом в стрессовых профессиях, чтобы лучше справляться с эмоциональными нагрузками. Доминантность у женщин свидетельствует об их уверенности и инициативности, необходимой для принятия решений и руководства. Высокая нормативность поведения у мужчин, особенно в экспертно-криминалистическом центре, отражает важность строгого соблюдения правил и инструкций в их работе.

Однако, высокая чувствительность у женщин центра кинологической службы способствует лучшему взаимодействию и заботе о животных, но также повышает риск эмоционального выгорания. Высокий самоконтроль у женщин в обоих подразделениях подчеркивает их дисциплинированность и умение управлять эмоциями, что критически важно в правоохранительной деятельности.

Корреляционный анализ выявил сложную связь между уровнем тревожности и личностными характеристиками, зависящие от стажа работы и пола. Важно подчеркнуть, что положительная корреляция между тревожностью и такими качествами, как радикализм, подозрительность, самоконтроль и гибкость поведения, особенно у сотрудников с небольшим и средним стажем, отражают формирование адаптивных механизмов в ответ на профессиональный стресс. Положительная корреляция между напряжением и личностной тревожностью у сотрудников со стажем до одного года в обоих центрах закономерна.

Положительная корреляция между радикализмом, подозрительностью, самоконтролем, гибкостью поведения и личностной тревожностью у сотрудников со стажем 1–5 лет интерпретируем как проявление психологических защитных механизмов и адаптивных стратегий. В условиях повышенной тревожности сотрудники могут становиться радикальными в своих взглядах, проявлять большую осторожность и подозрительность (возможно, как профессиональную бдительность). Очень высокая положительная корреляция между напряжением и личностной тревожностью у женщин со стажем 1–3 года, выявленная в экспертно-криминалистическом центре, требует особого внимания.

ПСИХОЛОГИЯ ОБЩЕНИЯ И ПЕРЕГОВОРОВ

Учебное пособие
Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник»
Гриф НИИ образования и науки
Караяни А. Г., Цветков В. Л.

Психология общения и переговоров

А.Г. Караяни
В.Л. Цветков

Раскрыты теоретические основы психологии общения и переговорного процесса, а также психологически обоснованные пути и способы овладения сотрудниками правоохранительных органов умениями и навыками эффективного взаимодействия. Кроме того, представлены технологии и конкретные психотехники вербального и невербального общения в различных обстоятельствах, в том числе и ведения переговоров с преступниками, захвативших заложников. Предложены способы эффективного ведения переговоров, построения контактов с партнерами-манипуляторами, продуктивного разрешения конфликтных ситуаций. Показаны возможности социально-психологического тренинга (СПТ) в развитии коммуникативной компетентности специалиста-переговорщика.

Для курсантов, слушателей, студентов, преподавателей образовательных организаций, сотрудников органов внутренних дел, а также всех, кто интересуется данной проблематикой.

Отрицательная корреляция между нормативностью поведения и ситуативной тревожностью у сотрудников со стажем 5–10 лет в экспертно-криминалистическом центре и положительные корреляции у сотрудников центра кинологовической службы со стажем 10–15 лет являются интересными и потенциально тревожными. Снижение нормативности поведения в условиях стресса указывает на профессиональную деформацию и потенциальный риск девиантного поведения, особенно в стрессовых профессиях, связанных с правоохранительной деятельностью. В центре кинологовической службы, наоборот, положительная корреляция у сотрудников с большим стажем показала, что в условиях стресса они полагаются на установленные правила и нормы.

Для эффективной профилактики и коррекции дистресса и профессиональной деформации у сотрудников экспертно-криминалистического центра и центра кинологовической службы необходимо внедрить комплексную систему мер, направленную на снижение уровня стресса, повышение психологической устойчивости и оптимизацию рабочей среды.

Заключение. Проведенное исследование подтверждает общую гипотезу о влиянии профессиональной деятельности на психоэмоциональное состояние и личностные характеристики сотрудников МВД.

В заключение следует отметить, что эффективная профилактика и коррекция дистресса и профессиональной деформации требует комплексного и дифференцированного подхода, учитывающего специфику каждого подразделения и индивидуальные особенности сотрудников.

Список источников

1. Бодров В. А. Психология профессиональной пригодности: учеб. пособие. 2-е изд. М., 2006.
2. Кустов П. В., Силкин Н. Н. Деятельностные детерминанты профессиональной деформации личности сотрудника полиции // Наукосфера. 2021. № 6. С. 406–409.
3. Простяков В. В., Касьянова Е. А. Социально-психологические аспекты профессиональной деформации сотрудников ОВД // Юридическая психология. 2019. № 3. С. 13–16.
4. Струганов С. М., Зверева А. В., Гаврилова А. Д. Особенности формирования профессиональной деформации у сотрудников ОВД // Автономия личности. 2023. № 1 (29). С. 87–97.

References

1. Bodrov V. A. Psychology of professional aptitude: textbook. handbook. 2nd ed. M., 2006.
2. Kustov P. V., Silkin N. N. Activity determinants of professional deformation of the personality of a police officer // *Naukosfera*. 2021. № 6. P. 406–409.
3. Prostyakov V. V., Kasyanova E. A. Socio-psychological aspects of professional deformation of police officers // *Legal psychology*. 2019. № 3. P. 13–16.
4. Struganov S. M., Zvereva A. V., Gavrilova A. D. Features of the formation of professional deformation among police officers // *Personality autonomy*. 2023. № 1 (29). P. 87–97.

Библиографический список

1. Базарнов М. А., Хабарин О. М. Профессионально-нравственная деформация сотрудников органов внутренних дел, пути ее преодоления // *Вестник экономической безопасности*. 2016. № 2. С. 398–402.
2. Дайшутова А. М. Проблема профессиональной деформации сотрудников органов внутренних дел // *Психология и педагогика служебной деятельности*. 2024. № 3. С. 26–29.
3. Дроздова В. М. Негативные проявления профессиональной деформации сотрудников органов внутренних дел // *Молодой ученый*. 2024. № 3 (502). С. 356–359.
4. Зыков А. П. Меры предупреждения профессиональной деформации сотрудников охранно-конвойных подразделений полиции // *Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России*. 2022. № 1. С. 20–26.
5. Столяренко А. М. Психология и педагогика: учеб. пособие для вузов. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2004.
6. Хафизов Э. Д. Профессиональная деформация личности сотрудника органов внутренних дел и

пути ее преодоления: учеб. пособие. Уфа : Уфимский юридический институт МВД России, 2008.

7. Цветков В. Л., Балашова В. А., Агапов В. С., Хрусталева Т. А. Профессиональные факторы, влияющие на здоровье и эмоциональное состояние сотрудников полиции // *Вестник Московского университета МВД России*. 2022. № 6. С. 320–325.

Bibliographic list

1. Bazarnov M. A., Khabarin O. M. Professional and moral deformation of law enforcement officers, ways to overcome it // *Bulletin of Economic Security*. 2016. № 2. P. 398–402.
2. Daishutova A. M. The problem of professional deformation of employees of internal affairs bodies // *Psychology and pedagogy of official activity*. 2024. № 3. P. 26–29.
3. Drozdova V. M. Negative manifestations of professional deformation of employees of internal affairs bodies // *Young Scientist*. 2024. № 3 (502). P. 356–359.
4. Zykov A. P. Measures to prevent professional deformation of employees of security and escort police units // *Bulletin of the Tyumen Institute for Advanced Training of employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022. № 1. P. 20–26.
5. Stolyarenko A. M. Psychology and pedagogy: textbook manual for universities. M. : UNITY-DANA, 2004.
6. Hafizov E. D. Professional deformation of the personality of an employee of the internal affairs bodies and ways to overcome it: textbook. stipend. Ufa : Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2008.
7. Tsvetkov V. L., Balashova V. A., Agapov V. S., Khrustaleva T. A. Professional factors affecting the health and emotional state of police officers // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022. № 6. P. 320–325.

Информация об авторе

Д. Б. Белинская — доцент кафедры национальной безопасности, противодействия экстремизму и терроризму Российского государственного социального университета, кандидат биологических наук, доцент.

Information about the author

D. B. Belinskaya — Associate Professor of the Department of National Security, Countering Extremism and Terrorism of the Russian State Social University, Candidate of Biological Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 13.03.2025; одобрена после рецензирования 11.04.2025; принята к публикации 12.05.2025.

The article was submitted 13.03.2025; approved after reviewing 11.04.2025; accepted for publication 12.05.2025.

Научная статья

УДК 1/159.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-232-238>

EDN: <https://elibrary.ru/cuvvxk>

ИПОН: 2003-0059-3/25-325

MOSURED: 77/27-003-2025-03-524

Ассоциативная диагностика особенностей социальной ментальности сотрудников ОВД

Александр Владимирович Булгаков

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, av_bulgakow@mail.ru,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9438-832X>

Аннотация. Определяются взаимосвязи символов/знаков и ценностей-смыслов у групповых субъектов жизнедеятельности сотрудников ОВД. Сбор данных осуществлялся методом направленных ассоциаций. Проведены ассоциативные эксперименты в реальных группах: специалитета «Психология» ГУП — 42 человека; «Психология служебной деятельности» Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя — 22 человека, курсанты и 14 человек — слушатели иностранного факультета. Возраст студентов и слушателей 18–35 лет. Полоролевой состав групп — 2/3 девушки, 1/3 юноши. Изучение проводилось в аудитории. Процедура: дать три ассоциации (три знака) из 380 на 22 стимула-ценности.

Использование закона Парето показало, что распределение взаимосвязей символ/знак и ценностей адекватно нашло отражение в социальном менталитете экспериментальных выборок. Выбор курсантов: труд, взаимопомощь, предприимчивость, собственный путь, традиционная семья, жизнь. Выбор иностранных слушателей: труд, богатство, традиционная семья, жизнь, абсолютная свобода. Общим в структуре взаимосвязей символов/знаков и ценностей, являются три выраженных смысловых узла: труд, традиционная семья, жизнь. Остальные взаимосвязи имеют отличия. Причины — небольшие по количеству выборки, этнические особенности, слабое знание языка общения у иностранных слушателей.

Эмпирически обоснованы взаимосвязи смыслов/знаков и ценностей у российских курсантов и иностранных слушателей Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя; разработан диагностический инструмент. Полученные результаты могут быть использованы специалистами для разработки психокоррекционных и психопрофилактических программ, направленных на прогнозирование профессионального пути будущих молодых специалистов помогающих профессий.

Ключевые слова: символ, знак, ценности, групповой субъект жизнедеятельности, социальная ментальность

Для цитирования: Булгаков А. В. Ассоциативная диагностика особенностей социальной ментальности сотрудников ОВД // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 3. С. 232–238. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-232-238>. EDN: CUVVXK.

Original article

Associative diagnostics of the features of social mentality of the employees of the internal affairs bodies

Alexander V. Bulgakov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

av_bulgakow@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9438-832X>

Abstract. The interrelationships of symbols/signs and values-meanings among the group subjects of the life of the police officers are determined. Data collection was carried out by the method of directed associations. Associative experiments were conducted in real groups: 42 people from the Psychology specialty of the State Unitary Enterprise; 22 people from the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', cadets and 14 students from a foreign faculty. The age of students and trainees is 18–35 years old. The gender role of the groups is 2/3 girls, 1/3 boys. The study was conducted in the classroom. Procedure: give 3 associations (three signs) out of 380 for 22 value stimuli.

The use of Pareto's law has shown that the distribution of relationships of the symbol/The sign and values are adequately reflected in the social mentality of the experimental samples. The choice of cadets: work, mutual assistance, entrepreneurship, their own way, traditional family, life. The choice of foreign students: work, wealth, traditional family, life, absolute freedom. Three distinct semantic nodes are common in the structure of the interrelationships of symbols/signs and values: work, traditional family, and life. The rest of the relationships have differences. The reasons are small samples, ethnic characteristics, and poor knowledge of the language of communication among foreign listeners.

The interrelationships of meanings/signs and values among Russian cadets and foreign students of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' have been empirically substantiated; a diagnostic tool has been developed. The results obtained can be used by specialists to develop psychocorrective and psychoprophylactic programs aimed at predicting the professional path of future young specialists in helping professions.

© Булгаков А. В., 2025

Keywords: symbol, sign, values, group subject of life, social mentality

For citation: Bulgakov A. V. Associative diagnostics of the features of social mentality of the employees of the internal affairs bodies. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(3):232–238. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-232-238>. EDN: CUVVXK.

Групповая субъектность жизнедеятельности групп [2] и организаций традиционно привлекает исследователей своей интуитивно ощущаемой, но сложно измеряемой практичностью результатов. Выявленная пестрая мозаика знаний выстраивается в различные конструкты, например, в социальную ментальность. Интерес к проблеме социальной ментальности в отечественной психологии не снижается [4]. Среди факторов, способствующих повышению актуальности ее изучения, выделяются, во-первых, быстрое изменение современного мира. В условиях цифровизации и глобализации общества выработанные предшествующими поколениями образцы поведения и деятельности утрачивают свою значимость. Поэтому внимание ученых все чаще обращается к проблеме трансформаций менталитета в быстро изменяющемся современном мире. Во-вторых, необходимость бесконфликтного взаимодействия в социуме. Понимание и учет многообразных ментальных особенностей индивидов, социальных групп и целых народов являются условием их бесконфликтного взаимодействия. В-третьих, неопределенность понятия «ментальность» требует его каждый раз заново переопределять, что также стимулирует интерес к изучению этого феномена. В-четвертых, социальная ментальность связана с символами/знаками, которые можно считать ее элементами, отражающими особенности мышления и восприятия мира, присущими конкретной человеческой общности (этносу, профессиональному сообществу и др.) [3].

Проблема ментальности подробно освещалась в работах ученых ИП РАН [4; 12]. Так А. В. Юревич определяет элементы ментальности: язык, коллективная память, социальные представления, коллективные чувства, эмоции и настроения, коллективные нормы, ценности и отношения, ментальные репрезентации культуры, стиль мышления и социального восприятия, национальный характер и темперамент, поведенческие образцы, национальная идентичность [12].

К понятийному полю глубинных смысловых процессов группового субъекта [2] относятся символы и знаки. Символы отражают важнейшие установки и представления той или иной культуры. Они

придают форму стремлениям и желаниям, подталкивают к действиям и новым начинаниям, моделируют поведение, лежат в основе успехов и неудач. Знаки выполняют инструментально-объективирующую функцию, облегчая социально-деятельностное взаимодействие. Они указывают на определенные стороны вещи, извлекая их из всего целого смыслов или значений. В науке знаки, когнитивные и экзистенциальные символы понимаются неоднородно, неодинаково, вариативно. «Такое понимание определяется многоуровневостью действительности мира человека, состоящей, по меньшей мере, из трех указанных реальностей.

Сегодня ученые все больше внимания уделяют неявным, скрытым, неочевидным и даже тайным сторонам мира человека» [5]. «Когда сокровенное значение символа становится в один прекрасный день известным и доступным всем, он частично умирает» [11]. К. Г. Юнг пишет: «Пока символ сохраняет жизненность, он является выражением предмета, который иначе не может быть обозначен. Символ сохраняет жизненность только до тех пор, пока он чреват значением... Символ теряет свою, так сказать, магическую или, если угодно, освобождающую силу, как только осознается его разложимость. Поэтому действительный символ должен обладать свойством неприкосновенности. Он должен быть наилучшим из всех возможных выражений для данного мирозерцания, который по смыслу безусловно не может быть превзойден; кроме того, он должен быть столь далек от постижения, чтобы критический интеллект не имел никаких путей к его действительному разложению; и, наконец, его эстетическая форма должна столь убедительно действовать на чувство, чтобы против него не поднимались и аргументы чувства» [11].

Цель исследования: определить взаимосвязи символов/знаков и ценностей-смыслов у групповых субъектов жизнедеятельности (сотрудников ОВД). Задачами эмпирического исследования стали: во-первых, разработка и апробация методики «Ассоциативная взаимосвязь символов/знаков и ценностей субъектов жизнедеятельности», включающей символа-знаковый графический формат стимульного материала; во-вторых, изучение характеристик социальной менталь-

ности групповых субъектов: общее/особенное в структуре взаимосвязей символов/знаков и ценностей-смыслов курсантов и иностранных слушателей в ведомственном вузе (на примере Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя).

Была сформулирована гипотеза исследования: социальная ментальность группового субъекта может быть изучена в ходе ассоциативного эксперимента по выявлению взаимосвязей между символами/знаками и ценностями, часть из которых остается устойчивой, меняя свою структуру.

Социальная ментальность транзитивна и проявляется в разных аспектах взаимодействий, отношений и процессов. Она может описывать динамику отношений между людьми; передачу эмоций от одного человека к другому через непосредственное воздействие; передачу навыков и знаний от одного человека или группы к другому; формировать стереотипы, которые транзитивно могут распространяться на группы или индивидов, связанных с теми, кто изначально их инициировал. Здесь целесообразно используется ценностно-смысловой подход. Подход определяет то, что «для эффективного командного взаимодействия необходимо общее представление участников о своей деятельности; высокое качество коммуникации, непосредственный диалог между членами команды; сплоченность команды, как важное условие поддержки совместного лидерства» [9]. Основаниями ценностно-смыслового подхода к исследованию командного взаимодействия являются положения психологии смысла и теории совместной мыслительной деятельности: «единство смыслообразующего контекста, переход от индивидуальной к совместной деятельности, формирование общего смыслового фонда, процессы смыслопередачи и смыслопостижения» [10]. Алгоритм перехода: индивидуальная — псевдосовместная — совместная деятельность. Поддержка этого процесса в команде является критически необходимым условием ее существования. Ценностно-смысловой подход дает возможности исследовать в его рамках глубинные смысловые процессы, происходящие в команде.

«Социальная ментальность (СМ) — это социально-психологический стержень духовной жизни народа, культурный инвариант, обогащаемый в процессе накопления и трансляции культуры. Она выступает в качестве дискурсивно-поведенческого показателя

системы архетипно-спонтанных состояний социума» [9]. СМ специфична: имеет установочный (по Д. Н. Узнадзе); устойчивый и консервативный; вербально-актуализированный характер проявления. Она ситуативна, неидеологична, культурно локализована, цивилизованно детерминирована, универсальна, имеет массовидный характер, спонтанна; выступает в качестве символа социальной идентичности.

Ментальное пространство как индивидуального, так и группового субъекта жизнедеятельности, «как совокупность значений, образов, символов общественного сознания (...) присваивается конкретным субъектом и, преломляясь через его систему ценностей, (...) приобретает тот или иной личностный смысл, задающий отношение субъекта к этой реальности» [8], окрашиваемое актуальными переживаниями.

Сегодня существуют инструменты диагностики, использующие изучение взаимосвязи символов и ценностей, Так И. Н. Носс и Т. И. Бородина разработали Метод исследования личностных смыслов (МИЛС) [6], который представляет реализацию идеи трехмерного измерения. Изучение смыслов-ценностей осуществлено преемственно-последовательно на содержательно-смысловом, эмоционально-смысловом и ассоциативно-смысловом уровнях анализа. Каждый уровень измеряется при помощи соответствующей шкалы МИЛС. Авторами определены надежность, содержательная и конструктивная валидность метода. Выявлена критериальная валидность через определение: 1) нормального распределения данных, подтверждающего дифференцирующую силу метода; 2) статистически значимые логически обоснованные корреляции с соответствующими показателями шкал; 3) дифференциации ценностей полярных групп эффективных и неэффективных в рамках учебного процесса. Такой подход способен работать в качестве психологического инструмента выявления смыслового пространства респондентов. «Сопоставление семантических пространств в менталитете респондентов показывает их выраженную динамику при сохранении ряда статичных ценностных пунктов: «отношения без обязательств», «идти своим путем и не быть должным никому», «абсолютная свобода», «нравственность», «взаимопомощь» и «преемственность поколений» [7].

Обращение к взаимосвязи знаков/символов и ценностей позволяет уйти от вербальных к невер-

бальным методам сбора психологической информации, наравне с цветовыми, звуковыми и др. Что через символическое позволяет войти в слабоизученное пространство между осознаваемым и бессознательным, в символическую природу культуры группового субъекта [1]. «Культурный континуум, в котором происходит процесс жизнедеятельности современного человека, состоит из наиболее устойчивых элементов символов ..., которые маркируют и отражают основные актуальные процессы в социуме» [7]. Все это доказывает, что «единство основного набора доминирующих символов, и длительность их культурной жизни в значительной мере определяют на-

циональные и ареальные границы культур» [6]. «... Существует, кроме того, ряд символов ..., которые по своей сущности и происхождению являются не индивидуальными, а коллективными... В действительности они есть ... коллективные представления...» [11, с. 49], являющихся результатом огромного множества вариаций основных архетипических образов.

Сбор данных осуществлялся методом направленных ассоциаций. Для решения задач исследования были проведены ассоциативные эксперименты в четырех реальных группах, состоящих из обучающихся по программам специалитета «Психология служебной деятельности» Московского университета МВД

Таблица 1

Выбор знаков и символов (номер знака/доля выбора), курсанты и иностранные слушатели Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Смыслы-ценности	Курсанты		Иностранные слушатели	
	Цифровое обозначение знака-символа	n ₁ = 22 человека	Цифровое обозначение знака-символа	n ₁ = 14 человек
Труд	24	0,38	24	0,48
Своя нация, народ	6	0,11	215	0,22
Достоинство	21	0,15	26	0,19
Собственный путь	41	0,19	8	0,11
Права	94	0,15	31	0,12
Абсолютная свобода	113	0,14	113	0,27
Служение Отечеству	41	0,14	59	0,22
Личные интересы	32	0,14	1	0,23
Нравственность	178	0,17	220	0,19
Забота о себе	16	0,13	14	0,11
Взаимопомощь	6	0,2	7	0,24
Богатство	32	0,12	32	0,39
Традиционная семья	123	0,19	123	0,44
Предприимчивость	113	0,2	27	0,22
Справедливость	123	0,14	261	0,16
Свободные отношения	161	0,12	364	0,11
Уважение к старшим	32	0,11	63	0,18
Власть	18	0,11	17	0,25
Единство народов	6	0,11	30	0,18
Я-гражданин мира	41	0,12	10	0,19
Жизнь	24	0,19	2	0,28
Праздность	24	0,15	149	0,11

России имени В.Я. Кикотя — 22 человека, курсанты и 14 человек слушатели иностранного факультета. Возраст курсантов и слушателей 18–35 лет. Полоролевой состав групп — 1/4 девушки, 3/4 юноши. Изучение проводилось в аудитории. Задача респондентов: дать три ассоциации (три знака) из 380 на 22 стимула-ценности [6]. Знаки предъявлялись на экране проектора графически по 10 сек. на каждый, ценности — в бланке: против каждой ценности опрашиваемый ставил цифру знака. В результате была выявлена частота этих ассоциаций и сформирован рейтинг взаимосвязей, дальнейшая обработка включала качественный и количественный анализ.

Задача пилотажного исследования достигалась на материале сравнения общего/особенного в структуре взаимосвязей символов/знаков и ценностей-смыслов курсантов и иностранных слушателей, обучающихся в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя (табл. 1).

Анализ полученных данных с использованием закона Парето (рис. 1 и 2) показал, что распределение взаимосвязей символ/знак и ценностей адекватно нашло отражение в менталитете экспериментальных выборок. Выбор курсантов: труд, взаимопомощь, предприимчивость, собственный путь, традиционная семья, жизнь. Выбор слушателей: труд, богатство, традиционная семья, жизнь, абсолютная свобода.

Общим в структуре взаимосвязей символов/знаков и ценностей, являются три выраженных смысловых узла: труд, традиционная семья, жизнь. Остальные взаимосвязи имеют отличия. Причины — небольшие по количеству выборки, этнические особенности, слабое знание языка общения у иностранных слушателей.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в установлении эмпирически обоснованных взаимосвязей смыслов/знаков и ценностей у сотрудников ОВД (курсантов и слушателей).

Полученные результаты могут быть использованы специалистами для разработки психокоррекционных и психопрофилактических программ, направленных на прогнозирование профессионального пути будущих молодых специалистов помогающих профессий (психологи и преподаватели).

Применение ассоциативного эксперимента (метода направленных ассоциаций) воссоздает взаимосвязи символов/знаков и ценностей, помогает определить некоторые компоненты менталитета респондентов, позволяет уйти от вербальных методов диагностики, создает возможности для создания экспрессдиагностики ценностно-смыслового поля личности и группы.

Разработанная методика может использоваться для подбора состава рабочих групп для выполнения

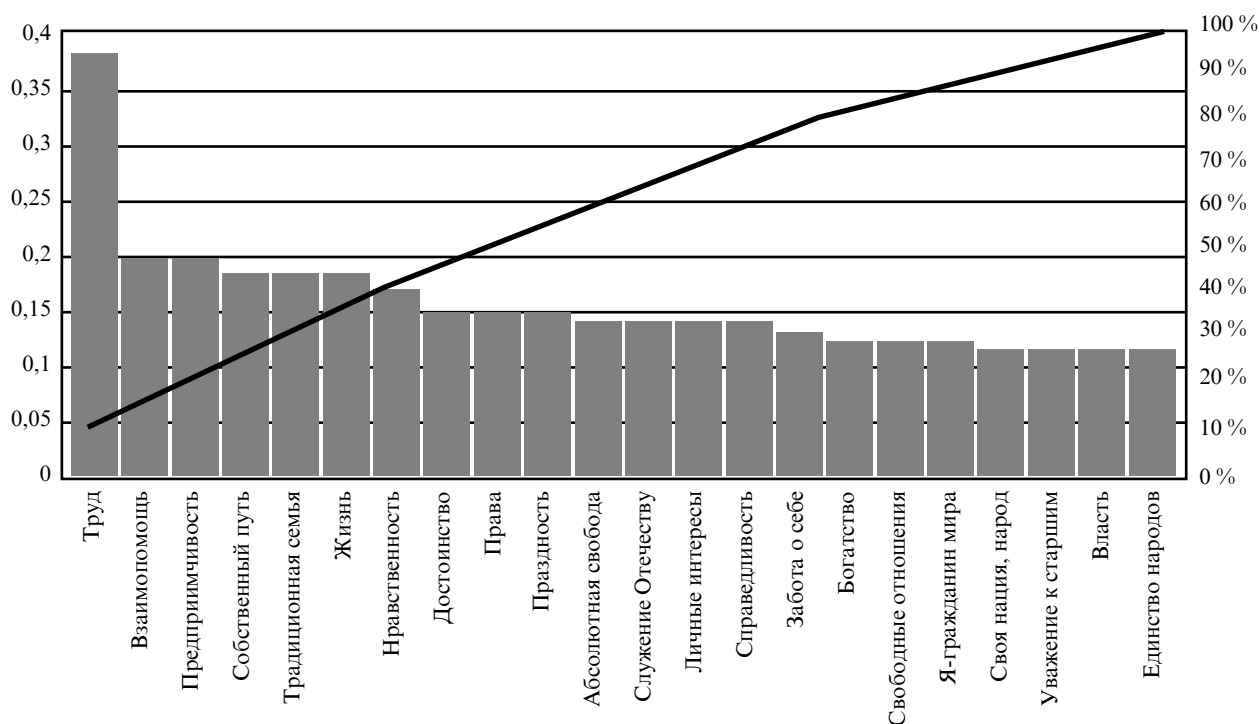

Рис. 1. Распределение взаимосвязей символ/знак и ценностей по закону Парето, на выборке курсантов Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, $n = 22$ человека

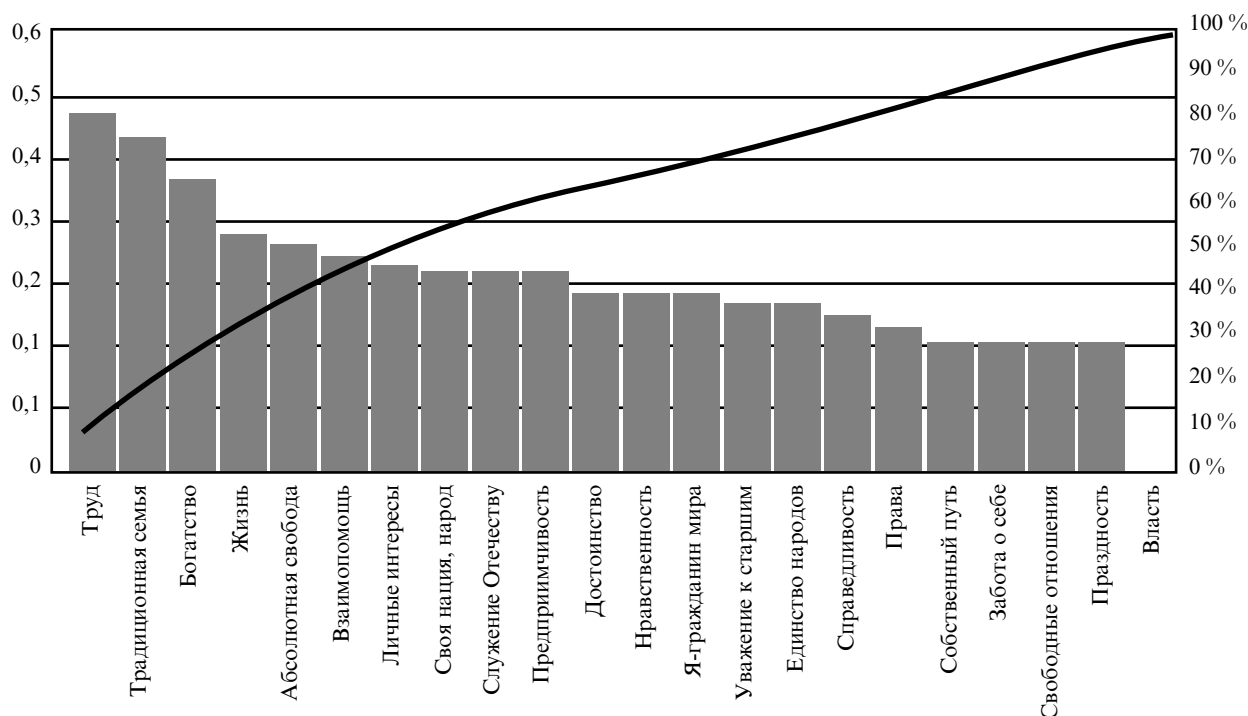

Рис. 2. Распределение взаимосвязей символ/знак и ценностей по закону Парето на выборке иностранных слушателей Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, $n = 14$ человек

разнообразного спектра профессиональной деятельности в правовой и образовательной сферах.

Список источников

1. Бурунин О. А. Ментальность и символическая природа культуры // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2019. № 1.
2. Горбенко А. Ю., Демкина Е. В. Генезис и сущность понятий «Ментальность», «Социальная ментальность» // Вестник Адыгейского государственного университета. 2015. № 4 (169).
3. Демидова И. А. Менталитет и ментальность как интегративные научные категории: осмысление в контексте познания правовой культуры общества // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 1 (81).
4. Журавлев А. Л., Ушаков Д. В., Юревич А. В. Менталитет, общество и психосоциальный человек (ответ участникам дискуссии) // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 1. С. 107–112.
5. Знаков В. В. Знаки и символы в понимании субъектом мира // Южно-российский журнал социальных наук. 2020. № 2.
6. Носс И. Н., Бородин Т. И. Экспериментальная апробация методики исследования личностных смыслов // Человеческий капитал. 2023. № 11 (179). С. 156–167.

7. Привалова В. М. Знаково-символическая прагматика как основа ритуалов культуры // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2017. № 6.
8. Проненко Е. А., Буняева М. В. Особенности смысловых процессов и явлений в командном взаимодействии // Российский психологический журнал. 2019. Т. 16. № 1. С. 32–51.
9. Хлыстова А. Г. Социальная ментальность: Сущность, природа, детерминированность: дисс. ... канд. философ. наук. Ставрополь, 2005.
10. Хмиляр О. Ф. Символ как психологический код регулирующий общение личности // Актуальные вопросы современной науки. 2014. № 35.
11. Юнг К. Г. Психологические типы. М. : Академический проект, 2023.
12. Юревич А. В. Факторы формирования и эволюции национальных менталитетов // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 3 (3). С. 83–110.

References

1. Burunin O. A. Mentality and symbolic nature of culture // Bulletin of the Maikop State Technological University. 2019. № 1.

2. Gorbenko A. Yu., Demkina E. V. The genesis and essence of the concepts of «Mentality», «Social mentality» // *Bulletin of the Adygea State University*. 2015. № 4 (169).

3. Demidova I. A. Mentality and mentality as integrative scientific categories: comprehension in the context of knowledge of the legal culture of society // *Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019. № 1 (81).

4. Zhuravlev A. L., Ushakov D. V., Yurevich A. V. Mentality, society and the psychosocial person (response to the participants of the discussion) // *Psychological Journal*. 2017. Vol. 38. № 1. P. 107–112.

5. Signs V. V. Signs and symbols in the understanding of the subject of the world // *South Russian Journal of Social Sciences*. 2020. № 2.

6. Noss I. N., Borodina T. I. Experimental approbation of the methodology of personal meanings research // *Human capital*. 2023. № 11 (179). P. 156–167.

7. Privalova V. M. Sign-symbolic pragmatics as the basis of cultural rituals // *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Social, humanitarian, medical and biological sciences*. 2017. № 6.

8. Pronenko E. A., Bunyaeva M. V. Features of semantic processes and phenomena in team interaction // *Russian Psychological Journal*. 2019. Vol. 16. № 1. P. 32–51.

9. Khlystova A. G. Social mentality: Essence, nature, determinism: diss. ... cand. of philosophical Sciences. Stavropol, 2005.

10. Khmilyar O. F. Symbol as a psychological code regulating personality communication // *Actual issues of modern science*. 2014. № 35.

11. Jung K. G. *Psychological types*. M. : Academic Project, 2023.

12. Yurevich A. V. Factors of formation and evolution of national mentalities // *Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology*. 2016. Vol. 1. № 3 (3). P. 83–110.

Библиографический список

1. Гайдар К. М. Социальная психология жизнедеятельности группового субъекта (на материале исследования молодежных учебных групп): дисс. ... д-р психол. наук. Курск, 2013.

2. Лотман Ю. М. Символ в системе культуры. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн, 1992.

3. Сикирич Е. Язык символов — язык вечности // URL: http://www.newacropolis.ru/magazines/1_1998/Yazik_simvolov/

4. URL: <http://www.Delets.com>

Bibliographic list

1. Gaidar K. M. Social psychology of group subject's life activity (on the material of research of youth study groups): diss. ... doctor of psychol. sciences. Kursk, 2013.

2. Lotman Yu. M. Symbol in the system of culture. Selected articles. Vol. 1. Tallinn, 1992.

3. Sikirich E. The language of symbols — the language of eternity // URL: http://www.newacropolis.ru/magazines/1_1998/Yazik_simvolov/

4. URL: <http://www.Delets.com>

Информация об авторе

А. В. Булгаков — профессор кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор психологических наук, профессор.

Information about the author

A. V. Bulgakov — Professor of the Department of Legal Psychology of the Educational and Scientific Complex of Psychology of Service Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Doctor of Psychological Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 17.02.2025; одобрена после рецензирования 13.03.2025; принята к публикации 28.04.2025.

The article was submitted 17.02.2025; approved after reviewing 13.03.2025; accepted for publication 28.04.2025.

Научная статья

УДК 1/159.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-239-243>

EDN: <https://elibrary.ru/dplsyt>

ИПОН: 2003-0059-3/25-326

MOSURED: 77/27-003-2025-03-525

Проблема изучения психологических условий формирования субъекта профессиональной деятельности

Олег Геннадиевич Кравцов

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, kravtsovog@gmail.com

Аннотация. Приводятся результаты поискового пилотажного исследования, направленного на изучение сформированности профессиональной рефлексии. По мнению автора, развитие профессиональной рефлексии является психологическим условием и показателем сформированности субъекта профессиональной деятельности. Для решения исследовательской задачи была использована классическая рисуночная методика С. Розенцвейга. Но кроме традиционной, респондентам была предложена инструкция, модифицированная под задачи исследования. Результаты исследования позволяют говорить о возможном направлении исследования на пути изучения условий формирования субъекта профессиональной деятельности.

Ключевые слова: субъект профессиональной деятельности, профессиональная рефлексия, реакция на фрустрацию, коммуникативные навыки, профессиональное сознание, профессиональная подготовка, морально-психологическая подготовка

Для цитирования: Кравцов О. Г. Проблема изучения психологических условий формирования субъекта профессиональной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 3. С. 239–243. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-239-243>. EDN: DPLSYD.

Original article

The problem of studying psychological conditions of formation of the subject of professional activity

Oleg G. Kravtsov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, kravtsovog@gmail.com

Abstract. The results of an exploratory pilot study aimed at studying the formation of professional reflexion are presented. In the author's opinion, the development of professional reflexion is a psychological condition and an indicator of the formation of the subject of professional activity. To solve the research problem, the classical drawing method of S. Rosenzweig was used. But besides the traditional one, the respondents were offered an instruction modified for the research tasks. The results of the study allow us to talk about a possible direction of research towards the study of the conditions of formation of the subject of professional activity.

Keywords: subject of professional activity, professional reflection, reaction to frustration, communication skills, professional consciousness, professional training, moral and psychological training

For citation: Kravtsov O. G. The problem of studying psychological conditions of formation of the subject of professional activity. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(3):239–243. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-239-243>. EDN: DPLSYD.

Один из важнейших вопросов, стоящих перед современным профессиональным образованием, связан с проблемой формирования субъекта профессиональной деятельности. Большинство современных ученых, изучающих этот вопрос подчеркивают, что освоение профессии не связано с просто с приобретением профессиональных знаний умений и навыков. Не сумма навыков отличает профессионала от непрофессионала [5]. Именно внутренняя позиция, пользуясь терминологией культурно-исторического подхо-

да, системное и смысловое строение сознания отличает профессионала от человека с навыками. Проблема заключается в том, что субъект профессиональной деятельности трудно подвергнуть прямому эмпирическому изучению. Если знания умения и навыки можно относительно легко измерить качественно и количественно их сравнить у разных респондентов, то уровень развития субъекта — задача в исследовательском плане значительно более трудная. Отсюда вытекают сопутствующие методологические

© Кравцов О. Г., 2025

и организационные трудности: на чем сфокусировать образовательные усилия и как оценить результаты профессионального обучения? [3].

Очевидно, что субъект профессиональной деятельности — явление сложное и комплексное, не односоставное. Изучать его напрямую вряд ли получится. Однако выделить некоторые особенности, которые бы свидетельствовали о его развитии, можно. Так, на наш взгляд, одним из важнейших признаков и условий развития субъекта профессиональной деятельности является профессиональная рефлексия. Есть ряд исследований убедительно показывающих, что именно способность занимать ситуативную, рефлексивную позицию определяет профессионала [9].

Нами было проведено небольшое поисковое и пилотажное эмпирическое исследование, которое позволяет делать не строгие научные выводы относительно обозначенной проблемы. В профессиональной служебной деятельности сотрудники полиции часто сталкиваются с фрустрирующими обстоятельствами. Само по себе понятие фрустрации его авторами Н. Миллером, Д. Доллардом задумывалось как основание для проявления агрессии; т. е. фрустрация сама по себе должна провоцировать агрессию [4, с. 125–135]. Но если речь заходит о профессиональной деятельности это, по меньшей мере, недопустимо, а при определенных обстоятельствах, даже наказуемо. Таким образом, сотрудникам полиции важно уметь использовать специальные психологические средства и качества, чтобы справляться с профессиональной фрустрацией [8]. Мы предположили, что эти качества будут напрямую связаны с коммуникативными навыками. Гипотезой исследования было обнаружение прямой положительной связи между коммуникативной компетентностью и конструктивной реакцией на фрустрацию у респондентов.

В исследовании принимало участие две группы респондентов. Это были курсанты 3-го курса общей численностью 25 и 27 человек. Группы небольшие и для статистических значимых выводов недостаточные. Но цели исследования были больше направлены на определения возможностей изучения поставленной проблемы и обнаружения содержательных закономерностей. Первой группе предлагалось заполнить методики С. Розенцвейга и Л. Михельсона.

1. Экспериментально-психологическая методика изучения фрустрационных реакций С. Розенцвейга (в адаптации НИИ им В. М. Бехтерева) [7, с. 386–406].

2. Тест коммуникативных умений Л. Михельсона (перевод и адаптация Ю. З. Гильбуха).

Второй группе предлагалась, вместо классического Розенцвейга, методика Н. Г. Хитровой с деловыми ситуациями. Одной из дополнительных гипотез исследования было наличие различий между реакцией фрустрации на деловые и на бытовые фрустрирующие ситуации.

1. Рисуночный тест «Деловые ситуации» Н. Г. Хитровой [7, с. 594–615].

2. Тест коммуникативных умений Л. Михельсона (перевод и адаптация Ю. З. Гильбуха).

Результаты исследования оказались во многом предсказуемыми. В целом общая гипотеза подтвердилась. Хотя обнаруженная корреляционная связь была на грани значимости и показывала, скорее, тенденцию.

На этих же группах респондентов была проведена вторая часть исследования. В рамках этой части респондентам нужно было ответить на те же стимульные материалы, что и в классической методике, но предлагалось изменить саму позицию и точку анализа. Задумка: в базовой инструкции респонденту предлагается придумать ответ на фрустрирующую ситуацию, заданную во многом одним из участников коммуникативной ситуации. Нами было предложено, после того как респонденты, выполнили это задание, ответить на два вопроса:

1) в чем конфликт или противоречие в ситуации (в чем проблема)?

2) как можно исправить ситуацию с позиции говорящего фразу (а не того, кто на нее отвечает в классической инструкции)?

Таким образом, мы попросили респондентов отвечать на ситуации не с позиции того, кто фрустрирован, а с позиции того, кто эту фрустрирующую ситуацию задает своими действиями или своим комментарием.

Подводя итог первой части исследования, результат получился в целом ожидаемый. Большая часть респондентов показала конструктивную реакцию на фрустрацию. Так, количество импунитивных реакций составило более 70 % от всех ответов, тогда как экстрапунитивных (обвинительных) немногим более 17 % и интропунитивных (само обвинительных) 13 % примерно. При этом такой же большой процент ответивших выбирают скорее потребностно-настойчивые реакции, направленные на решение проблемы, а не препятственно-доминантные. Чуть

большой процент реакций самозащитных по характеру. Но в целом это также укладывается в нормы по данной методике. Другими словами, обе группы курсантов показали конструктивную реакцию на фрустрацию по типу *i/e*.

Как и предполагалось, эти результаты соотносятся с данными по замеру коммуникативных умений. Данный тест предполагает, что в определенных коммуникативных ситуациях есть правильный и не правильный не эффективный способ реагирования. По методике подсчитывается для каждого респондента количество верно выбранных ответов. Изначально методика рассчитана на подростковый возраст, но может быть с некоторыми оговорками использована для более старших возрастов, как в нашем случае. Корреляционный анализ не показывает статистически значимой связи, как было заявлено в гипотезе исследования. Но коэффициент корреляции 0,435 может быть интерпретирован на такой небольшой выборке как тенденция. Иными словами, гипотеза подтверждается частично. Так, курсанты, у которых наибольшее число баллов по коммуникативным умениям, как правило наиболее конструктивно справляются с коммуникативными ситуациями фрустрации [1, с. 55].

Далее нами была осуществлена вторая часть исследования, направленная как раз на изучение профессиональной рефлексии и, следовательно, уровня сформированности субъекта профессиональной деятельности у наших групп респондентов. Для этого им было предложено, после перерыва, пройти повторно рисуночные методики, но с видоизмененной инструкцией. Поскольку инструкция нами была изменена в целях исследования, результаты являются дискуссионными. Но сам по себе подход к поставленной проблеме, на наш взгляд, может быть эффективным при дальнейшем исследовании этих свойств.

Сам сотрудник полиции зачастую выступает в качестве фрустрирующего фактора для граждан, с которыми взаимодействует. Поводы вступления в профессиональное общение сами по себе часто предполагают конфликт. Психологическая проблема заключается в том, что зачастую, как показывает наш опыт изучения этого вопроса, сотрудники полиции не снижают уровень коммуникативной напряженности, а наоборот повышают. Причем это напрямую связано именно с манерой и стилем выстраивания коммуникации с гражданином [2].

Предложенное нами задание направлено на определение уровня рефлексии и оценки того, насколько респонденты верно анализируют ситуации фрустрации и видят возможности по ее преодолению. В первой части исследования респонденты из обеих групп выступали в качестве того, кто фрустрирован. Вторая же часть исследования на том же материале предлагает оценить ситуации с позиции того, кто выступает фрустратором.

Ответы респондентов оценивались по двум параметрам. Первый — насколько они верно отразили в ответе суть противоречия и фрустрации для того, кто фрустрируется (отвечающего). Второй — насколько эффективен предложенный респондентами способ снижения уровня фрустрации в заданной коммуникативной ситуации. За каждый верный ответ респонденту засчитывался один условный балл. Оценка верности проводилась экспертным путем, учитывая изначальную задумку методик и логику психологической работы с фрустрацией.

По результатам проведенного исследования со вторым заданием респондентам было справляться ощутимо сложнее. Прежде всего, наша дополнительная гипотеза не подтвердилась. Значимых статистических различий по результатам выполнения методики С. Розенцвейга и Н. Г. Хитровой обнаружено не было. Мы предполагали, что бытовые ситуации будут вызывать у респондентов меньше фрустрации, чем ситуации профессиональные и деловые. Мы исходили из того, что именно деловые затруднения представляются респондентам более релевантными и актуальными, учитывая активное освоение профессии. Общебытовые же затруднения, как мы думали, вызовут более житейское отношение. Однако, результаты исследования говорят, что никакой разницы в реакции на разный материал методик нет.

Что касается результатов второго замера и первого, наши респонденты также вполне достойно справились. Многие показали достаточно высокий результат как с точки зрения верного распознавания фактора фрустрации, так и способов снятия напряженности. Что в целом свидетельствует о достаточно хорошем уровне развития рефлексии у респондентов обеих групп.

Однако, количество верных ответов при анализе фрустрирующих ситуаций и, тем более, количество эффективных приемов по снятию напряжения ощутимо ниже, чем количество конструктивных реакций

на фрустрацию в первой части исследования у обеих групп. Эту оценку не так просто выразить в статистических критериях, но при простом механическом сравнении среднего квадратного отклонения при приведенных к одиночному рангу количества ответов получается, что с первой частью задания успешно справляется около 75 % респондентов, а со второй частью задания уже не более 56 %. Иными словами, на задание на профессиональную рефлексию и учет психологических параметров, когда сам сотрудник полиции выступает в роли фрустратора, эффективно отвечает только половина респондентов.

При этом корреляционный анализ с коммуникативными умениями показывает также любопытную закономерность. Так, те респонденты, у которых проявились высокие коммуникативные способности, довольно хорошо справляется с первой инструкцией, о чем мы писали выше, и показывают невнятную взаимосвязь в случае со второй инструкцией (коэффициент корреляции равен 0,321). Однако обратная взаимосвязь оказывается куда более выраженной; т. е. респонденты с очевидно низкими коммуникативными навыками (в выборке таких было немного), показывают устойчивую положительную связь с низкими результатами по второй инструкции (коэффициент корреляции равен 0,542). Иными словами, низкие коммуникативные навыки точно статистически значимым образом связаны с низким уровнем профессиональной рефлексии.

Учитывая новизну инструкции и отсутствие нормирования для данного варианта выборки, трудно оценить, насколько такой результат является закономерным или действительно отражает реальную картину профессиональной подготовки. Но получившаяся картина результатов позволяет нам выдвигать дальнейшие гипотезы в отношении наличия значимых различий между выборками с высоким уровнем развития субъекта профессиональной деятельности и слабым уровнем развития. Для того, чтобы можно было делать научно обоснованные выводы необходимо проведение полноценного исследования с привлечением большего количества респондентов, наличие объективизированной контрольной группы и, вероятно, дополнительных психодиагностических методик. Но уже этот результат позволяет говорить о потенциальном нащупывании этой закономерности.

Целенаправленное формирование у обучающихся субъекта профессиональной деятельности исклю-

чительно важная и актуальная научная и практическая задача. Понятно, что ее решение не может быть простым и очевидным, как многие ученые хотели бы представить. Многочисленные результаты исследований в области изучения становления профессионального сознания показывают, что не только профессиональная рефлексия является составляющей такого субъекта [6, с. 14–37].

Проведенное нами исследование важно с точки зрения определения одного из направлений исследований в этой области. Получившийся результат нами оценивается достаточно оптимистично в плане того, что потенциал этого подхода точно не исчерпан. При этом именно умение не просто решать коммуникативные ситуации, а именно анализировать и профессионально относиться к возникающим трудностям во многом и отличает профессионала от непрофессионала.

Список источников

1. Андреева Г. М., Богомолова Н. Н., Петровская Л. А. Зарубежная социальная психология XX столетия: Теоретические подходы: учеб. пособие для вузов. М. : Аспект Пресс, 2001.
2. Балашова В. А., Ефимкина Н. В. Субъективно-оценочное восприятие трудных ситуаций сотрудниками полиции // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 254–258.
3. Балашова В. А., Котова А. А. Психологические индикаторы профессионального поведения сотрудников органов внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 5. С. 292–300.
4. Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб. : Питер, 1997.
5. Кравцов О. Г., Балашова В. А., Цветков В. Л. Принципы развития психологической готовности сотрудников полиции к служебной деятельности в экстремальных и чрезвычайных условиях // Психология и педагогика служебной деятельности. 2024. № 3. С. 42–46.
6. Позин А. И. Взаимосвязь самореализации и профессиональной деформации личности: дисс. ... канд. психол. наук. М., 2022.
7. Райгородский Д. Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учеб. пособие. Самара, 2000.
8. Родин В. Ф., Балашова В. А. Некоторые проблемы профессионального общения участкового

уполномоченного полиции с гражданами // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 4. С. 259–262.

9. Соболева М. О. Развитие профессионального воображения учителей как средство повышения эффективности образовательного процесса в средней школе // В мире научных открытий. 2013. № 11-1 (47). С. 316–327.

References

1. Andreeva G. M., Bogomolova N. N., Petrovskaya L. A. Foreign social psychology of the XX century: Theoretical approaches: textbook, handbook for universities. M. : Aspect Press, 2001.

2. Balashova V. A., Efimkina N. V. Subjective and evaluative perception of difficult situations by police officers // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 5. P. 254–258.

3. Balashova V. A., Kotova A. A. Psychological indicators of professional behavior of law enforcement officers // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 5. P. 292–300.

4. Baron R., Richardson D. Aggression. St. Petersburg : Peter, 1997.

5. Kravtsov O. G., Balashova V. A., Tsvetkov V. L. Principles of the development of psychological readiness of police officers for official activity in extreme and emergency conditions // Psychology and pedagogy of official activity. 2024. № 3. P. 42–46.

6. Pozin A. I. Interrelation of self-realization and professional deformation of personality: diss. ... cand. psychological sciences. M., 2022.

7. Raigorodskiy D. Ya. Practical psychodiagnostics. Methods and tests: studies. stipend. Samara, 2000.

8. Rodin V. F., Balashova V. A. Some problems of professional communication of the district police commissioner with citizens // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 4. P. 259–262.

9. Soboleva M. O. Development of teachers' professional imagination as a means of improving the effectiveness of the educational process in secondary schools // In the world of scientific discoveries. 2013. № 11-1 (47). P. 316–327.

Информация об авторе

О. Г. Кравцов — доцент кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат психологических наук, доцент.

Information about the author

O. G. Kravtsov — Associate Professor of the Department of Legal Psychology of the Educational and Scientific Complex of Psychology of Official Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 28.04.2025; одобрена после рецензирования 16.05.2025; принята к публикации 06.06.2025.

The article was submitted 28.04.2025; approved after reviewing 16.05.2025; accepted for publication 06.06.2025.

Научная статья

УДК 159.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-244-250>

EDN: <https://elibrary.ru/flebcn>

ИПОН: 2003-0059-3/25-327

MOSURED: 77/27-003-2025-03-526

Психологические особенности эмоционально-деструктивного типа профессиональной деформации личности сотрудников органов внутренних дел

Александр Ильич Позин

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, Po3uh@bk.ru

Аннотация. Рассматривается проблема профессиональной деформации личности сотрудника органов внутренних дел. В ходе исследования был выявлен эмоционально-деструктивный тип профессиональной деформации, который характеризуется выраженностью негативной симптоматики; в данную категорию вошло 27,5 % от общей выборки. В первую очередь, данному типу характерна деформация эмоциональной сферы, что снижает эффективность профессиональной деятельности.

Ключевые слова: эмоционально-деструктивный тип, ситуативно-адаптивный тип, профессиональная деформация личности, эмоциональное выгорание, эмоциональная сфера, интеллектуальная сфера

Для цитирования: Позин А. И. Психологические особенности эмоционально-деструктивного типа профессиональной деформации личности сотрудников органов внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 3. С. 244–250. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-244-250>. EDN: FLEBCN.

Original article

Psychological peculiarities of emotional and destructive type of professional deformation of personality of internal affairs officers

Alexander I. Pozin

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, Po3uh@bk.ru

Abstract. The problem of professional deformation of the personality of internal affairs officers is considered. In the course of the study the emotional-destructive type of professional deformation was revealed, which is characterized by the expression of negative symptoms, this category included 27, 5 % of the total sample. First of all, this type is characterized by deformation of the emotional sphere, which reduces the effectiveness of professional activity.

Keywords: emotionally destructive type, situationally adaptive type, professional personality deformation, emotional burnout, emotional sphere, intellectual sphere

For citation: Pozin A. I. Psychological peculiarities of emotional and destructive type of professional deformation of personality of internal affairs officers. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(3):244–250. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-244-250>. EDN: FLEBCN.

Профессиональная деформация личности сотрудника органов внутренних дел характеризуется изменениями личностных особенностей в негативную сторону под действием профессиональной среды. Можно долго перечислять как особенности личности, которые подвергаются воздействию, так и вариации социального воздействия. Поэтому на данный момент существует множество подходов к пониманию профессиональной деформации личности. Изменения, протекающие в личности сотрудника, можно классифицировать по основным направлениям.

Во-первых, изменения, которые затрагивают реализацию властных полномочий сотрудника. Со временем сотруднику может быть свойственна уверенность в правильности своих поступков и принятых решений.

Во-вторых, развивается эгоизм, личность становится более циничной.

В-третьих, деформация проявляется в негативном взаимовлиянии отдельных качеств личности [3, с. 6].

В современной научной литературе также существует разнообразное проявление профессиональной

© Позин А. И., 2025

деформации личности. В. И. Деев и А. И. Смелов, анализируя проявления профессиональной деформации личности сотрудников органов внутренних дел, связывали их с фактами нарушения действующего законодательства. Авторы классифицировали их на две группы — учтенные и неучтенные. Учтенными являются грубые нарушения, которые приводят к уголовной ответственности. Неучтенные, в свою очередь, это нарушения, которые не несут социальный урон.

Негативное влияние профессиональной деформации личности на социальную сферу и отношение к закону отмечает целый ряд ученых. Оценку собственной профессии как малозначимой, не приносящей обществу пользу, по мнению А. Н. Шатохина, выражает данный феномен. Несколько признаков профессиональной деформации выделяет Л. Н. Колодкин. В-первых, важным признаком является демонстративность своего служебного положения. В-вторых, формирование у сотрудников представления о возможном пренебрежении им законом в собственных интересах и, как следствие, появление чувства безнаказанности. В-третьих, отмечается возможность пренебрежением требованиями служебного распорядка.

Исследуемый нами феномен проявляет себя не только в социальной сфере; скорее негативное в социальном аспекте является следствием изменения эмоционального и поведенческого компонента личности [6]. В. Л. Васильев изучал проявление профессиональной деформации личности у следователей, придя к выводу, что она проявляется как в эмоциональном, так и в когнитивном аспекте. Сотрудники становятся более раздражительными, чаще проявляют агрессию, более грубо общаются с гражданами.

Интересная классификация была предложена Е. А. Змановской и В. Ю. Рыбниковым; авторы объединили симптомы профессиональной деформации в три группы специфических синдромов.

К первой группе авторы отнесли соматические и психофизиологические изменения сотрудника. Появляется большая усталость, которая ранее не наблюдалась, возможно обострение хронических заболеваний, нарушается сон. Данный симптомокомплекс говорит об психофизиологическом истощении.

Вторая группа представляется в обесценивании сотрудником профессиональных достижений. Помимо постоянных жалоб на службу, сотруднику характерен уход от ответственности в ходе выполнения профессиональных задач.

Третья группа также представлена деформацией социального взаимодействия. Сотрудник проявляет циничное отношение к окружающим, что влияет на выполнение поставленных задач [4, с. 70].

Подробное изучение профессиональной деформации личности сотрудников органов внутренних дел посвящены работы А. В. Буданова. По мнению автора данный феномен затрагивает все сферы личности сотрудника правоохранительных органов, влияя не только на взаимоотношения с коллегами, но и на личные контакты. Искажение нравственной сферы личности приводит к ориентировке на внутренний критерий, который не всегда отвечает социальным нормам, поведение приобретает эгоистичный характер, выполнение профессиональных обязанностей начинает носить все более формальный характер [1]. В интеллектуальной сфере проявляется неадекватная оценка сотрудником своих профессиональных возможностей в сторону их гипертрофии; при этом снижается эффективность самостоятельной работы. Для эмоциональной сферы характерно повышение агрессивных тенденций, снижения самоконтроля [2].

Таким образом, можно отметить, что в научной литературе описывается разнообразие проявления профессиональной деформации личности сотрудника правоохранительных органов.

В исследовании были задействованы три методики: методика диагностики уровня эмоционального выгорания В. В. Бойко, методика Спилбергера-Ханина шкала — оценка личностной и реактивной тревожности, методика диагностики уровня невротизации Л. И. Вассермана. На первом этапе исследования был проведен кластерный анализ, использовался частный вид кластерного анализа — метод средних К (рис. 1). Выборка составляла 189 сотрудников. В ходе анализа получены две дифференцированные группы, в первую группу вошли сотрудники с низкими показателями симптомов профессиональной деформации личности (115 сотрудников, 60,8 % от общей выборки) в связи низкими показателями выраженности показателей профессиональной деформации личности, данная группа получила название ситуативно-адаптивный тип. Во вторую группу вошло 52 человека (27,5 % от общей выборки) с выраженными показателями профессиональной деформации; данный кластер получил название эмоционально-деструктивный тип.

Рис. 1. Поведенческие проявления эмоционально-деструктивного типа профессиональной деформации личности сотрудников органов внутренних дел

Согласно табл. 1, отображаются также результаты сравнительного анализа. Как можно отметить по табл. 1 все компоненты имеют значимые разли-

чия. В фазе напряжения особо отличается выраженность симптомов «тревога и депрессия» и «переживания психотравмирующих обстоятельств». У сот-

Таблица 1

Выраженность показателей профессиональной деформации в разных кластерах у сотрудников органов внутренних дел, и их сравнительный анализ

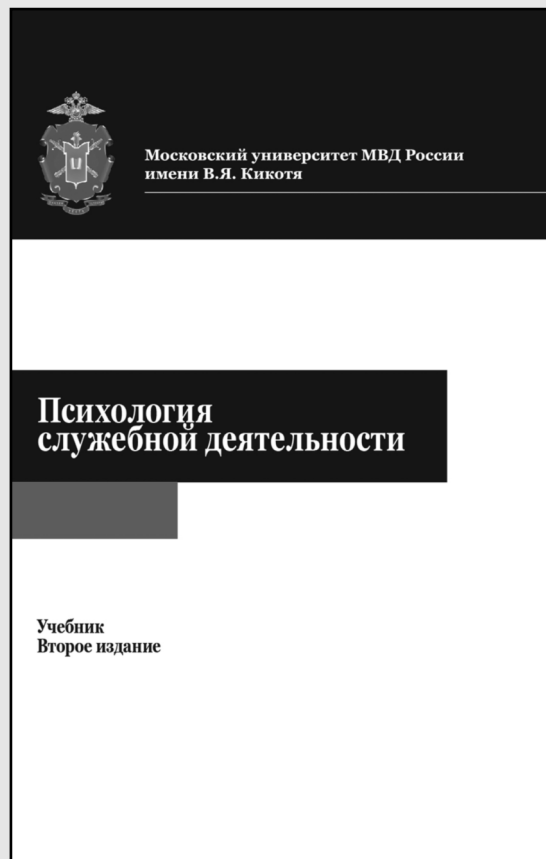
Симптомы профессиональной деформации	Ситуативно-адаптивный тип	Эмоционально-деструктивный тип	W-Вилкоксона	Значимость
Переживание психотравмирующих обстоятельств	2,6	9,8	1040,5	p < 0,0001
Неудовлетворенность собой	2,3	5,8	1682,5	p < 0,0001
Загнанность в клетку	1,2	6,2	1388	p < 0,0001
Тревога и депрессия	1,2	6,8	877,5	p < 0,0001
Неадекватное эмоциональное реагирование	9	14,3	1637,5	p < 0,0001
Эмоционально-нравственная дезориентация	7,7	10,8	2182	p < 0,0001
Экономия эмоций	1,8	6,1	1387,5	p < 0,0001
Редукция профессиональных обязанностей	5,1	12	1338	p < 0,0001
Эмоциональный дефицит	4	8,75	1707,5	p < 0,0001
Эмоциональная отстраненность	6,6	10,5	1792,5	p < 0,0001
Деперсонализация	1	6	1237	p < 0,0001
Психосоматические нарушения	0,9	5	1247	p < 0,0001
Фаза «напряжение»	7,3	28,5	664	p < 0,0001
Фаза «резистенция»	23,6	43,1	943	p < 0,0001
Фаза «истощение»	12,5	29,8	823,5	p < 0,0001
Уровень эмоционального выгорания	43,3	101,5	451	p < 0,0001
Ситуативная тревожность	28,8	37,5	819,5	p < 0,0001
Личностная тревожность	28,3	35,3	765,5	p < 0,0001
Уровень невротизации	4,5	10,5	320,5	p < 0,0001

рудников эмоционально-деструктивного типа отмечается сниженная толерантность к стрессовым воздействиям профессиональной деятельности. Они вполне осознают стресс-факторы службы, но не обладают необходимыми ресурсами для противодействия им. Повышение депрессивно-тревожной симптоматики свидетельствует о том, что сотрудники могут испытывать разочарование в профессии или месте службы, что является одним из проявлений профессиональной деформации личности сотрудника, на что указывали многие авторы. Фаза сопротивления наиболее отличается выраженностью также двух симптомов: экономия эмоций и редукция профессиональных обязанностей. Повышение показателей по симптому «редукции профессиональных обязанностей» является логическим продолжением воздействия стресс-факторов служебной деятельности. Сотрудники эмоционально-деструктивного типа стараются избежать эмоциональной включенности в профессиональную деятельность. Поскольку деятельность сотрудников правоохранительных органов требует от ее субъекта постоянной включенности, как когнитивной, так и эмоциональной, такая манера поведения будет снижать показатели профессиональной эффективности сотрудника, и иметь накопительный характер. Со временем сфера эмоциональной отстраненности будет расширяться и сильнее воздействовать на личность сотрудника. Экономия эмоций говорит о том, что сотрудник не просто отстраняется от эмоциональных контактов во время службы, но и, скорее всего, переносит такую модель поведения в семейные отношения. Естественно, это приводит к еще большей дезадаптации. Поскольку у сотрудника, с одной стороны, снижается возможность психологического и физического восстановления во время отдыха, а с другой стороны, это может быть причиной ухудшения семейных взаимоотношений, что, в свою очередь, усиливает проявления симптомов профессиональной деформации личности. Фаза истощения, в количественном отношении имеет не высокую выраженность как у ситуативно-адаптивного типа, так и у эмоционально-деструктивного типа; существуют также значимые различия, в особенности симптомов деперсонализации и психосоматических нарушений. Деперсонализация может обнаружить себя во всех сферах жизни сотрудника эмоционально-деструктивного типа, поскольку стресс-фак-

**ПСИХОЛОГИЯ
СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

2-е изд., перераб. и доп. Учебник. 351 с.
Гриф МУМЦ
«Профессиональный учебник»
Гриф НИИ образования и науки
Цветков В. Л. и др.

Учебник разработан в соответствии с требованиями Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования третьего поколения по специальности 3705.02 «Психология служебной деятельности». Рассмотрены основы психологической работы в органах внутренних дел. Основное внимание уделяется таким вопросам, как психологическая подготовка сотрудников ОВД, технологии психологической помощи и психологической реабилитации сотрудников ОВД, организация психологической работы в ОВД.

Для курсантов, студентов вузов, психологов, а также всех интересующихся проблемами практической психологии.

торы оставляют свой отпечаток на личностной структуре данных сотрудников. В первую очередь, затрагивается ценностная ориентация сотрудника, они начинают ориентироваться на собственные критерии, которые не всегда являются просоциальными, а могут приобретать антигуманистические черты. Симптом психосоматических расстройств говорит сам за себя. Сотрудник не всегда может выразить свои негативные эмоции во время служебной деятельности по разным причинам. Руководству не говорит о своем отношении к службе исходя из субординации, гражданам — исходя из своих нравственных особенностей. И нереализованные эмоции начинают негативно влиять на физическое здоровье сотрудника эмоционально-деструктивного типа. Исходя из описанной картины, вполне закономерно, что уровень

эмоционального выгорания значительно выше у сотрудников эмоционально-деструктивного типа, в особенности за счет большей выраженности показателей фаз напряжения и резистенции.

Для сотрудников эмоционально-деструктивного типа также характерна повышенная тревожность и невротизация. Как видно из табл. 1, имеются значимые различия как ситуативной тревожности, так и личностной. Для данной категории сотрудников тревожность проявляется не только во время усиления стрессовых воздействий служебной деятельности, что может играть положительную роль, поскольку позволяет более внимательно относиться к выполнению задач в стрессовых ситуациях, но и становиться их личностной особенностью. Поэтому тревожное поведение свойственно даже во время по-

Таблица 2

Факторная структура составляющих профессиональной деформации у сотрудников с эмоционально-деструктивным типом

Компоненты	Эмоционально-дезорганизованный фактор	Эмоционально-невротический фактор	Депрессивно-невротический фактор	Фактор тревожности
Переживание психотравмирующих обстоятельств	-0,05	0,78	0,04	-0,06
Неудовлетворенность собой	0,47	0,13	0,22	0,04
Загнанность в клетку	0,68	0,03	0,16	0,26
Тревога и депрессия	0,01	-0,02	0,93	0,02
Неадекватное эмоциональное реагирование	0,13	0,59	-0,11	-0,23
Эмоционально-нравственная дезориентация	0,41	0	0,02	-0,12
Экономия эмоций	0,04	0,7	0,05	0,23
Редукция профессиональных обязанностей	0,31	0,04	0,38	-0,35
Эмоциональный дефицит	0,48	0,29	-0,15	0,24
Эмоциональная отстраненность	0,75	-0,12	-0,04	-0,11
Деперсонализация	0,53	0,38	-0,01	-0,18
Психосоматические нарушения	0,23	0,36	0,25	0,08
Ситуативная тревожность	0,12	0,1	0,1	0,61
Личностная тревожность	-0,03	-0,15	0,02	0,53
Уровень невротизации	-0,12	0,41	0,44	0,03

вседневной деятельности, которая не требует высокой эмоциональной включенности.

На втором этапе был проведен факторный анализ (табл. 2), который позволяет лучше оценить психологическую структуру эмоционально-деструктивного типа профессиональной деформации личности сотрудников правоохранительных органов.

Первый фактор получил названия эмоционально-дезорганизованный, и в него, со значимыми весами, вошли следующие компоненты: неудовлетворенность собой, загнанность в клетку, эмоционально-нравственная дезорганизация, эмоциональный дефицит, эмоциональная отстраненность и деперсонализация. Все это свидетельствует о том, что данная категория сотрудников проявляет признаки профессиональной деформации именно в дезорганизации эмоционального компонента, можно сказать, что профессиональная деформация личности начинается с эмоциональной сферы сотрудников. Обращает на себя внимание, что дезорганизация эмоциональной сферы не связана с повышением тревожности и невротизации. Скорее это приводит к агрессивному поведению, с проявлением нетерпимости, бестактности.

Второй фактор включает в себя переживание психотравмирующих обстоятельств, неадекватное эмоциональное реагирование, экономию эмоций и невротизацию; он получил название эмоционально-невротический фактор. Появление невротизации, свидетельствует о том, что социальные контакты еще более затрудняются.

В третий фактор, со значимыми весами, вошли невротизация и симптом эмоционального выгорания «тревога и депрессия», данный фактор получил название депрессивно-невротический. Симптомкомплекс данного фактора свидетельствует об отсутствии негативных эмоциональных проявлений в ходе межличностного взаимодействия, отсутствие агрессивных тенденций. Однако, сотрудники проявляют тревожно-депрессивную симптоматику.

В четвертый фактор вошла ситуативная и личностная тревожность; данный фактор получил название фактор тревожности. В нем также не наблюдается эмоциональная дезорганизация, однако сотрудники испытывают систематическую тревожность в процессе выполнения служебных обязанностей, что может выражаться в невнимательности, допущении ошибок, к примеру при работе с документами.

Таким образом, как видно из рис. 1, эмоционально-деструктивный тип профессиональной деформации сотрудников органов внутренних дел может проявляться в двух формах: активной и пассивной. Для активной формы характерна выраженная профессиональная деформация эмоциональной сферы сотрудников, что влияет на снижение эффективности межличностного взаимодействия. Пассивная форма характеризуется, во-первых, замкнутостью сотрудника, преобладанием депрессивных реакций, во-вторых, уровнем тревожности, как ситуативной, так и личностной.

Список источников

1. Балашова В. А., Ефимкина Н. В. Субъективно-оценочное восприятие трудных ситуаций сотрудниками полиции // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 254–258.
2. Буданов А. В. Работа с сотрудниками органов внутренних дел по профилактике профессиональной деформации. М., 1990.
3. Бурцева Е. В., Черномаз В. А. Особенности профессиональной деформации сотрудников ОВД и основные направления противодействия ее проявлениям в современных условиях: предложения по совершенствованию деятельности. Владивосток, 2008.
4. Змановская Е. В., Рыбников В. Ю. Девиантное поведение личности и группы. СПб., 2010.
5. Кравцов О. Г., Балашова В. А., Цветков В. Л. Принципы развития психологической готовности сотрудников полиции к служебной деятельности в экстремальных и чрезвычайных условиях // Психология и педагогика служебной деятельности. 2024. № 3. С. 42–46.
6. Цветков В. Л., Балашова В. А., Пустовитова Д. А., Хрусталева Т. А. Психологическая устойчивость и готовность сотрудников полиции к служебной деятельности в экстремальных условиях // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2024. Т. 29. № 2 (97). С. 133–139.

References

1. Balashova V. A., Efimkina N. V. Subjective and evaluative perception of difficult situations by police officers // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 5. P. 254–258.

2. Budanov A. V. Work with employees of internal affairs bodies to prevent occupational deformity. M., 1990.

3. Burtseva E. V., Chernomaz V. A. Features of professional deformity of police officers and the main directions of countering its manifestations in modern conditions: suggestions for improving activities. Vladivostok, 2008.

4. Zmanovskaya E. V., Rybnikov V. Yu. Deviant behavior of individuals and groups. SPb., 2010.

5. Kravtsov O. G., Balashova V. A., Tsvetkov V. L. Principles of development of psychological readiness of police officers for official activity in extreme and emergency conditions // Psychology and pedagogy of official activity. 2024. № 3. P. 42–46.

6. Tsvetkov V. L., Balashova V. A., Pustovitova D. A., Khrustaleva T. A. Psychological stability and readiness of police officers for official activity in extreme conditions // Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2024. Vol. 29. № 2 (97). P. 133–139.

Информация об авторе

А. И. Позин — старший преподаватель кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат психологических наук.

Information about the author

A. I. Pozin — Senior Lecturer of the Department of Legal Psychology of the Educational and Scientific Complex of Psychology of Service Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kicot', Candidate of Psychological Sciences.

Статья поступила в редакцию 28.04.2025; одобрена после рецензирования 16.05.2025; принята к публикации 06.06.2025.

The article was submitted 28.04.2025; approved after reviewing 16.05.2025; accepted for publication 06.06.2025.

	<p>ПСИХОЛОГИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ</p> <p>3-е изд., перераб. и доп. Учеб. пособие Гриф НИИ образования и науки Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник» Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований Под ред. В. Л. Цветкова, Н. А. Кузьмина, И. Б. Лебедева, А. Ю. Федотова</p> <p>Учебное пособие включает систему основных понятий психологии оперативно-розыскной деятельности, рекомендации эффективного самоопределения в ситуациях взаимодействия с лицами, представляющими оперативный интерес, а также основы психотехники решения профессиональных задач сотрудниками органов внутренних дел. Его содержание соответствует рабочим программам учебной дисциплины для обучающихся по специальностям 40.05.02 «Правоохранительная деятельность» и 40.03.02 «Обеспечение законности и правопорядка».</p> <p>Для курсантов, слушателей, студентов, преподавателей образовательных организаций, практических работников и всех тех, кто интересуется проблемами психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел.</p>
---	---